

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Е.И. Чапкевич** — Русская гвардия в Февральской революции 3
- Т.Л. Лабутина** — Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I 17

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В.Ж. Цветков** — Николай Николаевич Юденич 37

ВОСПОМИНАНИЯ

- К.И. Глобачев** — Правда о русской революции 60

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Шляпников** — За хлебом и нефтью 85

СООБЩЕНИЯ

- Г. Карпи** — Были ли славянофилы либералами? 112
- М.М. Казаков** — «Обращение» Константина I и миланский эдикт 120
- Т.Ю. Юренева** — Коллекции и коллекционеры античного мира 136

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.Л. Прохоров** — Предприниматели Прохоровы: традиции и проблемы благотворения 149
- Е.М. Собко** — Анна Павловна — королева Нидерландов 153

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.А. Шейн** — О контрнаступлении М.И. Кутузова в 1812 году 156
- Н.А. Мининков** — В.М. Соловьев. История Отечества. Популярная энциклопедия 161
- М.Ю. Лачаева** — А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. Источниковедение отечественной истории 162
- В.Е. Семенов, М.В. Рабжаева** — Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны 165
- В.И. Уколова** — И.С. Филиппов. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма 167
- Р.Г. Ланда** — А.М. Васильев. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.) 169
- Л.В. Селезнева** — А. Ашер. П.А. Столыпин. Поиск стабильности в позднеимперской России 172

Русская гвардия в Февральской революции

Е.И. Чапкевич

Начавшаяся стихийно в Петрограде в феврале 1917 г. революция одержала победу во многом благодаря поддержке, оказанной забастовавшим рабочим солдатами запасных батальонов полков гвардии. Они стали основной вооруженной силой, нанеся смертельный удар царскому самодержавию.

Запасные батальоны всех гвардейских полков были созданы в августе 1914 г. Они предназначались для подготовки пополнения полков, действовавших на фронте. В Петрограде находились 12 запасных батальонов гвардейских пехотных полков, а также запасные батальоны Саперного полка, Гвардейского флотского экипажа и 3-го гвардейского стрелкового полка.

Запасные батальоны остальных стрелковых полков были дислоцированы в Царском Селе. Все эти части были объединены в запасную бригаду под командованием генерала Чебыкина и подчинены Петроградскому военному округу и штабу войск гвардии. В общей сложности в начале 1917 г. в запасных батальонах гвардейских полков в Петрограде насчитывалось около 100 тыс. человек.

Подготовка пополнения для полков гвардейской кавалерии осуществлялась в запасном полку, находившемся в Новгородской губернии. Ремонтный конский состав гвардейской кавалерии располагался в Луге, где специально подобранные команды обучали лошадей выезде и действиям в кавалерийском строю.

В каждом из запасных пехотных батальонов гвардии насчитывалось от 4-х до 6-ти тыс. нижних чинов переменного состава. В некоторых из них было свыше 8 тысяч нижних чинов. После подготовки или переподготовки они в составе маршевых рот отправлялись на фронт.

Переменный состав в большинстве запасных батальонов состоял из четырех рот, от одной до трех учебных команд, готовивших унтер-офицеров, и пулеметной команды. В запасных батальонах проходили обучение молодые новобранцы, запасные старших возрастов и ратники ополчения. Одна из рот состояла из побывавших в боях гвардейских солдат, которые оказались в запасных батальонах после ранения или излечения болезни.

Подготовка в запасных батальонах в зависимости от категории обучаемых продолжалась от 6 недель до 4 месяцев. Солдаты здесь занимались строевой подготовкой, штыковым боем, стрельбой, тактикой пехотного боя в

Чапкевич Евгений Иосифович — доктор исторических наук, профессор Орловского государственного университета.

составе отделения, взвода и роты. Однако оружия и патронов для обучения не хватало. В запасных батальонах на 5 тыс. солдат приходилось не более 2 тыс. винтовок. На обучение нижних чинов стрельбе отпускалось по 12 патронов на солдата ¹. При такой подготовке боевые навыки солдат-новобранцев были низкими и не шли ни в какое сравнение с уровнем солдат-гвардейцев довоенного времени.

Наиболее боеспособными в запасных батальонах являлись учебные команды, где было немало солдат, уже побывавших на фронте. Учебные команды считались самыми боеспособными.

Подготовку нижних чинов в запасных батальонах осуществляли офицеры, выделенные из полков, а также те из них, кто по ранению признавался не годным к боевой службе на фронте или получал временное освобождение от нее для долечивания по ранению. В качестве младших офицеров использовались прапорщики — выпускники военно-учебных заведений ускоренного курса обучения. По своему уровню подготовки они сильно отличались от кадровых гвардейцев и нуждались в дополнительном обучении и приобретении командных навыков. Для них в запасных батальонах были созданы офицерские классы с трехмесячным курсом подготовки. Только после сдачи экзамена специальной комиссии кандидаты на зачисление в гвардейский полк включались в его офицерский состав. За годы войны в результате потерь офицерский корпус гвардии был заметно разбавлен лицами недворянского происхождения, что вызывало раздражение коренных гвардейцев, сторонников кастовости и полковых традиций.

Еще в большей мере изменился за время войны состав нижних чинов гвардейских полков. Он был не сравним с довоенным контингентом. В запасные батальоны поступали новобранцы — в основном крестьяне, недозволенные реквизициями, ростом налогов и цен. Несмотря на проверку их политической благонадежности, осуществляемой уездными воинскими присутствиями и органами охраны, в гвардию стали попадать люди, подвергшиеся революционному воздействию. Особенно это касалось рабочих, которых до войны старались не призывать в это элитное войско. Как отмечал в своих воспоминаниях начальник учебной команды запасного батальона Московского полка штабс-капитан Дуброво — 1-й, «с началом войны к нам стало поступать много преступного и испорченного элемента» ². Аналогичная картина наблюдалась и в других запасных батальонах пехотных гвардейских полков. По мере продолжения войны состав запасных нижних чинов еще более ухудшался. Все это вело к разрушению старых гвардейских традиций, изменению взаимоотношений между солдатами и офицерами, к изживанию довоенного духа патриархальности и патернализма.

Сосредоточение в Петрограде огромного количества запасных солдат, среди которых было не мало лиц, ранее в гвардии не служивших, стало внушать опасения некоторым генералам и офицерам, которые уже в 1915 г. боялись возможного революционного взрыва с их участием. Так, полковник Б.В. Геруа, побывав в это время в Петрограде, подал начальству рапорт с предложением вывести запасные батальоны из столицы ³. Однако его предложение было оставлено без рассмотрения. Амбициозный генерал Чебыкин вынашивал планы преобразовать запасную гвардейскую бригаду в дивизию и даже получил поддержку военного министра А.А. Поливанова. Вплоть до самой революции запасные батальоны оставались в Петрограде, несмотря на опасения дальновидных офицеров и генералов.

Накануне революции переменный состав запасных батальонов состоял из новобранцев, призванных из Петрограда и соседних северо-западных губерний. Среди них было много рабочих, большинство которых было настроено враждебно к продолжению войны. Горячего желания отправиться поскорее на фронт воевать за чуждые им интересы они не испытывали. Еще в меньшей мере этого желали старослужащие, которые уже побывали в боях и многие из которых уже были ранены, нередко по несколько раз.

На настроения в запасных батальонах гвардии, как и во всей армии в

целом, влияла политическая обстановка в стране и положение на фронте. Особенно раздражало солдат отсутствие успехов и неспособность командования добиться перелома в войне, неумение правительства приостановить рост цен. Характеризуя психологию вооруженных масс накануне Февральской революции, генерал А.А. Брусилов писал позднее в своих мемуарах: «В толще армии, в особенности в солдатских умах, сложилось убеждение, что при подобном управлении, что ни делай, толку не будет, и выиграть войну таким порядком нельзя. Прямым последствием этого убеждения являлся вопрос: за что же жертвовать своей жизнью, не лучше ли ее сохранить для будущего»⁴.

Более конкретным свидетельством настроений в запасных батальонах накануне Февральской революции является письмо солдат-павловцев, направленное своим боевым товарищам в действующую армию вскоре после победы восстания в Петрограде. В нем говорилось: «Полные доверия к старому правительству солдаты шли на смерть ради будущего счастья дорогого отечества. Но по мере продолжения войны в сознание народа стало проникать убеждение, что правительство не только не способно справиться с великой национальной задачей, но больше того, стало очевидным, что оно толкает нашу Родину в ужасную пропасть гибели и поражения. Тайные и явные предательства в отношении Родины, преступные влияния темных сил на направление внутренней и внешней политики, полное игнорирование и недопустимо-презрительное отношение правительства ко всему русскому народу в лице его лучших избранников — членов Государственной думы, полное расстройство и дезорганизация всей страны заставили наконец народ и армию свергнуть старую власть ради спасения великодержавной России»⁵.

Неспособность Николая II навести порядок в стране, покончить с правительственной чехардой и добиться успехов в войне вызывали критику в его адрес как в общественном мнении, так и среди гвардейского офицерства. Как записал в дневнике в самом начале Февральской революции капитан 2-го гвардейского стрелкового батальона А.А. Артоболевский, убийство Распутина не только не успокоило офицерское мнение, а, наоборот, обострило его критическое отношение к правительственному режиму и подорвало остатки доверия к Николаю II. «Общество, — писал он, — стало открыто восставать против самодержавия и требовало ответственного министерства. Эти же идеи проникали в военную среду, даже в ряды гвардии и царствующего дома»⁶. Такое настроение было присуще и части офицеров других запасных батальонов гвардии.

Определенную роль в росте недовольства нижних чинов запасных батальонов сыграло и ухудшение снабжения. Начиная с осени 1916 г., нормы довольствия как на фронте, так и в тылу, были сокращены. В гвардии нижним чинам стали выдавать по 2 фунта хлеба в день, по 0,5 фунта мяса, сократив выдачу в полтора раза. Были введены, особенно в тылу, 3 постных дня в неделю, когда нижним чинам вместо мяса варили в супе треску или воблу⁷. Артоболевский записал в дневнике: «Был на обеде стрелков. Пища скверная, как уже давно. Щи недоваренные, жидкие. Мясо жесткое. Порции неполные. Сегодня варят вместо каши чечевицу, очень неважную и нечистую. Помоему, это плохо. Скверная пища может дать повод к недовольству»⁸.

Такая же картина наблюдалась и в других запасных батальонах гвардии. Снабжение войск действующей армии было несколько лучше, но и здесь три дня в неделю были постными. Особенно ухудшилось, по сравнению с довоенным временем, довольствие гвардейских частей, которое к концу 1916 г. мало чем отличалось от снабжения армейских полков.

Снижение норм довольствия отразилось на психологии солдат. Это стало одной из причин обвинения ими командования в неспособности, казнокрадстве, измене. «Русская армия, — отмечает В.П. Булдаков, — состоявшая в основном из бывших крестьян, острее всего реагировала на нехватку продовольствия, хотя по ту сторону линии фронта питание солдат было хуже. Русский солдат ни как не мог поверить, что власть может оставить его голодным в окопах»⁹. И хотя в войсках гвардии не было бунтов и волнений на этой почве, глухое недовольство ухудшением снабжения проявлялось и здесь.

Нижние чины запасных батальонов гвардии размещались в казармах своих полков. Их личный состав нередко превышал в 3-3,5 раза численность довоенных полков. Поэтому солдаты спали на трех-четырех ярусных койках в обстановке большой скученности и антисанитарии. К тому же они подвергались жестокой муштре, порой бессмысленной. Командиры старались сделать из новобранцев образцовых солдат за короткий срок, не останавливаясь зачастую перед прямыми издевательствами. Грубая и жестокая муштра достигала нередко беспредела, и тогда низшие чины просили поскорее отправить их на фронт. Так, солдаты учебной команды запасного батальона Московского полка подали на имя командира бригады 21 февраля (6 марта) 1917 г. прошение, где говорилось: «Пусть мы умрем на позициях честной солдатской смертью на поле брани и за защиту своего Отечества, нежели здесь в руках взводных и отдельных наших учителей»¹⁰.

При таких бытовых условиях и довольствии на фоне жестокой муштры и близкой перспективы оказаться в окопах запасные батальоны гвардии в Петрограде представляли собой горючий материал, готовый вспыхнуть в любой момент в обстановке нарастания социальной напряженности. Давая характеристику запасному батальону Финляндского полка накануне Февраля 1917 г., капитан Д.И. Ходнев, оказавшийся в Петрограде после многих фронтовых ранений в должности начальника учебной команды, писал: «Наш запасный батальон обслуживал Васильевский остров. Строевые роты батальона, как я уже говорил, представляли из себя ненадежный элемент, полагаться на них было нельзя, их следовало бы держать в казармах под строгим неусыпным надзором офицеров»¹¹. Однако обстановка требовала от командования Петроградского военного округа использования гвардейских запасных батальонов для борьбы с забастовочным движением. Других войск в Петрограде практически не было.

Для устрашения рабочих предприятий Выборгской стороны власти неоднократно устраивали марши расквартированного здесь Московского полка, который с оркестром и при оружии проходил по Б. Сампсониевскому проспекту, не давая рабочим скапливаться на улицах. Караулы от запасного батальона этого полка размещались на предприятиях Выборгской стороны.

Наряды и караулы от запасных батальонов других гвардейских полков несли службу на Охтенском пороховом заводе, на Трубочном заводе, на Ижорском заводе в Колпино. 20 февраля (5 марта) 1917 г. на последнем из них вспыхнула забастовка, вызванная несвоевременной выдачей зарплаты и продовольственного пайка. Рабочие прекратили работу и сорвали выполнение военного заказа. В связи с этим на Ижорский завод были направлены две роты запасного батальона 1-го стрелкового гвардейского полка с целью запугать рабочих и заставить их приступить к работе. Но начавшиеся в Петрограде демонстрации не позволили властям приступить к подавлению забастовки. Однако общение с рабочими на Ижорском заводе наложило определенный отпечаток на настроения стрелков.

Находясь на предприятиях, нижние чины подвергались соответствующей обработке и революционной пропаганде со стороны рабочих. К тому же на них действовал вид огромных очередей у булочных, где, случалось, стояли их родственники и близкие. Много об обстановке в стране запасные узнавали из листовок, которые распространялись в Петрограде левыми партиями.

Характеризуя обстановку в петроградском гарнизоне в начале 1917 г., приехавший в столицу в отпуск Геруа писал: «Запасные батальоны гвардии в Петербурге по числу людей — дивизии, забрасывались прокламациями и всякой революционной литературой. При моем проезде через Петроград в январе мне рассказал об этом наводнении П.В. Данильченко, командовавший полчищами праздных и невооруженных людей в разбросанном квартале лейб-гвардии Измайловского полка. Он показал мне образцы листовок, которые постоянно какими-то путями попадали в казармы. Дисциплина, как говорил мне энергичный, но в этом случае бессильный командир, висела на волоске. На одного офицера приходилось несколько сот полумужиков. Влиять на них

было трудно, держать твердо в руках невозможно. Такая плачевная организация запасных частей в Петербурге была преступлением. Она явилась одной из причин такого быстрого успеха уличного бунта, превратившегося в общий революционный пожар»¹².

Офицерские кадры запасных батальонов в большинстве своем состояли, как уже отмечалось, из прапорщиков военного времени. В результате изменений в системе комплектования офицерского корпуса даже в гвардейские полки попадали прапорщики и подпоручики, придерживавшиеся демократических воззрений. В дни начавшейся Февральской революции некоторые из них были вместе с солдатами, отказываясь стрелять в народ. Однако большинство офицеров гвардии, несмотря на критическое отношение к политике правительства, было настроено к революционным событиям в Петрограде враждебно, но не будучи организованным высшим командованием, оказалось бессильным.

К тому же следует отметить малочисленность в запасных батальонах кадровых офицеров, которые прошли подготовку в довоенное время и были воспитаны в духе преданности царю. К началу революции в запасном батальоне Измайловского полка из 54 офицеров только 14 были кадровыми. В запасном батальоне 2-го стрелкового гвардейского полка оставалось всего 6 кадровых офицеров на 2600 нижних чинов.

При этом не надо идеализировать кадровых офицеров, которые по разным причинам оказались в запасных батальонах. Как правило, это были израненные люди, которые в обстановке социального кризиса и психологического надрыва, всеобщей коррупции и других «прелестей» тыла сильно изменились не в лучшую сторону. Видимо, прав Булдаков, когда утверждает, что офицеры своим поведением сами давали повод недовольства солдатской массе казнокрадством, шкурничеством и карьеризмом. «К тому же, — пишет он, — следует заметить, что далеко не все гвардейские офицеры, особенно в запасных батальонах, были носителями лучших традиций и благородства. Некоторые из них даже превосходили армейских офицеров в пьянстве, казнокрадстве,... Многие являлись носителями вредных повадок и настроений...»¹³. Такие офицеры не пользовались у нижних чинов авторитетом и не могли удержать солдатскую массу от выступления на стороне рабочих, даже заперев ее в казармах. Солдатского бунта можно было ожидать в любое время, и он начался в Петрограде.

Командование Петроградского военного округа еще до начала событий понимало, какая серьезная опасность может исходить от солдат запасных батальонов. Поэтому в январе 1917 г. Ставка распорядилась перебросить в Петроград с фронта гвардейские кавалерийские дивизии. 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии был отдан приказ грузиться в Ровно в вагоны и двигаться на Петроград. Командование Петроградского округа даже начало готовить казармы для размещения Кавалергардского полка. Но не успели полки этой дивизии начать погрузку, как последовал новый приказ — на Петроград будет двинута 3-я Гвардейская кавалерийская дивизия, три полка которой были казачьими. Однако и она не тронулась с места и осталась в районе Ровно.

После революции и гражданской войны в мемуарной и исторической литературе в эмиграции многие авторы утверждали, что если бы гвардейская кавалерия была вовремя перебросена в Петроград, то она сумела бы задуть революционное выступление в самом начале, так как в ней сохранился большой процент старослужащих, испытывавших верность и преданность Николаю II. Но этого не произошло. Ни в Ставке, ни в других командных структурах не нашлось человека, способного проявить твердость и распорядительность. И в итоге, как метко заметил Геруа, наступил «паралич фронтового начальства и никто не хотел принимать на себя ответственность»¹⁴.

Такое бездействие власти во многом определило победоносный исход Февральской революции в Петрограде, но решающую роль при этом сыграл переход на сторону рабочих войск петроградского гарнизона. Первыми про-

тив самодержавия выступили запасные батальоны Павловского, Волынско-го, Литовского, Преображенского, Саперного гвардейских полков.

Накануне 26 февраля (11 марта) подразделения Павловского полка на Невском проспекте применили оружие против демонстрантов. И хотя человеческих жертв не было, сам факт участия павловцев в подавлении народного выступления сильно подействовал на настроения запасных. С криками «ни за что мы не примем народную кровь на белые павловские петлицы» 4-я рота в 3 часа дня 26 февраля овладела цейхгаузом и вооружилась. Здесь оказалось всего 30 винтовок, но это не остановило павловцев. Они вышибли ворота казарм и смешались с рабочими. Попытки офицеров загнать солдат в казармы завершились неудачей, и мятежная рота под командованием молодого прапорщика, имя которого осталось для истории неизвестным, вышла на Екатерининский канал и двинулась в сторону Невского проспекта¹⁵. Здесь началась перестрелка с городовыми, в ходе которой павловцы израсходовали свой небольшой боезапас и вынуждены были возвратиться в казармы.

Мятежная рота не получила поддержки других подразделений батальона, что позволило офицерам окружить казармы, выставить против ворот пулеметы и приступить к арестам. Ночью было арестовано 19 солдат 4-й роты. Они были отправлены под усиленным конвоем в Трубецкой рavelин Петропавловской крепости. Всех их ожидал расстрел. Но от неминуемой смерти их спасло начавшееся восстание в Волынском полку, перекинувшееся на другие запасные батальоны гвардии.

Учебная команда Волынского полка использовалась командованием гарнизона для разгона рабочих демонстраций. 25 февраля (10 марта) она получила приказ идти на Знаменскую площадь и нести там боевое дежурство с 8 утра до 12 часов ночи. Здесь в 11 часов дня рота учебной команды открыла огонь по демонстрантам у памятника Александру III. Старший унтер-офицер Тимофей Кирпичников, обходя строй с тыльной стороны, уговаривал своих товарищей не причинять вреда демонстрантам. Вечером учебную команду волынцев увели в казармы в Виленском переулке. Но утром следующего дня волынцев вновь повели на Знаменскую площадь, приказав никого из демонстрантов не пропускать на Невский проспект. К полудню огромная толпа народа двинулась от Гончарной улицы к Невскому, но была встречена пулеметной и ружейной стрельбой. Начальник учебной команды волынцев капитан Лашкевич, отличавшийся жестокостью и грубостью, требовал от своих подчиненных стрелять на поражение и угрожал им строгими карами за невыполнение приказа. Выхватывая у солдат винтовки, он пытался сам стрелять из них в демонстрантов. Все это удручающее действовало на солдат, и они угрюмо молчали пока с наступлением темноты их не увели в казарму.

Наступила ночь на 27 февраля, но, как пишет летописец этих событий в Петрограде И.С. Лукаш, в памяти солдат вставала картина «воюющей толпы на Гончарной, люди, прижатые к наглухо запертым воротам домов, трескотня залпов, дым, темная кровь на белом снегу»¹⁶. Впечатление от этого было столь сильным, что волынцы давали друг другу слово больше на подавление демонстраций не выходить. Особую активность проявили взводные унтер-офицеры и командиры отделений, которые во главе с Кирпичниковым приняли решение ни при каких обстоятельствах больше в народ не стрелять. И когда на следующее утро учебную команду построили в коридоре казармы, чтобы вновь отправить на Знаменскую площадь, солдаты отказались повиноваться. Разъяренный Лашкевич выбежал во двор за подмогой и тогда из окна ему в спину прогремел выстрел, оборвавший его жизнь.

Кирпичников вывел учебную команду за ворота казармы, а за ней последовал весь батальон. Восставшие волынцы двинулись к казармам Литовского полка, солдаты которого перешли на сторону революции. Смешавшись с толпой, они подошли к казармам Саперного полка, где были встречены музыкой. Вскоре к восставшим присоединились и солдаты Преображенского полка.

Преображенский полк размещался в казармах на Миллионной и Таврической улицах. Та часть запасных, которая была дислоцирована на Милли-

онной, начиная с 24 февраля (9 марта), несла службу у Полицейского моста. 1-я рота преображенцев под командованием офицеров Скрипицына, Селецкого и Розеншильда старалась не прибегать к оружию и уговаривала демонстрантов на Невском разойтись. Более того, они прилагали усилия к тому, чтобы предотвратить столкновение народа с городскими, готовыми применить оружие. 25 и 26 февраля картина повторилась: солдаты и офицеры уговаривали демонстрантов разойтись. А 27 февраля офицеры полка приняли решение вывести свои подразделения на Дворцовую площадь, куда к полудню пришли роты Егерского и Петроградского полков. Офицеры-преображенцы приняли здесь решение «ничем не препятствовать революции, но внести порядок в ее мятущийся поток, избежать кровопролития... и предъявить требования народа правительству»¹⁷. За этим решением скрывалось намерение офицеров не допустить кровопролития и тем самым не довести дело до углубления революции. Эту точку зрения капитан Скрипицын изложил командующему округом генералу С.С. Хабалову, однако тот вначале не понял позиции капитана, обвинил его в измене и пригрозил арестом. Лишь после разъяснения, данного старшими офицерами-преображенцами, Хабалов согласился с их предложением собрать запасные батальоны гвардейских полков на Дворцовой площади для обороны Зимнего дворца.

По другому складывались события в той части Преображенского полка, которая квартировала на Таврической улице. Как только волынцы подошли к ее казармам, вторая рота запасного батальона, которая состояла в основном из нижних чинов, побывавших в боях, без офицеров присоединилась к ним. Был открыт полковой цейхгауз, и началось вооружение восставших винтовками и пулеметами. Огромная масса солдат Волынского, Литовского, Преображенского и Саперного полков двинулась по Кирочной улице на Литейный проспект. Вместе с ними были рабочие, студенты, обыватели. На Литейном проспекте были разгромлены здания жандармского управления и Окружного суда. Восставшие овладели Арсеналом и началось вооружение народа. Это стихийное движение устремилось к Литейному мосту, имея цель пробиться на Выборгскую сторону. Здесь восставшие надеялись получить поддержку рабочих многочисленных предприятий и запасного батальона Московского полка, на подступах к казармам которого разгорелась вооруженная борьба, о которой оставил воспоминания капитан Дуброво-1-й.

Обстановка в казармах Московского полка уже 26 февраля (11 марта) сложилась крайне тревожная. Предвидя возможность нападения рабочих Выборгской стороны на ворота казарменного двора, командир запасного батальона приказал своим подчиненным находиться в полной боевой готовности. Утром 27 февраля были отправлены караулы на заводы и фабрики Выборгской стороны. Командование батальона ожидало вооруженного столкновения, и оно не заставило себя долго ждать. Около 10 часов утра у ворот казармы появились автомобили, в которых находились рабочие, студенты и солдаты, пробившиеся на Выборгскую сторону через Литейный мост. Московцы открыли по ним стрельбу со стороны Сампсониевского и Лесного проспектов, не давая возможности восставшим прорваться во двор казармы. Однако сопротивление москвичей продолжалось недолго. 3-я рота батальона, состоявшая из старослужащих, отказалась стрелять, а ее командир поручик Вериго был убит. Вскоре был убит и прапорщик Шебунин, под командованием которого оборонялись ворота казарменного двора со стороны Лесного проспекта¹⁸. К 5 часам вечера сопротивление москвичей было сломлено, и они перешли на сторону революции. Таким образом, уже днем 27 февраля восставшие контролировали большой район Петрограда. Особенно власти встревожились, когда к 11 часам утра в штаб округа поступили сведения, что на Литейном проспекте идет разгром правительственных учреждений.

В срочном порядке для подавления этого очага восстания по приказу Хабалова был сформирован отряд под командованием находившегося в Петрограде в отпуске полковника Преображенского полка А.П. Кутепова, известного своей решительностью. В отряд вошли две роты Преображенского

полка, рота Кексгольмского полка, пулеметная команда и полтора эскадрона кавалерии — в общей сложности около тысячи человек. С этими силами Кутепов принялся очищать от восставших район, прилегающий со стороны Литейного проспекта к Московскому вокзалу и Сергиевской улице. Однако в отряде началось брожение и его солдаты слились с толпами восставших. Они приняли участие в захвате Литовского замка. В бессильной ярости Кутепов вечером 27 февраля, опасаясь расправы, вынужден был скрыться.

Однако Хабалов еще не терял надежды при помощи других полков гвардии подавить восстание. Он поддержал инициативу преображенских офицеров стянуть на Дворцовую площадь гвардейские части для защиты зашатавшегося режима. Пришли батальоны ряда гвардейских полков за исключением Семеновского и Измайловского. Те части, которые уже 27 февраля были охвачены восстанием, на площадь не пришли. Прибывшие на площадь части, протоптавшись бесцельно на месте, вечером 27 февраля вернулись в свои казармы. Пассивно повели себя и солдаты гвардейских полков, посланные на защиту Адмиралтейства, где разместился штаб по подавлению революции. Уже с вечера 27 февраля (12 марта) началось шествие воинских частей к зданию Таврического дворца, где находился Временный комитет Государственной думы и вскоре стало формироваться Временное правительство.

Вечером 27 февраля командование запасного батальона Преображенского полка сообщило в Таврический дворец по телефону о своей верности Временному правительству. На все приказы Хабалова выступить на подавление революции преобразенцы отвечали отказом. А утром 28 февраля запасной батальон Преображенского полка с оркестром двинулся к Таврическому дворцу. Такой же путь проделали батальоны и других гвардейских полков Петрограда. Их шествие, выражавшее преданность Временному правительству, было продолжено 1(14) марта. В этот день к Государственной думе прибыл Гвардейский флотский экипаж во главе со своим командиром — великим князем Кириллом Владимировичем, приколовшим к своему форменному пальто красный бант — символ революции.

Не поддержали самодержавие и гвардейские стрелки в Царском Селе. Все попытки офицеров двинуть свои части на революционный Петроград наталкивались на глухое сопротивление нижних чинов и они, боясь расправы, вынуждены были укрываться по квартирам. К тому же командовавшие стрелковыми батальонами офицеры не имели разработанного плана действий, получая из Петрограда крайне противоречивые приказы.

В выступлении запасных гвардейских батальонов против самодержавия приняла участие лишь небольшая часть офицеров, преимущественно младших чинов. Все старшие офицеры остались на стороне контрреволюции или проявили растерянность. Многие офицеры стали жертвами расправы со стороны солдат. Уже 26 февраля был убит полковник Павловского полка Экстен. 27 февраля в Преображенском полку был убит командир батальона полковник Богданович и офицеры: Эссен, племянник известного адмирала, командующего Балтийским флотом до 1916 г. Н.О. Эссена, и Соловьев. Был убит командир запасного батальона в Литовском полку. А 1(14) марта солдаты подняли на штыки капитана Московского полка фон Фергена только за то, что он потребовал у них снять красные банты. В ряде запасных батальонов Петрограда нижние чины разоружали офицеров, арестовывали их и под конвоем отправляли в Таврический дворец.

Наиболее драматические события разыгрались 1(14) марта в Луге. Здесь ремонтным составом гвардейской кавалерии заведовал генерал граф Г.Г. Менгден, бывший командир Кавалергардского полка. Помощником у него был бывший офицер того же полка граф Г.А. де Броэль-Платтер. Эти аристократы вызвали к себе ненависть со стороны солдат пехотных и артиллерийских частей, стоявших в Луге, только потому, что их считали немцами и уже потому изменниками. Они были растерзаны толпой солдат, несмотря на то, что за них заступились нижние чины — кавалергарды. Помимо Менгдена и де Броэля-Платтера были убиты конногренадерский офицер Эгерстром и лейб-

гвардии гусар граф Клейнмихель¹⁹. Помимо указанных расправ эксцессы по отношению к гвардейским офицерам имели место в Гатчине и в Павловске. Здесь также жертвами солдат становились офицеры с немецкими фамилиями. В этом проявлялась типичная ксенофобия, принявшая в стихийном общественном сознании масс антинемецкую направленность. И хотя многие из убитых были по происхождению шведами, финнами или обрусевшими немцами, для толпы было вполне достаточно наличия нерусской фамилии, чтобы подвергнуть их насилию.

Страх перед возможной расправой побуждал часть офицеров уже в первые дни революции заявлять себя ее сторонниками. Другие, оставаясь в душе монархистами, спешили присягнуть Временному правительству в ожидании лучших времен и перемен. Таким образом, ни один из запасных батальонов гвардейских полков после прихода к власти Временного правительства не выступил на защиту самодержавия. Более того, когда карательный отряд под командованием генерала Н.И. Иванова, посланный Николаем II для подавления революции, прибыл в Царское Село, дислоцировавшиеся здесь батальоны стрелковых полков и собственный его величества полк, не оказали ему никакой поддержки. Отряд Иванова оказался заблокированным на железнодорожных путях. В этом определенная роль принадлежала штабс-капитану С.Д. Масловскому (позднее писатель Мстиславский), который принадлежал к партии эсеров и имел на солдат значительное влияние.

Известия о событиях, произошедших в Петрограде, доходили до фронта, где тогда находились гвардейские полки, с запозданием и нередко были противоречивыми. Войска гвардии вплоть до конца февраля — начала марта 1917 г. занимали позиции на реке Стоход, где в течение более полугода с переменным успехом шли вялотекущие бои. Полки одного гвардейского корпуса сменяли на позициях полки другого корпуса. При этом гвардейская кавалерия была в основном спешена и находилась, как и пехота, в окопах. И хотя количество артиллерии, особенно тяжелой, а также пулеметов к началу 1917 г. увеличилось, значительных наступательных действий не предпринималось. Все ждали наступления весны, когда планировалось начать активные боевые действия по всему фронту.

Отсутствие военных успехов порождало в гвардейских полках пассивное настроение. Сильно изменился боевой облик гвардейских частей, где вместо закаленных в боях нижних чинов довоенного времени в строю преобладали плохо обученные молодые солдаты, знавшие в лучшем случае лишь понаслышке о традициях и подвигах своих полков. Все это вело к непониманию целей войны, к падению воинской дисциплины и даже к дезертирству. Последнее в гвардии раньше встречалось весьма редко, но весной 1917 г. уже имело место.

Заметно изменился и офицерский состав. В пехотных гвардейских полках к концу 1916 г. в строю оставалось всего 4% офицеров из числа тех, кто выступил на фронт в августе 1914 г. Большинство, особенно командиров взводов и рот, были офицерами военного времени. Среди них даже в гвардии были представители интеллигенции — носители демократических воззрений. Определенная часть высшего гвардейского офицерства находилась в глухой оппозиции к правительству. Эти обстоятельства и определили в значительной мере отношение гвардии к отречению Николая II.

Сообщение о Февральской революции и об отречении царя в войсках гвардии было встречено в основном спокойно. Ни одна гвардейская часть не выступила в защиту монарха тем более, что свое решение он принял добровольно под воздействием произошедших событий. В эмигрантской литературе, да и в произведениях некоторых современных авторов, особенно публицистов, проводится мысль, что все могло быть иначе, если бы Николай II обратился за поддержкой к армии. Однако такие утверждения делаются без учета реальной обстановки на фронте и в стране в целом.

Николай II пытался пробиться в мятежный Петроград, но дальше станции Дно рабочие и революционные солдаты не пропустили его эшелоны, и

он вынужден был повернуть на Псков. Ничего не вышло и из затеи двинуть на Петроград георгиевских кавалеров во главе с генералом Ивановым. Командующие фронтами, в том числе и великий князь Николай Николаевич, которые все в разное время служили в гвардии, посоветовали царю отречься от престола. Многие высшие офицеры, в недавнем прошлом бывшие гвардейцы, весьма критически относились к Николаю II и не верили в его способности завершить войну победой. Об этом свидетельствуют их воспоминания.

Среди тех, кто крайне негативно относился к Николаю II, был бывший кавалергард, участник коронационных торжеств генерал барон К.Г. Маннергейм, который считал, что корона для него была непосильной ношей. Он сожалел, что царь не отрекся от престола еще в 1905 году²⁰. Весьма отрицательно отзывался о Николае II и другой аристократ, бывший конногвардеец генерал барон П.Н. Врангель. В своих мемуарах он писал: «Последние годы царствования отшатнули от государя сердца сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично осознала, что государь действиями своими больше всего сам подрывает престол»²¹. С ним полностью был согласен и бывший лейб-гусар, глава русской разведки во Франции граф П.А. Игнатъев. «Государь, — писал он, — проявил себя нерешительным и слабым в тот момент, когда были нужны сильный кулак и негибкая воля». Об этом же писал и муж племянницы царя князь Ф.Ф. Юсупов, который отмечал, что «к концу своего царствования Николай II был совершенно раздавлен событиями и политическими неудачами»²².

И это говорили о своем монархе люди, близкие к трону, всецело обязанные ему своим положением. Так что же можно было ожидать от многих младших офицеров гвардии, которые и не знали всей правды о положении государственных дел, но испытывали на себе тяготы войны? Еще в меньшей мере можно было ожидать проявления симпатий к царю среди нижних чинов гвардии и армии в целом, которые вынуждены были проливать кровь за чужие интересы. От былого обожания монарха к моменту Февральской революции у абсолютного большинства гвардейцев ничего не осталось. И Николай II прекрасно понимал, что в этой обстановке обращения ни к армии, ни к народу ему не помогут и могут привести лишь к гражданской войне, которая в условиях продолжения войны с Германией и Австро-Венгрией станет губительной для России.

При получении известия об отречении Николая II командир Гвардейского кавалерийского корпуса хан Нахичеванский собрал 4(17) марта командиров полков и от их имени и от себя лично направил ему телеграмму о готовности выступить на его защиту. Думается, что при этом было учтено то обстоятельство, что в гвардейских полках к этому времени сохранилось до 50% нижних чинов, начинавших в них службу еще до войны. Процент кадровых офицеров в этих полках был еще более высоким. Это давало возможность хану Нахичеванскому надеяться на проявление монархических чувств и преданность отрекшемуся императору, а стало быть, и на возможность его вооруженной поддержки. Однако сам Николай II отказался от нее, в своей телеграмме поблагодарил гвардейскую кавалерию за верность и преданность и рекомендовал ей признать новый строй, присягнув Временному правительству. Совет царя был принят.

Спустя немногим более недели после отречения Николая II Гвардейский кавалерийский корпус принес присягу на верность Временному правительству. Хан Нахичеванский сообщал в своей телеграмме военному министру А.И. Гучкову: «Довожу до сведения Вашего, что еще до дня присяги вся гвардейская кавалерия от старшего генерала до последнего солдата была и есть преисполнена желанием положить жизнь за дорогую Родину, руководимую ныне новым правительством»²³. И ни у кого в гвардейской кавалерии, где было немало аристократов, изменение позиции их командира не вызвало протеста. Только начальник штаба корпуса генерал А.Г. Винникен, не выдержав нервного напряжения, застрелился. Около 50 генералов, занимавших высокие посты в армии или сами заявили о своем нежелании служить Вре-

менному правительству, или были удалены из армии. Среди них было немало генералов, служивших в гвардии. Хан Нахичеванский был заменен Е.К. Арсеньевым — сыном известного редактора журнала «Вестник Европы». Гвардейские полки покинули и наиболее одиозные офицеры, боявшиеся солдатской расправы. Однако в мартовские дни большинство гвардейских офицеров, приняв присягу Временному правительству, оставались на своих местах.

Хотя почти все гвардейские офицеры были монархистами, они легко присягнули Временному правительству. Психологию их поступка хорошо объяснил старый гвардеец, военный агент во Франции граф А.А. Игнатьев. «Николай II, — писал он позднее в мемуарах, — своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги»²⁴. Этим соображением руководствовались многие офицеры, в том числе и в гвардии. К тому же они верили в обещание Временного правительства в союзе со странами Антанты вести войну против Германии до победного конца. И последнее обстоятельство сыграло немалую роль в определении позиций офицеров гвардии по отношению к Временному правительству. Их настроения в те дни отразил начальник пулеметной команды Преображенского полка поручик С.А. Торнау, который писал: «Все идеалы, которым мы поклонялись, традиции, в которых были воспитаны, рухнули в несколько часов, но несмотря на это, офицеры осознавали, что благо родины требовало их оставления на местах»²⁵. Именно поэтому большинство гвардейских офицеров, даже если они и не были согласны с произошедшим переворотом, свои полки не покинуло.

Еще более спокойно встретила весть об отречении царя солдатская масса. Согласно воспоминаниям офицеров, лишь отдельные старослужащие нижние чины, особенно в кавалерии, стояли в строю с момента оглашения манифеста с каменными лицами или даже тихо плакали. Так было в лейб-гвардии Казачьем полку, где казаки старших возрастов, по свидетельству полковника И.Н. Оприца, принимали присягу Временному правительству очень неохотно, поминали добрым словом царя и даже ждали возможного приказа о походе на Петроград²⁶. Но такие настроения были не типичными для гвардейской пехоты. В целом войска гвардии довольно спокойно принесли присягу Временному правительству и восприняли те перемены, которые последовали в результате Февральской революции.

После Февральской революции гвардия продолжала оставаться в составе Особой армии, созданной еще летом 1916 г., и находилась на боевых позициях на Юго-Западном фронте. Порядок внутренней службы в ее частях и подразделениях стал регулироваться известным приказом № 1, который предоставлял солдатам большие права, но не оговаривал при этом их обязанностей. Это вскоре сказалось на состоянии дисциплины, которая упала и в частях гвардии.

Со свержением монархии полки перестали именоваться лейб-гвардейскими, хотя вторая часть их названия сохранилась. Было отменено шефство над гвардейскими полками членов императорской фамилии, в связи с чем стрелковые и некоторые кавалерийские полки изменили свое прежнее официальное название. Во всех полках и подразделениях, начиная от рот, батарей и эскадронов, были проведены выборы в состав комитетов. Сюда выбирали как солдат, так и офицеров. Комитеты вначале сосредоточили внимание в основном на решении внутренних проблем и вопросов хозяйственной жизни.

Решающее влияние на деятельность комитетов, особенно в полках гвардейской кавалерии, весной 1917 г. принадлежало офицерам. До апреля конфликтов между солдатами и офицерами в комитетах не наблюдалось. Солдаты находились в гвардейских частях еще под сильным влиянием офицеров и в ряде случаев, несмотря на приказ № 1, продолжали титуловать их по-прежнему. Систему патернализма, насаждавшуюся десятилетиями, сломать одним приказом оказалось делом трудным. К тому же весной 1917 г. в гвардейских полках было очень мало солдат и офицеров, принадлежавших к социа-

листическим партиям. Если таковые имелись в комитетах некоторых гвардейских частей и подразделений, они заметной роли в них весной 1917 г. еще не играли.

И тем не менее, падение воинской дисциплины в армии в целом стало захватывать и гвардию. Участились случаи дезертирства, особенно из запасных батальонов. В гвардейских частях солдаты стали открыто заявлять о нежелании воевать и выходить на боевые позиции, требуя скорейшего заключения мира. В связи с этим командир 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал В.А. Круглевский 16(29) марта 1917 г. отдал приказ, в котором говорилось: «За последнее время были случаи распространения в боевых линиях вздорных слухов об оставлении войсками своих позиций, нежелание воевать и тому подобное. Категорически требую принятия самых энергичных мер для задержания всякого, передающего какие-либо сведения и препровождения к коменданту штаба дивизии. Солдаты должны твердо знать, что на фронте могут заслуживать доверия и исполнения исключительно только распоряжения непосредственного начальства»²⁷. Этот приказ был направлен против агитаторов, принадлежавших к радикальным партиям.

К концу марта — началу апреля 1917 г. гвардейские пехотные полки, находившиеся на позициях в районе реки Стоход, еще более изменились по своему составу. Прибывавшее пополнение не желало воевать и подчиняться приказам. Многие не имели элементарной предварительной военной подготовки. Из запасных батальонов прибытие пополнений почти прекратилось. Дело в том, что солдаты запасных батальонов потребовали от Гучкова не посылать их на фронт в знак признания их заслуг в осуществлении революции. А вскоре по его приказу последовала демобилизация с фронта солдат, которые достигли 43-летнего, а затем 40-летнего возраста. Среди них были солдаты, которые начинали службу в гвардии еще в довоенное время, то есть наиболее закаленные в боях ветераны. А в конце апреля 1917 г. по распоряжению Временного правительства все солдаты, которые пробыли на фронте не менее 14 месяцев, переводились в тыл, в запасные батальоны²⁸. Все это и привело в значительной мере к падению воинской дисциплины. Стали даже наблюдаться случаи «братания» с немцами гвардейских солдат, чего раньше не бывало.

Посетивший войска гвардии в апреле 1917 г. в качестве специального эмиссара князь П.Д. Долгоруков, член ЦК партии кадетов, отмечал, что «скверна разложения и бунта» коснулась даже такого дисциплинированного соединения, каким был Гвардейский кавалерийский корпус. Он писал, что здесь возникли полковые комитеты, вносящие сумятицу и внутреннюю напряженность в обычную военную жизнь. Единственно, кто произвел на него хорошее впечатление своей дисциплиной, были гвардейские казачьи полки²⁹.

В марте-апреле 1917 г. командование Юго-Западного фронта решило использовать гвардейские кавалерийские части для наведения порядка в ближнем фронтовом тылу на станциях и железнодорожных узлах. Надо было как-то пресечь поток дезертиров, устремившихся в тыл, громивших все на своем пути. Поэтому подразделения Кавалергардского полка были размещены для этой цели на станциях Казатин и Шепетовка. Кирасирский полк Его величества, который после Февральской революции стал именоваться Подольским, стал нести комендантскую службу на станции Киев, гвардейские казаки эту же службу выполняли на станциях Ровно и Сарны. Ежедневные стычки с дезертирами, не желавшими признавать никакой власти, революционная демагогия, анархистские настроения бежавших с фронта отнюдь не способствовали укреплению дисциплины самих гвардейцев.

Помимо охраны железных дорог на Юго-Западе некоторые гвардейские подразделения осуществляли охрану арестованного царя и членов его семьи. Для этого в Царском Селе был сформирован отряд из солдат 1-го, 2-го и 4-го гвардейских стрелковых полков (по взводу от каждого), который под командованием полковника Кобылянского нес охрану Александровского дворца, где жила царская семья. Затем они выполняли эту функцию в Тобольске.

Однако основные силы гвардии продолжали стоять в районе реки Стоход, ведя позиционную войну, сопровождавшуюся мелкими стычками с противником. Эти затяжные военные действия, не приносившие успехов, удручающе действовали на состояние войск гвардии и явились одной из причин дальнейшего падения дисциплины. С мая 1917 г. наблюдается рост в войсках гвардии конфликтных ситуаций между солдатами и офицерами. Этому в немалой степени способствовало принятие 9 мая 1917 г. «Декларации прав солдата», которая предоставляла военным служащим все политические права: участие в выборах, деятельность в политических партиях, возможность выражать недоверие офицерам. Воспользовавшись этим документом, в ряде гвардейских полков солдаты потребовали осуществить очередную чистку офицерского состава и изгнать неугодных командиров.

Изгнание офицеров наблюдалось раньше. В конце марта — начале апреля 1917 г. оно имело место в Московском и Финляндском полках. В первом из них в строю осталось всего 35 офицеров, т.е. почти половина от штатного состава. Остальные были изгнаны или под различными предлогами покинули полки сами. Десятки офицеров, не выдержав солдатского прессинга, расхлябанности и утраты традиций, подавали рапорты об отставке. Как правило, они отклонялись Гучковым с объяснением, что «война продолжается и начальствующий состав должен находиться на службе»³⁰.

Еще более радикальные перемены произошли в офицерском составе запасных батальонов гвардии. Чистка офицеров здесь началась почти сразу после революционных событий в Петрограде. Так, в запасном батальоне Московского полка к лету 1917 г. из 75 офицеров на службе остался 21 — в основном прапорщики и подпоручики, заявившие о своих симпатиях к новому строю. В ряде запасных батальонов вместо выбывших командиров выбирались новые из молодых офицеров. Командиром запасного батальона Преображенского полка стал подпоручик М.В. Заринг, который любил говорить на митингах о своей преданности революции и Временному правительству³¹.

Обстановка, сложившаяся в ряде гвардейских полков, привела к расколу в среде самих офицеров. Некоторые из них стали заискивать перед солдатами из-за опасения быть изгнанными и поэтому шли на поводу у комитетов.

В преддверии подготовки к наступлению командование гвардии стремилось укрепить кадры за счет выдвижения на более высокие должности тех офицеров, которые пользовались авторитетом у солдат и на кого можно было положиться. Так, в апреле 1917 г. командиром Преображенского полка был назначен полковник Кутепов, а некоторое время спустя Московский полк возглавил энергичный полковник Я.А. Слащев — герой и любимец солдат Финляндского полка. Та часть солдат, которая не поддавалась деморализации, охотно поддерживала офицеров, имевших репутацию храбрых и заботливых командиров. Весной 1917 г. в войсках гвардии, как и в армии в целом, стало наблюдаться такое явление — награждение офицеров, кавалеров боевых орденов, исключая орден Св. Георгия, солдатским георгиевским крестом с лавровой ветвью. Награждение это осуществлялось по представлению ротных собраний, и офицеры очень гордились такими крестами как символом не только героизма, но и признания солдат. Но в целом эти меры не могли радикально наладить отношения между солдатами и офицерами. После Февральской революции гвардия утратила характер элитного войска. Несмотря на то, что Февральская революция произошла в России благодаря активному выступлению против самодержавия гвардейских запасных батальонов, она в то же время нанесла сильный удар по этому привилегированному войску, став исходным моментом его последующего распада.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5881, оп. 2, д. 705, л. 3.
2. Там же, ф. 5881, оп. 2, д. 326, л. 3.
3. ГЕРУА Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж. 1970, с. 164.
4. БРУСИЛОВ А.А. Мои воспоминания. М. 2001, с. 197—198.
5. ЛУКАШ И. Павловцы. Пг. 1917, с. 27.
6. АРТОБОЛЕВСКИЙ Н.А. Первые дни революции во 2-м гвардейском запасном батальоне. Из личного дневника. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Вып. 3. Таллин. 1939, с. 8.
7. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 128, л. 17—18.
8. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. М. 1997, с. 25.
9. Там же, с. 27.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2583, оп. 2, д. 1288, л. 1.
11. ХОДНЕВ Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М. 1997, с. 261.
12. ГЕРУА Б.В. Ук. соч, с. 164.
13. БУЛДАКОВ В.П. Ук. соч, с. 28.
14. ЗВЕГИНЦОВ В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. Т. II. Париж. 1936, с. 76; ГЕРУА Б.В. Ук. соч, с. 165.
15. ЛУКАШ И. Павловцы. Пг. 1917, с. 4, 7.
16. ЛУКАШ И. Волынцы. Пг. 1917, с. 12.
17. ЛУКАШ И. Преображенцы. Пг. 1917, с. 13.
18. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 326, л. 11.
19. ЗВЕГИНЦОВ В.Н. Ук. соч, с. 46.
20. МАННЕРГЕЙМ К.Г. Мемуары. М. 1999, с. 28.
21. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М. 1992, ч. 1, с. 26.
22. ГРАФ ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВ. Моя миссия в Париже. М. 1999, с.105; КНЯЗЬ ФЕЛИКС ЮСУПОВ. Мемуары. М. 2000, с. 222.
23. РГВИА, ф. 3591, оп. 1, д. 184, л. 76.
24. ИГНАТЬЕВ А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М. 1989, с. 283.
25. БАРОН ТОРНАУ С.А. С родным полком. Париж. 1931, с. 120.
26. ОПРИЦ И.Н. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в годы революции и гражданской войны. 1917—1920. Париж. 1939, с. 13.
27. РГВИА, ф. 2321, оп. 1, д. 157, л. 50.
28. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 128, л. 26.
29. ДОЛГОРУКОВ ПАВЕЛ. Великая разруха. Мадрид. 1964, с. 33.
30. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 128, л. 20.
31. РГВИА, ф. 2321, оп. 1, д. 157, л. 19.

Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I

Т.Л. Лабутина

История взаимоотношений Англии и России насчитывает более четырех столетий, однако наиболее прочные основы для культурного диалога двух стран были заложены лишь в Век Просвещения. Интерес к истории становления российско-британского культурного диалога, который в основном пришелся на годы правления двух российских монархов — Петра I и Екатерины II, не ослабевает и поныне. Свидетельство тому — выход в свет ряда монографий как российских, так и британских ученых (А.Б. Соколова, Н.И. Павленко, Э. Кросса и др.), публикация новых документов («Британия и Россия в эпоху Петра Великого», «Английская леди при дворе Екатерины Великой. Журнал баронессы Элизабет Димсдейл»), а также проведение в Лондоне в 1998 г. международной научной конференции «Петр Великий и Запад: новые перспективы», приуроченной к 300-летию визита российского царя в Англию¹. Обращение к этим и ряду других документов и исследований, связанных с историей российско-британских отношений в XVIII в., дает возможность по-новому взглянуть на уже известные проблемы (к примеру, являлись ли западноевропейские заимствования благом для России), а также привлечь внимание к совершенно новым сюжетам указанной темы, например, как российское общество относилось к привнесенным с Запада, в особенности из Англии, элементам европейской культуры. (В понятие «культуры» мы включаем не только литературу и искусство, но также науку, технику, то есть имеем в виду культуру в самом широком смысле этого слова). Представляют интерес отношение англичан к России и проводимым в ней петровским реформам, а также проблема зарождения русофобии в Великобритании (как своеобразной реакции на указанные реформы) в первой четверти XVIII века. Изучению этих и ряда других проблем, тесно связанных с российско-британскими отношениями в эпоху Петра I, и посвящена данная статья.

Близкое знакомство России с британской культурой началось главным образом после визита «царя Московии» в Англию в 1698 году. Но что предшествовало данному событию и почему именно Петру I суждено было открыть «окно в Европу»? В.О. Ключевский полагал, что «мысль о поездке на Запад рождалась сама собой из всей обстановки и направления деятельности Петра. Он был окружен пришельцами с Запада, учился их мастерствам, говорил их языком». В детстве Петра окружали игрушки по-преимуществу не-

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

мецкого производства. Арифметике, геометрии, артиллерии и фортификационному делу царевич обучался у голландца Тиммермана. Вероятно, от него же он научился и голландскому языку. Однако наибольшее влияние на пробуждение у юного Петра интереса к западноевропейской культуре оказали обитатели Немецкой слободы, в первую очередь, выходец из Женевы Франц Лефорт и шотландский генерал Патрик Гордон. Яркие характеристики этим людям дал Ключевский. Лефорт — это «авантюрист, пустившийся за тридцать земель искать счастья,.. невежественный,.. но человек бывалый, веселый, говорун, вечно жизнерадостный, преданный друг, неутомимый кавалер в танцевальной зале, неизменный товарищ за бутылкой, мастер веселить и веселиться, устроить пир на славу с музыкой, с дамами и танцами!». Одним словом, заключал историк, «дебощан французский». Что касается Гордона, то он состоял на службе с 1661 г. у царя Алексея Михайловича. Во время стрелецкого бунта 1682 г. генерал Гордон выказал себя как «ангел-хранитель» юного Петра, чем навсегда и заслужил его полное доверие. Степенный шотландец, осторожный и аккуратный, генерал Гордон, по выражению Ключевского, «наемная сабля, служившая в семи ордах семи царям»², стал неизменным советчиком Петра I по всем важным вопросам. Среди обитателей Немецкой слободы благосклонностью Петра пользовался также английский купец Э. Кревет, который привозил из-за границы любопытные вещицы. От него Петр и его приближенные переняли английские шапочки, камзолы и кортики с портупьями. Близок к Петру был также шотландец математик Яков Брюс. Не исключено, что в Немецкой слободе были и другие выходцы с Британских островов, но выявить их среди остальных европейцев было не просто, поскольку в XVII в. все иностранцы чаще всего именовались «немцами», т.е. «немыми», не говорящими по-русски. Иногда англичан называли «английскими немцами»³.

Как видно, еще до визита в Западную Европу Петр I, благодаря тесному общению с жителями Немецкой слободы, уже имел определенные представления о странах, которые намеревался посетить. Однако намерение об этом вояже возникло у него отнюдь не случайно. В то время Россия вела войну с Турцией. В 1696 г. при поддержке созданного на верфях Воронежа флота (по преимуществу галерного) русская армия взяла Азов. И как позднее писал приглашенный на службу к Петру I английский капитан, строитель кораблей, доков и каналов Дж. Перри, «царь был весьма доволен успехами своего нового флота и приобретением столь значительной крепости, открывавшей ему путь к Черному морю»⁴. Убедившись в «великом преимуществе, заключавшемся в морской силе», Петр I заявил, что собирается в трехлетний срок построить флот из 40 военных судов, для чего и выписал из Голландии, Италии и Венеции корабельных строителей и мастеров. А пока флот строился, он вознамерился посетить западные страны — Австрию, Польшу, Германию, Данию, Голландию, Англию, Италию. При этом своей главной целью Великое посольство ставило создание антитурецкой коалиции европейских государств. Российский царь отправлялся за границу также для того, чтобы «спешно ознакомиться с недостававшими ему надобными мастерствами: он искал на Западе техники, а не цивилизации», — констатировал Ключевский⁵.

2 марта 1697 г. передовой отряд Великого посольства выехал с соболиной и денежной казной. Через неделю в дорогу отправился и царь. Численность посольства (переводчики, толмачи, подъячие, лекари, скорняки, священники, дьяки, солдаты, охрана) составляла 250 человек. Под посольство отрядили 1000 подвов. В составе посольства находилось также 35 волонтеров, которые намеревались обучаться военно-морскому делу. Среди десятников отряда волонтеров под именем Петра Михайлова числился Петр I.

Деятельность Великого посольства, равно как и визит Петра I в Голландию и Англию освещены в исторической литературе довольно подробно⁶. Мы остановимся лишь на тех событиях, связанных с визитом царя в эти страны, которые оказали заметное влияние на его приобщение к западноевропейской культуре.

В 1697 г. 25-летний Петр увидел наконец Западную Европу, о которой ему так много толковали его друзья и знакомые из Немецкой слободы и куда съездить уговаривал его Лефорт. В Германии Петр I задержался недолго, однако успел получить от прусского полковника артиллерии аттестат, в котором отмечалось «мужество и бесстрашие огнестрельного мастера» Петра Михайлова. Царя влекли Голландия и Англия — самые передовые в то время страны Западной Европы, в которых были наиболее развиты военно-морская техника и промышленность. Неделю Петр проработал на частной верфи в местечке Саардаме простым плотником. Однако красная фризская куртка и белые холщовые штаны голландского рабочего не спасли его от любопытных жителей, которые толпами собирались на верфи, чтобы поглазеть на царя-плотника. Петр перебрался в Амстердам, где продолжал в течение четырех месяцев работать плотником на верфи Ост-индской голландской компании. А в свободное время он осматривал достопримечательности города. Его одинаково интересовали лекции профессора анатомии Рюйнга и анатомический театр медицинского светила того времени доктора Боэргана. Он посетил фабрики, заводы, кунсткамеры, госпитали, воспитательные дома, военные и торговые суда, обсерваторию. 2 сентября 1697 г. состоялась первая встреча Петра с королем Англии и штатгальтером Голландии Вильгельмом Оранским. Беседа царствующих особ продолжалась около двух часов, затем Вильгельм пригласил царя на обед, но Петр I отказался от приглашения, сославшись на «большое скопление народа, который по этому случаю собирался в Утрехте со всех уголков Голландии», что было непривычным для «царя Московии»⁷.

В январе 1698 г. Петр I отправляется в Англию для изучения процветавшей там корабельной науки. Ему был оказан самый радушный прием. Король подарил царю свою лучшую яхту «Транспорт-ройял», доставленную адмиралом лордом П. Кармартеном, который в награду получил от Петра I монопольное право на ввоз и торговлю табаком в России. Около четырех месяцев пробыл Петр I в Англии. Основное время царь проводил на корабельных верях в Дептфорде, Портсмуте, Чатаме, артиллерийских заводах Вулича, где в лабораториях наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и «отведывал метания бомб». «Большую часть времени он проводил на воде, — свидетельствовал Перри, — занимаясь тем, что относилось к мореплаванию и войне. Он часто брал в руки столярные инструменты и в Дептфордских верях сам работал, как то бывало в Голландии. Иногда он посещал кузницы и мастерские оружейников и, кажется, не было такого искусства или ремесла, с которым бы он не ознакомился в больших или меньших подробностях»⁸. Побывал Петр и в Тауэре, где располагались монетный двор и политическая тюрьма. Сопровождавшие Петра I англичане сочли «неудобным» показывать царю топоры, которыми были обезглавлены королева Мария Стюарт и король Карл I. Устроители экскурсии опасались, как бы «царь Московии» не побросал эти топоры в реку, дабы «не давать повода вспоминать о том, какое впечатление на его отца царя Алексея и на весь русский народ произвела казнь короля».

Большой интерес Петр I проявил к монетной реформе, которая была проведена в Англии в 1695 г. при активном участии известных ученых Дж. Локка и И. Ньютона. Последний был назначен смотрителем, а с 1699 г. — директором Монетного двора. Петр несколько раз посещал Монетный двор и, предположительно, не раз беседовал с известным физиком. Кроме того, царь посетил Гринвичскую астрономическую обсерваторию, где встречался с ее директором — известным астрономом, математиком и физиком Э. Галлеем. Примечательно, что во время их беседы ученый дал Петру ряд советов «по части государственного преобразования России»⁹. Посетил Петр I и Британскую Академию наук — Королевское общество, где познакомился с выдающимся математиком из Абердина Г. Фаркерсоном, а также его коллегами С. Гвином и Р. Грайсом. Царь пригласил ученых на работу в Россию, где они вскоре возглавили Навигационную школу.

Во время визита Петра I английский король предложил царю вступить в орден Подвязки, однако тот ответил отказом, ссылаясь на то, что собирается создать подобный орден у себя на родине. Впрочем, согласно новейшим исследованиям, Петр был принят в масонскую ложу темплиеров еще будучи в Голландии. Он также дал обязательство учредить в России Орден св. Андрея, что и исполнил в 1698 году. Кроме того, Петр в 1720 г. стал гроссмейстером духовно-рыцарского Ордена иоаннитов¹⁰.

Однако не только английский король предпринимал попытки завлечь «царя Московии» в свое «тайное братство». Не оставили без внимания визит русского царя и представители высшего духовенства англиканской церкви, долгое время помышлявшие о достижении унии с православной церковью. Несколько епископов нанесли визит Петру 15 февраля, спустя неделю царь сам посетил архиепископа Кентерберийского Т. Тенисона. Заметив интерес Петра к устройству англиканской церкви (впрочем, царь с одинаковым интересом посещал богослужения в капелле архиепископа Кентерберийского и в секте квакеров), епископ Солсберийский Дж. Бернет нанес визит «царю Московии» и провел с ним в беседе 4 часа. «Мы говорили о многом, — делился позднее епископ своими впечатлениями об этой встрече. — Он (Петр I. — Т.Л.) обладает такими познаниями во многих вещах, коих я и не ожидал в нем встретить». Епископ «настоятельно» рекомендовал Петру I «обратить внимание на важную роль христианства в деле реформирования жизни и настроений людей», и царь с ним вполне согласился. Говоря о своих впечатлениях о Петре I, Бернет заключал, что тот «либо погибнет на этом пути, либо станет великим человеком»¹¹.

Английские церковники пытались оказать влияние на русского царя не только в вопросе религиозного переустройства России. К примеру, известный богослов Ф. Ли составил проект необходимых для России реформ и, как утверждает А.И. Андреев, записка Ли сыграла важную роль в начальных преобразованиях Петра. К примеру, идея коллегиального устройства государственных учреждений, на которой настаивал Ли, возникла у царя именно под влиянием англичанина. Другие мероприятия, который предлагал богослов (христианизация народов Сибири, устройство специальной школы в Астрахани для изучения калмыцкого, татарского и других языков), были также осуществлены Петром в первые годы по возвращении из-за границы.

Находясь в Англии, Петр I проявлял живой интерес к ее государственному устройству. «Неоднократно царь в беседах расспрашивал о том, как ведутся дела в парламенте, королевском Тайном совете и других государственных учреждениях Англии, в чем состоят права и обязанности мировых судей, интересовался регламентами административных, финансовых, адмиралтейских, почтовых учреждений, расспрашивал о правах короля в мирное и военное время и т.п.»¹². Довелось царю посетить и парламент, где через слуховое окно он наблюдал за тем, как проходило заседание Палаты лордов, на котором присутствовал король. Как пишет Соколов, этот визит царя в парламент явно не относился к числу самых сильных его впечатлений, поскольку «слишком далеки английские порядки, право и государственное устройство от государственных норм России, от того, что Петр мог считать для себя образцом». Иначе освещал знакомство Петра I с представительным учреждением Англии Ключевский: «Выслушав прения с помощью переводчика, Петр сказал своим русским спутникам: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду, вот чему надо учиться у англичан»¹³.

Покидая Англию, Петр I упоминал об этой стране, как о «лучшем, красивейшем и счастливейшем острове» на свете. Вместе с ним в Россию отправились 60 мастеров, которых Петр нанял на службу, с тем, чтобы «все виденное за границей завести у себя дома». Однако, обратившись к реформам, царь не пытался поставить русскую жизнь на западноевропейские основы. Как утверждал Ключевский, он лишь стремился «вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и

материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе». Аналогичного взгляда на реформаторскую деятельность Петра I придерживался и Н.Н. Молчанов, утверждавший, что царь не собирался слепо подражать Европе, а лишь хотел использовать методы, опыт, уроки передовых стран для того, чтобы быстрее наверстать отставание России¹⁴.

Какие реформы и каким образом проводил Петр I в России, опираясь на западноевропейский, в первую очередь, британский опыт? Известно, что Петр вернулся из заграничного вояжа ранее, чем намечалось, так как получил известие о новом бунте стрельцов. Бунт был подавлен с помощью войска верного генерала Гордона, в котором, по свидетельствам Перри, большая часть офицеров и солдат являлись иностранцами. Гордон жестоко расправился с участниками бунта: каждый десятый был повешен, остальные этапированы в Москву. Мученическую смерть от рук пособников Гордона приняли 2 тысячи стрельцов. Расправившись с врагами, Петр I приступил к преобразованиям в стране. «Он начал с того, что поставил на совершенно новую ногу не только гвардию, которая состояла из полков, заменивших... стрельцов, но и все войско подчинил новой дисциплине, почерпнутой им из наблюдений его за границей», — свидетельствовал Перри. Царь пригласил на военную службу также иностранных офицеров. Павленко упоминает о 29 командирах полков, приглашенных из-за границы. 17 ноября 1699 г. вступила в силу рекрутская система набора в армию. Образцом для подражания послужила немецкая модель. На это указывал британский посланник в России Ч. Витворт. Однако свой вклад в «усовершенствование русского войска» внесли и англичане, создавая в качестве мастеров артиллерийские орудия и снаряды. В допетровские времена в России отсутствовала «правильная артиллерия», свидетельствовал Перри. По возвращении с Запада царь ее завел, его подданные изучили артиллерийскую науку и сделались «хорошими бомбардирами». Спустя несколько лет, в 1705 г., Витворт дал высокую оценку состоянию русской артиллерии: «Артиллерия в настоящее время замечательно хорошо устроена и генерал Огильви говорил мне, что ни у одного народа не встречал такого умения обходиться со своими пушками и мортирами, как прошлого года у русских под Нарвой. Недавно отлито сто новых медных орудий разных калибров»¹⁵. Военная реформа, явившаяся первоочередным преобразовательным делом Петра, по мнению Ключевского, оказала глубокое влияние и на общество, и на ход событий в целом.

Если в реформировании русского войска за образец была взята немецкая армия, то флот в России создавался при самом активном участии англичан. «В течение всего XVIII столетия Англия вносила в развитие русского флота большой и важный вклад, как отпуская британских офицеров и кораблестроителей на службу в Россию, так и принимая русских в обучение на суда британского флота и на верфи — осваивать искусство английских мастеров», — отмечал Кросс. Английские мастера построили немало русских судов, «не было года, когда хотя бы один британский офицер не командовал российским военным кораблем». Влияние английской корабельной науки на строительство русского флота признавали и современники Петра I. Перри утверждал, что царь Петр решил строить свои корабли «только по английскому образцу», еще когда находился в Англии. Тогда же он пригласил к себе на службу нескольких кораблестроителей и мастеров во главе с Э. Дином¹⁶. Вернувшись в Россию, Петр I первым делом отправился в Воронеж, где заменил на верфях голландцев английскими мастерами. Строительство флота, потребность в котором Россия особенно сильно стала ощущать, вступив в войну со Швецией, благодаря стараниям Петра I велось интенсивно. Результаты не заставили себя долго ждать. В начале 1705 г. Витворт сообщал в послании к госсекретарю Р. Харли о строительстве царского флота в Воронеже из 40 или 50 военных судов, на самом большом из которых размещено до 90 пушек. Спустя 14 лет новый посол в России Дж. Джеффрис уже с тревогой извещал госсекретаря о том, что стараниями его соотечественников русский

флот пополнился более чем 30 кораблями. Посланник выказывал опасения в том, что продолжая таким же путем, русский царь сможет в несколько лет создать могущественный флот и потому советовал английскому королю Георгу I Ганноверу немедленно отозвать корабельных мастеров из России¹⁷.

Не ограничиваясь строительством судов на российских верфях, Петр I неоднократно отдавал распоряжения своим послам и эмиссарам Б.И. Куракину, Ф.М. Апраксину о приобретении судов для российского флота в Великобритании. На взгляд Перри, это было оправданным, поскольку строительство кораблей в России обходилось много дороже, нежели их доставка из Англии. Трудно сказать, чем руководствовался английский корабельщик и инженер, делая подобные заключения: собственным опытом или корыстной выгодой своих соотечественников, занятых на строительстве кораблей для российского флота на английских верфях. Петр I постоянно приглашал также британских офицеров на службу в Россию, и в этом ему активно помогал верный Гордон. К концу царствования Петра балтийский флот насчитывал 48 линейных кораблей, 800 галер и других мелких судов с 28 тыс. экипажа¹⁸.

Среди первоочередных мероприятий, проведенных Петром I после возвращения на родину, была реформа государственного управления. Наиболее важные изменения претерпела Боярская дума. Сократилась ее численность, а также начал меняться социальный состав: аристократическое по своему характеру учреждение пополнялось представителями неродовитого дворянства и приказных дельцов. Преобразования затронули и приказы, или канцелярии. С 1 марта 1700 г. было велено все частные акты писать на гербовой бумаге, как это было принято в странах Западной Европы. Голландский художник и этнограф К. де Бруин, не раз посещавший Россию, полагал, что делопроизводство в стране велось «таким же образом, как у нас, голландцев». Изменился и порядок оформления казенных бумаг. К примеру, теперь не выписывались так пространно, как прежде, все титулы царя. В этом Перри усматривал английское влияние¹⁹.

Английское влияние сказалось и на церковной реформе, проведенной Петром I в начале XVIII в., в результате которой царь стал главой православной церкви. Испанский посланник в России граф де Лириа отмечал, что хотя Петр I «в большей степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии», однако неизменно стремился стать главой церкви, «подобно английскому королю». Павленко подчеркивал, что еще в Англии, беседуя с епископом Бернетом, Петр I «интересовался не столько вопросами богословия, сколько выяснением отношений между церковной и светской властью». По возвращении на родину царь осуществил намеченную реформу. После смерти Патриарха он воспротивился избранию нового и сам сделался главой церкви, присвоив себе исключительное право управления ею. По свидетельству Перри «этот странный и изумительный оборот дел возбудил сильное волнение в среде высшего духовенства»²⁰. Что же касается предпринятых попыток со стороны англиканского духовенства добиться объединения с православной церковью, заключив унию, то таковые успеха не имели.

Большое значение для укрепления мощи Российского государства имели экономические реформы, проведенные Петром I во многом благодаря его знакомству с западноевропейской промышленностью. По возвращении на родину Петр приступил к монетной реформе и уже в 1700 г. новые монеты были пущены в оборот. Руководство монетным делом было поручено «горячему стороннику англичан и английского влияния» Ф.А. Головину. Он же ведал внешними сношениями, снабжением армии и кораблестроением, поэтому англичане старались не упустить своего шанса, имея в лице Головина «славного покровителя»²¹.

О влиянии европейского опыта на деятельность Петра в экономической сфере писали Ключевский и Н.Г. Устрялов. Ключевский отмечал, что познакомившись с Западной Европой, царь навсегда остался «под обаянием ее промышленных успехов». Он особенно тщательно изучал фабрики и заводы главных промышленных центров Западной Европы — Амстердама, Лондона,

Парижа. Всякий раз при их посещении записывал свои наблюдения. Для того, чтобы создать в России промышленность, наподобие западноевропейской, Петр I осуществил ряд мер, которые, на взгляд Ключевского, сводились к трем направлениям: 1. Вызову иностранных мастеров и фабрикантов; 2. Посылке русских людей за границу для обучения «мастерствам»; 3. Законодательной пропаганде. «Вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу», — писал Ключевский. Устрялов перечислял специалистов, которых Петр «навербовал» в Англии. В их числе были: морские капитаны, поручики, лоцманы, строители корабельные, мачтовые и шлюпочные мастера, якорные кузнецы, компасные, парусные и канатные «делатели», «мельнишные строители» и многие ученые люди, также «архитекторы гражданские и воинские»²². В сборнике российско-британских документов содержится информация о приглашении в Россию мастеров-артиллеристов, корабельных дел мастера Дж. Ноя, врача Б. Эндрюса, специалистов по горному делу и др. Для организации стеклодувного производства в Воробьево, вблизи Москвы, были также привлечены английские специалисты²³. Перри свидетельствовал, что вместе с Петром Англию покидали нанятые им математики, корабельные строители, художники, офицеры, бомбардиры. Царь нередко поручал также своим резидентам приглашать в Россию английских мастеров.

Петр I очень дорожил иностранными специалистами. «Ни за кем из своих Петр не ухаживал так, как за заграничными мастерами, — подчеркивал Ключевский. — Если иноземный мастер захочет выехать за границу до контрактного срока, производилось строгое расследование, не было ли ему какого стеснения, не обидел ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямого недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных. Такие выгоды давались иноземным мастерам и фабрикантам с одним непременным условием: «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно»²⁴. Особым расположением царя пользовались британские кораблестроители. По свидетельству посланника Джеффриса, в Великобритании у них не было земли или иной другой недвижимости, следовательно, и терять им на родине было нечего. Они прибыли в Россию с семьями искать обеспечения и отчасти нашли его: их заработки составляют от 800 до 2000 руб. в год на человека, кроме подарков и иных выгод. Мастера «окружены таким вниманием, на какое они не могли бы рассчитывать ни в какой другой стране, даже если бы принадлежали к знатному роду, — продолжал посланник, — так как царь, а следовательно и все его сановники, ласкают их больше, чем кого-нибудь. Они принимают участие во всех придворных развлечениях, на всех пирах сидят за царским столом... Короче, царь не пренебрегает ничем, чтобы привлечь их к себе и удержать их на своей службе до гроба»²⁵.

Другим важным источником распространения английской культуры в России становились те молодые люди, которые отправлялись на обучение различным ремеслам в Великобританию. Еще до своего возвращения с Запада, Петр издал 22 ноября 1698 г. указ об отправке «в разные государства учиться всяким наукам». Прежде это запрещалось делать под страхом смертной казни. 61 человек отправились в Италию, 39 — в Голландию, 22 — в Англию. Многие «студенты» принадлежали к княжеским фамилиям и впоследствии стали послами: в Париже (Б.И. Куракин), в Варшаве (Г.Ф. Долгорукий), в Вене (П.А. Голицын). Главными предметами изучения русских «студентов» являлись навигация и кораблестроение. Впрочем, со временем программа «заграничной выучки» расширилась. «Студенты» обучались в Венеции, Флоренции, Тулоне, Марселе, Кадиксе, Париже, Амстердаме и Лондоне «живописному искусству, экипажеству, механике, навигации, инженерству, артиллерии, рисованию, .. боцманству, артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить и всяким ремеслам, медному, столярному и судовым строениям». Они изучали в Европе не только «фило-

зофские и дохтурские науки», но также печное мастерство и искусство обивать комнаты и убирать кровати. В своем рабочем дневнике о первоочередных делах Петр вносил запись об отправке в Англию молодых людей для изучения ремесел по изготовлению сапог и слесарных работ. Со временем фабричных мастеров и горных инженеров сменили правоведа и коммерсанты, знающие науку управления, особенно финансового. «С помощью тех и других Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России», заключал Ключевский ²⁶.

Англия по праву считалась главным «университетом» для русской молодежи, отправлявшейся на обучение в Европу. В 1715—1717 гг. в Великобританию прибыли 42 студента для обучения по следующим специальностям: строители баркасов и судов, барж, яликов; столярные работы на судне, изготовление мачт; мастера пушечных дел, по гребле и по окраске судов; якорщики; мастера по металлу, плотницкому делу, бурению, сверлению, пилорамам; специалисты по украшению домов, изготовлению замков, мебели (столов и стульев) и одежды; декораторов спален и других помещений; изготовители математических инструментов и т.д. Как видно, царь не жалел государственных средств на подготовку различных специалистов в Англии. Всего на протяжении XVIII в. в Великобритании обучилось, по данным Красса, несколько сотен «студентов» из России. Обращает на себя внимание их социальный состав. Так, в числе 30 лучших учеников Навигационной и Математической школ в Москве для учебы в Британии были отобраны: сыновья священников Петр Мартов и Федор Васильев, иконописца — Степан Маев, солдата — Петр Макринский, писца — Василий Казанцев, горожанина — Федор Казанцев, придворного — Семен Ушаков и т.д. Однако большинство «студентов» являлись представителями бояр и дворян. Петр направил на обучение в Англию даже сыновей своего дяди. Родственники царя — бояре Нарышкины были очень молоды: одному едва минуло 14, другому исполнилось 8 лет. Тем не менее, мальчики произвели приятное впечатление на посланника Витворта, который отмечал, что оба они говорят по латыни и отличаются умением держаться «скромно, прекрасно не по летам и не по обычаю своей родины» ²⁷. По прибытии в Англию молодые Нарышкины были представлены королеве Анне Стюарт (царствовала в 1702—1714 гг.) и также произвели на нее самое благоприятное впечатление.

Большую роль в подготовке национальных кадров для промышленности сыграл сам царь. Петр I неоднократно говорил о государственной пользе ремесленных и промышленных занятий в России, подчеркивая, что они «никого не бесчестят», а напротив также полезны для государства и почетны, как любая другая государственная служба. По примеру англичан, вынужденных для решения проблемы пауперов, возникшей на почве огороживаний еще в XVI в., в правление Тюдоров, строить богадельни и приюты для нищих, Петр в 1703 г. повелел открыть в Москве работный дом «для празднующихся», а при нем завести различные ремесла. К. де Бруин, расценивая подобные действия Петра I как достойные похвалы, отмечал, что для обеспечения существования «нищих мужчин и женщин, шатающихся во множестве по московским улицам», при каждой церкви открывалась богадельня, которая содержалась на казенный счет ²⁸. В 1724 г. по указу Петра были устроены также воспитательные дома, в которых незаконнорожденные дети обучались «всяким художествам».

Результаты принятых Петром I мер для создания отечественной промышленности не заставили себя долго ждать. К концу правления Петра в России насчитывалось 233 фабрики и завода. Наиболее интенсивно развивались предприятия, связанные с военным делом: полотняное, парусное, суконное производства. Процветало также горное дело, благодаря чему в 1718 г. на всех русских заводах было выплавлено более 6,5 млн пудов чугуна и около 200 тыс. пудов меди ²⁹, что позволило России вооружить флот и армию собственным огнестрельным оружием.

Важное место в экономике России при Петре I занимала торговля, в

которой наиболее активными партнерами русских купцов являлись англичане. Ранние торговые контакты с английскими купцами восходят к середине XVI в., когда прибывший в Архангельск «купец-авантюрист» Р. Ченслер «открыл» Россию для англичан. Однако торговые отношения двух стран особенно укрепились после визита Петра I в Англию. Россия в ту пору, даже на взгляд иностранца Перри, являлась страной «плодородной» и изобиловала всем, «что потребно для жизни человека». Русские купцы везли на Запад: кожи, меха, полотно, лен, пеньку, тюленью кожу, ворванное сало, канифоль, смолу, деготь, икру, сало, воск, рыбий клей, лес для корабельных мачт, строевой лес, дуб и сосновое дерево. А после того, как в России расширилось производство по изготовлению железа для производства оружия, иноземные купцы стали проявлять интерес и к этому товару. Английские купцы были самой многочисленной группой среди заморских торговцев: из 98 торговых судов, прибывших в 1722 г. в Санкт-Петербург, 52 являлись британскими. Об интенсивных торговых контактах между Россией и Англией в правление Петра I свидетельствовал и писатель Д. Дефо. «Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8 — 9, как в прошлые годы», — писал он в 1705 г. в журнале “The Consolidator”³⁰. Нельзя пройти мимо того факта, что иностранные купцы, и прежде всего, выходцы с британских островов, пользовались в России особым покровительством со стороны царя и его приближенных. И.Я. Фроянов пишет, что Петр I создал тяжелейшие условия для русского купечества, тогда как западным торговцам делал различные послабления. Многие товары, шедшие на экспорт, попадали в руки купцов-монополистов А. Стейлса, И. Люпса, К. Гутфеля, Е. Меера, Х. Бранта и других. Монополисты получали баснословные прибыли, способствовавшие экономическому благосостоянию Западной Европы. Этому же в немалой степени помогла утечка капиталов в европейские банки, главным образом, в Лондонский и Амстердамский. «Эпоха петровских реформ расплодила массуздоимцев и казнокрадов, которые в сутолоке преобразований сколотили несметные состояния. Особенно отличился «светлейший князь» А.Д. Меншиков, который ... вывозил наворованные деньги за границу. В Лондонском и Амстердамском банках он хранил 9 млн руб., бриллианты и разные драгоценности на сумму в 1 млн руб. Богатства по тем временам сказочные. Государственный бюджет 1724 года составил 6 млн 243 тыс. 197 руб.»³¹. Таким путем происходила огромная перекачка русских богатств на Запад, что было выгодно западным дельцам, справедливо заключал историк.

Западное, не в последнюю очередь английское влияние, сказалось в России и на культуре, образовании, искусстве, литературе, а также внешнем виде русских людей и их бытовом поведении. Сближение с Западом требовало, по разумению Петра, изменений во внешнем виде русских людей с тем, чтобы они собой напоминали европейцев. Поэтому на другой день по возвращении из Англии Петр I начал самолично обрезать бороды у бояр. Указ о брадобрействе появился позже, 16 января 1705 года. Духовенство и крестьян этот указ не затронул: им дозволялось оставаться «старомодными». Витворт свидетельствовал: «Одною из самых трудных задач было склонить москвитян к разлуке с длинными бородами: многие из знатнейших бояр расстались с ними в присутствии царя, только потому, что его воле противиться было нельзя. Простые люди, впрочем, не так легко поддавались новой моде, пока у городских ворот не стали взимать штрафов со всякого, входящего или выходящего с необритой бородою, причем плата требовалась каждый раз, как бы кто часто ни проходил воротами. Таким образом, наконец, и простой народ заставили покориться». Для исполнения указа о брадобрействе были отряжены специальные брадобреи, которые брили бороды всем без различия. Многим людям подобное распоряжение «казалось до того горьким», что они пытались подкупить деньгами брадобреев, однако это не помогало. Бритье совершалось даже за столом царя и над самыми знатными вельможами. «Невозможно выразить скорбь, какую причиняло это бритье многим русским, .. оттого, что они потеряли бороду, которую,.. так долго носили и

которую считали признаком почета и знатности», — вспоминал де Бруин. Один плотник из Воронежа рассказывал Перри, что собирается спрятать свою отрезанную бороду с тем, чтобы ее положили вместе с ним в гроб, и когда он явится на тот свет, то сможет дать отчет о ней Николаю-угоднику³². Дело доходило до того, что в разных городах России стали появляться подметные письма, в которых православных призывали «восстать за бороду». В дом к митрополиту Дмитрию в 1705 г. сошлись знатные горожане, которые затеяли диспут о бороде, об опасности брдобрейства для душевного спасения, ибо считалось, что «сбрить бороду — значит потерять образ и подобие божие».

Стремясь облегчить сближение своих подданных с иноземцами, Петр I в январе 1700 г. издал указ о ношении европейского платья. «Сперв повелел монарх платью сему быть венгерскому, но потом сие отменил, а указал носить мужескому полу верхнее саксонское и французское, а камзолы и нижнее платье немецкое, и женскому — немецкое». Примечательно, что каждый из иностранцев, оставивший записи о виденном в России, причислял введенную Петром моду к той стране, из которой сам прибыл. Так, голландец де Бруин сообщает, что русским людям запрещалось выходить за городские ворота не в голландской одежде, чулках и башмаках. Англичанин Перри уверял, что царь приказал своим подданным одеться по английской моде, и что образцы тонкого английского сукна для кафтанов были вывешены на всех воротах города³³.

Иноземная мода встречала глухое недовольство в обществе, поскольку она была чужда как традициям, так и самому духу русского народа. Однако Петр не сдавался и стремился насильно навязать своим подданным элементы европейской бытовой культуры. В ход шли самые жесткие меры. «У городских ворот, — писал Ключевский, — расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами... Купцам за торг русским платьем — кнут, конфискация и каторга. Все это было бы смешно, если бы не было безобразно»³⁴.

Почему же Петр I так сурово расправлялся с теми своими подданными, которые не желали следовать западной моде? Ученые высказывали два предположения. Ключевский полагал, что большинство населения противилось петровским реформам и не желало столь поспешных нововведений, поскольку видело в том крушение всей своей жизни — обычаев, традиций, быта. Царя же раздражала подобная приверженность к отечественной старине. Он усматривал угрозу своим начинаниям во всех приверженцах этой старины. И потому «древнерусская борода была для него не физической подробностью мужской физиономии, а выставкой политического настроения, знаком государственного бунтовщика наравне с длиннополым платьем». Другим расхожим мнением по поводу введения изменений во внешнем виде русских людей считалось то, что это делалось в целях безопасности самих иностранцев, которых ненавидел весь народ. «Замечания некоторых историков о том, что перемена внешности нужна была для успеха преобразований, — писал Л. Анисов, — что длиннополость — признак азиата, а короткополость — признак европейца, уничтожаются простым и ясным признанием Гордона, что это нужно было для безопасности иноземцев, для смешения их с русскими перед негодующим народом»³⁵.

Возмущение народа вызвало еще одно нововведение, позаимствованное Петром I у англичан — табакокурение. Прежде в России курение табака расценивалось как дело «нечистое». Оно запрещалось распоряжением самого Патриарха. Однако царь, как уже упоминалось выше, находясь в Англии, пожаловал лорду Кармартену монопольное право на ввоз и торговлю табаком в России, после чего в стране и развернулась кампания по приучению русского народа к табаку. И в курении табака, и в потреблении спиртных напитков русский народ следовал западным, и не в последнюю очередь английским, образцам. Как свидетельствовал Перри, вскоре после своего воз-

вращения из Англии Петр I повелел открыть в России кабаки для распития спиртного, варить же пиво или самогон крестьянам было запрещено. Было бы неверным утверждать, что до Петра в России не употребляли спиртных напитков вовсе, однако также ошибочно полагать, что просвещенная Европа отличалась в ту пору трезвостью. Ключевский писал: «В тот век пили много везде в Европе, не меньше, чем теперь, а в высших кругах, особенно придворных, пожалуй, даже больше». В Англии в начале XVIII в., пишет А.М. Панченко, «пьянствовали и стар, и млад, причем, чем выше был сан, тем больше человек пил. Без меры пили почти все члены королевской семьи». В одном только Лондоне насчитывалось в ту пору 17 тысяч пивных. Чрезмерное пристрастие к спиртному англичан обличали как порок и первые английские просветители Дж. Аддисон, маркиз Галифакс и другие. Так что русские люди в потреблении спиртного скорее следовали «заграничным образцам», нежели являли таковой сами. Англичане попытались в какой-то мере повлиять на обычаи, связанные с культурой (или отсутствием таковой) питья в России. Так, благодаря настояниям посланника Витворта, русские отказались от практики «заставлять пить гостей насильно» и впредь каждый был «волен пить столько, сколько ему самому приятно и угодно»³⁶.

Большое волнение в российском обществе вызвало еще одно нововведение царя, привнесенное с Запада: с 1 января 1700 г. было велено вести летосчисление от Рождества Христова, а не от сотворения мира, а Новый год праздновать 1 января, как и все неправославные народы. «Это новшество уж прямо вторгалось в церковный порядок, — подчеркивал Ключевский. — Люди... теперь еще сильнее востребовались на защиту старой веры». Данная реформа летосчисления не случайно легла в основание легенды о Петре I как о «царе-антихристе». Подданные царя «подчинились этому указу только из страха, — свидетельствовал Перри. — Но и до сих пор находят еще некоторые старые русские, которые в день 1-го сентября ... с ревностным усердием празднуют этот день, как первый день Нового года»³⁷.

Более плодотворно сказалось британское влияние на развитии образования в России. Во время своего визита в Англию Петр I посетил Академию наук, университет в Оксфорде, музеи, лаборатории. Увиденное произвело на царя большое впечатление и привело к убеждению о необходимости создания высших и специальных учебных заведений в России. В то время в стране существовало единственное высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1685 году. Петр I немало содействовал основанию Российской Академии наук, деятельность которой с первых дней ее существования была тесно связана с английским Королевским обществом. К слову сказать, в члены Королевского общества в 1714 г. был принят князь А.Д. Меншиков: «за его достоинства, знания и умения как в военном, так и гражданском правлении». Царь провел ряд практических мер по созданию в стране различных учебных заведений. В 1701 г. в Москве была открыта Навигационная школа, которую возглавил Фаркерсон. Именно этому ученому суждено было стать основателем математического и навигационного обучения в России. При Петре I Фаркерсон подготовил едва ли не всех русских моряков «от высших и до низших». В 1703 г. в Москве открылись математические школы, или реальные гимназии. Их выпускники, в свою очередь, становились учителями школ, которые создавались с 1714 г. по всей стране. В 1705 г. в Москве открылось среднее учебное заведение — гимназия Глюка, в которой основное внимание отводилось изучению иностранных языков, а также истории и философии. Занимала Петра I и мысль о создании начальной народной школы. К концу его царствования в России насчитывалось уже до полусотни цифирных школ, в которых обучали грамоте, письму, арифметике и геометрии. Однако превратить подобные учебные заведения во всеобщие Петру I так и не удалось; в них обучались по преимуществу «дьячие и подьяческие» дети. Необходимость в технических знаниях потребовала открытия в столицах помимо Навигационной школы также ряда училищ — медицинского, артиллерийского, инженерного. Были предприняты первые

шаги в организации женских образовательных учреждений по примеру тех, что существовали в Англии. В 1694 г. просветитель Д. Дефо издал трактат «Очерк о проектах», в котором предлагал открыть женские образовательные учреждения — «академии» для аристократок, по 2 в каждом графстве. Эти «академии» представляли собой пансионы закрытого типа, в которых ученицы получали светское образование, обучались грамоте, иностранным языкам, музыке и танцам. Один из сподвижников Петра I, просвещенный аристократ Ф. Салтыков в своем труде «Пропозиции» также предложил в каждой губернии открыть по две женских школы, разместив их в помещении бывших монастырей. Позднее с проектами женских семинарий выступал В. Татищев³⁸.

Большое значение в деле распространения знаний в России Петр I придавал прессе и книгопечатанию. В ту пору в Англии издавалось уже несколько периодических изданий. По примеру англичан Петр I в январе 1703 г. повелел издавать в Москве еженедельное периодическое издание «Ведомости», которое и стало первой печатной газетой в России. В «Ведомостях» чаще всего перепечатывалась информация из иностранных европейских газет. В 1708 г. Петр издал указ о печати книг светского содержания «гражданским шрифтом, сближенным по начертанию букв с латинским». Среди первых новым шрифтом была издана переведенная с немецкого языка книга «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению». Помимо «азбуки и цифири», книга содержала ряд рекомендаций (в том числе и представительницам слабого пола) по поводу того, как следовало держать себя в обществе: как сидеть за столом и обходиться с вилкой и ножом, с носовым платком, на каком расстоянии снимать шляпу при встрече с знакомыми и какую «позитуру принимать» при поклоне. Эта книга, по определению Ключевского, «учебник светских приличий», была популярна и переиздавалась в России несколько раз.

Устроенная Петром I типография в Москве, по свидетельству Перри, издавала на протяжении ряда лет переведенные с иностранных языков многие книги «по части богословия и нравственности, равно как и относящиеся до войны, искусств и наук». Делал это русский царь, по мнению англичанина, с целью «внушить народу своему правила добродетели и дать ему лучшее понятие о совести и человечности»³⁹.

Надо признать, что влияние английской литературы на умы россиян в эпоху Петра I было довольно ограниченным в силу слабого распространения английского языка в России. Поэтому знакомство с английской литературой осуществлялось через «посредников», т.е. благодаря переводам с французского и немецкого языков. В середине 20-х годов появился первый перевод с французского отдельных номеров сатирико-нравоучительного журнала «The Spectator», издателями которого были первые журналисты-просветители Англии Р. Стиль и Дж. Аддисон. Этот журнал имел огромный успех как у себя на родине, где переиздавался 54 раза, так и во многих странах Европы. Объяснялась подобная популярность издания разнообразием тематики (от текущей информации о событиях в стране и за рубежом до глубоких рассуждений на философские, этические, литературные сюжеты), а также занимательной формой ее изложения. В своем журнале просветители подвергали острой критике коррупцию и взяточничество, злоупотребление служебным положением и некомпетентность должностных лиц, а также высмеивали пороки, присущие англичанам: суеверие, религиозные предрассудки, зависть, злословие, ложь, притворство, ханжество, пьянство. Подобные негативные явления жизни и человеческие пороки были типичными не только для англичан, но и для русских людей, поэтому журнал очень скоро сделался популярным и в России. Что же касается английской политической литературы, оказавшей огромное влияние на просвещенные умы Франции, то в России она не имела успеха. Переводы трудов Т. Гоббса и Дж. Локка, а также изложенные Ф. Прокоповичем в «Правде воли монаршей» «ходячие и безвредные для русского читателя идеи западноевропейской публицистики о происхожде-

нии государств, об образах правления, о власти государей», по мнению Ключевского, не имели успеха⁴⁰. Русская элита предпочитала знакомиться с политическими порядками и общественными нравами Западной Европы не по книгам, а отправляясь в путешествия на учебу или с дипломатической миссией.

Бесспорно, значительным явлением в культурной жизни петровской России являлся театр. Придворный театр в Москве был устроен еще при отце Петра — царе Алексее Михайловиче. Хотя представления в нем давала «иноземная труппа», но русские люди также привлекались к новому развлечению. К примеру, Симеон Полоцкий написал для раннего театра в 1674 г. две пьесы: «О Навходоносоре царе» и «Комедию притчи о блудном сыне». Со смертью царя Алексея театральное дело в России приостановилось и лишь в 1702 г. вновь ожило, когда Петр I выписал странствующую немецкую труппу актеров во главе с актером и драматургом Кунштом. Театральные представления давались два раза в неделю на Красной площади, где в спешном порядке было выстроено специальное помещение — «комедиальная хоромина», или «комедиальный анбар». Чаще всего ставились пьесы из репертуара самого Куншта: «Сципий Африканский», комедия о Дон-Педре и Дон-Яне, а также «Доктор принужденный» Мольера. Каких-либо явных свидетельств о влиянии английского театра на русский в эпоху Петра I нам обнаружить не удалось, однако, по мнению М.П. Алексеева, связи русского театра с английским были очевидными и их истоки вели к «англичанам иноземной слободы»⁴¹.

Заимствования элементов западноевропейской, в первую очередь, английской культуры во многом (хотя далеко и не во всем) сказалось положительно на развитии России. К подобному заключению приходил и Н.А.Ерофеев⁴². Но считали ли прогрессивными реформы Петра I его современники? Как русский народ воспринимал деятельность царя после его возвращения с Запада и как вообще он относился к иностранцам? Ответы на эти вопросы позволят составить более полное представление о том, каким путем происходил процесс восприятия западной культуры в России.

Еще до визита Петра I в европейские страны, т.е. до начала его реформаторской деятельности, отношение русских людей к иностранцам было далеко недружественным. Одной из причин восстания стрельцов, как отмечал Панченко, было желание не только перебить бояр, но и «вырубить Кукуй», поскольку вину за наплыв и непомерное влияние иноземцев возлагали на Немецкую слободу. Москвичи не случайно переименовали ее в «Пьяную слободу». «И было за что, — продолжал историк. — Здесь оседало много всякого европейского отребья, потасовки и попойки стали будничным делом. На Кукуй возлагают ответственность за грубость нравов, которой отличалась компания Петра и дома, и в первом заграничном путешествии». Бояре и дворяне роптали на то, что царь «вполне прилепился к иностранцам», ежедневно ходил в их дома и свободно допускал беседовать с собой. Еще более враждебным сделалось отношение русского народа к иностранцам после возвращения Петра I из зарубежной поездки и начала его реформ. Практически все общество встретило эти реформы «в штывы». Дворянство было недовольно ущемлением своих властных полномочий. Церковная реформа, сопровождавшаяся снятием колоколов с церкви для переплавки их на пушки, возбудила «сильное волнение» в среде высшего духовенства. Осуждающе воспринимало действия Петра I даже его ближайшее окружение: А. Меншиков, Д. Голицын, Ф. Апраксин, Я. Долгорукий, Б. Шереметев, С. Яворский и другие. Князь Голицын говорил: «К чему нам нововведения, разве мы не можем жить так, как живали наши отцы, без того, чтобы иностранцы являлись к нам и предписывали нам новые законы?». В реформах Петра Голицыну особенно не нравились поспешность нововведений, а также были неприятны стремления царя изменить нравы и обычаи старины. Князь ненавидел иноверцев и ратовал за то, чтобы русские люди в своем государстве дела вершили самостоятельно⁴³. И подобные высказывания Голицына находили сочувствие и поддержку со стороны многих придворных Петра I.

Упорное противодействие петровским реформам оказывал народ. Подозрительное отношение к реформаторской деятельности царя со стороны простого народа Ключевский объяснял двумя причинами: тем, что эти реформы, во-первых, довели принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения, и, во-вторых, являлись «непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем, народных привычек и верований»⁴⁴. Непрекращающийся наплыв иностранцев и возрастающее их влияние на царя вызывали недовольство русского народа, а сама поездка к «нехристям» послужила толчком для народной фантазии. В народе все чаще стали поговаривать о том, что «немцы царя испортили», высказывались предположения о том, что Петр I — вообще «не наш государь, а немчин». Рождалось сказание о «царе-антихристе».

Нельзя сказать, чтобы Петр I заблуждался относительно «задушевных» отношений Западной Европы к России. Да, и к иностранцам, по утверждению Ключевского, он относился «с трезвым недоверием». Петр хорошо понимал, что Россию на Западе всегда ожидают «пренебрежение и недоброжелательство». Однако историческая необходимость заставляла царя заимствовать у Запада всевозможные новшества и переносить их на российскую почву. И вряд ли удалась бы эта затея Петра I с реформами, если бы не поддержка со стороны столичного дворянства. Именно этот класс, считавший государственную службу своим сословным призванием, и стал, по выражению Ключевского, «главным туземным орудием реформ». К числу первых «поборников» западного влияния историк причислял князя Хворостинина, Ордина-Нащокина, Ртищева и других. И все же проводить свои реформы Петру пришлось через насилие и «властное принуждение» над народом. Хотя отдельные новшества, заимствованные царем у иностранцев (доступ женщин, наряду с мужчинами, в общественные увеселительные заведения — ассамблеи; запрет на венчание без согласия на брак молодых людей и др.) встречали одобрение, однако в целом реформаторская деятельность Петра, во многом осуществленная под влиянием Запада, не находила общественной поддержки. Что же касается негативного отношения к иностранцам, влияние которых на своего царя народ расценивал исключительно отрицательно, то оно продолжало оставаться таковым на протяжении ряда лет и после кончины Петра. В 1725 г. многие простые люди отказывались присягать «императрице-иноземке» Екатерине I, которая будто бы «напустила порчу» на своего супруга. Нередко случались нападения на иностранцев. Так, была раскрыта «шайка», насчитывавшая 9 тысяч человек, во главе с отставным полковником, которая намеревалась сжечь адмиралтейство и убить всех иностранцев⁴⁵. Суд над участниками заговора был короткий: 36 зачинщиков были посажены на кол и повешены за ребро.

При изучении вопроса о влиянии английской культуры в России мы задавались также целью установить, как сами англичане относились к русскому народу и к реформаторской деятельности Петра I. В отношениях между Англией и Россией в первой четверти XVIII в. преобладали, считает Соколов, недоверие, осторожность и сдержанность. Этому в немалой степени способствовало прочно укоренившееся в общественном мнении Великобритании представление о России как об отсталой, «чрезвычайно странной, экзотической и неевропейской стране». Издатель журнала «The Examiner» известный писатель-сатирик Дж. Свифт в 1713 г. выступил со статьей, в которой характеризовал русских как нацию «варваров и дикарей», подчиняющихся тираническому правлению, склонных к частым восстаниям и представлявших для цивилизованного мира еще большую угрозу, чем та, которую несли в свое время готы и вандалы. На взгляд другого просветителя Англии Б. Мандевиля, подданные «царя Московии» от природы глупы и «не так уж давно большинство их являлись чуть ли не дикими животными» и только усилия Петра I способны превратить Россию в цивилизованную страну. Между тем, подобные суждения о России складывались во многом из-за недостатка сведений о стране и ее народе. Как отмечал британский ученый М. Андерсон,

англичане, находившиеся в России, практически не знали русского языка, истории страны. Они рассматривали русский народ и его государственность как стоявшие ниже западноевропейских, тем более британских. С историей России англичане познакомились по «Истории жизни Петра Великого», написанной Вольтером. Они ничего не знали о средневековой культуре России, которая находилась на довольно высоком уровне. Многие британцы верили в то, что в России до воцарения Екатерины II не существовало даже книгопечатания. Для большинства англичан реформы Петра были малопонятны. Они полагали, что внутренние дела народа, еще пребывавшего в состоянии варварства, вряд ли могут быть интересными для остального мира ⁴⁶.

В какой мере были справедливы суждения англичан о петровской России как «варварской стране»? По признанию того же Андерсона, культура России еще до татарского нашествия находилась на довольно высоком уровне. И действительно, приведенные Панченко данные об уровне грамотности мужского населения России (как одного из показателей уровня культурного развития страны в целом) в первой половине XVII в., позволяют говорить о том, что значительная часть мужского населения была знакома с грамотой («белое духовенство» — поголовно грамотное, «черное духовенство» и дворяне — на 75%, купечество — на 75 — 96%, мужики — на 23 — 52% грамотные). Средний уровень грамотности мужского населения Англии в тот же период составлял 70%, т.е. практически не превышал уровня грамотности мужчин в России! Существовавшая типография в России — Печатный двор издавала в середине XVII в. 450 тыс. букварей, псалтырей и часословов. При этом книги были общедоступными. К примеру, буквари продавались по копейке за штуку. Общая продукция Печатного двора за XVII в. составляла около 500 наименований книг. Обычным делом для второй половины XVII в. стали иностранные книги в личных и монастырских библиотеках. Подводя итоги анализа состояния культуры России до петровских реформ, А.А. Преображенский заключал: «Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии» ⁴⁷. Таким образом, становится очевидным, что представления англичан о петровской России как о «варварской» и «нецивилизованной» стране были далеки от истины. Но только ли недостаточной информированностью британцев о России (даже первые географические карты России стали издаваться в Англии лишь с 1708 г.) объяснялось подобное восприятие нашей страны? Отнюдь, нет! Во многом отношение англичан к России и ее народу зависело от той внешней политики, которую Петр I проводил в то время.

Поначалу и сам «царь Московии», и его деятельность встречали одобрение со стороны правящей элиты Англии. Взаимоотношения царя с британскими монархами — Вильгельмом Оранским, королевой Анной и королем Георгом I Ганновером внешне выглядели безупречно. Обмениваясь посланиями, Петр I и царствующие английские монархи друг к другу иначе, как «дорогой и любимый брат» и «любящая сестра» не обращались. Прием царю в Англии также был оказан самый радушный. Англичане показали Петру I все, что он пожелал увидеть и охотно проводили своих соотечественников в далекую Россию, чтобы те своим трудом и мастерством помогли обустроить страну на европейский лад. 27 апреля 1705 г. Харли писал посланнику Витворту: «Я надеюсь вскоре услышать от Вас, насколько европейские обычаи проникают в Россию и насколько Его Величество... успеваеет привить своей армии, своему народу, своему законодательству, правительству, торговле своей страны все, что он и его сановники видели при своем путешествии за границей». И как бы отвечая государственному секретарю, Д. Дефо в журнале «The Consolidator» сообщал о том, что Петр I перенял многое из английской практики, особенно в военном искусстве и торговле «для своего невежественного народа». Петр I преобразовал свою армию, создал новый флот, открыл посольства в разных частях мира. «И теперь мы видим, — продолжал

Дефо, — как его армия осаждает укрепленные города,.. а его инженеры строят батареи, из которых летят снаряды, как это делается и в других странах. Прежде ничего этого не было... и потому поля сражений они устилали телами своих погибших солдат... Мы видим, что их суда теперь полностью оснащены и управляются английскими и голландскими специалистами, а их военные суда путешествуют по Балтике. Их новый город Петербург, построенный царем, начинает походить на наш Портсмут... Великий монарх также улучшил свою страну, введя в обиход манеры и обычаи более просвещенных наций Европы»⁴⁸.

Не менее восторженно о реформаторской деятельности Петра отзывались и другие просветители. К примеру, Р.Стиль в журнале "The Spectator" утверждал, что в современном мире существуют только два великих монарха: французский король Людовик XIV и царь России Петр I. На взгляд журналиста, Петр I «за свои знания, достоинства и личный вклад» достоин называться «великим правителем» и его «справедливо поставить в один ряд с античными героями». На взгляд же Мандевилля, более всего заслуживает похвалы деятельность Петра I, направленная на повышение грамотности населения России. Высоко оценил деятельность Петра I английский капитан Дж. Перри, которому довелось воочию наблюдать русского царя и на судостроительных вервях и за токарным станком. Перри обращал внимание на то, что Петр I не жалел усилий в деле подготовки квалифицированных кадров из своих подданных. Он сам был примером для подражания, поскольку одновременно являлся инженером, пушкарем, «делателем потешных огней», кораблестроителем, токарем, боцманом, оружейником, мастером, кузнецом и т.д. Не удержался от похвальных речей в адрес «царя Московии» и посланник Витворт. В одном из своих писем к госсекретарю Харли 14 марта 1705 г. он отмечал: «Мощью собственного гения, почти без сторонней помощи он достиг успехов, превосходящих всякие ожидания и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей... Царь свершил также много других великих реформ чрезвычайно полезных стране... Надо удивляться, как много Его Величество сделал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям Государя, его любознательности и трудолюбию»⁴⁹.

Однако восторженный тон официальных лиц и прессы Великобритании по адресу Петра I и его реформаторской деятельности резко меняется после захвата Ревеля, Полтавской битвы 1709 г. и успехов российского флота на Балтийском море. В ту пору в Европе происходило два серьезных военных конфликта: Северная война (1700—1721 гг.) и Война за испанское наследство (1702—1713 гг.). В первой участвовала Россия, во второй — Великобритания. А поскольку Швеция рассматривалась англичанами в качестве союзницы, то ее ослабление в войне с Россией вызывало резкое недовольство правительства Великобритании. Территориальные завоевания Петра I способствовали усилению антирусских настроений в Англии, отмечал Андерсон. Одним из свидетельств подобных настроений может служить инцидент, который произошел с послом России в Англии А. Матвеевым. 21 июня 1708 г. в Лондоне трое неизвестных напали на посла, жестоко его избили, изорвали на нем платье и бросили в долговую тюрьму. Госсекретарь Бойль расценил подобные действия нападавших как «дерзкое оскорбление» посла и просил английского посланника в России Витворта «не жалеть ни усилий, ни расходов», чтобы погасить возникший скандал. Королева Анна направила Петру I письмо с официальными извинениями, однако сам факт возможности подобной провокации являлся свидетельством антирусских настроений в Великобритании. Англичане стали опасаться России не только из-за ее побед, одержанных на суше, но и в связи с усилением могущества на море, отмечал Андерсон. При этом он ссылается на автора памфлета, который в 1714 г. писал: «Петр I стал нашим соперником и для нас опасно не замечать этого»⁵⁰.

Антирусские настроения, нараставшие в Англии в 1716—1717 гг., еще более упрочились в последующие годы. Победы российского флота, который

создавался во многом благодаря усилиям английских мастеров, заставляли Великобританию усматривать в России опасного конкурента. В письме госсекретарю лорду Стенхоупу 15 мая 1719 г. новый посланник в России Дж. Джеффрис высказывал беспокойство по поводу тех соотечественников, которые помогали русским строить флот: «Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена, — писал он, — Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя быть может уже и поздно». В другом своем послании Джеффрис настоятельно рекомендовал госсекретарю отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, «оставаясь здесь, они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более, чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них»⁵¹.

Впрочем, не только военные-морские победы русских раздражали англичан. В развитии промышленного потенциала в России они также усматривали опасную конкуренцию для собственной промышленности и торговли. В апреле 1718 г. «московит Третьяков» был отправлен на обучение в королевский литейный цех в Вуличе, однако англичане отказались его принять, мотивируя это тем, что они «сами только начали осваивать это дело», и что у мастера предостаточно собственных учеников, да и своя работа не ждет. Англичане воспротивились также устройству в России собственного табачного производства. Члены Тайного совета высказывали опасения в том, что подданные царя могут быть посвящены в тайны табачного дела наравне с британцами, а это отзовется «крайне вредными последствиями» для английской торговли. Чтобы не допустить распространения табачного производства в России, королевские советники требовали все машины и материалы, завезенные в страну, «сломать и уничтожить». Отказали англичане и в просьбе Петра I направить в район Астрахани 10—12 человек, «искусных в виноделии и разведении виноградников». Да, и вообще, как отмечал Ключевский, иноземные мастера, обучавшие русских, «делали это неохотно и небрежно», а прожив определенный срок в России, уезжали, оставляя учеников «без совершенства их науки». Все это возбуждало подозрение, продолжал историк, «не дают ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине»⁵². Бесспорно, подобное отношение к успехам русского народа приводило к зарождению в Англии русофобии, прежде всего в среде правящей элиты.

Антирусские настроения подогревались в общественном мнении Великобритании искусственно, признавал британский ученый Д. Хорн. Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без устали твердили об опасности со стороны России. Русского царя они начали изображать как «автократа с неограниченными амбициями», а существующую систему правления в России, как «жестокую деспотию», от которой исходит серьезная угроза для свобод англичан. Особенно усердствовал в нагнетании антирусских настроений Дефо. В своем журнале «A Review» журналист опубликовал две пространные статьи, в которых резко критиковал Петра I и его методы правления. Так в статье от 23 августа 1711 г. он осуждал российского царя за то, что тот «не заботится о естественных правах своих подданных и прежде всего, их праве на свободу». Полемизируя с Р.Стилем, который в Петре I видел великого монарха, Дефо напротив считал, что царь, который тиранит свой народ, не может обладать «духом истинного величия», тиран не может быть героем. «Позвольте любому путешественнику в эту страну рассказать о своих впечатлениях, и вы узнаете как самовластно царь распоряжается душой и телом своих подданных, — писал журналист. — Дайте им рассказать, как его подданные склоняют головы в его присутствии и опускают глаза, не смея взглянуть на своего правителя... Как он расправляется со своей знатью, как требует от нее отдавать своих сыновей в мастера и ремесленники». Другая же статья Дефо, опубликованная 2 апреля 1713 г. в том же журнале, вызвала настоящий дипломатический скандал. Дефо осуждал «варварство

московитян», которые продавали пленных шведов магометанам. Самого Петра I журналист называл «королем-мясником» и призывал европейских монархов не общаться с правителем, который подобен чудовищу — «свирепому сибирскому медведю»⁵³. Естественно, что статья, написанная в столь оскорбительных для царя выражениях, не могла остаться незамеченной. Английскому послу была вручена нота протеста. Королева Анна обещала примерно наказать обидчика, но слова своего не сдержала: Дефо так и не понес никакого наказания за свою дерзкую статью.

Антирусские настроения, зародившиеся в последние годы жизни Петра I, привели к возникновению в Великобритании русофобии, прочно укоренившейся в общественном мнении на протяжении последующих веков. Проблема русофобии в Англии в свое время поднималась известными учеными Н.А. Ерофеевым и В.Г. Трухановским. Хотя оба историка анализировали русофобию в Великобритании в XIX в., они также затронули истоки происхождения этого явления, связывая его начало с правлением Петра I. О зарождении русофобии в Англии в первой четверти XVIII в. писал и Хорн. Решающая победа русских над шведами, приобретение Россией прибалтийских земель, рост ее флота явились свидетельством возникновения в Европе нового мощного государства, с которым уже не могли не считаться другие страны. Новая Россия представляла серьезную конкуренцию Великобритании, и потому отношения двух стран в последние годы правления Петра I, а затем и Екатерины I (1725—1727 гг.) отличались неприязнью. Две страны в ту пору пребывали, по словам Хорна, в состоянии «холодной войны»⁵⁴. И лишь с приходом к власти в России и Англии новых монархов в отношениях между странами наметились положительные перемены.

Подведем некоторые итоги. Нельзя не признать, что заимствования из британского опыта в России при Петре I были очевидными. Наиболее ярко английский «след» обнаруживается в создании морского флота, регулярной армии, промышленных мануфактур, в делопроизводстве, церковной и образовательной реформах. И здесь можно говорить о положительном влиянии британского опыта на Россию. Однако были в заимствованиях и свои отрицательные стороны, сказавшиеся прежде всего в насильственном сломе морально-этических и религиозных норм и традиций, господствовавших в ту пору в русском обществе. Проводимые под влиянием и по примеру Запада реформы Петра I насильно прививали к дереву западноевропейской цивилизации совершенно иную, отличную от нее самобытную и самодостаточную русскую культуру. Естественно, что подобный процесс не мог пройти гладко и без издержек. Одним из наиболее показательных негативных фактов насильственной «европеизации» России явилось снижение уровня грамотности ее населения, поскольку основные силы народа отвлекались на строительство флота, регулярной армии, постройку новой столицы и т.д.⁵⁵. Цену за «открытие окна» в Европу русский народ заплатил непомерную. И потому говорить лишь о положительном влиянии европейской и, в первую очередь, британской культуры в России, вряд ли правомерно. Вместе с тем нельзя отрицать очевидного: благодаря знакомству с техническим и культурным наследием Великобритании Россия смогла намного быстрее достигнуть в XVIII в. статуса великой европейской державы. Однако исторический опыт англичан вряд ли смог быть востребован, если бы не тяжелейший труд русского народа и неиссякаемая реформаторская деятельность его лидера — Петра Великого, направленных на создание государства нового типа.

Примечания

1. СОКОЛОВ А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль. 1992; ПАВЛЕНКО Н.И. Петр Великий. М. 1994; КРОСС Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб. 1996; КАМЕНСКИЙ А.Б. От Петра I до Павла I. М. 1999; Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents (далее — Britain and

- Russia). Lnd. 1998; An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781. Cambridge. 1989. Peter the Great and the West: New Perspectives. International Conference. Lnd. 9—11 July 1998.
2. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Соч. в 9 томах. Т. IV. М. 1989, с. 18, 20.
 3. ЕРОФЕЕВ Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М. 1982, с. 72.
 4. ПЕРРИ Дж. Состояние России при нынешнем царе. М. 1871, с. 95—96.
 5. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Т. IV, с. 20—21.
 6. См.: АНДРЕЕВ А.И. Петр I в Англии в 1698 г. — Петр Великий. Сб. статей. М.-Л. 1947; БАКЛАНОВА Н.А. Великое посольство за границей в 1697—1698 гг. — Там же; СОКОЛОВ А.Б. Ук. соч.; ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч.; КРОСС Э. Ук. соч.
 7. Britain and Russia, p. 5.
 8. ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 107.
 9. АНДРЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 82, 72.
 10. АНИСОВ Л. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол. М. 2000, с. 59—60.
 11. Britain and Russia, p. 181—184, 237, 13—14.
 12. АНДРЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 91, 87.
 13. СОКОЛОВ А.Б. Ук. соч., с. 152. Петр I не знал английского языка и потому во время беседы с посланником Вильгельма Оранского он воспользовался помощью переводчика с английского на голландский язык, которым царь владел (Britain and Russia, p. 21). М.П. Алексеев полагал, однако, что «свободно говоривший по-голландски Петр, вероятно, неплохо понимал также и английскую речь» (АЛЕКСЕЕВ М.П. О связях русского театра с английским в конце XVII — начале XVIII вв. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 87. Саратов. 1943, с. 131); КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 24.
 14. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 189, 202; МОЛЧАНОВ Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М. 1986, с. 117.
 15. ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 117—118, 120; ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 102; Сборник императорского русского исторического общества (далее —СИРИО). Т. 39. СПб. 1884, с. 54—55.
 16. КРОСС Э. Ук. соч., с. 167, 168; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 106.
 17. СИРИО. Т. 39, с. 59; т. 61. СПб. 1888, с. 563, 564.
 18. Britain and Russia, p. 115, 158; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 28; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 63.
 19. ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 107; Де БРУИН К. Путешествия в Московию. —Россия XVIII века глазами иностранцев. Л. 1989, с. 94; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 153.
 20. Цит. по: АНИСОВ Л. Ук. соч., с. 287; ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 75; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 133.
 21. АНДРЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 96.
 22. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 101; ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., цит. по: с. 77.
 23. Britain and Russia, p. 208, 216.
 24. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 102.
 25. СИРИО. Т. 61, с. 562.
 26. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 218, 102, 104, 196.
 27. Britain and Russia, p. 193, 58; КРОСС Э. Ук. соч., с. 348—363; СИРИО. Т. 50. СПб. 1886, с. 31.
 28. Де БРУИН К. Ук. соч., с. 93.
 29. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 110—111.
 30. ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 159; Britain and Russia, p. 236.
 31. ФРОЯНОВ И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб. 1999, с. 727, 728, 730.
 32. СИРИО. Т. 39, с. 60; Де БРУИН К. Ук. соч., с. 92; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 127.
 33. Цит. по: ПАНЧЕНКО А.М. Русская культура в канун петровских реформ. М. 1984, с. 120; Де БРУИН К. Ук. соч., с. 91; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 127.
 34. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 200.
 35. Там же, с. 199—200; АНИСОВ Л. Ук. соч., с. 76.
 36. ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 124, 148; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 35; ПАНЧЕНКО А.М. Ук. соч., с. 126; Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford. 1894, p. 211—212; The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax. Oxford. 1912, p. 10—13.
 37. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 212; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 152.
 38. Britain and Russia, p. 134; DEFOE D. An Essay upon Projects. Lnd. 1887, p. 169—171; ЮРОВСКАЯ Э.П. Утопические черты организации Императорского воспитательного общества благородных девиц. — Екатерина Великая. Эпоха российской истории. СПб. 1996, с. 108.

39. ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 143.
40. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford. 1894, p. 125, 201—202; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 248.
41. АЛЕКСЕЕВ М.П. Ук. соч. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 87, с. 139.
42. ЕРОФЕЕВ Н.А. Ук. соч., с. 83.
43. ПАНЧЕНКО А.М. Ук. соч., с. 119, 125; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 97; АНИСОВ Л. Ук. соч., с. 85, 249.
44. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 207.
45. Там же, с. 196; АНИСОВ Л. Ук. соч., с. 176—177.
46. СОКОЛОВ А.Б. Ук. соч., с. 155; ANDERSON M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553—1815. Lnd. 1958, p. 59, 87—91; Опыт о благотворительности и благотворительных школах. — МАНДЕВИЛЬ Б. Басня о пчелах. М. 1974, с. 289.
47. ПАНЧЕНКО А.М. Ук. соч., с. 166; PERRY R. The Celebrated Mary Astell. An Early English Feminist. Chicago. 1986, p. 489; История Европы. Т. IV. М. 1994, с. 230, 235.
48. Britain and Russia, p. 55, 62, 63, 89, 133, 134; Цит. по: АНДРЕЕВ А.И. Ук. соч., с. 101.
49. Britain and Russia, p. 111; СИРИО. Т. 39, с. 60—61.
50. ANDERSON M.S. Op. cit., p. 65, 59, 70.
51. СИРИО. Т. 61. СПб. 1888, с. 536, 564—565.
52. Britain and Russia, p. 194; СИРИО. Т. 39, с. 104; ПЕРРИ Дж. Ук. соч., с. 63; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. IV, с. 102.
53. HORN D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford. 1967, p. 205; Britain and Russia, p. 111—112, 125.
54. ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М. 1993, с. 222; HORN D. Op. cit., p. 109, 205.
55. ПАНЧЕНКО А.М. Ук. соч., с. 166.

Николай Николаевич Юденич

В.Ж. Цветков

В 1931 г. русская военная эмиграция отмечала 50-летие производства генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича в первый офицерский чин. Юбилей Юденича был не столько данью уважения прошлым боевым заслугам одного из лидеров Белого движения. Он стал своеобразным «смотром сил». К юбилею была подготовлена специальная брошюра¹. Во время этого юбилея сравнительно мало было сказано о последней, пожалуй, самой яркой странице военной биографии Николая Николаевича — командовании Северо-Западной добровольческой армией и знаменитом «походе на Петроград» 1919 года. В литературе русского зарубежья, равно как и в советской историографии, Северо-Западному фронту не везло. В СССР оценка Белого движения на Северо-Западе основывалась, по сути, на мнении эмигрантского публициста А. Ветлугина. Развивая его соображения, советские авторы делали вывод: «сгруппировавшаяся «у врат Петрограда» контрреволюция ничем не отличалась от деникинщины, колчаковщины и врангелевщины. Но здесь как-то особенно ярко проявились все основные черты белого движения — оторванность от широких народных масс, авантюризм и бездарность вождей, своекорыстность поддерживавших движение групп, готовность купить любой ценой, любыми унижениями помощь интервентов. Все политические Хлестаковы, Репитиловы, Собакевичи и Скалозубы как бы нарочно собрались «у врат Петрограда», чтобы продемонстрировать перед всем миром лицо российской Вандеи»². Иными словами — никакой социальной базы, никаких возможностей для развития и, тем более, победы Белого движения на Северо-Западе России не было и быть не могло.

Лишь в последнее десятилетие стали появляться исследования, авторы которых пытались объективно представить особенности Белого движения на Северо-Западе вообще и личность генерала Юденича, в частности. Монография Н.Н. Рутыча посвященная генералитету Северо-Западной армии увидела свет в текущем году. Готовится и очередной (7-й) номер исторического альманаха «Белая Гвардия», тематически посвященный Белому движению на Северо-Западе России.

Николай Николаевич Юденич родился в Москве 18 июля 1862 г. в семье коллежского советника. Его фамилия вела свою родословную от малороссийских дворян. Родители не считали, что именно военная карьера должна

Цветков Василий Иванович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета, главный редактор альманаха «Белая Гвардия».

стать призванием их сына. Свое совершеннолетие он отметил поступлением в Межевой институт. Однако, проучившись в нем меньше года, он перешел в Александровское военное училище. 8 августа 1881 г. 19-летний взводный портупей-юнкер Юденич получил производство в первый офицерский чин поручика.

По воспоминаниям товарищей-александровцев будущий генерал от инфантерии был худощавый, светловолосый юноша, общительный, совершенно непохожий на будущего молчаливого командарма Северо-Западной добармии. Отличное окончание училища гарантировало поступление в гвардию. И молодой подпоручик получил направление в Варшаву, где в составе частей Варшавского военного округа был расположен лейб-гвардии Литовский полк. Округом в то время командовал герой русско-турецкой войны 1877—1878 годов генерал В.И. Гурко. Юденич стал ротным командиром литовцев³.

В 1884 г., в 22 года он успешно выдержал вступительные экзамены и стал слушателем Николаевской академии Генерального штаба. В 1887 г. академия была закончена им по первому разряду с присвоением звания «штабс-капитан гвардии». После службы на различных штабных и строевых должностях в 14 армейском корпусе в Варшавском военном округе он в 1892 г. был произведен в подполковники и переведен в Туркестанский военный округ. Здесь он принял должность начальника штаба Памирского отряда.

Тридцатилетний подполковник, по воспоминаниям его сослуживца Д.В. Филатьева, отличался «прямотой и даже резкостью суждений, определенностью решений, твердостью в отстаивании своего мнения и полным отсутствием склонности к каким-либо компромиссам». К этому уже добавилась его немногословность. «Молчание — господствующее свойство моего тогдашнего начальника», — писал о нем ген. А.В. Геруа⁴.

Получив в 1896 г. чин полковника, Юденич вступил (в 1902 г.) в командование 18-м стрелковым полком 5-й стрелковой бригады 6-й Восточно-Сибирской дивизии. Началась Русско-японская война, и полк выступил на фронт. Накануне войны Юденичу предлагали должность дежурного генерала при штабе ТуркВО, но он отказался от спокойной тыловой жизни и предпочел фронтовые будни «на сопках Маньчжурии».

Полковник Юденич был уверен, что личный пример начальника — лучший способ воспитания подчиненных. В сражении при Сандепу, несмотря на начавшееся отступление русских войск, Юденич на свой страх и риск лично повел в штыковую контратаку вверенную ему 5-ю стрелковую бригаду и отбросил противника. Скупой на похвалу командующий Маньчжурской армией ген. А.Н. Куропаткин особо выделил этот поступок Юденича как пример смелости и инициативы старшего командира. В штыки поднял свой полк Юденич и в сражении под Мукденом. Здесь также, несмотря на безнадежность положения, он попытался прорвать фронт в несколько раз превосходящих его японских частей. После серьезного ранения в грудь навывлет, его отправили в госпиталь.

За Русско-японскую войну Юденич был награжден золотым Георгиевским оружием «За храбрость», а также орденами Св. Владимира 3-й степени с мечами и Св. Станислава 1-й степени с мечами и произведен в чин генерал-майора (1905 г.), приняв должность командира 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Однако уже на следующий год строевая служба для Юденича временно закончилась. Он стал генерал-квартирмейстером штаба Кавказского военного округа и с этого момента Кавказ стал для Юденича главным местом его военной карьеры⁵.

Мирная, размеренная служба на Кавказе, казалось, не предвещала потрясений. К этому времени изменилась и его личная жизнь. Его супругой стала Александра Николаевна (урожденная Жемчужникова). Она родилась в 1871 г. и была на 9 лет моложе мужа. Брак их был спокойный, жили очень дружно, а темпераментный характер жены несколько уравновешивал немногословность Николая Николаевича. Прибывший к месту назначения боевой

генерал быстро приобрел симпатии со стороны сослуживцев. Вот как вспоминал об этом ген. Б.П. Веселозеров: «От него никто не слышал, как он командовал полком, так как генерал не отличался словоохотливостью; георгиевский темляк да пришедшие слухи о тяжком ранении красноречиво говорили, что новый генерал-квартирмейстер прошел серьезную боевую страду. Скоро все окружающие убедились, что этот начальник не похож на генералов, которых присылал Петербург на далекую окраину, приезжавших подтягивать, учить свысока и смотревших на службу на Кавказе, как на временное пребывание... В самый краткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев. Точно всегда он был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием «генералин», снисходительный, он быстро завоевал сердца. Всегда радушный, он был широко гостеприимен. Его уютная квартира видела многочисленных сотоварищей по службе, строевое начальство и их семьи, радостно спешивших на ласковое приглашение генерала и его супруги. Пойти к Юденичам — это не являлось отбыванием номера, а стало искренним удовольствием для всех, сердечно их полюбивших»⁶. Их гостеприимный дом на Брятинской улице в Тифлисе вскоре превратился в место, где собирался тамошний свет.

Дружеские отношения между генерал-квартирмейстером и его сослуживцами стали привычны. «Работая с таким начальником, — писал Веселозеров, — каждый был уверен, что в случае какой-либо порухи он не выдаст с головой подчиненного, защитит, а потом сам расправится как строгий, но справедливый отец-начальник... С таким генералом можно было идти безоглядно и делать дела. И война это доказала: Кавказская армия одержала громозносные победы, достойные подвигов славных предков»⁷.

Юденич не был мелочным и не прибегал к начальственному «окрику». По словам начальника штаба Кавказского фронта генерал-лейтенанта Д.П. Драценко, «он всегда и все спокойно выслушивал, хотя бы то было противно намеченной им программе... Никогда генерал Юденич не вмешивался в работу подчиненных начальников, никогда не критиковал их приказы, доклады, но скупое бросаемое им слова были обдуманы, полны смысла и являлись программой для тех, кто их слушал». Прямота, твердость в отстаивании своей позиции, были еще одними из существенных черт его характера⁸. В 1909 г. Юденич получил орден Св. Анны 1-й степени, а в 1912 г. чин генерал-лейтенанта (по выслуге лет).

Высокопрофессиональный военачальник Юденич учитывал сложность национального вопроса на Кавказе, один из немногих полностью поддерживал проект создания дружин — хумбов из армянского населения. 20 октября 1914 г. Россия объявила войну Османской империи. Кавказская армия, сформированная на базе Кавказского военного округа, приняла на себя основную тяжесть боевых действий. Кавказский наместник генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков принял на себя власть главнокомандующего, его помощником и фактическим командующим стал ген. А.З. Мышлаевский, начальником штаба — Н.Н. Юденич.

Турецкая армия под командованием Энвер-паши, молодого и талантливого военачальника, прошедшего школу немецкого генштаба, рассчитывала захватить центры Армении — Карс и Эривань, надеясь после этого подойти к Грузии и Азербайджану. Турецкая разведка активно использовала контакты с азербайджанскими и горскими сепаратистами. Перешедшие в декабре 1914 г. границу турецкие дивизии быстро вышли на линию Карс — Ардаган. Кавказская армия оказалась в сложном положении под Сарыкамышем. Воронцов-Дашков приказал Мышлаевскому и Юденичу взять под контроль обстановку вокруг Сарыкамышского отряда. Прибыв на место, Юденич высказался против намерения начальника отряда генерала Г.Э. Берхмана, поддержанного Мышлаевским, отступить к Карсу, считая необходимым действовать во фланг наступавшей турецкой группировке. Возник конфликт с Мышлаевским, который также настаивал на отступлении.

В конце концов Мышлаевский приказал отступить и уехал обратно в

Тифлис. Узнав об этом, Юденич решил действовать по-своему. Исходя из того, что отступление в условиях окружения, при отсутствии коммуникаций, и к тому же в суровую зиму, приведет к разгрому, он решил оборонять Сарыкамыш. В течении 25 дней обороны Юденич постоянно был на передовой, разделяя с солдатами и офицерами все тяготы окружения. Вскоре начался перелом. Накануне Рождества русский гарнизон мощным ударом прорвал блокаду, практически полностью разгромив при этом части 9-го турецкого корпуса. Узнав о Сарыкамышской победе, Воронцов-Дашков представил своего начальника штаба к званию генерала от инфантерии. Помимо очередного повышения Юденич был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и назначен командующим Кавказской армией.

Вскоре начались бои в Персии. За разгром «правого крыла» 3-й турецкой армии (около 90 батальонов) в ходе Евфратской операции, закончившейся 30 июля 1915 г., Юденич был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени⁹.

С первых же месяцев после отъезда мужа на фронт Александра Николаевна Юденич все силы отдавала организации лазарета, оборудованного по последним достижениям хирургической науки. Привлекая жен мобилизованных солдат и офицеров, она создавала мастерские по пошиву обмундирования, изготовлению военного снаряжения. При мастерских были открыты ясли для детей работниц.

Зенитом полководческого таланта Юденича на Кавказе стал штурм крепости Эрзерум. С началом 1916 г. Кавказская армия вплотную подошла к этой, казавшейся неприступной, «кавказской твердыне». Ее взятие позволило бы развить наступление, выйдя на равнины Анатолии, в центр Османской империи. Юденич решает взять крепость без длительной осады, что называется, «с ходу». Верховный главнокомандующий Николай II, и сменивший Воронцова-Дашкова на посту главнокомандующего Кавказским фронтом вел. кн. Николай Николаевич, не желавшие рисковать, были категорически против этой операции. Штурмовать крепость собирались зимой, двигаясь по обледеневшим горным дорогам и непроходимым перевалам. Но ничто не могло заставить Юденича отказаться от принятого, стратегически просчитанного и оправданного, в чем у него не возникало никаких сомнений, решения. Свою роль сыграли дошедшие до него известия, что после поражения десанта союзников в Галлиполийской операции освободившиеся турецкие войска перебрасываются на Кавказ.

Высоко оценил решение Юденича генерал-майор Б.А. Штейфон, участник Эрзерумского штурма, будущий деятель Белого движения: «В действительности каждый смелый маневр генерала Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И, главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича — это смелость творческой фантазии, та смелость, которая присуща только большим полководцам». Ему вторил генерал-квартирмейстер Кавказской армии Е.В. Масловский: «генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях, и при штурме Эрзерума. Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца»¹⁰.

Взяв на себя всю ответственность за операцию, Юденич в полной мере учитывал обстановку, сложившуюся на Кавказском фронте. Не испытывавшая на себе пагубных последствий «окопного сидения» Кавказская армия готова была идти на прорыв и штурмовать крепость.

В течении 20 дней тщательно подбирали силы. Для взятия крепости сосредоточили 2/3 личного состава Кавказской армии и большую часть артиллерии. Подготовка велась в глубочайшей тайне. 29 января 1916 г. после

мощного артобстрела, ночью, в сильную метель штурмовые отряды пошли на приступ. Юденич приказывал вести атаку круглые сутки, без перерыва. Сам он с небольшим конвоем и штабными офицерами разместился в окопах, на передовой. Несмотря на тяжелые потери штурмующих, отчаянное сопротивление турок было сломлено, и уже к утру 3 февраля гарнизон Эрзерума выкинул белый флаг.

Вел. кн. Николай Николаевич, поздравляя войска с победой, снял папаху и, повернувшись к Юденичу, низко поклонился ему, провозгласив, обратившись к строю: «герою Эрзерума, генералу Юденичу, ура!». За эту операцию Юденич был награжден Георгиевским крестом 2-й степени (редчайший случай в истории награждений орденом Св. Георгия)¹¹.

Развивая успех Эрзерумской операции, Кавказская армия во взаимодействии с кораблями Черноморского флота овладела Трапезундом — крупным морским портом на черноморском побережье Турции. Вскоре русские войска освободили всю Армению и были готовы продолжать наступление в Анатолию и Персию. За время боев на Кавказском фронте в 1914—1916 гг. войска под командованием Юденича не проиграли ни одного сражения и заняли территорию, по площади превышавшую современные Грузию, Армению и Азербайджан вместе взятые.

Подводя итог кавказскому «периоду» боевой карьеры Юденича, ген. Масловский отмечал: «Армия малочисленная, всегда численно слабейшая противника, армия с ничтожными техническими средствами и имевшая перед собой противника с превосходными боевыми качествами, непрерывно одерживает победы над врагом... Тот, кто внимательно будет исследовать последнюю русско-турецкую войну, подметит, что все операции Кавказской армии, руководимой генералом Юденичем, всегда покоились на основных принципах военного искусства... Этот же исследователь отметит то громадное значение, которое придавалось на Кавказе духовному элементу в бою. Вот почему всегда сражение начинается поражением воображения противника неожиданностью удара, и всегда длительным напряжением до предела сил бойцов в чрезвычайно упорных и непрерывных атаках создавалось нарастание впечатления, которое потрясало противника, и он сдавал... Весь проникнутый активностью, только в проявлении крайней степени ее видя решение, генерал Юденич признает лучшим способом ведения войны — наступление, а выгоднейшим средством последнего — маневр. В соответствии с духом активности генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью»¹².

Отзвуки Февраля 1917 года, «демократизации» армии докатились и до Кавказа. 5 марта 1917 г. Юденич стал главнокомандующим Кавказским фронтом (как говорили фронтовые остряки, одного Николая Николаевича сменил другой). Однако ему не удалось остановить начавшееся падение дисциплины, деморализацию воинских частей. Учитывая все это, Юденич отказался от наступательных операций. Фронт перешел к обороне. Это решение стоило ему слишком дорого. Его обвиняли в том, что он «игнорировал требования момента» и ничего не предпринимал для «решительного наступления революционной армии». Пробыв в должности главкома два месяца, Юденич был отстранен от должности и вызван в Петроград. Получив здесь задание «ознакомиться с настроениями» в казачьих областях, Юденич выехал в Москву, а затем в Могилев. Полностью выполнить порученное задание Юденич не смог, да, скорее всего, не очень и стремился к этому.

В августе 1917 г. фоторепортер журнала «Искры» зафиксировал его участие в работе Государственного совещания в Москве. Видимо к этому времени и относится начало участия Юденича в российской политической борьбе. Поддержка им выступления ген. Л.Г. Корнилова показала, что его симпатии полностью на стороне тех, кто считает возможным восстановить русскую государственность и армию посредством жесткой военной диктатуры.

Снова в Петрограде Юденич оказался уже после октября 1917 года. Сразу же перейдя на нелегальное положение, он, используя сохранившиеся у

него связи в гвардейской среде и штабе Петроградского военного округа, много времени посвятил петроградскому антибольшевистскому подполью. Но рассчитывать на выступление против большевиков в Петрограде пока не приходилось, и в конце ноября 1918 г. Юденич с семьей переехал в Финляндию.

Здесь генерал установил контакты со спецслужбами Великобритании, генштабом Финляндии и шведскими правительственными структурами¹³. Он ведет переговоры и с регентом независимой Финляндии бароном К.Г. Маннергеймом, бывшим офицером российской конной гвардии и главнокомандующим Финляндской армией. К началу 1919 г. из местных крестьян-карелов, под руководством русских и финских офицеров удалось создать отряды так называемой Ингерманландской армии, действовавшей на Карельском перешейке во время боев за Петроград.

Но малочисленные финско-русские отряды не смогли, в том числе и в силу ограниченности средств, сыграть сколько-нибудь существенную роль на антисоветском фронте. Нужны были крупные, хорошо вооруженные и подготовленные формирования, серьезные политические структуры, организации, способные возглавить Белое движение на Северо-Западе, авторитетный лидер, способный устроить бы и союзников, и политических деятелей, а, особенно, военных. Фигура Юденича выглядела как наиболее перспективная. Немногословный и надежный, небольшого роста, с несколько отстраненным взглядом, не знавший поражений пятидесятивосьмилетний генерал от инфантерии мог, как многим тогда казалось, объединить силы антибольшевистского сопротивления на Северо-Западе России. Правда, некоторые политические деятели оценивали его скептически. Отмечали его замкнутость, неспособность разобратся в хитросплетениях публичной политики¹⁴.

Несмотря на организационные трудности, в январе 1919 г. в Гельсингфорсе был создан Русский политический комитет (РПК) под председательством кадета А.В. Карташева. Комитет, по существу, стал центром антисоветских сил на Северо-Западе. Обеспечение финансовой стороны деятельности РПК взял на себя «российский Нобель», нефтепромышленник С.Г. Лианозов, которому удалось получить в финских банках кредит в 2 млн марок, составивших первоначальный капитал Комитета. Миллионер Ю. Гессен (двоюродный брат кадета И.В. Гессена, бывшего соредатора П.Н. Милюкова по газете «Речь») предпринимал попытки получить такой же кредит в Лондоне. При содействии Х. Лича, совладельца Петербургской посреднической фирмы «Лич и Файербрэйс» в Петрограде, предполагалось учредить англо-русский банк, способный монополизировать валютные операции¹⁵.

Всю «черновую» политическую работу взял на себя Карташев. В своих письмах Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку Карташев всячески подчеркивал важность поддержки Юденича как представителя общероссийской власти в регионе. Он просил, также, оказать РПК финансовую помощь из российского золотого запаса. Денежные средства предполагалось получить путем перевода их на счета английских банков, как посредников, с целью последующего финансирования создаваемой Северо-Западной добровольческой армии.

21 января 1919 г. Колчаку направил телеграмму и сам Юденич. В ней давалась характеристика той «военно-политической базе», на которой предполагалось построить Северо-Западный фронт: «С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии... Около меня объединились все партии от кадет и правее. Программа тождественна с Вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которую я располагаю в настоящее время — Северный корпус (3 тысячи) и 3—4 тысячи офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии... Я рассчитываю также на некоторое число — до 30 тысяч — военнопленных офицеров и солдат... Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имеется. Необходимо воздействие союзников на

Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом, офицеров. То же в отношении Эстонии и Латвии. Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград. Вооруженная сила не требуется — достаточно флота для обеспечения портов. Но, если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой». Отправляя копию этой телеграммы командующему Добровольческой армии А.И. Деникину Юденич отмечал: «Я обращаюсь к Вам с просьбой — помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств — я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались, — убедите наших представителей в Париже, убедите союзников, сообщите — я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело»¹⁶.

В этих последних словах, очевидно, и заключен, отчасти, ответ на вопрос — почему Юденич согласился взять на себя руководство Белым движением на Северо-Западе России. Не карьерные, честолюбивые замыслы влекли его. Надежд на успех было мало. Но отступить, бросить начатое — не в характере Юденича. Ради Белого движения можно и должно было бы сделать все возможное.

В начале 1919 г. и деятели РПК, и сам Николай Николаевич были оптимистами. Как опытный военачальник Юденич считал, что, поскольку большая часть Красной армии занята на Восточном и Южном фронтах и ее переброска потребует много времени и больших средств, наступление на Петроград силами даже небольшой армии может привести к большому успеху. Основой для такого наступления должны были стать немногочисленные и весьма пестрые по своему составу части так называемого Северного корпуса, расположенные на территории Эстонии и Латвии. Оперативно они входили в состав армии Эстонской республики под командованием генерала Лайдонера, но действовали, в большинстве случаев, автономно, подчиняясь приказам своих признанных командиров (нередко в очень малых чинах), жили своей особенной, самостоятельной жизнью и скептически относились к перспективам единого руководства.

Основой Северного корпуса стали немногочисленные части русских добровольцев, живших на территории Прибалтики, Псковской губернии, бывшие солдаты и офицеры Петроградского военного округа и Северного фронта. Популярен был генерал-майор А.П. Родзянко (родственник последнего председателя Государственной думы). Юденича, как руководителя Белого движения на Северо-Западе России, многие не признавали. Говорили: «генерал едет на все готовое». Однако, авторитет А.В. Колчака снимал возражения. Твердо следуя принципу единства военного и гражданского, политического руководства в Белом движении, Колчак своим указом от 10 июня 1919 г. назначил Юденича диктатором — «Главкомандующим всеми российскими сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северо-Западном фронте». Таким образом ему формально подчинялись подразделения Северного корпуса во главе с ген. Родзянко и отряды полковника С.Н. Булак-Балаховича, полесского «батьки», оперировавшего в Псковском районе, а также части Западной Добровольческой армии, под командованием генерал-майора П.М. Бермондта-Авалова. 23—26 июня Юденич провел инспекционную поездку по фронту, познакомился с командирами частей. Затем он вернулся в Гельсингфорс. На поддержку Финляндии попрежнему возлагались большие надежды и генерал не считал для себя возможным окончательно переехать в Прибалтику. Тем не менее, все более очевидным становилось, что надеяться придется только на собственные силы. А таковых было немного...

Белые силы на Северо-Западе состояли, по словам генерала М.Е. Леонтьева, из: «1) Русских отрядов полковника Дзержинского... численностью до 2500 штыков и сабель. 2) Русских частей, сформировавшихся в Латвии Светлейшим Князем Ливеном (их, а также отряды полковника Бермондт-

Авалова, до конца 1918 г., активно поддерживало немецкое оккупационное командование — В.Ц.). 3) Русского населения Финляндии, численностью до 15 тысяч, среди которых было до 3 тысяч офицеров. 4) Русского населения освобождаемых по мере наступления армии местностей... использование мобилизационных возможностей Санкт-Петербургской и Псковской губерний. 5) Русских военнопленных в Германии. От этого последнего источника пришлось отказаться, когда выяснилось, что военнопленные оказались в большей части распропагандированными»¹⁷.

С начала 1919 г. проводилась также активная вербовка офицеров-добровольцев. Их обучение и снаряжение осуществлялось в специально созданных в Швеции лагерях. Оттуда через Стокгольм они переправлялись в Гельсингфорс и Ревель.

Наступление на Петроград Юденич предполагал вести или со стороны Финляндии — по Карельскому перешейку, или со стороны Эстонии — через Псков и Ямбург. До лета 1919 г. генерал отдавал явное предпочтение «карельскому варианту», исходя, в первую очередь, из краткости расстояния от финской границы до Петрограда. Восточная Карелия, в чем убеждали донесения финской разведки, была настроена крайне антибольшевистски, и поэтому можно было бы надеяться на пополнение армии за счет местных крестьян. Кроме того Юденич допускал возможность тесного взаимодействия с частями Северной Добровольческой армии ген. Миллера, продвигавшимися от Архангельска на юго-восток, и с так называемой Олонецкой армией (из финских добровольцев), действовавшей в направлении Петрозаводска. В случае успеха можно было бы рассчитывать на создание единого антисоветского фронта на севере России.

Северо-Западное направление рассматривалось как одно из наиболее важных и на белом Юге. А.И. Гучков в письме к ген. Деникину от 17 января 1919 г. полагал, что прибалтийские республики могли бы стать плацдармом для выступления против красного Петрограда, хотя этот театр военных действий имел и свои недостатки — «большая дальность пунктов формирования и сосредоточения от основного объекта всех операций — Петрограда», замерзающий в период навигации Ревельский порт. Тем не менее, эта база должна быть использована. Ведь она, по мнению Гучкова, «во-первых, угрозой Петрограда в этом направлении отвлечет на себя часть советских сил и облегчит операцию со стороны Финляндии, и, во-вторых, даст возможность предпринять наступление на Псков — Бологое, угрожая отрезать Петроград. Это последнее направление представляет еще и ту выгоду, что армия на первых же шагах окажется среди великорусского населения таких губерний, которые и в своих крестьянских массах, и даже в своем городском населении окончательно переболели большевизмом и только и ждут избавителей, которые помогут бы им сбросить с себя большевистский гнет»¹⁸.

Подготовка белой базы на Северо-Западе интенсивно проходила в течение января — апреля 1919 года. Весной обозначилась и перспектива первого наступления на Петроград. Поддержка (пока, правда, не более чем декларативная) Англии, наметившиеся перспективы (весьма впрочем неопределенные) вступления в войну на стороне Белого движения Финляндии, Эстонии и Латвии (последних — после неудачных попыток их оккупации Красной армией в начале 1919 г.), наконец, очевидные успехи белых армий на юге и востоке России — все это, вместе взятое, давало хоть и небольшой, но все-таки шанс для начала успешных действий и на Северо-Западе.

Не дожидаясь развертывания сил Ингерманландской армии на Карельском перешейке, Юденич принял решение начать наступление силами Северного корпуса под командованием полковника Дзержинского из Эстонии. К началу первого наступления на Петроград корпус насчитывал немногим более 5 тысяч бойцов (в основном добровольцев и бывших красноармейцев), 18 орудий и 74 пулемета.

Конечно, рассчитывать на победу с такими ничтожными силами не приходилось. Тем не менее, большинство в военном и политическом руковод-

стве белых было уверено, что это наступление, во-первых, подтолкнет англичан к оказанию более существенной помощи; во-вторых, отвлечет на себя часть сил Красной армии и тем самым ослабит ее сопротивление наступавшей армии Колчака; в-третьих, позволит создать плацдарм на территории собственно российских губерний (Псковской и Санкт-Петербургской) и увеличит ряды армии за счет местных крестьян.

Наступление Северного корпуса оказалось, вопреки опасениям, весьма успешным: 13 мая сильным ударом его части прорвали красный фронт под Нарвой и движением в обход Ямбурга принудили красных к беспорядочному отступлению (этот день стал считаться днем рождения Северо-Западной армии). 15 мая, после бомбардировки с кораблей эстонской Чудской флотилии, под контроль белых перешел Гдов, первый крупный город на пути к Петрограду. 17 мая пал Ямбург, узловой пункт на пути наступления корпуса. Тем временем подразделение эстонской армии, содействуя успеху Северного корпуса, 25 мая заняли Псков. Вместе с ними в город вошел отряд полковника С.Н. Булак-Балаховича. С 1 июня во главе корпуса встал ген. Родзянко, который фактически и руководил первым «походом на Петроград» Северного корпуса, переименованного с 19 июня в Северную, а с 1 июля 1919 г. в Северо-Западную добровольческую армию.

В ночь на 13 июня началось восстание форта Красная Горка, защищавшего подступы к Петрограду. Вскоре ее поддержали соседние форты Серая Лошадь и Обручев. Однако для поддержки восставших ничего не было сделано и 16 июня 1919 г. восстание в Красной Горке было подавлено, а 21 июня после прибытия красных пополнений, направленных под Петроград из центра страны и с Восточного фронта, 7-я армия, при поддержке Балтийского флота начала контрнаступление.

Первоначальная цель операции была достигнута — Северный корпус захватил необходимый для последующих наступательных действий плацдарм. Опираясь на треугольник Гдов — Ямбург — Псков, командование корпуса и политическое руководство считало, что этого вполне достаточно не только для развития наступательных действий на Петроград, Новгород, но и для того, чтобы получить серьезную поддержку от Антанты, прибалтийских лимитрофов и Финляндии.

30 июня Карташев в письме к московским представителям «Национального центра», одного из наиболее активных общероссийских антисоветских политических блоков, выражавшего интересы, главным образом, кадетской партии, сообщал: «Твердо уверены во взятии Петрограда не позднее конца августа». «Весьма вероятно, — продолжал он, — что в ближайшие дни Юденич, с которым мы в полном единении, и все мы перейдем на русскую почву, на тот берег (то есть начнем работать в освобожденном от большевиков Петрограде. — В.Ц.), чтобы включиться в непосредственную работу»¹⁹.

Наконец было получено и принципиальное решение об английской военной помощи. К Юденичу отправилась особая военная миссия генерала Гофа, чтобы выяснить, в чем собственно нуждается Северо-Западная армия, которая по существу именно с этого момента стала уже элементом международной антисоветской политики. С одной стороны, помощь союзников существенно возросла, но с другой, любой неуспех мог бы расцениваться ими уже как полный провал всего Белого движения в регионе. «Ваша задача, — писал Карташев П.Б. Струве — поддержать всеми средствами признаний авторитета, дипломатических сношений и всякого рода материальной и государственной помощи именно нашу лояльную, ортодоксальную комбинацию Юденича, Карташева и Ко».

Примечательно, что в ожидании скорого падения Петрограда в политических «сферах» белых на Северо-Западе все чаще стали раздаваться заявления о «неправомомерности переноса» большевиками российской столицы в «красную Москву». «Петроград для большинства из нас по-прежнему был символом единого российского государства», — писал Карташев.

Вообще в политических сферах белого Северо-Запада очень часто гово-

рилось о некоем собственном внутреннем и внешнеполитическом курсе. В частности, это касалось планов созыва Собрания Северо-Западной области, призванного сепаратно решать политические и экономические вопросы в трех губерниях (Петроградской, Псковской и Новгородской) до созыва Всероссийского национального собрания. Сепаратистские тенденции проявлялись и во внешней политике, прежде всего в отношениях с Эстонией и Финляндией.

В мае Политический комитет сменило Политическое совещание. «Первая задача Политического совещания, — отмечал Карташев, — это быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и прочими новыми малыми державами. Без таких ответственных переговоров и договоров невозможно никакая кооперация наша с ними против большевиков». Вторая задача Политического совещания — выполнение функций «зачаточного временного правительства для Северо-Западной области». «Пришлось ограничиться, — писал Карташев, — подбором минимального количества лиц, не могущих вызвать против себя возражений и в русской среде, и в Париже, и у Антанты. Таким образом, в Совещании оказались: Юденич — как председатель Совещания, я (Карташев) — заместитель председателя (иностранные дела), Кузьмин-Караваев (юстиция и агитация), генерал Кондырев — начальник штаба Юденича, генерал Суворов (работавший в Петрограде с Национальным центром и стоящий на его платформе) — военные дела, внутренние дела и пути сообщения; Лианозов (промышленник-нефтяник, юрист по образованию, человек прогрессивный) — торгово-промышленность, труд и финансы... Так готовимся к событиям»²⁰.

Работало и антибольшевистское подполье в самом Петрограде. Политическое совещание, сам Юденич через курьеров постоянно поддерживали тесные контакты с Петроградским отделением Национального центра. Его возглавлял инженер В.И. Штейнингер, бывший гласный городской думы. Активно работал и Петроградский отдел «Союза Возрождения России» (руководители — меньшевик В.Н. Розанов и член ЦК партии народных социалистов В.И. Игнатъев), который объединил в своих рядах политиков левоцентристской ориентации. При нем действовала военная организация генерал-майора М.Н. Суворова и полковника Постникова, опиравшаяся на существовавшие еще с осени 1917 г. подпольные офицерские ячейки в бывших гвардейских частях. Результатом работы подполья стал переход на сторону белых нескольких частей 7-й советской армии, среди них — бывшего гвардейского Семеновского полка.

Но не бездействовал и аппарат ВЧК. В июне начались массовые аресты среди служащих различных учреждений Петрограда. Чекисты не утруждали себя поиском доказательств, для того, чтобы выйти «на след» белого подполья. Был использован традиционный и, по существу, беспроигрышный способ борьбы с «врагами народа» — повальные, повсеместные обыски и аресты, при которых в «сети» ЧК попадали все — и виновные, и безвинные²¹.

Не улучшалось и положение на фронте. В середине июля части 7-й советской армии возобновили наступление на Ямбург. В ходе тяжелых боев им удалось оттеснить поредевшие части Северо-Западной армии за реку Лугу. А в конце августа, благодаря отходу 2-й эстонской дивизии с позиций в районе Пскова, перешедшие в наступление большевики овладели городом и закрепились в нем. Таким образом, плацдарм для возможного наступления на Петроград уменьшился почти в два раза и представлял собой теперь лишь небольшой район Петроградской губернии, от Нарвы до Чудского озера.

Главному пришлось менять тактику борьбы. В конце августа Юденич с супругой переехал в Эстонию. Генерал жил в Нарве и Ревеле, руководя войсками, сосредоточенными на нарвском направлении, и участвуя в работе Политического совещания в эстонской столице. Между тем с фронта и прифронтной полосы все чаще поступали заявления о «нарушении законности» со стороны воинских частей, о «репрессиях» в отношении «мирного населе-

ния», о бесконтрольном поведении военных и слабости гражданской власти. Англичане требовали замены «военной диктатуры» главкома новым, «демократическим» правительством.

Одна из основных задач, которую должна была выполнить новая власть — признание Белым движением независимости Эстонии, ориентация на «правовые принципы». Около месяца шли бесконечные переговоры о создании новой власти. Снова говорили о непопулярности Юденича в войсках, о готовности ген. Родзянко взять на себя роль главкома. Сам Николай Николаевич не колеблясь заявил, что готов уйти в отставку только в том случае, если это будет продиктовано «интересами дела» антибольшевистского сопротивления.

11 августа 1919 г. большинство членов Политического совещания (сам Юденич в это время находился на фронте) были вызваны в английское консульство в Ревель. В числе приглашенных оказались члены кадетской партии, представители «Национального центра», «Союза возрождения России»: А.В. Карташев, С.Г. Лианозов, М.Н. Суворов, В.Д. Кузьмин-Караваев, М.С. Маргулиес, Н.Н. Иванов, К.А. Крузенштерн, а также члены образованного в Пскове «правительства» К.А. Александров, В.Л. Горн и М.М. Филиппес. Маргулиес описал этот процесс «формирования правительства». Английский

бригадный генерал Ф. Марч обратился к собравшимся с короткой речью на русском языке: «Положение северо-западной армии катастрофическое. Без совместных действий с эстонцами продолжать операцию на Петроград невозможно. Эстонцы требуют для совместных действий предварительного признания независимости Эстонии. Русские сами ни на чем между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. Довольно слов, нужно дело! Я вас пригласил и вижу перед собой самых выдающихся русских людей, собранных без различия партий и политических воззрений. Союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области России, не выходя из этой комнаты. Теперь 6 с четвертью часов; я вам даю время до 7 часов... Если правительство не будет к 7 часам образовано, то всякая помощь со стороны союзников будет сейчас же прекращена»²².

Образованное таким необычным образом Северо-Западное правительство, возглавил Лианозов, военным министром стал Юденич. В состав его вошли также два правых эсера и два меньшевика. Правоцентристский вектор политической программы уходил в прошлое. Отстраненный от дел, оскорбленный Карташев заявил, что «устраивать власть на основах партийной коалиции в период анархии и революции — это государственное преступление». Карташев отмечал «два первородных греха» нового кабинета — «подписание акта об абсолютной независимости Эстонии» и «обязательство собрать в Петербурге какую-нибудь учредилку». Именно поэтому он стал считаться автором заявления: «Северо-западное правительство должно умереть у ворот Петрограда». Эта позиция, а Карташева поддерживало большинство военных, имела все перспективы стать реальностью по мере приближения к «Северной Пальмире» Да и сам Юденич, как военный человек, также скептически оценивал перспективы правительства. Он соглашался с мнением, что «лианозовский кабинет» воскрешает времена «недоброй памяти политической коалиции, сгубившей Временное правительство»²³.

Сразу же после «создания» правительства было утверждено заранее подготовленное решение о признании «в интересах нашей родины» «абсолютной независимости Эстонии». Лианозов пытался доказать Марчу, что договор необходимо согласовать с Юденичем, но английский посланник заявлял, что в этом случае у них всегда найдется новый главнокомандующий. И хотя Юденич по-прежнему продолжал считаться таковым, подчиняясь непосредственно Колчаку как Верховному правителю России, его статус диктатора был существенно ограничен.

Но зато теперь, как считалось, отпали последние препятствия для организации широкой союзнической помощи. Признанная Эстония должна была «оказать немедленную поддержку русской Северо-Западной области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевицкого ига». Двум эстонским дивизиям следовало прикрывать фланги Северо-Западной армии со стороны Нарвы и Пскова. 7 августа в Ревельском порту с трех английских пароходов выгрузили долгожданные танки, броневые автомобили, орудия и винтовки. В начале сентября была получена крупная партия вооружения и обмундирования. Правда, иногда вместо винтовок и патронов в ящиках обнаруживались теннисные ракетки и шары для гольфа с надписями: «подарок от английских докеров», «солидарных с российским пролетариатом».

Крайне остро стоял вопрос о снаряжении армии. Его получали за счет того, что удавалось отбить у большевиков. Денежное довольствие шло от эстонского правительства и, чтобы хоть как-то улучшить положение солдат и офицеров, интенданство перепродавало американскую муку. Правда, к началу осени части на фронте все-таки получили новое английское обмундирование, продовольственные наборы и медицинские комплекты. Бронетанковые отряды, артиллерийские батареи были вооружены и снаряжены по нормам английской армии.

Дело доходило и до непосредственной военной помощи. В ночь на 18 августа 7 британских катеров осуществили внезапную торпедную атаку Крон-

штадта. И хотя не все торпеды достигли цели, а три катера погибли, результатом этой атаки было повреждение основных кораблей красного Балтийского флота. Британские летчики несколько раз бомбили Кронштадт и Красную Горку. Но этим, собственно, и ограничилось непосредственное участие англичан в военных действиях ²⁴.

Финансовое положение Северо-Западного правительства укрепились. От Колчака был получен кредит в 900 тысяч фунтов стерлингов. Вскоре напечатали и собственные дензнаки. «Юденки», «родзянки», как называли их в просторечии, обеспечивались, как шутили в тылу, только «шириной генеральских погон». Но в особом заявлении правительства утверждалось, что эти денежные знаки «обеспечены всем достоянием государства Российского» и будут оплачены Петроградским отделением Государственного банка по расчету 40 рублей за фунт стерлингов. Примечательно, что на купюрах 1000-рублевого достоинства, помимо символики Белого движения на Северо-Западе (равноконечного белого креста, двуглавого орла с «медным всадником» на груди вместо Св. Георгия Победоносца), впервые были напечатаны, правда едва заметные, изображения погибших Николая II и Александры Федоровны с нимбами над головами. Впрочем многие полагали, что это всего лишь изображения древнегреческих богов «земного благополучия» — Гермеса и Геры.

«Абсолютная независимость» Эстонии в какой-то мере давала ощущение и перспективности продолжающейся борьбы. Но не оставалось в стороне от эстонского вопроса и советское правительство. 31 августа наркоминдел Г. Чичерин обратился к Эстонии с предложением начать переговоры о заключении мирного договора. На конференции представителей прибалтийских государств 13 сентября в Ревеле, был напрямую поднят вопрос о поддержке и остальными лимитрофами советских дипломатических инициатив. Уже сам факт начала переговоров Советской России с Эстонией означал, что большевики готовы признать независимость республики, что практически обесценивало признание эстонской независимости Северо-Западным правительством.

Правда, оставался еще и «финский вариант». К середине 1919 г. в Финляндии завершилась гражданская война. Отряды финской Красной гвардии были разгромлены, но Маннергейм стремился обезопасить Финляндию от «советской угрозы» со стороны столь близкого к границе Петрограда. Поэтому регент Финляндии охотно поддерживал усилия Юденича по координации военных усилий.

Первоначально переговоры с Маннергеймом шли успешно. Он не только согласился на организацию на территории Финляндии белых добровольческих отрядов, но и сам выразил готовность предоставить для «похода на Петроград» финские воинские части. Взамен Маннергейм требовал, чтобы к Финляндии были присоединены район Печенгского залива и западная Карелия. Юденич в целом соглашался с условиями Маннергейма и сообщил о них адмиралу Колчаку. Российский представитель в Париже, бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, категорически заявил о неприемлемости требований Маннергейма («прибалтийские губернии не могут быть признаны самостоятельным государством. Так же и судьба Финляндии не может быть решена без участия России»). Колчак ответил Юденичу отказом. Маннергейм, полностью поддерживавший идею белых, обещал прийти на помощь даже в случае единоличного признания Юденичем выдвигаемых им условий. Главкомандующий Северо-Западной армии, отступая от принципа «единой, неделимой России», заверил Маннергейма в своей полной лояльности и вскоре началась подготовка к совместному наступлению на Петроград ²⁵.

Однако надежды на Финляндию не оправдались. Новый глава государства — Стольберг — политический оппонент Маннергейма, прервал переговоры с Юденичем и запретил формировать русские воинские части на финской территории. В результате, за исключением сепаратных действий отря-

дов финских и русских добровольцев полковника Эльвенгрена под Лемболово и Матоксой, никаких серьезных операций на Карельском перешейке не велось.

Генералу Юденичу, вместо руководства вооруженной борьбой, фактически приходилось все силы и энергию направлять в область политики. По характеристике А. Геруа: «Изобильно облепленный иностранными воздействиями, русской, так называемой, «революционной общественностью», которую лучше было бы переименовать «полуреволюционной», представителями сбежавшего за границу русского капитала, также не чуждого полуреволюции, и здесь ставшего «спекулятивным капиталом, плутократией», генерал Юденич был, конечно, не в своей тарелке. Неудивительно, что, по выражению окружавших его «демократов», «умный, крайне молчаливый генерал», впал в крайнее безмолвие. Вообще ген. Юденич явно избегал политических разговоров»²⁶.

Наступила осень. На фронте по-прежнему ничего не менялось. Эстония готовилась к переговорам с Советской Россией. Английская помощь не могла продолжаться долго. В политическом руководстве Великобритании определились серьезные разногласия между военным министром У. Черчиллем и премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем. Глава кабинета скептически оценивал перспективы поддержки Белого движения: «Я верю, — писал он, — что кабинет не допустит вовлечения Англии в какую-либо новую военную акцию в России... Что касается «огромных возможностей» для взятия Петрограда, который, как нам говорят, «у нас уже почти в кулаке» и которого нам никогда не схватить, то мы слишком часто слышали о других «огромных возможностях в России», которые так никогда и не реализовались, несмотря на щедрые расходы для их осуществления. Только за этот год мы уже истратили более 100 млн. на Россию». Крайне низко оценивались британским премьером и полководческие таланты самого Юденича: «у него нет никаких шансов захватить Петроград... Он ничем не зарекомендовал себя как военачальник, и у нас нет доказательств, что он способен осуществить задуманное... Россия не хочет, чтобы ее освобождали. Давайте поэтому займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама»²⁷.

Черчилль же был убежден, что военная помощь Юденичу должна оказываться в нарастающих размерах. В беседе с Гучковым, он отмечал, что одним из главных направлений военной политики Англии станет помощь Юденичу. Он утверждал: «если бы мы направили на этот фронт хотя бы половину того, что мы дали на Мурманско-Архангельский фронт (имелась в виду помощь Северной Добровольческой армии ген. Миллера. — В.Ц.), то Петроград был бы давно взят»²⁸.

Сам Юденич продолжал верить в помощь Англии. В конце сентября в письме Черчиллю он писал: «От имени русского народа, борющегося за свержение ига большевизма, я приношу вам искреннейшие благодарности за своевременную помощь снаряжением и обмундированием, любезно предоставленную вами. Она избавила нас от страха перед надвигающимися зимними морозами и намного подняла дух наших войск. Прилагая все усилия в борьбе против общего врага, мы надеемся, что столь великодушная всегда Англия будет продолжать оказывать нам моральную и материальную поддержку»²⁹.

Осень 1919 г. стала переломной не только для Белого дела на Северо-Западе, но и для всего Белого движения. С одной стороны, близость победы, успешное продвижение войск Деникина к Москве, с другой, тревожное, напряженное ожидание возможной неудачи, неуверенность в прочности Белого фронта. На Северо-Западе положение усугублялось постоянным ожиданием предательства, мирных договоров между Советской Россией и прибалтийскими республиками. Эстония официально предупредила: если до зимы Северо-Западная армия не начнет боевых действий, то «правительство не в силах будет воспрепятствовать народным настроениям, требующим мира с большевиками». Англичане со своей стороны также настойчиво требовали

наступления армии на Петроград, заявляя о готовности оказать содействие с моря для захвата Красной Горки и Кронштадта.

В сложившейся ситуации новое самостоятельное наступление на Петроград становилось для Северо-Западной армии последним вариантом. Если бы наступление оказалось успешным, настроения в Англии, и прибалтийских государств изменились бы в сторону поддержки Белого движения. Юденичу были известны впечатляющие результаты похода на Москву «Вооруженных Сил Юга России», подходивших к Орлу и Брянску. Налицо была возможность комбинированного удара белых армий (единственного за всю историю гражданской войны) на Петроград и Москву.

Северо-Западная армия должна была перейти в наступление, не дожидаясь дополнительного снабжения и подготовки. К октябрю 1919 г. ее состав вырос до 17 тысяч человек, 40 орудий, 6 танков, 2 броневиков и 4 бронепоездов. Реальные ее силы не достигали даже штатной численности дивизии военного времени (формально армия включала в себя 2 корпуса — 5 дивизий). Контингенты местного населения и добровольцев были практически полностью исчерпаны еще во время первого, весеннего наступления. Большой процент составляли военнопленные красноармейцы, и даже целые части, добровольно перешедшие на сторону белых (Семеновский, Вятский, Тульский полки, отряд Булак-Булаховича и др.). Офицерство в армии было немногочисленным. Армия была крайне пестрой по социальному составу. Формировались полки буквально «на ходу». В качестве примера можно выделить один из наиболее известных — Талабский полк. 1-й батальон, кадровую основу полка, составили восставшие осенью 1918 г. рыбаки с Талабских островов (на Великом озере, близ Чудского). Во 2-й батальон вошли крестьяне-старообрядцы, жители сел Гатчинского уезда Петроградской губернии, 3-й батальон был сформирован из военнопленных красноармейцев и матросов. Во всех батальонах полка служили учащиеся Ямбурга и уездных сел — городская и крестьянская молодежь, мобилизованные и добровольцы. Незадолго до начала наступления к армии присоединился и сформированный в Латвии Русский добровольческий отряд, под командованием светл. кн. Ливена (в качестве 5-й дивизии)³⁰.

Перед Юденичем теперь встал вопрос о направлении главного удара. Большинство командиров во главе с ген. Родзянко предлагали начать наступление, опираясь на так называемый «псковский плацдарм». Для этого следовало бы вновь захватить Псков и «оседлать» тем самым железнодорожные линии Псков — Луга — Петроград и Псков — Луга — Новгород. Это гарантировало бы, с одной стороны, стабильный тыл, опираясь на который можно проводить мобилизации, пополнять ряды армии и создать местный административный аппарат. С другой — обладание Псковом позволило бы наносить удары по расходящимся направлениям на Новгород и на Петроград. Тогда можно было продвигаться к Петрограду, хотя и медленнее, на зато с большими шансами на успех, глубоко охватывая город с юга и юго-востока, отрезав его от Центральной России. К тому же защищенным становился правый фланг армии, что обеспечило бы наступление на Петроград со стороны Нарвы.

Фактически этот план повторял расчеты белых еще со времени весеннего «похода на Петроград». С точки зрения классической стратегии, он имел хорошие перспективы. Но для этого, во-первых, численность бойцов Северо-Западной армии должна была быть во много раз большей, ведь только тогда она могла бы и «держат» столь широкий фронт, и наступать на Петроград и Новгород одновременно. Во-вторых, белый тыл должен был быть достаточно прочным, чтобы без серьезных опасений предпринимать столь глубокие операции против большевиков. А всего этого в условиях безвластия и хаоса, царившего в России, практически невозможно было добиться.

Но в том-то и заключалась специфика гражданской войны, что следовать традиционным стратегическим правилам не удавалось. И главнокомандующий Северо-Западной армией принял иной план действий. Юденич ре-

шил ударить на Петроград, не дожидаясь, пока будет «укреплен тыл» и «обеспечены фланги». На военном совете он твердо заявил, что «расстояние от Ямбурга до Петрограда короче, чем расстояние от Пскова до Петрограда», и наступать надо на «кратчайшем направлении». В этом случае только стремительность, неожиданность удара обеспечат победу.

Правильность принятого Юденичем решения подтверждали впоследствии и советские военные историки. Действительно, иного выбора в условиях малочисленности армии и необходимости оперативного взятия Петрограда и быть не могло. Решение о наступлении на Петроград полностью повторяло стратегический «стиль» Юденича, столь ярко проявившийся в боевых операциях на Кавказском фронте. Это был все тот же, типичный для него стратегический расчет на быстроту и непрерывность наступления, на силу и внезапность удара. Только целью на этот раз было не просто удачное взятие некоего, пусть даже и очень важного, населенного пункта, а овладение Петроградом, второй «красной столицей». Ставка была слишком высока, и любая, даже самая небольшая ошибка могла привести армию к катастрофе. «Белый меч» — под таким названием вошла в историю гражданской войны операция Северо-Западной армии осенью 1919 года. Мощный и быстрый удар этого «меча» должен был разрушить «цепи большевизма», освободить Петроград.

Принимая свое решение, Юденич учитывал и настроения на фронте. Солдаты и офицеры, получившие хорошее вооружение и обмундирование, в большинстве своем верили в успех наступления. Армия жила одним словом «Петроград» и, воодушевленная этим порывом, неслась на освобождение «Северной Пальмиры». Дух армии был очень высок, тем более, что официальные сводки, не жалея радужных красок, живописали успехи армий Деникина и Колчака под Тулой и на реке Тобол. Если бы наступление задержалось, в армии мог наступить перелом настроений, причем, отнюдь, не в пользу продолжения борьбы с большевиками.

Юденич не стал полностью отказывался и от «псковского варианта», приняв его в части нанесения демонстративного удара силами 4-й дивизии генерал-лейтенанта князя Долгорукова. 28 сентября эти части перешли в наступление на участке Варшавской железной дороги Псков — Луга и 4 октября взяли станцию Струги Белые, перерезав железнодорожное сообщение между Петроградом и Псковом. Демонстративный удар вполне удался, красное командование решило, что Юденич будет наступать на Псков, и в этот момент — 9 октября — перешли в наступление главные силы Северо-Западной армии. 11 октября Родзянко занял Ямбург, выйдя в тыл обороняющейся красной группировке и создав опорный пункт для атаки по линии Ямбург — Красное Село — Петроград.

Итак, второе наступление на Петроград началось. Только вперед, с наивысшей, максимально возможной скоростью продвижения — таковым стал основной мотив осеннего похода. Армия отказалась от обозов. Составы с английскими продуктами так и остались в Эстонии. За Лугой застряли бронепоезда (были взорваны мосты), отстали танки. Но, несмотря ни на что, наступление успешно продолжалось.

Части 7-й армии красных в беспорядке отступали, начались массовые сдачи в плен. 13 октября 4-я дивизия заняла узловую станцию Лугу, а 16 октября, всего через неделю после начала наступления, белые вышли на ближние подступы к Петрограду, захватив Гатчину. 20 октября подразделения 1-й дивизии генерал-майора Ярославцева заняли Павловск и Царское (переименованное большевиками в Детское) Село. 5-я (Ливенская) дивизия вступила в Лигово на крайнем левом фланге. Белые полки вышли к Пулковским высотам, а разъезды разведчиков доходили даже до Нарвской заставы. Наступили решающие дни в «битве за Петроград»³¹.

В сумрачные осенние дни редкие лучи солнца освещали купол Исаакиевского собора, видный с Пулковских высот. Овладение ими, этим «замком» к Петрограду, позволяло взять под обстрел дальнобойных орудий южную

окраину города. Все были убеждены, что через день-два Петроград будет занят. Ген. Родзянко отказался рассматривать Петроград с высот Красного Села, заявив, что завтра будет «гулять на Невском». Даже вечный критик своих коллег по правительству М.С. Маргулиес записал в эти дни: «Спасены: Питер виден на горизонте. Без немцев берем. И честь правительства спасена. Не даром унижались и боролись!... Взяты Лигово и Пулковое, осталось 15 верст до Петрограда. Завтра, быть может, войдут»³².

Во все концы мира летело радио: «Петроград взят. Власть Советов свергнута». Газеты белого юга, во время решительных боев на Московском направлении под Орлом и Воронежем, вышли с широкими, во всю полосу заголовками: «Доблестными войсками генерала Юденича освобожден Петроград». Уже был назначен губернатор Петрограда — генерал-майор П.В. Глазенап. В русских типографиях Гельсингфорса печатались листовки-воззвания к горожанам Петрограда с призывом «встречать своих доблестных освободителей колокольным звоном».

Но большевики не собирались сдаваться. 16 октября в городе была объявлена всеобщая мобилизация рабочих. Был сформирован даже полк из женщин-работниц Петрограда, своего рода аналог женских ударных батальонов 1917-го года. В эти дни Ленин телеграфировал в Смольный: «Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам дьявольски важно... Надо кончить с Юденичем скоро; тогда мы повернем все против Деникина»³³.

Близкий успех армии Юденича усилил позиции сторонников активной поддержки Белого движения в английском правительстве. 17 октября Черчилль поздравил Юденича с «заметными успехами в начавшемся наступлении». В этой же телеграмме говорилось об очередной партии военного снаряжения, направляемого на Петроградский фронт: танки, винтовки, артиллерийские орудия и снаряжение для 20 тысяч человек. Большую часть этого груза должен был доставить в Ревель пароход «Кассель». На нем же предполагалось прибытие 400 русских офицеров, бывших военнопленных, из Нью-маркетского лагеря. Отправленному к Юденичу представителю английской военной миссии генералу Р. Хэйкингу Черчилль передал «набросок инструкций». В случае взятия Петрограда главному Северо-Западной армии следовало «обставлять свои действия с возможно большей видимостью опоры на конституционные начала».

Но Северо-Западное правительство и не собиралось вести «реакционную политику». Постепенно восстанавливалась местная власть, органы земского и городского самоуправления. Развернутой официальной политической программы сформулировано не было, но в отдельных проектах предполагалось проведение довольно радикальных преобразований. В частности, в законопроекте министра земледелия П.А. Богданова провозглашалось «сохранение земельных отношений, которые имели место к приходу белых войск», то есть тем самым фактически признавались земельные «захваты» крестьян после 1917 года. После занятия Петрограда было решено созвать даже некое подобие парламента — Учредительное собрание Северо-Западной области, призванное решить вопрос о «конструкции власти на освобожденной от большевиков территории Петроградской, Псковской и Новгородской губерний»³⁴.

Для реализации всех этих планов нужно было еще овладеть Петроградом. Несколько дней продолжались упорные бои за Пулковские высоты. Белые ожесточенно рвались вперед, к Св. Исаакию, в штыковых схватках сходились с красными курсантами, латышскими стрелками и морскими десантами. Красные линкоры, поддерживавшие огнем обороняющихся, вскоре прекратили стрельбу: в перемешавшемся фронте невозможно было различить «своих» и «чужих». Становилось ясно — темп наступления утрачен, силы на исходе, шансы на победу уменьшаются с каждым днем. Большевики сосредоточили против Северо-Западной армии до 50 тысяч бойцов, большая часть которых подошла с других фронтов. Предреввоенсовета Л.Д. Троцкий взял оборону Петрограда под личный контроль. Под Ижорой в бой ввели тяжелый бронепоезд «Ленин», прекрасно оснащенный, вооруженный дальнобой-

ной артиллерией. Белые же бронепоезда так и не успели подойти к фронту. Английские и французские танки хорошо помогали при наступлении, но часто выходили из строя, ломались, отводились в тыл. Фактически единственным «бронесредством» Северо-Западной армии оставался многократно чиненный, но героически державшийся на линии огня броневик «Россия».

Получив свежие подкрепления, Красная армия подготовилась к контрудару. Стратегический план сводился к следующему. Предполагалось нанести два удара по сходящимся направлениям со стороны Петрограда — из Тосно и Луги. Группировки красных, соединившись в Ямбурге, должны были полностью окружить Северо-Западную армию, скованную под Пулково.

21—23 октября продолжались непрерывные бои. Неожиданный прорыв красными позиций Вятского полка заставил белый фронт немного отступить. Давление белой армии стало ослабевать. Нужен был еще один, быть может, последний рывок. Сознательно идя на большой риск, Юденич полностью обнажил фланги, сняв части 4-й дивизии от Луги и подтянув последние резервы от Ямбурга. Собрав все силы в ударную группу под командованием молодого командира талабцев полк. Пермикина, Юденич попытался восстановить утраченное положение. 27—30 октября бои возобновились с новой силой. Пермикин и Родзянко лично водили в атаки поредевшие батальоны. Поддержал белых русско-английский танковый отряд полковника Карсона. Фланговый контрудар от Гатчины на Ропшу удался, и Пермикин сообщал, что дорога на Петроград снова открыта. Но этот последний успех, увы, уже не мог изменить ход всей операции. Армия выдыхалась, ее дух падал, утрачивалась уверенность в победе.

В этот момент красные подкрепления ударили по открытому правому флангу Северо-Западной армии. 1 ноября они вышли к Луге. Ее комендант, полковник Григорьев, имея в распоряжении лишь тыловые команды запасных, не смог остановить натиск красных полков. Луга была сдана. Железная дорога Псков — Петроград снова оказалась под контролем большевиков.

Наступление завершилось, белые отходили с позиций. Фронт быстро сокращался. От Пскова на Гдов и Нарву наступали свежие части 15-й армии. Были оставлены Красное Село, Павловск, Ропша, Детское Село. 3 ноября без боя сдалась Гатчина. 11-я советская дивизия вышла в тыл Северо-Западной армии и по шоссе двигалась на Ямбург. И только в этот момент эстонская армия, наконец, напомнила о себе. 1-я эстонская дивизия нанесла внезапный удар в тыл наступавшим от Петергофа красным и заставила их быстро отойти на исходные позиции. Со стороны Финского залива красных обстрелял английский монитор. Но запоздалая «помощь», уже ничего не могла изменить.

В трехнедельных ожесточенных боях погибла почти половина белой армии. В ее рядах осталось не более восьми тысяч штыков. 7 ноября красные, наступая от Гатчины, заняли станцию Волосово, а 8-го ноября пал Гдов. Оставшиеся части армии Юденича откатывались к Ямбургу. Здесь начались бои, однако город удержать не удалось, и 14 ноября Ямбург, последний крупный центр находившийся под контролем белых, был оставлен. Вся Северо-Западная армия оказалась прижатой к реке Нарове и к эстонской пограничной полосе у города Нарвы³⁵.

Сильные холода, пронизывающий северный ветер усугубляли и без того тяжелое положение белых. Солдаты и офицеры мерзли в наспех вырытых окопах и землянках. Началась страшная эпидемия тифа, фактически уничтожившая остатки армии. Медицинское обслуживание отсутствовало. Сотни солдат сдавались в плен. Эстонское правительстве, убедилось, что его политические интересы требуют заключения мира с Советской Россией, а не поддержки обреченного Белого движения. Переговоры с советскими дипломатами быстро завершились подписанием 31 декабря 1919 г. мирного договора. Большевики признали независимость республики, и при этом отдельным пунктом оговаривалось, что Эстония отказывается от предоставления своей территории для белых правительств и белых армий. Мир

между Советской Россией и Эстонией означал конец Белого движения на Северо-Западе России ³⁶.

Теперь бежать должна была уже вся армия. Полки разоружались, солдаты и офицеры направлялись в спецлагеря. Здесь из них формировали бригады и отправляли на лесозаготовки и торфяники. (В 1940 г., после ввода в Эстонию советских войск, оставшиеся в живых северозападники оказались под пристальным вниманием управлений НКВД и местных коммунистов и очень скоро испытали на себе ужасы советских лагерей.)

Причины поражения «осеннего наступления» были самые различные — от геополитических до тактических просчетов. Одной из тактических ошибок Северо-Западной армии многие белые мемуаристы считали однодневную остановку в Гатчине, днем 17-го октября. Отдых наступавшим частям был необходим, но в результате произошедшей задержки были потеряны почти целые сутки. Другая тактическая ошибка — не перерезанная вовремя Николаевская железная дорога, по которой к красным подошли подкрепления из под Новгорода и Твери. Вину за нее возложили на командира 3-й пехотной дивизии генерал-майора Ветренко, который, торопясь первым войти в Петроград, не выполнил приказа о ее перехвате. Город не был полностью блокирован ³⁷. Николаевская дорога осталась под контролем большевиков, и Красная армия беспрепятственно получала подкрепления из центра России.

Ветренко многие считали едва ли не самым главным виновником поражения «похода на Петроград», говорили даже о его сотрудничестве с красной разведкой. Такие утверждения, пожалуй, нельзя считать полностью доказуемыми. Если бы дивизия Ветренко перенесла направление основного удара со станции Тосно на станцию Колпино (более близкую к Петрограду) то, захватив ее, разрешила бы одновременно две задачи — перерезала Николаевскую железную дорогу почти у самого ее основания и полностью блокировала Петроград, отрезав город с востока, по линии Северной железной дороги. Когда еще была уверенность в быстром взятии Петрограда, удар Ветренко на Колпино (а это также был вариант «кратчайшего направления», столь популярного осенью 1919 г.) мог оказаться гораздо более эффективным. Но успех или неудача Ветренко вряд ли изменили бы общее стратегическое положение на фронте.

Одной из серьезных причин поражения белых является недостаток офицеров-генштабистов на командных должностях. То, что в комсоставе преобладали молодые, энергичные, но порой недостаточно опытные командиры, приводило к излишней поспешности, неосмотрительности при ведении боевых операций. Еще более серьезной причиной можно считать отсутствие резервов. Ими могли бы стать части Западной Добровольческой армии под командованием полковника П.Р. Бермондта-Авалова. Эта армия начала формироваться еще с 1918 г. на средства немецкого оккупационного командования. Разумеется, «бермондтовцы» ориентировались на Германию. И пока Северо-Западная армия шла на Петроград, Бермондт-Авалов с таким же энтузиазмом вел свою армию на штурм Риги. Пренебрегая неоднократными приказами Юденича об отправке на фронт, он решил «восстановить» «Единую, Неделимую Россию» с помощью артобстрела латвийской столицы. Части Западной армии, численностью около 30 тысяч человек (напомним, что под Петроградом сражалось в два раза меньше бойцов), могли бы, конечно, изменить положение на фронте. Но 20 октября 1919 г., в разгар боев на Пулковских высотах, Бермондт-Авалов безуспешно пытался форсировать Двину ³⁸.

В результате латышское правительство обратилось за военной поддержкой к Эстонии, правительство которой, вместо обещанной помощи Юденичу начало переброску подразделений своей армии к Риге. Разгорелся международный скандал. Белых объявили «агрессорами», готовыми уничтожить «хрупкую независимость» прибалтийских республик. С резким осуждением действий Бермондта выступили Англия и Франция.

Возможно, что Бермондт-Авалов, как он позднее писал в своих мемуарах, руководствовался исключительно государственными интересами России. Но в тех условиях его выступление было абсолютной авантюрой. Помимо антипатии к белым в Латвии усилилась неприязнь к русским вообще. Вполне обоснованным в такой ситуации можно было считать заявление Колчака, что в случае отказа подчиниться Юденичу Бермондт «не может считаться русским подданным и офицером русской армии».

Так или иначе, несмотря на поражение «похода на Петроград», можно отметить, что у белых были весьма серьезные возможности овладеть бывшей столицей. Очевидно, главной причиной неудачи следует все-таки признать несвязанность, несвоевременность действий русского Белого движения, Эстляндии и Финляндии. Это признавал и Ленин: «Нет никакого сомнения, — писал он, — что самой небольшой помощи Финляндии или — немного более — помощи Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда»³⁹.

Нельзя отрицать и стойкость сопротивлявшихся красных частей, особенно курсантов и матросов. Нужно отдать должное и энергии Троцкого, сумевшего за короткое время создать из Петрограда в буквальном смысле слова «цитадель революции». Необходимо помнить также и о той уверенности в возможностях обороны города, которую постоянно подчеркивали большевистские деятели.

Обобщенную точку зрения на причины поражения армии Юденича сформулировал ген. Томилов. Кстати, именно ему был поручен Юденичем сбор материалов для книги об истории Северо-Западного фронта (которая в свет так и не вышла). Давая свою оценку причинам поражения белых, он отмечал, что «главнокомандующий сделал все, что было в его силах, чтобы одержать победу, но генерал Юденич попал в непреодолимо тяжелые условия. Ни своей территории, ни базы не было, попытка опереться на Финляндию не удалась, приходилось базироваться на Эстонию, правители которой очень боялись торжества Белого движения. Маленькой Северо-Западной армии не по силам, конечно, была задача овладеть и удержать за собой столицу. Белое движение, несмотря на весь героизм и самоотверженность, нигде не имело конечного успеха, вследствие невольной разбросанности почти по всей периферии России, исключительной трудности и сложности всей обстановки и непреодолимым стихийно-моральным причинам; тогда русский народ в своей массе еще и не начинал изживать большевизма»⁴⁰.

Несколько иную характеристику Юденичу давал А.И. Куприн. Будучи в Гатчине, он добровольно (вопреки уверениям советских литературоведов) вступил в ряды Северо-Западной армии, стал «ее бардом», как он сам себя называл, редактором газеты «Приневский край». В рассказе «Купол Св. Исаакия Далматского» он писал: «Формальный глава армии существовал. Это был генерал Юденич, доблестный, храбрый солдат, честный человек и хороший военачальник. Но... генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же по взятии Гатчины. Конечно, очень ценно было бы в интересах армии, если бы ген. Юденич, находясь в тылу, умел дипломатично воздействовать на англичан и эстонцев, добываясь от них обещанной реальной помощи. Но по натуре храбрый покоритель Эрзерума был в душе — капитан Тушин, так славно изображенный Толстым. Он не умел с ними разговаривать, стеснялся перед апломбом англичан и перед общей тайной политикой иностранцев»⁴¹.

Куприн во многом был прав. Армия должна «чувствовать» присутствие своего командующего. Да, Юденич не появлялся на фронте осенью 1919 г., не водел за собой в атаке полки и дивизии, как Родзянко, Пермикин или Булак-Булахович. Но нельзя отрицать и того, что его пребывание в тылу диктовалось острой необходимостью. Дипломатическая, политическая борьба, участником которой пришлось стать Юденичу, требовала от него не меньшей самоотдачи чем руководство операциями на фронте. Стоит отметить, что при всех разногласиях, спорах со своими подчиненными — командирами

корпусов и дивизий, он им полностью доверял, был абсолютно чужд интриг и конфликтов. Тем более, никто не посмел бы обвинить генерала в отсутствии личной храбрости, достаточно вспомнить его участие в штыковых атаках в русско-японской войне.

Понимая, что борьба белых на Северо-Западе завершилась, Юденич принял решение перебросить сохранившиеся кадры армии на юг, к Деникину. С этой целью он настаивал на выделении союзниками транспортных судов. Однако все его усилия оказались тщетными. Ни с армией, ни с ее главнокомандующим никто уже не считался.

Теперь перед Юденичем оставался единственный выход. 22 января 1920 г. генерал издал приказ о роспуске армии и создал ликвидационную комиссию, передав в ее распоряжение имеющиеся денежные средства. В ночь на 28 января в гостиницу «Коммерс» в Ревеле, где проживал с семьей Николай Николаевич, явилось несколько белых офицеров, во главе с Булак-Балаховичем и трое эстонских полицейских, арестовавших бывшего главнокомандующего. Вскоре, правда, он был освобожден и переведен в помещение английской военной миссии. Трудно сказать, чем был вызван этот инцидент — желанием расправиться с потерявшим свою власть военачальником, или же за этим стояли более серьезные политические и дипломатические причины. Никаких обвинений предъявлено не было. Ясно одно — действия Булак-Балаховича и эстонских властей представляли не столько юридический произвол, сколько отражали изменившиеся эстонско-советские отношения. Теперь считаться со своими бывшими союзниками по борьбе против большевиков не имело смысла, а в условиях заключения мирного договора с Советской Россией становилось и крайне нежелательным.

Позднее, уже летом 1920 г., часть северо-западников смогла все-таки перебраться в Крым, где продолжала борьбу в рядах армии Врангеля. Многие вошли в ряды так называемой Русской народной добровольческой армии под командованием Булак-Балаховича, Пермикина, Б. Савинкова. Армия действовала в районе Белорусского Полесья в 1921-1922 годах. Позднее на ее основе создавались партизанские отряды «Братства Русской правды», «Братства зеленого дуба» и других эмигрантских организаций.

Семья Юденичей переехала в Англию, а затем во Францию, в Ниццу. Здесь в доме на маленькой улице «Кот д'Азур» потянулись размеренные дни эмигрантского бытия, спокойные, и, в общем лишенные той остроты борьбы за существование, которой жило в 1920-1930-е годы русское зарубежье. Юденичу не суждено было разделить судьбу лидеров РОВСа генералов Кутепова и Миллера, многих других генералов и офицеров, продолжавших верить в «весенний поход» против большевиков. Николай Николаевич не участвовал ни в «боевой работе» РОВСа, ни, тем более, в политических битвах русской эмиграции. Благотворительная и просветительская деятельность стала для него основной. Юденичи посильно помогали оказавшимся во Франции чинам Северо-Западной армии. Для эмиграции Юденич оставался своего рода символом славы русского оружия в годы мировой войны, побед Кавказского фронта. Он был единственным кавалером Ордена Св. Георгия 2-й степени в зарубежье, последним в истории награждения этим орденом ⁴².

Юденич являлся председателем Общества ревнителей русской истории в Ницце (в других источниках — Кружка ревнителей русского прошлого), на собраниях которого он неоднократно выступал с докладами о боевых действиях на Кавказе. Он также активно участвовал в работе просветительских организаций, помогал кружку молодежи по изучению русской культуры, русскому лицей «Александрино». Николай Николаевич состоял почетным членом приходского совета в церкви при Франко-русском доме в Сент-Морис. К его юбилею настоятель Храма преподнес ему икону святителя Николая Чудотворца ⁴³.

Николай Николаевич скончался 5 октября 1933 года. Александра Николаевна надолго пережила своего мужа, дожив до 1962 года. Ею был сохра-

нен и затем передан в США, в Гуверовский институт войны, революции и мира, семейный архив, содержащий немалое число документов по истории Белого движения на Северо-Западе России⁴⁴. После ее смерти в журнале «Часовой» была опубликована часть «Воспоминаний о супруге», посвященных, главным образом, «кавказскому периоду» его биографии и 1917 — 1918 годам⁴⁵.

Примечания

1. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (К пятидесятилетнему юбилею). Издание Парижского Юбилейного комитета. Б.г.
2. ВЕТЛУГИН А. Герои и воображаемые портреты, Берлин. 1922: ЛАВРЕЦКИЙ Вл. Вандея у врат Петрограда. — Минувшие дни, № 2, январь, 1928; КИТАЕВ Л. Предисловие к сборнику «Юденич под Петроградом». Л. 1927 и др.
3. Генерал Н.Н. ЮДЕНИЧ. Краткая записка о службе. — Часовой, 1931, № 62, с. 10.
4. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 86.
5. Там же, с. 6.
6. Там же, с. 83.
7. Там же, с. 84.
8. Там же, с. 56—57.
9. КОРСУН Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М. 1946; Альбом кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия. Белград. 1935.
10. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 97, 24—25.
11. СМОЛИН А.В. Белое движение на Северо-Западе России. СПб. 1999, с. 79.
12. Генерал от инфантерии, с. 24—25.
13. СМОЛИН А.В. Ук. соч., с. 81; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5936, оп. 1, д. 370, л. 82об.
14. См., например, МАРГУЛИЕС М.С. Год интервенции. Берлин. 1923, т. II, с. 132, 156, 266.
15. ГЕФТЕР А. Воспоминания курьера. — Архив русской революции. Т. 10. Берлин. 1923, с. 123.
16. ГАРФ, ф. 446, оп. 2, д. 94, л. 2об.
17. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 42.
18. ГАРФ, ф. р — 5868, оп. 1, д. 3, лл. 2—11.
19. ДУМОВА Н.Г., ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М. 1989, с. 136: Думова в своем исследовании, а также в монографии «Кадетская контрреволюция и ее разгром» (М. 1982), очень часто использует материалы переписки А.В. Карташева, хранящиеся в рукописном фонде Пражской коллекции ГАРФ. Думова впервые ввела этот ценный источник в научный оборот.
20. ДУМОВА Н.Г., ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Ук. соч., с. 132, 133.
21. Известия ВЦИК, 25.IX, 9.X. 1919.
22. Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического совещания при Главнокомандующем Северо-Западным фронтом В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. Гельсингфорс. 1919, с. 42—43.
23. ДУМОВА Н.Г., ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Ук. соч., с. 141.
24. МУСАЕВ В.И. Рейд английских торпедных катеров на Кронштадт 18 августа 1919 г. Его цели, ход, результаты. — Новый Часовой, 1996, № 4, с. 84—90.
25. ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 345, л. 161; ф. 5805, оп. 1, д. 558, л. 10; Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 45.
26. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 93.
27. GILBERT M. Winston S. Churchill. Vol. 4: 1916 — 1922. Lnd. 1975, p. 323—325.
28. ДУМОВА Н.Г., ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Ук. соч., с. 143—144.
29. GILBERT M. Op. cit., p. 336.
30. РОДЗЯНКО А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии, Берлин. 1920, с. 95—97.
31. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера. (ротмистр Д.Д. Кузьмин-Караваев). Гельсингфорс. 1920, с. 14, 15; ГЕРШЕЛЬМАН А.С. В рядах добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-м Интернационалом 1919 г. М. 1997; КОТОМКИН Д.И. Наступление на Петроград. — Памятка ливенца, 1919—1929 гг. Б.м., с. 131—142.
32. МАРГУЛИЕС М.С. Ук. соч., с. 331; Свобода России (Ревель), 7.X.1919.
33. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 68.
34. БОГДАНОВ П. Отчет о деятельности министерства земледелия Северо-Западной области

- России. — Свобода России, 31.XII.1919; ГОРН В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин. 1923, с. 144—145.
35. ГРОССЕН Г.И. (Нео-Сильвестр). Агония Северо-Западной армии (Из тяжелых воспоминаний). — Историк и современник. Историко-литературный сборник. Т. 5. Берлин. 1924, с. 138—139.
36. СМОЛИН А.В. Ук. соч., с. 394.
37. РОДЗЯНКО А.П. Ук. соч., с. 114; Октябрьское наступление на Петроград, с. 30.
38. АВАЛОВ П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт и Гамбург. 1925, с. 118—120; БЕРЕЖАНСКИЙ Н. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. (Из записок бывшего редактора). — Историк и современник. Т. 1. Берлин. 1922, с. 6, 7.
39. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 348.
40. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 55.
41. КУПРИН А.И. Купол Св. Исаакя Далматского. Рига. 1922, с. 72—73.
42. СМОЛИН А.В. Ук. соч., с. 410—411.
43. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, с. 65—66.
44. См. монографию А.В. Смолина. Полную опись хранящихся в Гуверовском архиве документов можно найти в книге «Опыт библиографии Северо-Западной Добровольческой Армии Генералов Н.Н. Юденича и А.П. Родзянко» (Ямбург, 2000).
45. Александра ЮДЕНИЧ. Воспоминания о супруге. — Часовой, № 437, октябрь 1962 г.

К.И. Глобачев. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения

Г л а в а X

Планы революционного центра и настроение общественных кругов. — Экономическая забастовка. — Политические лозунги о голоде. — Продовольственные меры правительства. — Переход столицы в руки военной власти. — Организация войсковой охраны Петрограда. — Военный бунт в Павловском полку. — Оптимизм Хабалова. — 27 февраля. — Совет рабочих и солдатских депутатов. — Поведение Протопопова и его оптимизм. — Бунт в Волынском полку. — Кирпичников. — Восстание в других воинских частях. — Разгром государственных учреждений. — Охранное Отделение и последний разговор с Протопоповым. — Переход охранных войск на сторону бунтовщиков. — Эксцессы и грабежи. — Перестрелка на улицах. Положение к концу дня. — 28 февраля. — На улицах столицы. — В Царском Селе. — 1 марта. — В Павловске. — Возвращение в Петроград. — Стрельба из пулеметов. — Зверства и бесчинства толпы. — Мой арест в Государственной думе.

Последнее пребывание Государя Императора в Петрограде было довольно продолжительное. Он уехал на театр войны только 22 февраля, после того как отговел в Царском Селе. В общем он пробыл в Царском около месяца. Руководящий центр прогрессивного блока решил воспользоваться этим временем, чтобы заставить Государя дать ответственный состав кабинета перед Государственной думой и таким образом, ограничив самодержавие, разобрать портфели министров по заранее намеченному списку. Несмотря на неоднократные попытки председателя Государственной думы Родзянко понудить к этому Государя, последний решительно отказывался согласиться на эту реформу и уехал 22 февраля в Ставку. Уже после переворота, когда я встретился с бывшим министром юстиции Добровольским в одном из мест заключения, он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху. Временному правительству, очевидно, это стало известным, но оно по весьма понятным причинам об этом умолчало.

Тогда революционный центр решил взять силой то, что при иных обстоятельствах получил бы в порядке Монаршей милости, на что он не рассчиты-

Продолжение. См. Вопросы истории, 2002, № 7—8.

вал. Руководители великолепно учитывали обстановку. Русская армия твердо стояла на занятых позициях уже почти год, а на юге, в Буковине, даже переходила в наступление. Все это время страна напрягала все усилия для снабжения армии и в этом отношении, действительно, превзошла сама себя, сделав такие заготовления, которых бы хватило еще на долгие годы самой ожесточенной войны. Армия была укомплектована и увеличена в своем составе. Все было приготовлено к переходу в общее наступление весной 1917 г. по плану, выработанному союзным командованием. Центральные державы должны были быть разгромлены в этом году. Таким образом, для революционного переворота в России имелся 1 месяц срока, то есть до 1 апреля. Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с сим ускользнула бы благоприятная почва. Вот почему после отъезда Государя в Ставку решено было воспользоваться первым же подходящим поводом для того, чтобы вызвать восстание. Я не скажу, чтобы был разработан план переворота во всех подробностях, но главные этапы и персонажи были намечены. Игра велась очень тонко. Военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли себе их как простой дворцовый переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Милюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока. Но совсем другое думали более крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой. Ни те, ни другие не могли даже себе представить, во что все выльется. Были, правда, пророки и в то время, которые знали, что такие потрясения приведут к общему развалу и анархии, но их никто не хотел и слушать, считая их врагами народа. Таковыми были единственные живые органы, как Департамент полиции, Охранное отделение, жандармские управления и некоторые из дальновидных истинно русских людей, знавшие, с чем придется считаться впоследствии и чего будет стоить России разрушение тысячелетней монархии.

23 февраля началась частичная экономическая забастовка на некоторых фабриках и заводах Выборгской стороны Петрограда, а 24-го забастовка разрослась присоединением Путиловского завода и промышленных предприятий Нарвской части. В общем забастовало до 200 тысяч рабочих. Такие забастовки бывали и раньше и не могли предвещать чего-либо опасного и на этот раз. Но через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги и был пущен слух о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице. Нужно сказать, что в Петрограде с некоторого времени при булочных и хлебопечарнях появились очереди за покупкой хлеба. Это явление произошло не потому, что хлеба в действительности не было или его было недостаточно, а потому, что, благодаря чрезмерно увеличившемуся населению Петрограда, с одной стороны, и призыву очередного возраста хлебопеков — с другой, не хватало очагов для выпечки достаточного количества хлеба. К тому же как раз в это время, для урегулирования раздачи хлеба, продовольственная комиссия решила перейти на карточную систему. Запас муки для продовольствия Петрограда был достаточный, и кроме того ежедневно в Петроград доставлялось достаточное количество вагонов с мукой. Таким образом, слухи о надвигающемся голоде и отсутствии хлеба были провокационными — с целью вызвать крупные волнения и беспорядки, что в действительности и удалось. Забастовавшие рабочие стали двигаться шумными толпами к центру города, требуя хлеба.

Какие же мероприятия были приняты властями для подавления этих беспорядков?

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Хабалов, прекрасный преподаватель и педагог, прошедший всю свою службу в военно-учебном ведомстве, совсем не был ни строевым начальником, ни опытным администратором. Он не мог, несмотря на нео-

днократные совещания и полные информации текущего момента, оценить обстановку и принять правильные решения, имея в виду тот ненадежный материал, который у него был в виде запасных частей, которые к тому же 1 марта должны были выступить на фронт, чего совершенно не желали. Наконец, он не мог личным примером увлечь даже более стойкие войсковые части к исполнению долга и подавлению беспорядков.

24 февраля генерал Хабалов берет столицу исключительно в свои руки. По предварительно разработанному плану, Петроград был разделен на несколько секторов, управляемых особыми войсковыми начальниками, а полиция была почему-то снята с занимаемых постов и собрана при начальниках секторов. Таким образом, с 24 февраля город в полицейском смысле не обслуживался. На главных улицах и площадях установлены были войсковые заставы, а для связи между собой и своими штабами — конные разъезды. Сам Хабалов находился в штабе округа на Дворцовой площади и управлял всей этой обороной по телефону.

Итак, убрав полицию, Хабалов решил опереться на ненадежные войска, так сказать, на тех же фабрично-заводских рабочих, призванных в войска, только две недели тому назад, достаточно уже распропагандированных и не желающих отправляться в скором времени на фронт. Отчасти, конечно, вина за такое решение лежит и на градоначальнике генерале Балке, который, по видимому, чтобы снять с себя всякую ответственность, уже 24 февраля отдал город в распоряжение войскового начальства, между тем как еще в то время он мог не допустить беспорядков и восстания, ограничиваясь мерами исполнявшей до конца свой долг пешей и конной полиции и Петроградского жандармского дивизиона. В крайнем случае, на точном основании устава гарнизонной службы, он мог вызвать для содействия к подавлению беспорядков некоторые наиболее стойкие кавалерийские части. Судьба Петрограда, а вместе с тем и всей России, была отдана во власть неблагонадежного Петроградского гарнизона, который под влиянием революционных элементов, вкрапленных в него, взбунтовался и предоставил свершиться позорному и гибельному для страны делу, впоследствии названному Керенским «великой русской революцией».

Первые признаки бунтарства произошли 25 февраля. Солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались исполнить приказание своего командира батальона и нанесли ему смертельные поранения на Конюшенной площади. Зачинщики были арестованы и преданы военно-полевному суду. 26 февраля с утра толпы рабочих, двинувшиеся с окраин города к центру, заперли Невский проспект, Знаменскую площадь и двинулись к Таврическому дворцу — месту заседания Государственной думы. На Знаменской площади произошла демонстрация с красными флагами, которая была прекращена учебной командой лейб-гвардии Волынского полка, разогнавшей демонстрантов залпами (было убито 11 человек).

Настроение войск в эти дни уже было колеблющееся. Пехотные заставы, расположенные на главных улицах, позволяли толпе рабочих подходить к себе вплотную, вступали с ними в разговоры и пропускали их сквозь свой строй. Кавалерийские разъезды разрешали рабочим оглаживать и кормить лошадей и товарищески с ними беседовали. Словом, между солдатами, призванными к рассеянию толп рабочих, и последними происходило братание. Некоторые войсковые части уже и в эти дни переходили на сторону демонстрантов. Например, казачья сотня, находившаяся на Знаменской площади, не позволила отряду конной полиции рассеять толпу, а один из казаков этой сотни зарубил шашкой местного полицейского пристава, пытавшегося отобрать красный флаг у демонстрантов.

Все это было симптоматично и должно было дать понять генералу Хабалову, что с этими средствами удержать порядок невозможно.

26 февраля около 6 часов вечера я обо всем этом доложил генералу Хабалову, упирая на то, что войска ненадежны, на что он мне с раздражением ответил, что он с этим не согласен, а что просто эти части, как молодые

солдаты, плохо инструктированы; что же касается убийства пристава, то он выразился так: «Вот уж этому никогда не поверю».

Тут же я ему доложил, что, по имеющимся у меня сведениям, на утро 27 февраля на заводах и фабриках, куда должны собраться рабочие, назначены выборы в совет рабочих депутатов. Хабалов хотел закрыть все фабрики и заводы, чтобы не допустить этих выборов, но я отсоветовал ему это делать, так как создастся впечатление, что сама власть не допускает рабочих приступить к работам, а совет рабочих депутатов все равно будет избран. Действительно, с утра 27 февраля среди рабочих разнесся слух, что фабрики закрыты и никто из рабочих даже и не пытался туда явиться. Вместе с тем были пущены слухи о приглашении в Государственную думу для формирования совета рабочих депутатов, и таковой действительно был сформирован — явочным порядком. Более энергичные из числа революционеров, сплошь и рядом не рабочие и не солдаты даже, являлись в Государственную думу и заявляли себя депутатами от того или иного промышленного предприятия или воинской части.

26 февраля вечером меня вызвал к себе на квартиру директор Департамента полиции Васильев, предупредив, что меня хочет видеть министр внутренних дел, который находится у него. Я застал Протопопова и Васильева за кофе, только что окончившими обед. Беседа шла за столом, естественно, на животрепещущую тему о последних событиях. Я доложил о происшествиях дня, бывших эксцессах и о настроениях войсковых частей, придавая этому огромное значение. Но по Протопову не было видно, чтобы его очень это озабочивало, чувствовалось только повышенное настроение после хорошего обеда. Из слов Протопопова можно было понять, что он всецело полагается на Хабалова и уверен, что всякие беспорядки будут подавлены. Весь вечер прошел в рассказах Протопопова о его отношениях к Государыне, о которой он отзывался с большой восторженностью, как о необыкновенно умной и чуткой женщине. Уезжая от Васильева, я так и не мог понять, зачем меня, собственно, вызывали в такой серьезный момент. Ведь не для того, чтобы провести время за чашкой кофе.

С утра 27 февраля забастовка охватила все рабочие районы столицы и стала общей. Толпы рабочих стали двигаться к Государственной думе; уже ясно стало каждому, что там главный штаб революции. К 12 часам дня взбунтовались и перешли на сторону рабочих четыре полка: лейб-гвардии Волынский, лейб-гвардии Преображенский, лейб-гвардии Литовский и Саперный. Казармы всех четырех этих частей были расположены в районе Таврического дворца, и эти части стали первым оплотом революционной цитадели.

Бунт начался по следующему поводу. Учебная команда лейб-гвардии Волынского полка, подавлявшая накануне беспорядки на Знаменской площади, рано утром строилась на дворе своих казарм, чтобы быть готовой в случае нового вызова для подавления беспорядков. В это время унтер офицер Кирпичников выстрелом из винтовки убивает начальника учебной команды штабс-капитана Машкевича. Никто из офицеров, присутствовавших здесь, не принял на себя командования и не наказал убийцу, а наоборот, офицеры, которые почти все были прапорщики, разбежались и команда всецело подчинилась Кирпичникову, провозгласившему революционные лозунги. Взбунтовавшиеся волынцы направились к казармам преображенцев и заставили их почти силою присоединиться к себе (первый почин сделала 4-я рота Преображенского полка), а потом то же было повторено в Литовском полку и Саперном. Как только эти части взбунтовались и перешли на сторону рабочих, все оружие, имевшееся в распоряжении этих полков в казармах, перешло в руки рабочих, которые первым же делом разгромили места заключений, пополнив свои ряды выпущенным уголовным и политическим элементом, и разграбили арсенал. Таким образом получилась целая вооруженная армия самых энергичных бунтарей, и дальше все уже пошло с прогрессивной быстротой. Под руководством освобожденных преступников прежде всего были уничтожены те из правительственных учреждений, где могли хранить-

ся личные дела и сведения о преступных элементах. Так, был сожжен Окружный суд, разгромлены полицейские участки и сыскная полиция. Охранное отделение до поры до времени оставалось в покое. Это лучшее доказательство того, что первыми руководителями бунтарских действий, или так называемой великой русской революции, был освобожденный из тюрем уголовный элемент. Войсковые части, назначенные для охраны этих учреждений, быстро переходили на сторону погромщиков и увеличивали собою число громил.

Для охраны Охранного отделения штабом округа была прислана полурота лейб-гвардии 3-го стрелкового полка под командой прапорщика. В 3 часа дня я позвал к себе командира полуроты и спросил его, отвечает ли он за своих людей, и когда он мне ответил, что поручиться не может, то я ему приказал увести полуроту в казармы; я понял, что кроме вреда эта полурота ничего мне не принесет.

Работа Охранного отделения продолжалась обычным порядком, но свелась исключительно к информации и докладам по телефону о течении восстания. Связь с исполнительными органами полиции и штабом главнокомандующего прекратилась. Хотя телефонная станция была еще в руках правительства, но добиться соединения было весьма трудно, а с некоторыми учреждениями почти невозможно. Связь не прерывалась с теми учреждениями, с которыми Охранное отделение было соединено прямым проводом, как-то: Зимний дворец, градоначальство, министр внутренних дел, Царское Село, отделы охранного отделения, чем я и пользовался, ставя эти учреждения в курс текущих событий. Протопопов был в Мариинском дворце на заседании Совета министров, и до трех часов дня я еще говорил с ним по телефону, доложил последний раз, что положение безнадежно, так как рассчитывать на поддержку гарнизона, постепенно переходящего на сторону восставших, совершенно невозможно.

Действительно, главнокомандующий, который перебрался из штаба округа сначала в Адмиралтейство, а потом в Зимний дворец, будучи осведомлен о всем, что происходило в Петрограде, понял наконец, что рассчитывать на те штыки, в которых видел опору, — нельзя, так как все высылаемые им части из резерва для подавления восставших войск, переходили на их сторону, и к вечеру 27 февраля он остался только с одним своим штабом.

Между тем восстание все разрасталось; к 5 часам дня беспорядки распространились на Петербургскую сторону; начались грабежи магазинов и частных квартир, обезоружение офицеров на улицах, избиения и убийства городских, аресты и убийства жандармских офицеров и унтер-офицеров. Словом, уже в пять часов дня ясно стало, что власть не существует, а столица находится в распоряжении черни.

К этому времени в отношении Охранного отделения я распорядился следующим образом: дом Охранного отделения (угол Мытнинской набережной и Александровского проспекта) был окружен линией наблюдательных постов, которые по мере движения толпы должны были постепенно отступать к центру и своевременно уведомлять о их намерениях, обычная же работа в отделении все время продолжалась. В 5 часов было получено донесение с постов, что вооруженная трехтысячная толпа, разгромившая спиртоочистительный завод на Александровском проспекте, двинулась к Охранному отделению, вследствие чего, чтобы не подвергать людей напрасным эксцессам и не жертвовать бесполезно их жизнью, я приказал всем собравшимся в тот момент служащим оставить немедленно помещение и разойтись по своим домам. Когда это было исполнено, заперев предварительно все входы в помещение, покинул отделение и я сам с своими ближайшими помощниками.

На Биржевом мосту и на Дворцовом еще стояли заставы, сохранившие верность долгу, но уже сильно колеблющиеся, что видно было по сильно взволнованным лицам солдат и офицеров. На Дворцовой площади было спокойно, но на Морской и на Гороховой трещала перестрелка: какие-то жид-

кие части войск, рассыпавшись лежа, стреляли друг в друга. Изредка мчался бронированный автомобиль, стреляя по неизвестным целям.

В 6 часов вечера я уже был в помещении охранной команды (Морская, № 26, угол Гороховой) и связался телефоном с Царским Селом (управлением дворцового коменданта) и штабом главнокомандующего (Зимний дворец). Моей дальнейшей задачей было поставить в курс совершающихся в Петрограде событий — помощника дворцового коменданта генерала Гротена, через подведомственного ему офицера подполковника Терехова.

К 8 часам вечера в помещение охранной команды стали постепенно собираться люди этой команды, принужденные покинуть свои посты по охране некоторых высокопоставленных лиц и учреждений. Были раненые; один тут же умер от раны в голову. Эти люди доложили, что многие министры уже арестованы на квартирах и куда-то увезены. Люди из Мариинского дворца доложили, что на дневном заседании там были Родзянко и великий князь Михаил Александрович, который, уезжая, очень сердечно пожимал руку Родзянко, о чем-то беседуя, и был в прекрасном настроении духа. Оттуда он поехал в Зимний дворец и просил Хабалова не стрелять в народ, ибо «не подобает убивать народ из царского дворца».

Последствием последнего заседания Совета министров, как стало потом известно, было опубликование князем Голицыным Высочайшего указа о роспуске Государственной думы и о замене на посту министра внутренних дел Протопопова — Макаренко (бывшего до того времени главным военным прокурором). Из доклада чинов охранной команды для меня стало ясным, что правительства больше не существует.

К 10 часам вечера перестрелка замолкла и возобновилась лишь в 6 часов утра на следующий день. Я всю ночь просидел у телефона, сносаясь с Царским Селом...

С 6 часов утра 28 февраля стрельба началась с новой силой. На Морской рядом с помещением охранной команды брали штурмом телефонную станцию (Морская, № 24), защищаемую ротой лейб-гвардии Петроградского полка, находившейся в охране этой станции. Это продолжалось не более получаса, после чего пришлось спешно очистить помещение охранной команды, так как вооруженная толпа рабочих и солдат запрудила двор и бросилась по черному ходу в помещение команды; времени хватило только выбежать по парадной лестнице на Морскую.

С этого времени моя служебная деятельность прекращается; все мои отделы уже были разгромлены и заняты восставшей чернью; в Петрограде мне делать больше было нечего, и я с одним из своих помощников решил пробраться в Царское Село, совершенно справедливо рассудив, что там, в резиденции Государя и Императрицы, будет дан отпор восстанью и, может быть, из Ставки верховного главнокомандующего уже даже высланы верные войска на подавление Петроградского бунта.

Согласно такому решению, мы взяли направление по Гороховой к Царскосельскому вокзалу. Идти почти не было возможно; стрельба шла и вдоль улицы и из поперечных улиц; кто в кого стрелял — трудно было разобрать. В это время я не видел уже каких-либо застав, защищающих что-либо; видны были только кучки вооруженных рабочих, солдат и матросов, перемешанных всяким сбродом; все это стреляло, куда-то мчалось, но куда и зачем, я думаю, они сами не отдавали себе отчета. С шумом прокатывали броневики, слышна была дробь пулеметов; убитых или раненых я не видал. По Гороховой с трудом, перебегая от одной подворотни к другой, можно было добраться только до Екатерининского канала, но дальше через Сенную площадь пробраться не было возможности, так как она вся была запружена броневиками, разбивающими магазины с продовольствием. Пришлось значительно уклониться вправо и выйти на Измайловский проспект. Здесь мы наблюдали следующую картину: почти весь Измайловский полк вышел безоружный из казарм и глазел на тучи жженой бумаги, летающей в воздухе, — то горел Окружный суд, а в это время рабочие и всякий сброд выходили из казарм, вооруженные кто чем:

тут были и винтовки и револьверы, шашки и тесаки, попадались даже с охотничьими ружьями. Пройти прямо по Измайловскому проспекту было трудно, так он был запружен толпой; пришлось выбираться окольными путями, уклонившись сильно вправо, на Обводный канал, а оттуда уже на Варшавский вокзал. Насколько затруднительно было идти в это время по городу, видно из того, что на путь от Морской до Варшавского вокзала нам пришлось употребить около 4 часов времени. В районе вокзала было относительно спокойнее. Поезд на Гатчину отошел в час дня, после проверки пассажиров какой-то наспех организованной рабочей комиссией. Мы доехали до станции Александровской, а оттуда добрались на извозчике до Царского Села.

Царское, после всего того, что пришлось увидеть и пережить в Петрограде, поразило меня сохранившимся порядком и той тишиной, которая там царствовала. Посты конвоя Его Величества стояли на своих местах, дворцовая полиция продолжала исполнять свои обязанности, и, казалось, жизнь города протекала совершенно нормально, но во всем этом все-таки чувствовалась какая-то нервная напряженность и ожидание чего-то надвигающегося, неизбежного. Это было видно по серьезным, угрюмым лицам всего служебного персонала.

За отсутствием замещающего дворцового коменданта генерала Гротена я обратился к начальнику дворцовой полиции полковнику Герарди, поставил его в курс петроградских событий и спросил, рассчитывают ли отстоять Царское Село, так как, по моему мнению, восставшая петроградская чернь к вечеру появится в Царском. Герарди мне сказал, что Царское Село безусловно в безопасности, что здесь имеется верный гарнизон до пяти тысяч, который даст отпор, что Александровский дворец окружен пулеметами и что в Царском сегодня был великий князь Михаил Александрович, который уверил Императрицу в полном спокойствии и что ни ей, ни детям не угрожает никакой опасности, даже настолько, что он сам думает перевезти сюда свою семью. Вместе с тем он уговорил Императрицу отложить свою поездку с детьми в Могилев, вследствие чего назначенный на этот день царский поезд для Ее Величества был отменен. Вообще из разговора с Герарди и с другими лицами я вынес впечатление, что они не уясняют себе сущности совершающихся событий. По их мнению, все сводится к простому дворцовому перевороту в пользу великого князя Михаила Александровича. Когда я пробовал опровергнуть такой взгляд на дело, мне даже показалось, что на меня посмотрели с некоторой усмешкой, как на человека, не знающего о том, что им всем давно было известно.

Это происходило между 2 и 3 часами дня. В 12 часов ночи ожидали прибытия царского поезда из Могилева. В 6 часов я вторично был у Герарди, но застал его уже в весьма подавленном настроении; самоуверенность его уже пропала. Не было уже речи об отстаивании Царского Села, а все сводилось, по-видимому, лишь к тому, как спасти лично себя и свою семью, из чего я понял, что здесь, в Царском, рассчитывать на какую-либо опору и защиту царского престола так же нельзя, как и в Петрограде. И действительно, к вечеру, когда стемнело, из Петрограда подошли революционные толпы и начали стрельбу. Никакого сопротивления им не было оказано. Гарнизон Царского стал последовательно и быстро переходить на сторону восставших, не исключая конвоя Его Величества и дворцовой полиции. Государыня Императрица, видя и зная уже все то, что произошло в Петрограде, вышла на балкон Александровского дворца и просила, чтобы никакого сопротивления у дворца не оказывали во избежание напрасного кровопролития. В городе началось то же, что и в Петрограде: разгром полицейских участков, освобождение арестованных из мест заключений, ограбление магазинов и т.п. Ожидавшийся из Могилева царский поезд не прибыл ни в 12 час. ночи, ни в 2 часа, ни в 5 утра. Распространился слух, что Государь арестован и в Царское не прибудет. Ввиду того, что в Царском оставаться дольше было незачем, да и опасно, я вместе с своим помощником подполковником Прутен-

ским в 6 час. утра отправился пешком в Павловск, где с утра 1 марта было такое же спокойствие, как накануне в Царском. Однако часов с 12 дня уже начались аналогичные беспорядки, главным образом заключающиеся в грабежах магазинов. Пущен был кем-то слух, что в окрестностях Петрограда скрываются бежавшие из столицы спекулянты и что есть распоряжение всех их задерживать, что вызвало ряд задержаний, ограблений и даже убийств ни в чем не повинных людей.

Я с своим помощником нашел пристанище на одной из пустых в это время года дач, где мы пробыли до 5 часов дня, после чего решили возвратиться в Петроград. Ехать куда-либо дальше из Павловска было бесполезно, так как революционная волна катилась все дальше и дальше, захватывая постепенно все новые и новые районы провинции.

По возвращении в Петроград мы узнали, что все старое правительство и главнокомандующий арестованы. Всем распоряжается революционный комитет, находящийся в Государственной думе; все войска перешли на сторону революционеров; образовался совет рабочих и солдатских депутатов под председательством члена Государственной думы Чхеидзе при товарище председателя Керенском, входящем также и в состав революционного комитета. Оказывали сопротивление этим новым властям только юнкера Павловского и Петроградского военных училищ, но и оно было в скором времени ликвидировано.

Путь от Царскосельского вокзала до квартиры знакомого офицера, проживавшего на Петроградской стороне, у которого я рассчитывал найти временный приют, пришлось совершить пешком, так как ни извозчиков, ни трамваев не было; на автомобилях ездили только новые власти и какие-то подозрительные лица. Перестрелка шла по всем улицам, и где-то трещали пулеметы, но по ком стреляли и кто стрелял, я не видел, равно как не видел ни убитых, ни раненых, хотя свист иногда слышался отчетливо. На Петроградской стороне стрельба была гораздо сильнее — то сопротивлялись юнкера.

Уже в то время меня сильно заинтересовал вопрос, по ком в Петрограде стреляли, если почти никто не сопротивлялся, и особенно, кто стрелял из пулеметов. Например, проходя мимо Исаакиевского собора, я ясно слышал стрельбу из пулемета, как будто бы с купола этой церкви. Через несколько дней я все восстановил в своей памяти и причина пулеметной стрельбы стала для меня совершенно ясной. За месяц до переворота, по имевшимся в Охранном отделении сведениям, на Путиловском заводе исчезло 300 пулеметов, совершенно готовых и упакованных в ящики для отправки на фронт. Несмотря на самые тщательные розыски, предприятия Охранным отделением, найти их не представилось возможным. Весьма понятно, что, когда город остался без полицейского обслуживания уже с 24 февраля, можно было расставить пулеметы где угодно совершенно безнаказанно, что и было сделано на тот случай, если бы войска упорно не переходили на сторону восставших рабочих и их нужно было бы понуждать к этому силой. Всем был еще памятен 1905 год, когда войска отстаивали порядок и революция не имела успеха исключительно только потому, что войска остались верными. Кроме того, как я уже сказал, при постепенном переходе взбунтовавшихся войск на сторону восставших рабочих чернь свободно овладевала воинским вооружением, забирая его из казарм и арсенала, в том числе и пулеметами. Самая расстановка пулеметов на крышах, чердаках и колокольнях указывала, что они попали в руки людей, не умевших с ними обращаться. Когда стало очевидным, что воздействовать на войска силой оружия не нужно, что они без всякого понуждения сами присоединились к восставшим, то, естественно, расставленные заблаговременно пулеметы были брошены на произвол судьбы и ими воспользовались всякие преступные элементы и хулиганы для того, чтобы произвести как можно больше беспорядка. Кроме трескотни и шума, вреда от них никакого не было, так как стрельба с тех мест, где они были поставлены, не могла быть действительной.

Впоследствии, в первые дни после переворота, Керенский и его ближайшие сотрудники старались объяснить стрельбу из пулеметов тем, что пулеметы якобы были заранее расставлены по распоряжению Хабалова, Протопопова, Балка и моему и что из пулеметов якобы стреляла полиция, но такое обвинение никакой критики не выдержало и ему пришлось от этой глупости отказаться, так как никаких доказательств он не собрал, а, кажется, наоборот были собраны все данные, что на первых порах стреляли из пулеметов рабочие. Керенскому нужно было пустить такое обвинение, чтобы как можно больше разжечь ненависть темных масс против старого порядка вообще и против полиции в частности.

Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию. Они нисколько не уступают тому, что впоследствии прodelьвали над своими жертвами большевики в своих чрезвычайках. Я говорю только о Петрограде, не упоминая уже о том, что, как всем уже теперь известно, творилось в Кронштадте. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Кто из чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, тех беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с нею живым сожгли. Пристава Новодеревенского участка, только что перенесшего тяжелую операцию удаления аппендицита, вытащили с постели и выбросили на улицу, где он сейчас же и умер. Толпа, ворвавшаяся в губернское жандармское управление, жестоко избивала начальника управления генерал-лейтенанта Волкова, сломала ему ногу, после чего потащила к Керенскому в Государственную думу. Увидав израненного и обезображенного Волкова, Керенский заверил его, что он будет находиться в полной безопасности, но в Думе его не оставил и не отправил в госпиталь, что мог сделать, а приказал отвести его в одно из временных мест заключений, где в ту же ночь пьяный начальник караула его застрелил. Строевых офицеров, особенно в старших чинах, арестовывали на улицах и избивали. Я лично видел генерал-адъютанта Баранова, жестоко избитого во время ареста на улице и приведенного в Государственную думу с забинтованной головой.

В эти дни по городу бродили не известные никому группы лиц, производившие чуть ли не павальные обыски, сопровождаемые насилием, грабежом и убийством, под видом якобы розыска контрреволюционеров. Некоторые квартиры разграблялись дочиста, причем награбленное имущество, до мебели включительно, откровенно нагружалось на подводы и на глазах у всех увозилось. Подвергались полному разгрому не только правительственные учреждения, но сплошь рядом и частные дома и квартиры. Например, собственный дом графа Фредерикса был разграблен и целиком сожжен.

Таких примеров можно было бы привести сколько угодно. Все это Керенский называл в то время «гневом народным».

К вечеру 1 марта 1917 г. совершенно уже стало ясно, что прежней власти не существует, что со старым строем покончено и оставалась лишь слабая надежда на то, как будут реагировать на свершившиеся события Ставка верховного главнокомандующего и армия, но и эта надежда была малоутешительна, так как уже стали циркулировать слухи об отречении Государя и о том, что командующие фронтами армии подчинились новому порядку вещей. Появились бюллетени с распоряжениями временного революционного комитета за подписью Родзянко. Между прочим появился приказ Родзянко о регистрации всех военных чинов в Государственной думе.

При таком положении вещей, ввиду отсутствия пристанища в Петрограде и во избежание грубых эксцессов лично в отношении себя со стороны разбушевавшейся черни, я решил лично явиться в Государственную думу, а

потому просил знакомого офицера отвести меня туда, как арестованного им. В Думу пробраться было очень трудно. Несмотря на сравнительно уже позднее время, она была окружена толпами пьяных солдат и рабочих. С большими затруднениями я попал во внутреннее помещение только благодаря тому, что назвал свой чин и звание одному из студентов, бывших на контроле, которым и был передан в распоряжение члена Государственной думы Пападжанова, занимавшегося приемкой и распределением арестованных. Этот последний, продержав меня в ожидании по крайней мере два часа, отправил, наконец, под конвоем в Министерский павильон, где я был водворен как арестованный в порядке революции.

За пережитые последние три дня, побывав на улицах Петрограда, Царского Села, Павловска, в связи с поведением старого правительства в смысле несопротивления разрушительным силам, подтачивавшим наш государственный строй, что наблюдалось мною в течение последних двух лет, я убедился, что старый строй просто сдался на капитуляцию, не оказав ни малейшего сопротивления восставшим. Не было никаких элементов, которые могли бы встать на защиту старого строя. Не было ни одного достаточно авторитетного лица, которое могло бы личным примером, или силою убеждения, или проявлением достаточной энергии предотвратить катастрофу. Простой бунт петроградского гарнизона свалил тысячелетнюю монархию. Участвовал ли в этом русский народ в широком смысле? Нет, он не участвовал. Зато весь руководящий класс интеллигенции, не исключая даже правительственных органов, вольно или невольно участвовал в заговоре. Народ был совершенно пассивен, и только самые худшие и преступные его элементы, пользуясь моментом, дали волю своим жестоким и зверским инстинктам.

Далее, за пределами столицы, революция пошла совершенно безболезненно. Провинция просто примкнула к новому порядку вещей, считаясь лишь с свершившимся фактом.

Итак, нигде и никем не было оказано какого-либо сопротивления революционерам, кроме незначительных стычек между войсками взбунтовавшимися и оставшимися верными, и то в первые два дня, 27 и 28 февраля. Поэтому говорить о том, что были какие-то жертвы революции, которых Керенский с почетом хоронил на Марсовом поле, не приходится. По моему глубокому убеждению, если этих жертв и набрали до 200 человек, то это были все случайно убитые неосторожные прохожие или [убитые] свои своими же. Мне доподлинно известно, что в числе набранных жертв были умершие в больницах бродячие китайцы и даже два убитых филера Охранного отделения, которых можно, конечно, назвать жертвами революции, но с другой стороны. Керенскому нужны были жертвы во что бы то ни стало, как и все то, что он дальше делал для углубления «Великой бескровной российской революции», и они были.

Г л а в а XI

Участие иностранных держав в русской революции. — Система германской разведывательной работы до войны. — Разведывательная работа во время войны. — Отношение союзных держав к русскому революционному движению. — Оценка революции и ответственность за нее.

Теперь, когда прошло много уже времени после февральской революции 1917 г., многие задают вопрос: правда ли, что Германия принимала участие в ее подготовке. Я положительно утверждаю, что Германия никакого участия ни в перевороте, ни в подготовке его не принимала. Для Германии русская революция явилась неожиданным счастливым сюрпризом. Для того, чтобы понять это, необходимо обратить внимание на то, как велась немецкая разведка в России в мирное время и на чем она базировалась.

Все сведения военного характера, политического и экономического о России получались немцами от германских же подданных, находившихся в России, как-то: от немецких торговых фирм, финансовых и промышленных предприятий, коммивояжеров и т.д.; из тех мест, где были поселены немецкие колонисты, — от них. Все такие сведения сосредотачивались в Берлине — в центральном бюро, где делалась сводка их, и только время от времени в Россию высылались офицеры германского Генерального штаба для проверки и исправления их. Таким образом, Германия свою разведку о России базировала на агентах, которые в то же время были германские подданные и, как патриоты, работали идейно для своей родины. Только малое исключение составляли русские подданные, работавшие для Германии за материальное вознаграждение, да и то на западных наших окраинах.

До войны Германии не было никакого расчета содействовать в подготовке переворота в России, ибо Германия всегда готова была поддерживать монархический принцип не только у себя, но и у соседей. С объявлением войны революция в России, конечно, для Германии была выгодна, как всякая катастрофа в тылу противника, но подготовить такую центральные державы не могли, не уничтожив прежде всего русской армии, так как весь тот аппарат, который составлял фундамент немецкой разведки в России, с началом войны был разрушен. Действительно, с объявлением войны границы России с воюющими странами были закрыты совершенно, границы с нейтральными странами охранялись весьма бдительно, с установкой самого строгого контроля; все немецкие фирмы, торговые и банковские предприятия, акционерные общества и т.п. были закрыты; хозяева — немецкие подданные, не успевшие уехать, арестованы; русские подданные немецкого происхождения высланы в северные и сибирские губернии; немецкие колонии подвергнуты строжайшему надзору и изоляции. Таким образом, центральные державы, потеряв всю основу своей разведки в России, не могли даже и мечтать о воздействии в агитационном порядке на общественные настроения в смысле подготовки революции.

Единственно в чем выражалась работа правительств центральных держав в этом направлении — это в содействии нашим революционерам-эмигрантам в пропаганде русских пленных в концентрационных лагерях у себя в Германии и Австрии и в покровительстве русскому зарубежному пораженческому движению, начатому в 1915 г. главарями социалистических партий. Но эта работа принесла свои плоды лишь уже после февральского переворота, когда с соизволения Временного правительства вся эта стая воронов — наших эмигрантов хлынула в Россию через широко открытые границы нейтральных держав. Вполне естественно, что вместе с ними Россию вновь заволочла целая сеть германского шпионажа.

Что касается участия в подготовке русской революции союзными державами, то я это тоже положительно отрицаю. Говорят, будто бы Англия помогала нашему революционному центру в государственном перевороте при посредстве своего посла сэра Дж. Бьюкенена. Я утверждаю, что за все время войны ни Бьюкенен и никто из английских подданных никакого активного участия ни в нашем революционном движении, ни в самом перевороте не принимали. Возможно, что Бьюкенен и другие англичане лично сочувствовали революционному настроению в России, полагая, что народная армия, созданная революцией, будет более патриотична и поможет скорее сокрушить центральные державы, — но не более того. Такой взгляд в русском обществе создался исключительно благодаря личным близким отношениям английского посла с Сазоновым, большим англофилом и сторонником прогрессивного блока, а также некоторыми другими главарями революционного настроения, как Милюков, Гучков и пр.

Что касается Франции, то об этом не приходится даже и говорить. Ни посол и никто из французов никакого вмешательства во внутренние русские дела себе не позволяли.

Русская февральская революция была созданием русских рук. А кто были

эти руки и кому нужна была революция — мы уже знаем. Она нужна была кучке людей кадетской партии и примыкающим к ней прогрессистам, кричавшим последние два года о необходимости в России правительства, пользующегося доверием страны, и состав этого правительства намечался ими самими. Она нужна была и социалистам — как конечное завершение цели их партийных программ, то есть ниспровержение существовавшего государственного строя. Народу ни революция, ни те люди, которые якобы пользовались его доверием, были не нужны. Временное правительство состояло из тех лиц, которые сами добивались министерских портфелей, как князь Львов, Милуков, Гучков, Шингарев и пр. В состав его входил только один социалист — Керенский. Страна их не выбирала — они сами себя выбрали. Пользовались ли они доверием страны? Это большой вопрос; народ их мог знать только как крайнюю оппозицию старому правительству; заслуг перед народом у них не было никаких.

Почему же в первое правительство попал только один социалист Керенский? А потому, что первое правительство было создано кадетской партией и, кроме того, ни одного хоть сколько-нибудь достойного даже в глазах самих социалистов к этому времени не было. Главари социалистических партий съехались в Петроград уже спустя несколько дней и даже недель из-за границы и из Сибири и опоздали на первых порах к общественному «пирог». Зато сравнительно в скором времени они свое взяли, как более энергичные и талантливые демагоги. Через три месяца уже Временное правительство изменило свою физиономию на чисто социалистическую. Старые артисты были выкинуты, как отыгравшие свою роль, и заменены, как говорил Керенский, «настоящими народными представителями», то есть людьми, которые не только не могли пользоваться доверием страны, но которых народ даже никогда и не знал. В самом деле, кто знал всех этих Черновых, Некрасовых, Авксентьевых, Переверзевых и т.п. Знал ли что-нибудь о них русский народ. Они были известны по своей преступной политической деятельности только Департаменту полиции и чинам Отдельного корпуса жандармов.

Вот, в сущности, из-за того, чтобы захватить в свои руки власть и дать России такое правительство, которое якобы пользуется ее доверием, и был совершен февральский переворот, который привел Россию ко всем последующим потрясениям. Несчастьям нашей родины мы не видим конца, и, может быть, нынешний режим приведет ее к окончательной гибели.

Тех людей, которые совершили это темное, преступное дело, история должна отметить не как инициаторов эфемерных завоеваний революции, чем они так гордились на первых порах, а как величайших преступников против своей Родины.

Не менее того история должна осудить в полной бездарности и бездеятельности то правительство, которое прекрасно было осведомлено в политической обстановке того момента и упорно не хотело принять решительных мер к предупреждению катастрофы.

Январь 1922 года.

Г л а в а I¹

Мой арест. — Доставка в Государственную думу генерала Сухомлинова. — Министерский павильон. — Арестованные и режим в Министерском павильоне. — Состав караула. — Комендант мест заключения в Таврическом дворце. — Лица, посещавшие арестованных. — Настроения караула и арестованных. — Посещения Керенского. — Переверзев. — Бурцев. — Инцидент с адмиралом Карцевым. — Перевод в Выборгскую тюрьму.

Государственная дума, поднявшая знамя восстания в феврале 1917 г., стала в эти кошмарные дни штабом революционеров и центральным местом

заклучения для арестованных членов царского правительства, должностных лиц и вообще всех лиц, которых революционный комитет считал опасными для революции. Тут же заседал и самый революционный комитет, и тут же собирався совет рабочих и солдатских депутатов, образовавшийся явочным порядком 27 февраля.

Для более серьезных арестованных был отведен Министерский павильон, а для менее серьезных — помещение во втором этаже Таврического дворца.

Я был доставлен в Государственную думу 1 марта около 7 часов вечера и, прежде чем окончательно был водворен в место заключения, должен был около двух часов прождать в одной из комнат, где член Государственной думы Пападжанов распределял арестованных. Здесь собралось до 30 человек, ожидающих своей очереди, и тут же решался вообще вопрос о задержании приведенных лиц. Некоторые — задержанные, по мнению Пападжанова, случайно — не представляли опасности и отпускались домой, а другие водворялись в то или другое место заключения; случалось и так, что некоторые отсылались из Государственной думы в другие места заключения, вне ее стен.

По-видимому, на судьбу того или другого задержанного лица имел большое влияние Керенский, который тут на первых порах проявлял большую энергию. В течение того времени, что мне пришлось ожидать своей очереди, я наблюдал следующую небезынтересную и возмутительную сцену. Привели арестованного генерала Сухомлинова. Невозможно описать того шума и крика, которые начались, как со стороны пьяных озверевших солдат, так и со стороны распорядившихся нашей судьбой членов Государственной думы и каких-то темных личностей, наводнивших помещение; все кричали, ругали, проклинали несчастного генерала; больше всех неистовствовал и кричал Керенский, приказавший сорвать погоны с Сухомлинова, после чего перед всеми разыграл сцену необыкновенного благородства, заявив, что Сухомлинов должен быть целым и невредимым доставлен в место заключения для того, чтобы понести кару, которую ему определит справедливый революционный суд как изменнику России, и что скорее толпа пройдет по его, Керенского, трупу, чем он позволит какое-либо насилие над Сухомлиновым, забывая, что только что сам совершил это насилие, приказав сорвать погоны с генерала. Солдаты подчинились властному слову Керенского, и Сухомлинов с сорванными погонами, предшествуемый Керенским, при общих криках ненависти и улюлюкании проведен был между шпалерами солдат.

Наконец после краткого опроса и каких-то записей я был сдан с запиской какому-то молодому человеку, который отвел меня в Министерский павильон и передал начальнику караула.

Министерский павильон состоял из залы заседания, двух просторных кабинетов, людской и уборной. Он соединялся одним выходом с кулуарами Государственной думы, а другой ход вел в сад, окружавший павильон. Арестованные помещались в зале и кабинетах, а людскую занимал караул. Посреди длинного не особенно большого зала находился во всю длину комнаты стол, покрытый сукном, вокруг которого сидели арестованные, от двадцати до двадцати пяти человек, а кругом них стояло 10 вооруженных винтовками солдат. В каждом из кабинетов размещалось меньшее число арестованных, также с приставленными часовыми. Весь Министерский павильон был снаружи, в саду, окружен постами часовых, которые при малейшей попытке не только бегства, а даже появления арестованного у окна должны были стрелять. Постоянный бессменный караул несла 4-я рота лейб-гвардии Преображенского полка; эта честь выпала ей, потому что она первая из полка присоединилась к взбунтовавшейся учебной команде лейб-гвардии Волынского полка. Начальником караула был прапорщик Знаменский, а помощником его унтер-офицер Круглов.

После предварительного личного обыска, произведенного унтер-офицером Кругловым, я был помещен в зал и занял место за столом наравне с прочими арестованными. Здесь я увидел все знакомых: председателей Совета министров князя Голицына, Трепова, статс-секретаря по делам Финлян-

дии генерала Маркова, генерала Ренненкампа, градоначальника генерала Балка, помощника его генерала Вендорфа, полицмейстера генерала Григорьева, обер-прокурора Св. Синода князя Жевахова, сенатора Чаплинского, министра финансов Барка, жандармских генералов Фурса, Казакова, полковника Плетнева, директора Морского корпуса адмирала Карцева, генерал-адъютанта Безобразова, генерала Макаренко и других. Кроме того, в других комнатах находились и затем позже прибывали и убывали: А.Н. Хвостов, С.П. Белецкий, генерал Климович, генерал-адъютант Н.И. Иванов, генерал-адъютант Баранов, финляндский генерал-губернатор генерал Зейн с управляющим его канцелярией, генерал Никольский, директор Департамента полиции А.Т. Васильев, бывшие министры Макаров, Маклаков и Щегловитов, генерал герцог Мекленбургский, генерал Спиридович, генерал Герасимов, генерал Риман, С.Е. Виссарионов и проч. В общем, население этой цитадели русской революции, как ее назвал комендант Таврического дворца, достигало человек 60. Женщин было только две: бывшая фрейлина А.А. Вырубова и бывшая издательница газеты «Земщина» Полубояринова, затем еще доставлены были уже позже жена генерала Римана и жена владимирского губернатора Кретон, но были скоро и освобождены; женщины помещались в маленькой комнате около помещения караула.

В отношении арестованных первоначально были приняты весьма суровые меры: например, в течение первых трех дней было совершенно запрещено разговаривать между собой; можно было только отвечать на вопросы чинов караула или должностных лиц. Все должны были часами сидеть молча; только с особого разрешения все одновременно вставали и начиналась прогулка вокруг стола, в затылок друг за дружкой. Спать разрешалось на тех же креслах, на которых сидели, то есть сидя; некоторые более счастливые пользовались для сна коротенькими диванчиками, которых было не более шести по стенам зала. В уборную разрешалось отправляться только с выводными. Свидания с родственниками и знакомыми происходили в коридоре, соединяющем павильон с кулуарами, в присутствии караульного унтер-офицера или разводящего. Кормили довольно сносно — два раза в день, и кроме того выдавался кипяток для чая. Самое тяжелое было — это запрещенье разговаривать и невозможность раздеться на ночь.

Караульный начальник прапорщик Знаменский был вполне приличен, держал себя весьма корректно, справедлив и не позволял себе издеваться над арестованными, хотя по партийной принадлежности был социалист-революционер и в прошлом в свое время потерпел за свою революционную деятельность. Нельзя того же сказать про караульного унтер-офицера Круглова — это был буквально зверь. Старообрядец Нижегородской губернии, призванный из запаса, мало развитой, озлобленный человек. Лет 40, выше среднего роста, с русой бородкой и глубоко сидящими маленькими злыми глазами, он производил отталкивающее впечатление — до того, что все арестованные звали его «Малютой Скуратовым». Круглов наводил страх и пользовался, видимо, исключительным уважением как всего караула, так равно и представителей новой власти; даже Керенский, назначенный министром юстиции, и прокурор Петроградской судебной палаты Переверзев, и комендант Перетц пожимали ему почтительно руку и явно заискивали перед ним. Он же особенно почтения перед ними не выказывал и считал себя самым важным лицом в отношении всего персонала, обслуживавшего Министерский павильон. Ко всем арестованным он относился с большим презрением, считая их своими личными врагами, а потому позволял себе всяческие издевательства и грубость.

Комендантом места заключения в Таврическом дворце, а потом и всего дворца был полковник Перетц — довольно подленькая личность, заискивающий постоянно перед солдатами, а особенно перед Кругловым. В угоду солдатам он старался выказать как можно больше грубости и недоброжелательства к арестованным. При первом его появлении в помещении арестованных я его сразу узнал. В 1912 г. он служил в Варшавском военном округе, занимая

должность военного следователя при Варшавском военно-окружном суде. Когда назначена была по Высочайшему повелению сенаторская ревизия для обревизования Варшавского генерал-губернаторства, то ревизующий сенатор Д.Б. Нейдгарт привлек к участию в расследовании по некоторым делам военного следователя подполковника Перетца. Между прочим ему было поручено следствие по делу Плоцкого уездного воинского начальника полковника Ефремова. Желая на этом деле выделиться и сделать карьеру, Перетц явно подтасовал показания свидетелей, записывая не то, что они говорили, и измышляя показания с целью обвинить Ефремова. Подлоги Перетца были установлены на суде, и его, чтобы замять дело, перевели в Казанский военно-окружной суд, откуда за какие-то мошенничества вскоре и совсем выгнали со службы. В момент переворота он оказался в Петрограде и сейчас же примазался к новой власти. В должности коменданта он пробыл, кажется, не более месяца, после чего выпустил небольшую брошюру стоимостью в 50 копеек, озаглавленную: «В цитадели русской революции», излагая в ней впечатления, вынесенные им об арестованных, с характеристикой отдельных лиц. Книжка написана была явно тенденциозно, с целью высмеять людей, попавших в тяжкое положение, и возбудить к ним как можно больше ненависти со стороны темного люда.

Кроме этих, так сказать, непосредственных начальников арестованных, было немало начальства в лице разного сброда, имевшего свободный доступ в помещения арестованных, якобы следящих за гигиеническим их содержанием и облегчающих морально их положение. В действительности же это были: любопытные, журналисты, освобожденные из тюрем политические и уголовные преступники, какие-то сестры милосердия, никому из арестованных ненужные, студенты, курсистки и т.п. Вся эта публика посещала почти ежедневно Министерский павильон, вступая с арестованными в разговоры, стараясь что-либо интересное узнать, чтобы потом в извращенном виде рассказать в разных заново появившихся газетках. Эта компания нагло хвасталась перед арестованными завоеваниями революции и имела нахальство тут же заниматься агитацией в пользу нового режима. Некоторые из посетителей вступали в политические споры с арестованными и вели настоящие дискуссии. Среди этого сброда было много моих бывших клиентов, жаловавшихся, что Охранное отделение не давало им возможности заниматься революционной работой. Из разговоров с ними уже тогда ясно было, что, несмотря на революцию, партийная грызня будет еще долго продолжаться и вряд ли социалистам удастся составить общий демократический фронт. Эти молодые люди, большей частью студенты и курсистки, вели себя в отношении арестованных очень корректно. Но были и такие, которые ничего общего с политикой не имели — просто уголовные преступники и авантюристы, выпущенные из разгромленных тюрем, выдававшие себя пострадавшими в прошлом за политические убеждения. Эти, в общей неразберихе, занимались воровством, сведением личных счетов с арестованными и обделыванием своих личных грязных делишек. Например, первые дни при арестованных состоял в качестве врача именовавший себя граф Д'Оверк, молодой человек лет 30, который, по его словам, оказал громадные услуги революции тем, что лично руководил уличными стычками с защитниками старого режима, обысками и арестами царских министров. Он рассказывал, что принимал участие в покушении на жизнь Распутина, и много всякой чепухи. Между тем мне отлично известно было, что он в свое время значился в розыскном циркуляре Департамента полиции как совершивший в Петрограде ряд грабежей и бежавший на Кавказ, где также занимался грабежами и разбойными нападениями. Незадолго до революции он был задержан во Владивостоке под чужим именем и доставлен в Петроград. Происхождением он был сыном дворника Оверко и в японскую войну был санитаром. Скоро его новая власть также разоблачила, и он был арестован за старые и новые преступления. За время его участия в революционном перевороте при обысках у разных лиц им было награблено до 35 000 рублей только наличными деньгами.

Другой был еврей Барон, рассказывавший о себе всевозможные небывалые. Он ежедневно посещал арестованных, съедал почти все выдававшиеся в пищу арестованным консервы и выкуривал у них папиросы. Вскоре он совершенно исчез, заявив предварительно всем, что уезжает на Кубань, где выбран войсковым атаманом. Кроме этих было еще несколько воров и грабителей, которых также разоблачили и водворили обратно в тюрьмы.

Солдаты, настраиваемые начальством, как я уже говорил, относились к нам весьма грубо и дерзко — как к личным врагам, но по прошествии некоторого времени отношения их улучшились; солдаты стали вступать с нами в разговоры, а некоторые даже высказывали свою точку зрения на текущие события. Во всех их речах сквозило самооправдание за содеянное. Были такие, которые втихомолку спрашивали у нас: «А что, за эту леворучию нам ничего не будет?» В числе людей караула я узнал одного из своих воспитанников учебной команды — унтер-офицера Шевелева — когда еще служил в лейб-гвардии Кексгольмском полку. Он меня также узнал, отнесся ко мне с большим уважением и по секрету сообщил, что избег большой неприятности только случайно: еще недавно он подал докладную записку о зачислении его унтер-офицером Отдельного корпуса жандармов, на днях должен был быть приказ о его зачислении, но этому помешала революция.

Первые дни после переворота все, начиная с коменданта и до солдат включительно, были в весьма подавленном, даже тревожном настроении, боялись, что новый порядок не утвердится, что восстание будет подавлено войсками фронта. Этого даже не скрывали и открыто высказывали свои опасения. После ликвидации движения к столице георгиевских кавалеров и ареста генерал-адъютанта Иванова все подбодрились и успокоились.

Что касается арестованных, то они все были в подавленном состоянии, да это и вполне естественно: каждый понимал все значение того крушения, которое переживается Россией, и ту бездну, в которую ее увлекли авантюристы, ставшие теперь у власти. Переносили несчастье по-разному: одни страшно нервничали и окончательно пали духом, другие были более спокойны. Были, например, люди, занимавшие высокие посты, всегда деятельные, смелые, энергичные, а теперь жалко было на них смотреть, до того они растерялись. Одно, например, лицо, бывшее когда-то прокурором, уверяло меня, что его или расстреляют, или привлекут к судебной ответственности по 102 ст. Уголовного уложения, то есть за принадлежность к тайному сообществу, поставившему своей целью и т.д... Когда же я ему доказывал, что этого случиться не может, так как он служил не тайному сообществу, а государству, и что законы Российской империи не аннулированы, он все же твердил свое. Правда, его расстреляли в конце концов, но уже при большевиках, в 1918 году. При Временном же правительстве он был освобожден без всяких последствий.

Спустя три дня после того, как я был заключен под стражу, к нам впервые зашел Керенский, который собрал всех арестованных и заявил, что Государь отрекся от престола, что великий князь Михаил Александрович сделал то же самое, что состав Временного правительства избран и что он, Керенский, назначен министром юстиции. Кроме того, он нам заявил, что отныне в России наступает пора права, законности и справедливости, причем из его слов можно было понять, что Россия всем этим будет обязана ему — Керенскому, который как генерал-прокурор за всем этим будет иметь неослабное наблюдение. Тут же Керенский великодушно заявил, что тех людей, которые геройски вели себя на войне, он держать под арестом не может, а потому приказал немедленно освободить, как георгиевских кавалеров, генерал-адъютанта Безобразова и бывшего у генерала Хабалова начальником штаба генерал-майора Тяжельникова, что не помешало ему того же Тяжельникова на следующий день вновь арестовать и заключить в Петропавловскую крепость. Не коснулось почему-то освобождение и генерала Ренненкампа, хотя он был также георгиевский кавалер. Отсюда ясно, что по признаку георгиевского креста нельзя было и говорить об освобождении.

Но самым приятным результатом появления у нас Керенского было то, что он разрешил нам с этого дня разговаривать друг с другом.

Через два дня Керенский вновь появился у нас, причем его приход сопровождался следующим характерным эпизодом: в зале мы о чем-то горячо спорили и не заметили, как он вошел; тогда, чтобы предупредить нас о появлении его высокой особы, он стал стучать по полу палкой и провозгласил: «Министр юстиции идет». Все, конечно, прекратили разговор и ожидали, что он нам скажет. Он уселся за стол и, попросив нас также сесть, говорил довольно долго о падении монархии, о новом светлом будущем и опять о праве, законности и справедливости, раз он поставлен генерал-прокурором республики. После этого вступления Керенский сказал следующее: «Между вами есть один предатель — палач, исполнявший казни над невинными жертвами царского режима, я надеюсь, что вы не захотите его иметь в своей среде». Мы не знали, куда он клонит, и молчали, но все-таки несколько голосов раздалось — «конечно нет». Тогда Керенский крикнул сорвавшимся голосом: «Полковник Собещанский, встаньте». Собещанский встал и хотел потребовать объяснений, но Керенский истеричным, срывающимся голосом завопил: «Солдаты, сорвать с него погоны, снять с него Владимирский крест и выделить в особое помещение впредь до распоряжения». После произведенной экзекуции Керенский ушел. На следующий день утром Собещанский был отвезен в Петропавловскую крепость и заключен в подвальный сырой карцер. Там его продержали четыре месяца и без единого допроса освободили.

После всего того, что Керенский говорил о праве и законности, нас эта грубая сцена поразила и многим сразу показала, с кем мы имеем дело. Ясно стало, что закон и право только красивые слова, а в данном случае со стороны министра играла роль только недостойная месть политического противника.

В чем же заключалась вина Собещанского? Только в том, что он занимал должность начальника Шлиссельбургской жандармской команды и обязан был по долгу службы присутствовать, наравне с товарищем прокурора, при приведении приговоров суда в исполнение. Сам по себе он был заурядный жандармский офицер, предназначенный уже к увольнению в отставку.

В течение первых дней многих из Министерского павильона перевозили в Петропавловскую крепость, причем список таких лиц составлял сам Керенский. Места убывших замещались новыми арестованными, привозимыми даже из провинции. Так, были доставлены: граф Фридрих (Фредерикс. — *Ред.*), принц Мекленбургский, губернатор Крейтон, ген. Риман, губернатор Шидловский, генерал-адъютант Иванов и др. Некоторых, продержав день-два, освобождали.

Керенский заходил еще несколько раз и всегда старался блеснуть перед нами своим красноречием, но в общем содержание его речей ничем не отличалось от его первых разглагольствований и интереса не представляло. В один из приходов он вызвал меня в отдельное помещение и начал такого рода разговор: «Мне доподлинно известно, что вы принимали участие в расстановке пулеметов и, стало быть, виновны в пролитии крови народа». Я ему ответил, что такое обвинение безусловно отрицаю, но что пулеметы действительно стреляли, чему был сам свидетелем, когда проходил по улицам города 28 февраля и 1 марта. Тогда Керенский мне заявил: «У нас есть свидетели, которые дают показания против вас». — «Кто же эти свидетели?» — «Кто они, я вам не скажу, но дело будет расследовано». — «Вот об этом я вас и прошу, и когда вы расследуете, то вы и узнаете, что пулеметы ставили рабочие». — «Ну уж этого вы мне не говорите, это басни», — сказал Керенский и спросил меня: «Правда ли, что существовал ход под Невою из Охранного отделения в Зимний дворец? Я приказал минной роте проверить это на месте». Я ему на это ответил, что до сих пор о существовании такого подземного хода не знал, но что при содействии минной роты возможно его и сделать. Керенский обозлился и сказал: «Если вы будете так отвечать, то нам не о чем больше говорить», на что я ответил: «Как вам угодно», — и прибавил: «Обра-

тите внимание на заметку в газете, что в Охранном отделении на крыше нашли радиотелеграф, а в гараже бронированный автомобиль, так это такая же правда, как и история с подземным ходом». Керенский почему-то сказал: «Ну, это чепуха».

Затем он задал мне еще вопрос: почему я, окончив Академию Генерального штаба, пошел на службу в Отдельный корпус жандармов, и когда я ему ответил: «По убеждению», то он, окончательно озлившись, стремительно выбежал из комнаты. Больше мне с ним никогда говорить не приходилось.

Тотчас же после его ухода мне было объявлено, чтобы я приготовился к отправлению в Петропавловскую крепость, но почему-то ни в тот день, ни на следующий меня не отправляли. Вскоре выяснилось, что в крепости все помещения уже заняты и ремонтируются новые, в ожидании чего мне пока нужно оставаться в павильоне.

Посещали нас и другие высокие особы, как, например, назначенный прокурором Петроградской судебной палаты социалист-революционер Перверзев, из бывших плохеньких адвокатов, и назначенный главным тюремным инспектором, забыл его фамилию, старый эсеровский партийный работник по партийной кличке «Товарищ Золотые очки». Оба они распинались перед нами о прелестях нового режима и о том рае, который ожидает русский народ, сбросивший позорные оковы монархии. Оба они главным образом старались щегольнуть красотой своих речей и произвести на нас потрясающее впечатление. Комендант Перетц заходил каждый день, говорил целую кучу всяких глупостей, много врал и придирался ко всяким мелочам, лишь бы досадить чем-нибудь арестованным.

Кроме того, арестованных посещали разные солдатские и рабочие депутаты с целью удостовериться — налицо ли все арестованные, и посмотреть на тех людей, которых новая власть объявила врагами народа. Эти посещения были нам весьма неприятны, так как начальство устраивало в таких случаях настоящие представления, вроде посещения публикой паноптикума. Никогда не забуду посещения депутации от гвардейского флотского экипажа. Депутация возглавлялась громадного роста матросом свирепого вида; унтер-офицер Круглов давал разъяснения этому матросу, причем, останавливаясь почти перед каждым арестованным, представлял его, прибавляя в виде характеристики этого лица, какой-либо эпитет. Например, представляя Добровольского, добавил: «Министр юстиции, издававший несправедливые законы»; когда Добровольский заметил, что министры юстиции вообще не издают законов, то Круглов моментально приложил ему к голове браунинг. Представляя генерала Климовича, он добавил: «Градоначальник, мучивший народ». На замечание, сделанное Климовичем, Круглов проделал ту же историю с браунингом и т.д. По окончании матрос сплюнул и сказал: «И это бывшие правители, изверги, мучители? Хороши».

Присылались к нам и фотографы, желавшие делать групповые снимки, очевидно, с целью помещения в русские и иностранные журналы с соответствующими подписями, но мы все от этой чести уклонялись.

Посещал нас и старый революционер В.Л. Бурцев, который главным образом был озабочен тем, чтобы путем разговоров со мной и другими жандармскими офицерами постараться выяснить тех секретных наших сотрудников, о которых по материалам, уцелевшим от разгрома учреждений, собрать сведений еще не удалось. В разговоре лично со мной он задавал вопросы, называя клички сотрудников, с просьбой указать, кто именно скрывается под тем или иным псевдонимом. Я его любопытства не удовлетворил, отговариваясь тем, что не помню, а многих из них даже не знаю настоящих фамилий. В то же время Бурцев просил меня написать ему мое личное мнение о русской революции и прислать ему на квартиру. В этом я также ему отказал, прекрасно понимая, что это ему нужно для помещения в русской и иностранной печати и, пожалуй, еще с его личными выводами и нежелательными комментариями.

Бурцев тогда уже произвел на меня впечатление ограниченного челове-

ка, идей фикс которого были разоблачения так называемых им политических провокаторов. Нужно сказать, что ни к одной из политических партий он сам не принадлежал, но, как старый революционер, много потерпевший, в глазах социалистов, от царского режима, и как ненавидевший всеми силами души монархический строй вообще, пользовался в первые дни революции большой популярностью и уважением новой власти. Ему была поручена на первых порах разборка уцелевших материалов Охранного отделения и, кроме того, он стал издавать журнал «Былое», субсидируемый Временным правительством. Большую часть своей жизни Бурцев провел за границей в качестве политического эмигранта и только за два года до революции с разрешения министра внутренних дел вернулся в Россию. Сначала он жил в Твери, а потом вследствие поданного им прошения о необходимости пользоваться для своих литературных работ публичной библиотекой, ему было разрешено жить в Петрограде, куда он переехал и поселился в Балабинской гостинице на Знаменской площади. Сначала по распоряжению Департамента полиции за ним установлено было наружное наблюдение, но как только все его связи были выяснены, таковое было снято, ибо Бурцев никакой опасности не представлял. Давно было известно, что это старый маниак-разоблачитель, да и то не всегда удачный. Однако установленное в первые дни пребывания Бурцева в Петрограде наблюдение сделало то, что он положительно заболел манией преследования. Заметив за собой наблюдение, он бросился на совершенно посторонних людей, звал их в полицейский участок, записывал номера заподозренных им извозчиков и вообще производил впечатление ненормального.

В своих разоблачениях Бурцев часто делал ошибки, обвиняя ни в чем не повинных людей и оправдывая действительных провокаторов. По душе это был доброжелательный человек, легковерный, но недалекий. Посещая павильон, он старался всех арестованных утешить и, как человек, не отдающий себе отчета в том, что с падением монархии Россия покатится в бездну, старался уверить, что теперь всем будет хорошо и наступают положительно райские дни. Некоторым арестованным Бурцев стал явно покровительствовать и добился их освобождения под свое поручительство. Часть освобожденных в очень скором времени вновь была заключена под стражу, а Бурцев был отставлен от разбирательства дел Охранного отделения, каковая обязанность была возложена на некоего Колонтаева.

Жизнь наша шла монотонно: читали газеты, обменивались мнениями. Некоторое разнообразие вносили вновь прибывающие арестованные и появления высоких гостей, о которых я уже упоминал. Были кое-какие эксцессы. Например, был такой случай: в числе арестованных находился директор Морского кадетского корпуса вице-адмирал Карцев, который с первого дня своего ареста стал обнаруживать признаки сильного расстройства нервов. Однажды в 4 часа утра он вскочил со своего кресла, в котором спал, и бросился на часового с намерением выхватить у него винтовку. Тогда другой часовой выстрелил и пробил ему пулей плечо на вылет. Третий часовой выстрелом легко ранил в шею полковника Пиранга, а четвертый в то же время стал стрелять в другой комнате, но никого не задел. На выстрелы вбежал унтер-офицер Круглов с браунингом в одной руке и свистком во рту, и только потому, что все арестованные, разбуженные шумом борьбы и стрельбой, оставались в полном спокойствии, они избегли смертельной опасности. Унтер-офицер Круглов нам потом сознался, что если бы только мы вскочили или кто-либо из нас вмешался в это дело, то он бы свистнул и, согласно ранее отданному приказанию, по этому сигналу нас всех солдаты должны были перестрелять. Карцева солдаты оттащили от часового и передали двум явившимся на крики санитарам. Оказалось, что на него нашел припадок острого умопомешательства, и он имел намерение, вырвав винтовку из рук часового, покончить самоубийством. Когда ему перевязывали рану, он обманул бдительность санитаров и вторично сделал попытку броситься на часового, но успел только, наклонив штык ружья к себе, легко

ранить себя в грудь. До самого утра он безумно кричал, но, наконец, его одели и куда-то увели.

Были случаи стрельбы в окна наружными часовыми, но мы на это почти не обращали внимания — привыкли.

Прошло почти три недели, и ни одному из арестованных пока никаких обвинений не предъявлялось, и никто не был допрошен, так что мы недоумевали: зачем нас, собственно, держать в заключении и какова будет наша дальнейшая судьба.

Наконец, 23 марта мне и еще пяти лицам приказано было собраться для отправки нас в Выборгскую тюрьму, или иначе «Кресты». Самая перевозка была обставлена весьма помпезно. В маленький автобус было посажено вместе с вещами шесть арестованных и два вооруженных солдата, двое солдат стали на подножку заднего входа, двое поместились на крыльях автобуса и двое на крыше. Для того же, чтобы продлить путь и показать публике, как перевозят важных преступников, нас не повезли просто по Шпалерной к Литейному мосту, а сделали значительный крюк по Кирочной.

Г л а в а II

Устройство Выборгской тюрьмы. — Хирургическое отделение тюремного лазарета. — Состав арестованных и условия содержания. — День арестованного. — Медицинская помощь. — Свидания. — Начальник тюрьмы. — Следователи. — Чрезвычайная комиссия Муравьева. — Частичные освобождения. — Налет на тюрьму. — Перевод в одиночные камеры. — Внутренний распорядок и выборное начальство. — Разговор с Переверзевым. — Перевод на гауптвахту.

Тюрьма «Кресты» находится за Литейным мостом на Выборгской стороне, на самом берегу Невы. Свое название она получила потому, что каждый ее каменный трехэтажный корпус, которых три, построен в виде креста. В каждом корпусе свыше 100 одиночных камер; внутренняя система устройства и расположения камер — новейшая, американская. Каждая камера имеет окно наружу и дверь во внутренний коридор, который идет во всю длину здания, снизу до самой крыши; двери камер верхних этажей выходят на балконные галереи, тянущиеся вдоль всего коридора; галереи этажей соединяются между собой внутренними лестницами. По углам здания в каждом этаже — уборные. Если стоять в центре здания при пересечении коридоров, то сразу видны все галереи всех этажей, а потому такое устройство не требует большого количества внутренней стражи. Кроме главных корпусов, на территории тюрьмы находились отдельные флигели лазарета и хозяйственных построек. Вся усадьба тюрьмы обнесена высокой каменной стеной.

Во время февральского переворота тюрьма была разгромлена при освобождении арестантов. Одиночные камеры спешно ремонтировались, так как они были без отопления, без света, без воды. Кажется, один только корпус уцелел, но он уже был до отказа заполнен клиентами Временного правительства, а потому нашу партию, по соблюдении всех формальностей в канцелярии тюрьмы, отправили в отдельный флигель, именно — хирургическое отделение тюремного лазарета.

Этот отдельный флигель состоял из двух этажей и имел один наружный вход. Вдоль наружной стены каждого этажа проходил довольно широкий, светлый коридор, из которого вели двери в палаты, обращенные в камеры для арестованных. Всего было в каждом этаже пять камер, караульное помещение, кухня и уборная. Нашу партию поместили в нижнем этаже, в самой большой комнате, выходящей окнами на тюремный двор. Эта комната была рассчитана на 10 человек больных, теперь же здесь помещалось 56 человек, причем кроватей оставалось 10 с тремя тюфяками всего. 10 счастливых помещались на кроватях, а остальные — где кто выбрал место на полу. Публика

здесь была самая разношерстная: генералы, чины полиции, жандармы, городские, строевые офицеры, журналисты, частные лица и т.д. Рядом с нами занимали камеру каторжане, Бог весть почему вновь посаженные после февральского общего освобождения. Далее камеры занимали: мальчишки — мелкие воришки, карманщики, а далее вперемешку — уголовные и политические. В верхнем этаже приблизительно такой же состав. Весь флигель был переполнен сверх всякого комплекта. В нашей комнате было чрезвычайно душно и так тесно, что ночью площадь пола не вмещала всех лежа; некоторым приходилось спать в сидячем положении.

Внутренний режим здесь был легче, чем в Государственной думе, но зато гигиенические условия чрезвычайно тяжелы: вследствие переполнения — нехватка воздуха и ужасная грязь. Караул ежедневно выставлял лейб-гвардии Московский полк, настроенный весьма революционно, но [он] не стеснял арестованных. В камерах часовых не было, караульные посты находились только снаружи в коридоре и допускалась даже известная свобода — двери камер, выходящие в коридор, не закрывались, так что можно было выходить из камер в коридор, заходить в соседние камеры и в верхний этаж. Но, с другой стороны, это было и неприятно в смысле постоянного общения с уголовными.

День проходил таким образом: вставали в 6 часов утра, умывались в уборной или кухне, получали кипяток для утреннего завтрака. Затем каждая камера делала у себя уборку, что лежало на обязанности дежурного по камере. Коридор, кухню и уборную приводили в порядок каждая камера по очереди (эту работу за нас делали уголовные, за условленную плату). Затем происходила общая прогулка на дворе, где под наблюдением часовых все должные были полчаса гулять, не разговаривая друг с другом. В 12 часов приносился обед: первое блюдо — ведро с горячей водой, в которой плавала нечищенная протухшая селедка или капуста, и второе — недоваренная чечевица. Весьма понятно, что этой пищи почти никто есть не мог. Питались или только одним черным хлебом с чаем, или теми припасами, которые присылались родственниками или знакомыми. В 6 часов приносился ужин, состоящий из жидкой кашицы, но и он почти целиком оставался нетронутым, так как был такого же качества, как и обед. В 9 часов ложились спать, камеры закрывались на ключ.

На случай заболеваний два раза в неделю заходил какой-то фельдшер, который от всех болезней прописывал одни и те же порошки. Врач посетил нас только один раз — психиатр по специальности и социалист-революционер по партийности. Говорил он исключительно о завоеваниях революции, а не о врачебной помощи недомогающим.

Арестованные проводили время в разговорах, в чтении газет, которые разрешалось покупать через надзирателей, и в прогулках по коридору. Некоторые вступали в разговоры с солдатами караула, а были и такие, как Владимир Григорьевич Орлов, старый член Союза русского народа, который среди солдат начал вести монархическую пропаганду и частично даже имел успех.

Арестованным разрешалось иметь свидания с родственниками и знакомыми, для чего арестованные под конвоем приводились в канцелярию тюрьмы, где имелось особое помещение, приспособленное для свиданий. Оно было устроено так, как устраиваются зверинцы. Публика, пришедшая на свидание, впускалась в середину зала, а арестованные занимали кабинки вдоль всех стен, отгороженные от публики двойной железной сеткой. Можно было разговаривать, но через двойную проволочную сетку ничего нельзя было передать. Продукты и вещи сдавались в канцелярию, где после детального осмотра и даже мелкого изрезывания провизии посылки передавались арестованным. Несмотря на эту тяжелую обстановку, свидания были отрадными минутами каждого заключенного и вносили разнообразие в монотонную жизнь.

Арестованных посещали, кроме того, разные лица и депутации. Часто заходил начальник тюрьмы прапорщик Попов. Он относился к нам весьма корректно и даже проявлял некоторую заботливость. Про себя он говорил,

что принадлежит к Союзу офицеров-республиканцев. Впоследствии этот самый Попов играл довольно видную роль у большевиков, будучи назначен комиссаром Московской конторы Государственного банка. Посещал нас здесь и Бурцев и опять заводил все ту же шарманку о прелестях революции и будущем для всех рае. Под его поручительство были освобождены из Крестов генерал Герасимов и С.Е. Виссарионов, но, как потом стало известно, они вновь были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. От разбора дел Охранного отделения Бурцев после этого был устранен и эта работа была поручена некоему Колонтаеву, молодому человеку, отличившемуся, по его словам, в первые дни революции. Этот господин довольно часто нас посещал, вызывая для допросов то меня, то кого-либо из моих бывших помощников. Первое время он очень был занят выяснением вопроса о расстановке пулеметов, обвиняя, так же как и Керенский, в этом меня. Но вскоре этот вопрос был оставлен, так как господа следователи поняли, что к расстановке пулеметов ни я, ни кто другой не причастны, а пулеметы, как я и раньше утверждал, были расставлены самими рабочими. После этого Колонтаев стал добиваться разоблачения секретных сотрудников, но и здесь его постигла неудача, он ничего не добился. Немало трудов и изобретательности он потратил, чтобы раскрыть какие-либо злоупотребления Охранного отделения, но, проработав над этим почти полгода, ничего не открыл. В сентябре миссия его закончилась бесплодно, и дом Охранного отделения был предоставлен для суда над малолетними преступниками.

Кроме Колонтаева, навещали нас и другие лица, снабженные удостоверениями прокурора судебной палаты в качестве следователей. Эти последние главным образом собирали разные статистические сведения и справки по разным делам. Большая их часть из бывших присяжных поверенных, но были также среди них ничего общего с этим сословием не имеющие и женщины.

Настойчивым желанием всех нас, заключенных, было узнать, в чем, собственно, мы обвиняемся, а потому мы требовали, чтобы нас допросили и предъявили нам определенное обвинение. И вот, наконец, всех политических вызвали в канцелярию тюрьмы, куда явились два товарища прокурора из старых, rozdali всем бумагу и перья и предложили письменно изложить, что мы делали в революционные дни 27 и 28 февраля — до нашего ареста. Это мало было похоже на допрос, а скорее просто уступка нашему требованию. И действительно, никаких результатов от этих писаний мы не видели.

Перед Пасхой, которая была в начале апреля, некоторых из числа арестованных стали понемногу освобождать; в том числе были и чины полиции. Стало дышать легче, в нашей камере осталось не более 25 человек. В это же время по распоряжению Керенского уголовным сократили срок содержания в тюрьме наполовину, а тех, кои изъявили желание идти на фронт, и совсем освобождали. Почти все каторжане выразили такое желание. В частных разговорах впоследствии они нам говорили: «Что же мы, дураки? Пойдем сражаться; обмундируемся, подкормимся, а там с первой же станции разбежимся». Политическим такого права не предоставлялось.

К тому же приблизительно времени была создана знаменитая «Чрезвычайная комиссия» по расследованию злоупотреблений сановников царского режима под председательством присяжного поверенного Муравьева. Эта ЧК функционировала в течение всего периода Временного правительства, состояла из многочисленного служебного персонала, занимала огромное помещение в Зимнем дворце, но ни одного дела за время своего существования не закончила.

После Пасхи меня стали довольно часто тягать в ЧК для дачи показаний по разным делам. Доставляли меня туда обыкновенно под конвоем двух солдат, так что приходилось идти пешком от тюрьмы до Зимнего дворца. Допросы заключались в исследовании моей работы по ликвидации той или другой группы, расспрашивали по делам министров, о Распутине и т.п. При допросах, кроме следователя, присутствовали какие-то милостивые государи, которые вели свои заметки. Полагаю, что это были журналисты или со-

циалисты той или другой партии, интересовавшиеся главным образом моими секретными сотрудниками. Следователями комиссии были большей частью старые участковые следователи или лица прокурорского надзора из левых, ставших верными слугами новой власти. Из всех этих допросов видно было одно: комиссия желала напасть на какие-либо злоупотребления, не находила их, бродила в потемках, а потому хваталась буквально за все. Например, странно было, что бывший прокурор Орловского окружного суда Завадский, допрашивая меня по делу бывшего министра внутренних дел А.Н. Хвостова, задавал мне вопросы о том, не знаю ли я, где те полтора миллиона рублей, которые были через кредитную канцелярию выданы Хвостову по личному повелению Государя Императора. Я выразил полное недоумение по поводу такого вопроса, так как даже и самый факт получения этих денег Хвостовым мне не был известен, а равно на какую цель эти деньги были предназначены. Мало того, Завадский задает следующий вопрос: не передал ли Хвостов эти деньги на хранение мне и нет ли у меня сейфа в одном из банков. На это я мог ему только ответить, что я не родственник Хвостова, что в служебном отношении между нами была большая дистанция и что сейфа у меня нет, а впрочем, если ему угодно, то он может это проверить. Вот до какой ерунды мог договориться бывший прокурор.

Хождение на допросы было только в том отношении приятным, что можно было подышать неторемным воздухом, а это вносило большое разнообразие в скучный тюремный режим.

После Пасхи, согласно распоряжению тюремного начальства, нас должны были перевести в одиночные камеры, или, как их называли, одиночки, которые уже были отремонтированы, но тут произошел инцидент, который заслуживает, чтобы о нем упомянуть. Это было 11 апреля. Около 7 часов вечера послышался сильный шум во дворе, затем крики и бряцание оружия в коридоре, после чего дверь нашей камеры открылась настежь и в камеру ворвалась ватага пьяных, диких людей. Впереди был, как потом оказалось, комиссар милиции местного района, молодой человек кавказского типа, с кинжалом в зубах, с браунингом и маузером в руках, перепоясанный патронными лентами. За ним человек 20 самой разношерстной компании: здесь были и солдаты, и рабочие, и бродяги; все это галдело и угрожало, так что сначала нельзя было понять, чего они хотят. Наконец из слов комиссара выяснилось, что они требовали сдачи оружия. Естественно, что мы никакого оружия сдать не могли, так как у нас, как у арестованных, его и не было. Однако одному из нас пришла мысль, что, может быть, небольшой перочинный нож, имевшийся у него, тоже считается оружием, и он предъявил его комиссару, чем невольно свел всю эту историю в шутку. Тем не менее комиссар поставил вопрос на голосование: считать ли перочинный ножик оружием. Товарищи милостиво решили оставить его для резки хлеба. Затем приступлено было к обыску; все было перевернуто, перепорчено; обнаруженные в камере три тюфяка на 25 человек были признаны излишней роскошью, и пьяная ватага, изругавши всех площадной бранью, наконец, удалась продельвать то же самое в других камерах. Вскоре шум затих, но не прошло и 10 минут, как к нам ввалилась новая ватага пьяных людей. На этот раз уже комиссара с ними не было, и состояла она преимущественно из солдат. Они уже не требовали сдачи оружия, а с места начали производить обыск. Найдя у кого-то чайное печенье, заявили, что нам ничего не полагается в пищу, кроме черного хлеба и кипятка. По окончании обыска все были сбиты в кучу в одном из углов камеры, и солдаты, направив на нас штыки ружей, потребовали, чтобы вышел вперед генерал Риман; Риман вышел. Тогда началось голосование — что с ним сделать: повесить или расстрелять. И вот готовы уже были привести в исполнение свое постановление, как из их же среды раздался голос одного солдата: «Товарищи, он в Семеновском полку, я помню, был хороший». Это сразу изменило общее настроение, раздались голоса: «Ну, черт с ним, товарищи, пойдем». И действительно, вся компания ушла для новых безобразий в другие камеры. Наконец, около 9 часов, когда

мы уже несколько успокоились от пережитого и улеглись на ночлег, явилась третья компания, где уже преобладали матросы и рабочие, но, к нашему счастью, с ними пришел и начальник тюрьмы Попов, который насколько возможно их успокоил, так что они удовлетворялись только производством обыска и удалились.

Мы никак не могли понять причины этих налетов в течение двух часов, но, наконец, все объяснилось. Кто-то по телефону провокационно сообщил в лейб-гвардии Московский полк о том, что в Крестах происходит бунт; будто бы политические арестованные обезоружили караул и разбегаются. Этого было достаточно, чтобы через несколько минут перед тюрьмой собралось 6000 рабочих и солдат, захвативших с собой даже пулеметы и орудия. Сперва все это войско решило взять приступом тюрьму, но когда начальник тюрьмы к ним вышел и объяснил, что все эти сообщения провокационны, то решено было ограничиться выбором трех делегаций, которые должны были обойти все тюремные здания и дать отчет собравшимся около тюрьмы. Это и было выполнено в той дикой форме налетов, которые я только что описал.

В тюрьме мы следили по газетам (разрешено было покупать) за политической Временного правительства и за общественными настроениями. Из сопоставления этих сведений, характера только что описанных эксцессов и тех сведений, которые сообщали нам мои бывшие сотрудники, попавшие также в Кресты, как так называемые «провокаторы», имевшие связь с внешним миром, становилось очевидным, что власть Временного правительства долго не продержится и близко то время, когда она будет вырвана большевиками. Особенно это стало ясно, когда Керенским был провозглашен лозунг «углубления революции» и Временное правительство начало быстрым темпом разрушать старый административный аппарат, не создавая ничего нового взамен.

В середине апреля нам приказано было перейти в одиночные камеры первого тюремного корпуса. Нас, политических, поместили в верхней галерее одного из крыльев здания. Так как все-таки одиночных камер не хватало на всех, то в некоторых поместилось по двое. Мне лично пришлось разделять дальнейшее заключение с одним из моих бывших помощников ротмистром М.Т. Будницким, что меня крайне обрадовало, ибо можно было обмениваться мыслями, избавляясь от тоскливого одиночного сидения. Правда, это продолжалось только две недели, а потом я остался один, так как моей компаньон был освобожден из-под стражи.

Одиночная камера представляет из себя комнатку в 4 шага длины и 3 ширины. Потолок сводчатый, и если поднять руку, то до него [можно] достать; в лицевой стене, в глубокой амбразуре у самого потолка находится маленькое, заделанное решеткой окно. Меблировка состоит из нар с тюфяком, столика и табурета; в углу умывальник и параша. Если поставить две узкие нары, то остается весьма незначительный между ними проход. В двери имеются форточка для подачи пищи и глазок, через который снаружи видна вся внутренность камеры. Заключение все время проводит сидя или лежа, ибо ходить — места не имеется. Режим в одиночках следующий: в 6 утра все встают, камеры открываются, арестованные выпускаются на галерею и в уборную, а камеры убираются и проветриваются. Это продолжается 10 минут. Затем арестованные вновь закрываются в свои камеры и через форточку получают кипяток и хлеб на целый день. В 9 часов выводят на прогулку на тюремный двор. Прогулка продолжается четверть часа, максимум 20 минут, под усиленным конвоем. В 12 часов обед того же качества, как уже было описано, а в 6 часов ужин. После ужина опять выпуск на 10 минут для вечерней уборки, и в 9 часов огни тушатся.

В каждой галерее арестованные выбирают своего старосту и его помощника из своей среды. Только политические не имели права выбирать, а на эти должности были назначены тюремным начальством арестанты из числа уголовных. Например, у нас старостой был старый каторжник, а его помощником молодой подследственный грабитель — «кассолом». Оба они являлись посредниками для разговоров с начальством по выдаче книг из тюремной

библиотеки, покупке газет, съестных припасов и т.п. При этих операциях они, конечно, на все накидывали порядочный процент в свою пользу и таким образом наживались за счет арестованных.

Несмотря на неоднократные наши требования о предъявлении каких-либо обвинений и о допросе, никаких по этому поводу распоряжений не было, и нужно было прийти к заключению, что нас держат просто в порядке революции и совершенно незаконно, тем более что каждому из нас был предъявлен закон Временного правительства, гласящий, что арестованный в течение 24 часов должен быть предъявлено обвинение, иначе арестованный должен быть освобожден. Изредка присылали каких-то следователей, которые наскоро опрашивали по порядку всех, и политических и уголовных, но эти опросы имели скорее характер анкеты.

Так я пробыл в одиночном заключении месяц. Наконец в июне меня вызвали на разговор с вновь назначенным министром юстиции П.Н. Переверзевым в одну из нижних свободных комнат. Как оказалось, Переверзев имел в виду если не прибегнуть к моей помощи, то просить совета, как новой власти бороться с все развивающимся анархизмом в столице. Действительно, судя по газетам, анархическое движение росло, а власть с ним справиться не могла. Анархисты [завладели] дачей Дурново и домом за Московской заставой, где устроили свои штабы, и постоянными налетами и грабежами держали в терроре население Петрограда. На вопрос Переверзева, как бы я боролся с этим явлением, я ответил: «Так как до переворота все анархические группы своевременно ликвидировались и участники их были рассажены по тюрьмам, то несомненно, что, когда они были освобождены в порядке революции, они и составили первые анархические ячейки; поэтому необходимо, если не все дела Охранного отделения уничтожены, выбрать их имена и фамилии из дел, установить их адреса и всех ликвидировать; потом, дополнительно, приобрета внутреннюю агентуру и поручив дело хорошему судебному следователю, вести дальнейшее наблюдение и разработку, для окончательной ликвидации. Практика указала, что анархисты очень близки по своей психологии к обыкновенным уголовным преступникам и охотно дают откровенные показания». На это Переверзев заявил, что новая власть не может прибегать к недостойным приемам царского времени, то есть к внутренней агентуре. Услышав это, я пришел к заключению, что мы не можем говорить с ним на одном языке и что Переверзев обнаруживает полную тупость и непонимание в данном вопросе. Однако я его все-таки спросил: какими же способами вы можете узнать, что замышляют ваши политические противники и в чем заключается их деятельность. Переверзев ответил: «Благодаря молве, слухам и анонимным доносам». — «В таком случае я вас поздравляю, — ответил я ему, — вы наполните тюрьмы невиновными, а главари с вами быстро справятся; хорошо, если 0,1% анонимных доносов оправдывается». Тем не менее, уходя, Переверзев заявил мне, что меня свезут в Охранное отделение, где я должен буду сделать выборку анархистов, и за эту помощь мне будет облегчен режим тем, что меня переведут в другое место заключения.

(Продолжение следует)

Примечание

1. «Главой I» начинается в воспоминаниях Глобачева «Часть вторая», хотя заголовок «Часть первая» в соответствующем месте рукописи отсутствует.

За хлебом и нефтью

А.Г. Шляпников

8. Военное и политическое положение Ставрополя

Вопрос о вхождении Ставропольской губернии в состав Северо-Кавказской республики местными партийными и советскими организациями был решен положительно. Партийные организации готовились к съезду. За краткостью срока сначала предполагалось созвать 1 июля краевой съезд коммунистических организаций всего Северного Кавказа. Порядок дня был намечен из Екатеринодара: 1) выборы краевого комитета, 2) постановка партийной работы, 3) текущий момент и 4) доклады с мест. На 6 июля созывался в Ставрополе губернский съезд РКП(б), в порядке дня которого стояли следующие вопросы: 1) отчет Ставропольского городского комитета, 2) доклады с мест, 3) о работе на местах, 4) выборы губернского комитета, 5) текущие дела.

Губерния была охвачена борьбой с кулацкими восстаниями, а также вела упорную оборону против вторжения контрреволюционных донских казачьих банд. Особенно тяжелое положение было в Медвеженском уезде, несшем «оборону» своего уезда почти полностью на своих плечах в течение многих месяцев. При таких условиях подготовка к съезду была самая минимальная.

На 10 июля предполагался съезд коммунистических организаций всего Кавказа и Закавказья во Владикавказе. В порядке дня были намечены следующие вопросы: 1) доклад и отчет краевого комитета, 2) доклады с мест, 3) задачи нашей партии на Кавказе в связи с политическим положением Закавказья и Северного Кавказа, 4) конструкция краевой организации, 5) наша партия в рабоче-крестьянской революции, 6) разное, 7) выборы краевого комитета.

Применительно к тем же срокам приурочивались съезды советов, и в первую очередь в Екатеринодаре намечался на 3 июля съезд советов Кубанской и Терской областей, а также Черноморской и Ставропольской губернии, на котором должны были обсуждать: 1) текущий военный и политический момент, 2) доклад ЦИК Кубано-Черноморской республики, 3) образование единой Северо-Кавказской республики, 4) выборы ЦИК Северо-Кавказской республики.

Угроза внутренней контрреволюции и комбинированное наступление на Северный Кавказ немецких, украинских, казацких и добровольческих (де-

Продолжение. См. Вопросы истории, 2002, № 7–8.

никинских) войск требовали объединения всех революционных, как военных, так и политических сил. В первую очередь нужно было объединить в одно целое существовавшие изолированно от центра и плохо связанные между собою местные организации РКП(б). Это стремление к объединению было понято несколько поздно: контрреволюционное наступление с каждым днем угрожало путям сообщения между крупными центрами края, и все пути, связующие край с центром, находились под ударом.

Так же срочно требовалось объединить и руководство вооруженной борьбой. Каждая область вела войну по-своему, своими средствами и за свою границу. Общего командования не было. Отдельные отряды имели своих командующих, по сути, партизан, которые вели войну по-партизански, неорганизованно, непоследовательно, без плана, без связи и даже без правильных разведок.

Кроме того, эти командующие отрядов весьма часто враждовали между собой и выходили из повиновения местной власти. Недавний опыт на Кубани с Автономовым и Сорокиным показал, как опасно бывало доверять вооруженную силу авантюристическим и честолюбивым людям.

За свое краткое знакомство с положением дела на Кубани, Черноморье и в Ставропольской губернии я убедился, что обеспечить голодающее население России хлебом Северного Кавказа без серьезного вмешательства центра, без его вооруженной силы будет почти невозможно. Железнодорожное сообщение Тихорецкая—Царицын все время находилось под ударом. Белогвардейские налеты имели место и во время моего проезда и после. Перерывы в работе телеграфа благодаря разрывам проводов были весьма часты. Необеспеченность продвижения грузов по этой линии вызвала поиски обходного пути. Одним из этих путей было направление хлебных грузов через Кизляр на Каспий и по Волге в центр.

Прямой путь на Каспийское море через Прохладную—Моздок или Прохладная—Беслан—Грозный был также под ударом и частично был разобран чеченцами между Грозным и Чир-Юртом. Оставалось направление Прохладная—Моздок—Кизляр, и по нему мы предполагали направлять маршрутные поезда с хлебными грузами и получать товары для обмена.

Наркомпуть В.И. Невский еще до моего выезда из Мюсквы дал директивы правлениям Владикавказской и Закавказской Бакинской железных дорог о проведении железнодорожного пути от Кизляра до берега Каспийского моря, в направлении к поселку Старотеречный. Этим делом занималась целая группа товарищей: Артем (Сергеев), инженер Водопьянов, инженер Никольский Н.В. и др.

Еще будучи в Ставрополе, я послал в Кизляр своего представителя, поручив ему узнать о положении дела с постройкой железнодорожного пути, а также связаться с отрядом войск, прибывших из Астрахани, высадившихся, по имевшимся у меня сведениям, в том же районе для содействия советским войскам, боровшимся в районе Петровска с бандами Нажмутдина Гоцинского.

Гонец скоро вернулся и привез мне письмо от инженера Н.В. Никольского следующего содержания:

«Товарищ Шляпников!

У меня в Кизляре все готово для того, чтобы начать переброску хлебных грузов и обратно меновых товаров из Кизляра к Каспийскому морю на арбах, а именно:

- 1) выделены уже люди для учета, контроля и охраны провозимых грузов,
- 2) в арбах не имеется недостатка, можно в любой момент вызвать, кроме того, беженцев с лошадьми,
- 3) имеются брезенты для защиты грузов на берегу моря, палатки для людей и пр.,
- 4) установлена агентура Чекпрэда в Астрахани, с которой можно сношаться из Кизляра прямым проводом для руководства движением судов,
- 5) дорога из Кизляра на Старотеречную гавань вполне пригодна для арб, кроме того, производится починка мостов для улучшения пути,

б) имеется пристань на Старотеречной, выстроенная Бакинской организацией, которая может быть использована и нами, допускающая погрузку в плашкоуты в любое время, а в полуоводу — непосредственно в баржи.

Две недели тому назад я телеграфно просил Корнильева и Белякова выслать хотя бы пару маршрутных поездов с хлебным грузом для переправки в центральные губернии, но до сих пор ничего Чекпродом не делается, в то время как бакинцы, туркестанцы, петровцы и астраханцы пропускают уже до 500 вагонов ежемесячно.

Я полагаю, что передачу хлеба арбами через Кизляр на море по цене 2 руб. 50 коп. с пуда можно поставить в пределах провозоспособности дороги Прохладная—Кизляр до наступления дождей, которые осенью должны совершенно прекратить транспорт на арбах, но к тому времени, конечно, будет готова железная дорога. Подача нескольких поездов действительно необходима для того, чтобы проверить организацию транспорта. Может случиться, что путь Тихорецкая—Царицын будет прерван, и тогда будет уже поздно исправлять дефекты организации, которые могут обнаружиться в самом начале транспорта.

Имейте в виду, что передача на море каждого поезда обойдется около 80 000 руб., поэтому понадобятся сразу деньги.

Для постройки железной дороги можно получить 40 верст рельсов с побережья Черного моря (Черноморская линия). Они находятся в Туапсе или Сочи, могут быть легко захвачены неприятелем, но, несмотря на это, Комитет постройки ответил отказом на просьбу о предоставлении рельсов. Я телеграфировал Сталину и Марочкину о принятии всех зависящих от них мер к получению этих рельсов, кроме того, за ними должен отправиться товарищ Сергеев (Артём) из Владикавказа. Прошу и Вас с своей стороны приложить все усилия к получению рельсов — 40 верст из тех 80-ти, что имеются на побережье.

Из газет Вы, вероятно, знаете о конфликте между комиссаром Чекпрода Морозовым и Терским народным советом на почве предоставления хлеба Грузии. Кроме того, по-видимому, Морозовым был совершен ряд нетактичностей, как, например, назначение на ответственные должности Чекпрода лиц, которых комиссар продовольствия области Элердов открыто и в лицо обвинял в нечистоплотности при хлебных операциях. В силу этого на ст. Кизляр создалось такое положение, что агент Чекпрода предписывает одно, а комиссар продовольствия области — совершенно другое. Агентов Чекпрода появилось даже два, один Георгиевского отдела, другой от Морозова, и оба с предписаниями не выпускать никаких грузов со ст. Кизляр без разрешения их доверителей. Исполнение этих приказаний при ограниченности запасных путей на ст. Кизляр неминуемо создало пробку. *На ст. Кизляр нельзя задерживать грузов, а надо сразу и окончательно разяснить все вопросы по направлению таковых — иначе станция будет забита в один день.* Об этом я телеграфировал Сталину и Якубову в Царицын — прочитайте копию телеграммы.

Имейте в виду, что местный совет стоит гораздо больше на стороне центральной власти республики, чем Терский народный совет, и между ними существуют даже обостренные отношения. Поддержка всех начинаний центральной власти местным советом будет обеспечена. Чтобы как-нибудь выйти из созданного агентами Чекпрода положения на станции, я предложил исполнительному комитету создать временно регулируемую грузооборот на станции особую организацию, которой вменить в обязанность: 1) беспрекословно исполнять все распоряжения Чекпрода, исходящие от вас, Сталина, Якубова и Орджоникидзе; 2) беспрекословно исполнять все распоряжения комиссара Чекпрода при Терском совете, не расходящиеся с распоряжениями комиссара продовольствия области; 3) в случае если между двумя последними получится разногласие — запрашивать Чекпрод в Царицыне, а в экстренных и не терпящих отлагательств случаях действовать по собственному усмотрению; 4) совершенно не вмешиваться в грузооборот Терской области,

где обмениваются товары местного производства и потребления, думаю, что удастся организовать эту комиссию впредь до назначения особого, вполне полномочного агента Чекпрода, который мог бы действовать не задерживая грузов на станции.

Уважающий Вас — Н.Никольский».

Эти сообщения о готовности переправы открывали нам возможность обойтись помимо Тихорецкого узла, линия которого была уже в те дни под угрозой. 26 июня я узнал о захвате белыми, кадетами, как называли их северокавказцы, ст. Торговой.

Военная обстановка в крае вынудила меня, в интересах работы по заготовке продовольствия и отправки его голодавшему северу, заняться боевыми делами.

Перед выездом из Москвы наркомвоен сообщил мне, что для руководства военными отрядами на Северном Кавказе он направил военрука Снесарева и комиссара Зейдина, но их работа там не была ощутима, положение на ставропольских фронтах стало угрожающим и вселяло во всех тревогу. Прорыв произошел на самом слабо организованном Медвеженском участке.

Из Терской области сообщали о бандитских налетах полковника Шкуро, опиравшегося на Баталпашинск и другие, близко от него расположенные казачьи станицы. На борьбу с казаками выступили крестьяне из Отрадной, Отважной, Зеленчукской, Сторожевской, Кардоникской, всего числом до 50 тыс. человек. [Они] занимали фронт на 90 верст, имели аэроплан, 4 орудия. У противника было до 40 тыс. кавалерии. Фронт держался с 18 июня. По тем же сведениям, был разобран путь на 371 версте Владикавказской железной дороги и порваны провода. По нашей проверке, штаб нового фронта — Отраденского, находился в Невинномысской. По наведенным через него справкам, полученные нами сведения о вооруженных силах были преувеличены: под руководством штаба было всего около 15 тыс. человек, вооруженных винтовками.

Из Екатеринодара и окружавших его фронтов сведения были также тревожные. Немцы воспользовались неудачными высадками екатеринодарцев под Таганрогом и демонстрацией флотилии и устроили высадку своих войск в Тамани. Цель этой высадки была ясная: выкачать продовольствие из этого района и одновременно направить удар на Новороссийск—Екатеринодар, откуда шла красная зараза для их войск и опасность для буржуазии, которую они открыто поддерживали в Ростове и других оккупированных ими местах.

Высадка немцев в Тамани и направление десанта на Темрюк вызвали большое негодование и возмущение в рабочих и красноармейских кругах Екатеринодара и Новороссийска. В Екатеринодаре было созвано общее гарнизонное собрание, на котором выступали члены ЦИК и республиканского правительства, а также военные работники и красноармейцы. Собрание прошло с большим подъемом, выразило готовность твердо защищать власть Советов, поднять товарищескую дисциплину и боеспособность и дать отпор немецко-гайдамацким бандам¹.

Под Сухумом был фронт против меньшевистской Грузии. Там было до 600 человек наших войск. По распоряжению из Екатеринодара туда было послано (после 15 июня) еще столько же.

Этим войскам удалось дойти до Сухума, но дальше им был прегражден путь соединенными турецко-грузинскими силами.

В то же время я получил сообщение от совета из Сочи. Совет передавал, что линия фронта проходила по селению Гагры. 25 июня должны были открыться мирные переговоры.

С разрывом линии Тихорецкая—Царицын я оказался отрезанным от центра и по линии телеграфной связи. Надо было искать другие пути и прежде всего помочь местным товарищам правильно организовать борьбу с казацкой и кулацкой контрреволюцией. В Ставрополе нужно было обязать губернскую власть взять руководство военными операциями в свои руки, а не предоставлять это дело уездам и волостям. В этих целях я потребовал от

исполнявшего обязанности председателя исполкома т. Петрова экстренного созыва губисполкома и постановления вопроса о военном положении.

С т. Петровым я договорился обо всех мероприятиях заранее, чтобы осуществить их без особых прений и волокиты. Мое предложение было принято, и в тот же день, 26 июня, часу в шестом вечера, состоялось экстренное заседание губисполкома. На этом заседании присутствовали и.о. председателя т. Петров и члены президиума тт. Вифляев, Морозов и Токарев, а также члены коллегий и ответственные руководители тт. Приходько, Кочерга, Амур-Санан, Чернов, Токарев, Золотухин, Емельяненко, Пархоменко, Иванов, Вальяно, Куровицын, Свиридов, Максимович, Гамаюнов, Горлов, Могильченко, Петров, Карягин, Глазков, Сараев, Салин, Медведев, Мощенко, Гладков, Трошак, Чуб, Шевченко, Попов, Ченский, Савостин и пишущий эти строки.

Председательствовал т. Петров, запись протокола вел секретарь Селивановский. В порядке дня первым стоял вопрос о положении на Медвеженском фронте. Открывая заседание исполкома, т. Петров сделал сообщение, что военным комиссаром получено сообщение о том, что станция Торговая занята врагами — кадетами.

Станция Торговая являлась узловой, соединяющей Царицинскую железнодорожную линию с Ростовом, имела в то время крупное значение. Она защищалась с юга отрядами Калнина, а со стороны Ставрополя (с востока и юго-востока) войсками, мобилизованными в Медвеженском уезде. Со стороны Царицына (с севера) руководство обороной железной дороги было возложено на Снесарева, действовавшего под контролем И.В. Сталина.

Известие о взятии Торговой явилось столь неожиданным, что все присутствовавшие были крайне изумлены. Военного комиссара забросали вопросами, но председательствовавший остановил поток вопросов сообщением, что дело не ограничилось Торговой, что положение создается весьма угрожающее всей губернии. С этими словами он зачитал переговоры по прямому проводу, имевшие место в тот день между военными и советскими работниками Медвеженского фронта и ставропольскими. Вот что мы узнали по телеграфной ленте записи: «Я Столбецов. Товарищ Медведев, уезд залит кровью, население в панике бежит, бросая абсолютно все на произвол судьбы. Заняты врагом: Средний Егорлык, Лопанка, Сысоевка, Крученобалковская, Воронцовка, Богородицкая; занятые села врагом сожжены. Баранниковское, Манычское, Новоегорлыкское, Сандата, Ивановка, Песчанка, Развильная — поставлены в критическое положение. В войсках смятение, ценности народа бросаются на произвол судьбы и на добычу врагу. Умоляю именем исстрадавшегося народа принять срочные и действительные меры по оказанию помощи людьми, оружием и средствами для вывода ценностей всего уезда: архивов учреждений, больных и раненых воинов. Мобилизуйте все машины, находящиеся в Ставрополе, кому бы они ни принадлежали, которые вышлите с запасом бензина в распоряжение исполкома.

Если в этот грозный час Вами как родным сыном Медвеженского уезда не будет сделано все зависящее, то возможно, что родной народ вас проклянет.

Товарищ, уезд гибнет и как исстрадавшийся боец за правду, братство, равенство и свободу в последний раз просит губисполком помочь ему в неравном бою, в борьбе. Кончая, ухожу, уверенный в том, что все возможное вами будет сделано».

После т. Столбецова к аппарату подошел т. Хожевский: «С богом за дело не медля ни минуты, — говорит Хожевский. — Вам уже известно наше положение: у нас нет ни гроша денег, прошу немедленно перевести хотя 50 000 рублей. Отряд Веревкина идет на Ставрополь, нам нужно оружие и машины. Разрешите оставить пушки, пулеметы и автомобили для обороны уезда. Здесь находятся Васильев и Топунов».

После Хожевского к аппарату подошел Васильев и сообщил, что «Воронцово-Николаевка занята кадетами около 7 часов вечера (25 июня 1918 года. — *Примеч. Шляпникова*) окончательно. В шесть часов уже стали врываться

артиллерийские снаряды на вокзале, и в особенности около поезда с бензином и цистернами. Были замечены несколько случаев перехода местных жителей на сторону кадетов.

На правом фланге со стороны села Крученобалковского неприятель уже вступил в село Воронцово-Николаевское, так как помощи ниоткуда не было. Я отдал приказание войскам под начальством Шпака отступить на Николаевку, сам же со штабом выехал в Новый Егорлык. Подробности вчерашнего боя будут составлены в письменном докладе. У аппарата читать доклад неудобно.

Командующий войсками Веревкин и товарищ Кордин в 5 часов утра сегодня выехали из Песчанки по направлению к Развильной. Где они находятся в настоящее время — неизвестно. Я известил их, что нахожусь в Медвежем и ожидаю дальнейших распоряжений».

Сообщение т. Хожевского, что войска с фронта идут на Ставрополь, вызвали тревогу. На Северном Кавказе бывали случаи, когда разбитые противником отряды обращались в тыл за... поисками виновников. И этих виновников они считали в лице таинственных предателей. Провокаторам удавалось направлять такие отряды на разгромы штабов и советских учреждений. Виновники же поражений были в самом отряде: в большинстве случаев это отсутствие дисциплины, халатное отношение к разведке, дозорам и сторожевым охранениям. Противник же прекрасно учитывал это и внезапным ударом наносил нашим отрядам поражение. Запросили, что означает поход войск на Ставрополь, и получили успокоительное разъяснение.

«На заданный вопрос товарища военного комиссара Петрова о том, почему войска ставропольской красной армии идут на Ставрополь, Васильев отвечает: оставшиеся части под начальством т. Шпака идут прямо в Ставрополь, о чем ему мною дано предписание».

Военный комиссар Петров заподозрил, что среди отступавших на Ставрополь войск были разложившиеся, превратившиеся в банды, и запросил: «Можно ли разоружить войсковые части, превратившиеся в банды?» На этот вопрос последовал весьма характерный по тому времени ответ: «Никаких разоружений не может быть. Все оружие обгарено кровью наших товарищей, и оно может быть отдано тогда, когда сами товарищи согласятся. Я же как временно командующий войсками не могу признать это требование целесообразным, так как винтовки и орудия будут нам нужны для обучения нового кадра, в чем я не сомневаюсь, по тем данным и опытам, которые имею доложить губернскому исполнительному комитету. Подробности, детали я считаю невозможным говорить по аппарату. Войска движутся в Ставрополь для формирования. Первый и третий батальоны находятся под Развильной».

Военный комиссар запрашивает временного командующего: «Почему ранее не было сообщено о создавшемся положении?» Т. Васильев отвечает, что сообщить не могли «потому, что аппарат не работал с 7 часов вечера, а когда я был вечером в Новом Егорлыке, то мог работать с Башантой и Сандатой».

«Вопрос военного комиссара: прибыл ли Коппе (военный специалист Ставропольского губернского военного комиссариата. — *Примеч. Шляпникова*). Ответ: Коппе с Веревкиным нет. Радио у меня не было, аппараты не работали до 7 часов утра. Я дал телеграмму командующему войсками Веревкину по месту нахождения и жду ответа. О времени выезда вам сообщу».

Военный комиссар т. Петров предложил т. Васильеву, чтобы он оставался на месте и обо всех событиях сообщал. Васильев ответил, что «раньше получения ответа т. Веревкина и вашего я не выеду. Когда вы будете вызывать, каждый день или сегодня? Относительно вашего предложения я могу согласиться только лишь тогда, когда будут исполнены некоторые требования военной жизни, без которых существование в армии бессмысленно, а для этого я должен сделать доклад лично».

В тот же день была получена телеграмма от председателя губисполкома Дейнеки, находившегося в момент военной катастрофы в Медвеженском уезде.

Т. Петров зачитал две его телеграммы, в которых он сообщал, что «положение Медвеженского уезда критическое. Принимайте самые энергичные меры к быстрой мобилизации и отсылке таковых на фронт. Ради бога, пусть выезжают члены губернского исполнительного комитета и призывают к скорейшей помощи на фронт, ибо по всей губернии будет тесно, если вовремя не придут войска. Высылайте грузовые автомобили, сколько таковых найдется. Повторяю, что положение очень серьезное. Прошу ответ, что предпринимается. Положение Медвеженского уезда критическое. Спешно нужно мобилизовать в уездах те года, которые указаны в декрете».

С дополнениями к зачитанным телеграммам выступил военный комиссар Петров, заявивший, «что военному комиссариату до сегодняшнего утра ничего не было известно о событиях, происходивших в Торговой. Утром сегодня были получены сведения о том, что кадетами занята станция Торговая. Наступление кадеты произвели внезапно, ночью. Все военные запасы, находящиеся на станции Торговой, вероятно, не были вывезены нашими войсками и все досталось в руки врагов-кадетов. Мною были посланы телеграммы по уездам об ускорении формирования мобилизованных войск в боевые единицы и отправки их на фронт. Положение катастрофическое. Необходимо принять срочные меры. Необходимо предписать оборонческим войскам Медвеженского фронта о полном их подчинении губернскому военному комиссариату, если же они не согласятся, то распустить их по домам, так как они вносят только одну разруху в дело защиты Ставропольской губернии от нашествия кадетов».

Читая по протоколу это выступление военного комиссара Ставропольской губернии, может показаться весьма диким его недовольство «оборонческими войсками» Медвеженского уезда и выражение пожелания распустить их по домам в то время, когда значительная доля их селений пылала в огне. Для недовольства войсками Медвеженского уезда, мобилизованными из местных крестьян, было много оснований. Самый главный их недостаток заключался в том, что они только оборонялись, строго придерживаясь границ своих селений и волостей, отказывались переходить в наступление дальше межевых столбов.

В гражданской войне в Ставропольской губернии, и особенно в Медвеженском районе, ярко сказалось крестьянское, ограниченное понимание войны. Значительная доля отрядов, полков формировалась в тех селах, которые им приходилось защищать. Такие отряды управлялись своими выборными начальниками, были слабо дисциплинированы. На ночь бойцы расходились по домам. В минуту опасности созывались условными сигналами, вроде извечного сполоха, и т.п.

Война в тот период не имела позиционного характера: конные казаки делали налеты на богатые села, избивали, грабили и исчезали. Оборона, если не была застигнута врасплох, очень быстро отбивала нападение, но почти никогда не переходила в наступление. Если же были случаи, когда конные медвеженцы гнали казаков, то не для того, чтобы уничтожить их, а для того, чтобы очистить от них границы своей волости и уезда.

Такое ведение войны истощало и силы и боевые средства. Попытки военного комиссара активно вмешаться в оборону Медвеженского уезда носили характер бумажных предписаний. На эти предписания местные военные руководители никак не реагировали, а продолжали обороняться по-старому. Под ружьем было огромное число людей, но почти не связанных между собой единством действий, ограничивались обороной своего участка, не подчинялись общему командованию, если последнее требовало их выступления за пределы обороняемого ими участка. И среди красноармейцев слово «медвеженские оборонцы» звучало насмешкой. Вот на эти-то оборонческие силы и надвинулась белогвардейская рать генерала Деникина.

После выступления губвоенкома Петрова открылся обмен мнений.

Т. Иванов предлагал высказаться тем из членов губисполкома, которые вернулись из командировок, и рассказать, как проходит на местах мобилизация.

Т. Гладков внес предложение послать представителей губисполкома в села Ставропольской губернии с призывом идти на защиту Советской власти.

В выступлениях были указания на совершенно недопустимые действия отрядов, носивших звание красноармейских. В самом Ставрополе было много случаев неповиновения, массового пьянства вооруженных людей, самочинных обысков и тому подобных беспорядков. Даже сам военный комиссариат порой работал под угрозой штыков так называемых красноармейцев. Тут же, на собрании, мне сообщили, что во время нападения белогвардейцев на Торговую, часть Ставропольского отряда отказалась идти в бой и занималась грабежом вагонов со спиртом. Полевой штаб оказался не в силах справиться с отрядом, превратившимся в банду. Случаи неповиновения имели место в тот день на многих участках фронта, но об этом врид командующего Васильев не хотел говорить по аппарату, вероятно потому, что опасался каких-либо осложнений.

На существование ненормальностей в самой Красной армии указал т. Шевченко. В некоторых местах мобилизованные выступали против кадровых, оплачивавшихся красноармейцев. По мнению т. Шевченко, эта вражда происходила потому, что набор добровольцев был организован неправильно, в Красную армию проникли вредные элементы. Но в основе вражды было не то обстоятельство, на которое указывал т. Шевченко, а неравенство: добровольцы, вступившие в армию до мобилизации, получали 150 руб. в месяц жалованья, в то время как мобилизованные не имели его. Кроме того, красноармейский Ставропольский полк находился почти все время в Ставрополе и выполнял милицейскую службу, а мобилизованные дрались на фронте. Эти моменты были основные, вызывавшие недовольство мобилизованных красноармейцев — красноармейцами на жалованье.

После т. Шевченко слово было предоставлено мне. Я выразил удивление, что военный комиссариат допустил существование подобной дезорганизации в войсках, не боролся за оздоровление воинских частей, не ставил в известность об угрожающем состоянии фронта ни партийную организацию, ни губисполком. События под Торговой показали, что нет в войсках дисциплины, нет связи, нет и единого управления войсками и боевыми действиями их. Эти причины и привели к потере района. Надо немедленно воспользоваться этим уроком, организовать управление войсками, ввести строжайшую дисциплину в них, установить связи между всеми частями фронта и самого фронта с губисполкомом и гражданами Ставропольской губернии.

Отряд красноармейцев, который во время боя под Торговой занялся расхищением напитков и не выполнял распоряжений военных начальников, необходимо не только разоружить, но арестовать и привлечь к ответу за неисполнение приказов Советской власти или там же, на месте, разогнать оружием, как вредную банду.

В заключение я предложил губисполкому немедленно наметить мероприятия по оздоровлению воинских частей, обязав военный комиссариат принять решительные меры по устранению обнаруженной дезорганизации в войсках.

Т. Петров (комиссар путей сообщения) считал причиной создавшегося катастрофического положения дезорганизацию и недисциплинированность красноармейских частей, а поэтому предлагал ввести строжайшую дисциплину в них и ускорить мобилизацию войск в губернии.

В Ставрополь прибыли гонцы из села Ладовская Балка, находившегося в полосе отступления наших войск, и жителей из-под Торговой. Граждане села уполномочили двоих своих жителей, П.Ф. Гальцева и Г.С. Емельянова, искать поддержки в Ставрополе против надвигавшейся на крестьян белой опасности. В качестве уполномоченных от своего села они явились на заседание губисполкома, чтобы довести до него о создавшемся тяжелом положении в Медвеженском уезде. Председатель предоставил им слово для сообщения.

П.Ф. Гальцев заявил, что силы крестьян Медвеженского уезда подорваны: за пять месяцев борьбы народ измотался. От губернского исполнительного комитета за все это время помощи и содействия не было. На этой почве

народ волнуется и послал нас узнать, что предпринимается губернским исполнительным комитетом для замены медвеженских войск войсками других уездов.

Г.С. Емельянов поддерживал предложение П.Ф. Гальцева и настаивал на замене медвеженских войск войсками других уездов губернии. Войска Медвеженского уезда выбились из сил и не могут далее защищать Ставропольскую губернию от контрреволюционных банд, заявил он, закончив свою речь.

Прибывший из поездки по селам комиссар юстиции Гамаюнов сообщил, что, проезжая по селам, видел, что мобилизация проходит успешно. В некоторых селах не хватало оружия для мобилизованных солдат. В целях ускорения отправки мобилизованных на фронт предлагал формирование их в боевые единицы производить в Ставрополе.

Т. Чуб внес предложение об отправке в Медвеженский уезд представителей губисполкома для выяснения причин, повлекших за собой катастрофические последствия на Медвеженском фронте.

Т. Морозов предлагал собрать в Ставрополе или другом удобном пункте всех обученных мобилизованных солдат, сформировать из них войсковые части и немедленно отправить на фронт. В целях объединения управления войсками считал необходимым избрание чрезвычайного комиссара, упразднение выборности командиров и введение железной дисциплины. Для успешного проведения мобилизации предложил послать по уездам представителей губисполкома.

Т. Петров (военный комиссар) в ответ на мои обвинения заявил, что он не мог успешно работать потому, что приходилось много заниматься некоторыми разложившимися в городе красноармейскими частями. Дело доходило до того, что одна из таких банд угрожала расправиться с ним. Приказы о выступлении не выполнялись, их подвергали обсуждению, теряли время. Теперь военным комиссариатом принимаются все необходимые меры для того, чтобы формируемые новые части не превратились в банды.

Т. Вальяно (комиссар просвещения) указала на необходимость раскассировать дезорганизованные отряды, превратившиеся в банды, и принять меры к нормальному и скорейшему формированию новых частей из мобилизованных. Для координации распоряжения и управления войсками предложила создать единый высший орган, объединяющий управление войсками.

Т. Гладков считал нужным вызвать из Медвеженского уезда четверых представителей и послать их по другим уездам Ставропольской губернии для оповещения населения о создавшемся там тяжелом положении. Т. Гладков полагал, что с помощью таких представителей мобилизация пройдет гораздо успешнее.

Т. Попов в своем выступлении высказался против роспуска тех частей Красной армии, которые служили за жалованье, так как опасался, что без них разбегутся и мобилизованные. По его мнению, эти части Красной армии стояли на высоте своего призвания и охраняли порядок в городе. В этих частях есть защитники Советской власти, готовые положить голову свою за революцию. Предлагая срочно провести мобилизацию, он высказался против роспуска отрядов Красной армии, ибо без них Советская власть погибнет.

За быстрейшую мобилизацию высказался в горячей речи представитель калмыцкого населения Ставропольской губернии т. Амур-Санан.

Он заявил, что инородцы готовы защищать Советскую власть и ждут, когда их призовут вместе с русским народом защищать свою жизнь и свою власть. По его словам, мобилизацию они примут как признак объединения их с русским народом, к чему они долгие годы стремятся.

На этом было закончено обсуждение создавшегося в губернии положения. Председательствовавший т. Петров кратко резюмировал выводы, сводившиеся к тому, что причиной катастрофы на Медвеженском фронте считают все неподчинение оборонческих войск губернскому полевому штабу. Без единого органа управления армия не может быть боеспособной. Наша

главная цель теперь — организовать новую мобилизованную армию, спаять ее железной дисциплиной. Кадровый состав Красной армии, согласно постановления губисполкома, со времени мобилизации приравнивается к мобилизованным и не будет получать такого жалования, какое получает в настоящее время. Для проведения мобилизации предложил послать своих представителей в уезды. Кроме того, считал необходимым послать во все селения губернии телеграмму, рисующую катастрофическое положение в уезде и призывающую к вооруженной помощи.

По поводу отмены жалования красноармейцам у некоторых товарищей возникли сомнения (т. Попов): имеет ли право отменять жалование губисполком, если это жалование следует им по декрету центральной власти.

От имени центральной власти я поддержал председателя, заявив что и в центре вопрос об уравнивании призванных с добровольцами разрешен положительно. Этим заявлением я снял вопрос о жаловании. Губерния переживала острый финансовый кризис и фактически уже не могла платить по 150 рублей в месяц даже ограниченному количеству добровольцев, а о мобилизованных и говорить не приходилось.

Военный комиссар т. Петров довел до сведения губисполкома, что на его приказ о мобилизации он получил телеграмму из Святого Креста, что там постановлением уездного исполнительного комитета все мобилизованные войска распущены, оружие предложено снести в Совет.

Председатель от имени губисполкома делает по этому поводу особое распоряжение.

Т. Иванов вновь поднимает вопрос о расформировании частей, предупреждает против этой меры и предлагает вместо роспуска посылать на фронт агитаторов. На этом предложении было решено прения окончательно прекратить и перейти к рассмотрению конкретных предложений президиума. Единогласно было принято следующее постановление:

«1. Командировать в села Ставропольской губернии представителей от губернского исполнительного комитета и представителей от Медвеженского уезда с особыми полномочиями и инструкциями для агитации и успешного проведения в жизнь мобилизации. От губернского исполнительного комитета командироваться все члены исполкома, кроме членов президиума и отдельных членов исполкома, необходимых в деле управления комиссариата. 2. Командировать в Ставропольский губернский военно-полевой штаб трех представителей от губернского исполнительного комитета с чрезвычайными полномочиями, с правом реорганизации по их усмотрению штаба, если таковой не соответствует своему назначению. 3. В качестве чрезвычайных представителей от губернского исполнительного комитета в Ставропольский губернский военно-полевой штаб уполномочить: председателя губернского исполнительного комитета Дейнеко, членов губернского исполнительного комитета Глазкова и т. Золотухина. 4. В уезды Ставропольской губернии командировать следующих членов губернского исполнительного комитета:

в Ставропольский уезд: 1) Карягин, 2) Гамаюнов, 3) Куровицын, 4) Емельяненко;

в Благодаринский уезд: 1) Кочерга, 2) Сапин, 3) Приходько, 4) Шевченко, 5) Трошак.

в Александровский уезд: 1) Харченко Никифор Никанорович, 2) Снитков, 3) Пудло;

в Медвеженский уезд: 1) Сафонов.

5. В Благодаринский, Александровский и Святокрестовский уезды отправить три автомобиля. В Медвеженский уезд отправить все остальные автомобили, имеющиеся в г. Ставрополе. Президиуму поручается изыскать автомобили для отправки таковых по уездам. 6. Поручить президиуму составить текст телеграммы с указанием тяжелого положения, переживаемого Медвеженским уездом. Телеграмму разослать по уездным совдепам. 7. Поручить президиуму совместно с военным комиссариатом разработать план передвижения мобилизованных войск. Таковыми планами передвижения войск

снабдить командиремых в уезды членов губернского исполнительного комитета».

После военных вопросов были рассмотрены еще несколько: личное дело члена губисполкома Манцурова, заявление комиссара юстиции Гамаюнова, выборы на Съезд советов Северного Кавказа в Екатеринодаре. Выбрали от губисполкома двоих представителей — Гладкова и Гамаюнова. Тут же предложили дать им наказ, чтобы «наши представители на Съезде советов Северного Кавказа были противниками отделения Северного Кавказа от центральной власти».

27 июня днем начался наплыв беженцев из района, разгромленного бандами генерала Деникина. Бежавшие крестьяне, крестьянки с детьми и стариками бросали на произвол судьбы свое хозяйство, свой уцелевший от погрома скарб и на подводах ехали в другой конец губернии, к своим родным или знакомым.

Бесхитростным языком они передавали о тех ужасах, свидетелями или жертвами которых были сами. Офицерские банды не щадили в захваченных селах ни старого, ни малого, которые попадались на глаза. Спасались только те, которые прятались в ямы, подполье и т.п. убежища. Но особенно жестоко издевались и мучили тех, которые попадали в их руки с оружием в руках. Пленных они не расстреливали — «жалели» патронów, а рубили по частям шашками. Насилием и кровью были покрыты занятые кадетами селения. Сопротивлявшиеся села, а сопротивлялись они своей обороной почти все, были не только разгромлены, но и преданы огню. Так начал свой поход бывший начальник штаба верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского, кровавый генерал Деникин. Этот империалистический вояка превратился в руководителя офицерских банд, насилевавших, грабивших и убивавших крестьянское население на юге России во имя «освобождения родины» от большевистского ига.

Пять лет спустя после своего разбоя в Ставропольской губернии ген. Деникин описал этот «поход» против крестьян в своих «Очерках русской Смуты». Вот что узнали мы об этом погроме в белогвардейской книге.

«На 12 июня ² назначена была атака станции Торговой.

Еще 9-го началось расхождение дивизий на широком фронте, причем конница Эрдели и дивизия Маркова с донскими частями Быкадорова должны были накануне (11-го) выйти к линии железной дороги Тихорецкая—Царицын, очищая свои районы от мелких партий большевиков, отвлекая их внимание и 12-го завершая окружение Торговой; две сильные колонны — Дроздовского и Боровского — направлены были с возможною скоростью вдоль линии железной дороги Батайск—Торговая и берегом р. Среднего Егорлыка для непосредственного удара на Торговую. Дивизия Боровского составляла вначале мой общий резерв.

В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия железнодорожного сообщения и обеспечения главного направления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю.

10 июня после упорного боя ген. Эрдели овладел с. Лежанкой; часть красноармейцев была изрублена, другая взята в плен, остальные бежали на юг. 11-го конница с таким же успехом овладела с. Богородицким, выслав в тот же день разъезды для порчи и перерыва железнодорожного пути от Тихорецкой.

Я со штабом шел при колонне Боровского и заночевал в с. Лопанском. На рассвете 12-го видел бой колонны. Побывал в штабе Боровского, в цепях Кутепова ³, ворвавшихся в с. Крученобалковское, и с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в первом походе, живет и в начальниках и в добровольцах.

Около 7 часов утра, разбив большевиков у Крученой балки, Боровский преследовал их передовыми частями в направлении Торговой, дав отдых главным силам.

Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовского на рассвете, слышен был только редкий артиллерийский огонь, мы с Романовским, несколькими офицерами и казаками, перейдя речку, поскакали к его колонне.

Дроздовский, сделав ночной переход, с рассветом развернулся с запада против Торговой и вел методическое наступление, применяя тактику большой войны... В тот момент, когда мы въехали в хутор Кузнецова, части Дроздовского готовились там к переправе через р. Егорлык. Большевики от Торговой обстреливали нас редким артиллерийским огнем; с противоположного берега и хутора Шавлиева шел ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто в расстоянии 150 шагов, стреляло картечью наше орудие...

Прошло уже более пяти лет с того дня, когда я первый [раз] увидел дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии... Суетливо, как наседка, собиравшего своих офицеров и бродившего, прихрамывая (старая рана), под огнем по открытому полю Жебрака... Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия с изрешеченным пулями щитом... И бросившуюся на глазах командующего через речку вброд роту — во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом — со смехом, шутками и криками «ура»...

Хутор Шавлиев был взят, и дивизия стала переходить через Егорлык и разворачиваться против Торговой, откуда из длинных линий окопов была встречена огнем. Дроздовский долго перестраивал боевой порядок; темп боя сильно замедлялся. Между тем со стороны Крученой балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, артиллерия — спасавшихся от Боровского. Я послал приказание всей колонне последнего продолжать немедленно наступление на Торговую.

Около 2 часов дня начал подходить Корниловский полк, и дроздовцы вместе с ним двинулись в атаку, имея в своих цепях Дроздовского и Жебрака.

Торговая была взята; захвачено три орудия, много пулеметов, пленных и большие интендантские запасы. На железнодорожной станции, где расположился мой штаб тотчас по ее занятии, дроздовцы установили уже пулемет на дрезину и погнались за уходившими эшелонами большевиков; другие мастерили самодельный «броневой поезд» из платформ с уложенными на них мешками с землей и ставили орудие и пулеметы. Вечером «Первый бронепоезд» (!) Добровольческой армии двинулся к станции Шавлиевской.

В этот же день ген. Эрдели с кубанскими казаками захватил с бою с Николаевское, станцию Крученскую и, оставив там полк для прикрытия со стороны Тихорецкой, двинулся к Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верст с несколькими боями; уставшие лошади еле двигались. Тем не менее Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей там конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в плен.

12 июня воссозданная Добровольческая армия одержала свой первый крупный успех. С 12 июня в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от центральной России, а центр страны от всероссийских житниц — Кубанской области и Ставропольской губернии — и от грозненской нефти⁴. Это обстоятельство, несомненно, подрывало экономический базис советской власти, но в силу роковых переплетений интересов не могло не отразиться на общем состоянии народного хозяйства. Утешала меня надежда, что такое положение недолговечно и что штыками своими Добровольческая армия принесет вскоре северу освобождение, а вместе с ним хлеб, уголь и нефть. Мечты!..»

Об этой подготовке белыми наступления не знали ни в штабе Тихорецкой (екатеринодарские войска), ни в полевом штабе ставропольских войск, ни в штабе обороны Царицына. Разведческая и осведомительная работа находилась в пренебрежении во всех штабах, и за это жестоко расплачивались войска.

Самое выступление белогвардейцев и их развертывание также не было замечено заблаговременно и стало известно в штабе на Тихорецкой т. Кал-

нину только в день наступления на Торговую, так же как и полевому штабу ставропольских войск. Последние войска состояли по преимуществу из так называвшейся там «самообороны», были привязаны к своим селениям, защищали каждый только свой район и, как видно из описания профессионалов военного дела, подвергались избиению белых по частям.

Между полевым штабом ставропольских войск и командовавшим ими т. Веревкиным и штабом на Тихорецкой, руководимым т. Калниным, регулярной связи не было. Все наши войска имели перед собой одного врага, объединенного единым командованием, но действовали разрозненно и поэтому были разбиты, несмотря на беззаветное мужество, упорство и героизм, проявленное отрядами Красной армии и «оборонцами».

В заключительных словах, посвященных Деникиным своему первому походу, содержится вся суть белогвардейской политики, объясняется весь смысл их операции на Торговую: шайка генералов решила отрезать от центральной России богатые хлебом, нефтью и углем районы, чтобы крепче сжать костлявою рукою голода пролетарские районы в центре.

И эта политика проводилась систематически и организованно по всему Северокавказскому краю. Все буржуазно-помещичьи силы действовали в одном направлении, хотя силы их и были там национально и духовно весьма пестры: ненавистью к центральной России дышали не только генералы à la Деникин, его попы, купцы и кулаки, но и муллы мусульманских районов, и мелкие владельцы участков нефтеносной земли в селе Алды, и ущемленные в своих земельных правах казаки. Весь этот поток корыстной ненависти двигал темные силы, рвавшие железнодорожные пути, сжигавшие крестьянские села, изгонявшие «иногородних», мучившие всех заподозренных в большевизме. Так рождалась гражданская война на землю, за ее недра, за ее плоды.

Мобилизация в Красную армию проходила по Ставропольской губернии первые дни после взятия Торговой сравнительно благополучно. За небольшими исключениями крестьяне, особенно бывшие фронтовики, откликнулись на зов Советской власти, и в первые же дни опасности на Медвеженский фронт были направлены свежие силы.

Кроме войск или вместе с войсками на фронты были посланы политические работники, представители губернского исполнительного комитета, и принятыми мерами удалось задержать отступление и приостановить бегство местных жителей.

Белые повели наступление по железной дороге на Великокняжескую, и нам пришлось срочно отправить все автомобили Чекпрода для военных операций и вывоза ценного имущества, находившегося под угрозой врага. Часть нашего, чекпродовского, имущества была захвачена на ст. Торговая. Перед наступлением на Царицын было отправлено несколько маршрутных поездов с хлебом. Проскочили ли они, никто не мог ответить.

27 и 28 июня я пытался связаться со штабом Калнина в Тихорецкой, но по телеграфу не мог с ним связаться, а смог лишь отдать распоряжение о продвижении хлебных грузов на Кизляр. Последнее распоряжение до т. Калнина дошло, о чем нас известил по прямому проводу уполномоченный Чекпрода на ст. Тихорецкая т. Захаров.

На вызов по моему поручению явился агент Чекпрода т. Захаров и на вопрос о положении под Тихорецкой сообщил, что «положение ухудшается. Что предпринять с маршрутными поездами? Товарищ командующий войсками не ручается в двух или трех днях. Он меня просил прибирать маршрутные поезда со ст. Тихорецкой и отправлять морем. Вам известно, может быть, какое положение Армавира? Можно ли отправлять на Армавир, а также в дальнейшие следования? Отвечайте». Ему дано было распоряжение: «Немедленно отправляйте все хлебные грузы через Кавказскую на Кизляр. Распорядитесь, чтобы сорок вагонов хлеба на ст. Сосыка были отправлены туда же. Все товары, имеющиеся у Вас, отправляйте в Екатеринодар, а большую часть в Ставрополь. Все это должно быть исполнено. Поезд наркома через 10 минут отправляется на Армавир через Кавказскую, затем через Минеральные

Воды на Кизляр, а потом и во Владикавказ. Ежедневно об отправленных поездах сообщайте Дунаевскому, в Ставрополь Ермолову, а также, если возможно, Шляпникову по указанному направлению». Захаров: «Сейчас приступаю забирать с Ейской и Сосыки около 100 вагонов и отправлять. Мануфактуры у меня нет. А как положение Армавира? Если вполне благополучно, то я все отправлю туда». Ответ. «Хорошо. А сколько всего имеется у вас хлеба и шпал? Нет ли у вас на Тихорецкой?» Захаров: «Хлеба есть на Тихорецкой 210 вагонов, масла подсолнечного 35 вагонов, сахарного песку 10 вагонов, маку 5. А рельсов и шпал я не могу точно сказать, я не знаю. Я сейчас узнаю у начальника движения». Ответ: «Хорошо, пусть действует, а о рельсах пусть сообщит потом на Кавказскую, а пока до свидания».

Столь тревожные сведения с Тихорецкой, полученные от Захарова, вынуждали нас свертывать всю продовольственную работу на Кубани.

Из Ставрополя мы решили выехать ночью с 27 на 28 июня на Армавир и оттуда договориться с Владикавказом и Тихорецкой о совместных действиях.

Положение в Ставропольской губернии несколько поправилось.

Разговоры еще со ст. Ставрополь в ночь на 28 июня по моему поручению вел мой помощник А.Н. Падэрин, вот их содержание. «Захаров пришел? — Я Захаров. — Я Падэрин. — Захаров: По распоряжению главкома и т. Шляпникова началась разгрузка ст. Тихорецкой. В Терской области, как сейчас передают, также неблагоприятные условия, то есть вспышки терских казаков. Может быть, маршрутные поезда дальше Армавира отправлять не будем, и если здесь положение улучшится или в Терской области будет спокойнее, а пока мы разбросим маршрутные поезда с хлебом по станциям до Армавира, из которых нам можно будет тогда, составив поезд, отправить или в Царицын, или в Кизляр. И подробное распоряжение главкома я вам сейчас передам: “Начальнику передвижения войск Соловьеву. Хлеб направить на Кизляр. Разгрузить станцию скорей от беженцев, направить на Екатеринодар и Кавказскую. Калнин”. Захаров: Тов. Калнин просит тов. Шляпникова, что, может быть, сделает распоряжение о присылке нескольких автомобилей для захода в тыл кадетам. Как вы тогда решите, скажите мне, а я передам Калнину. Получена депеша из Ейска: “В Сосыке Владикавказской ж.д. задержан поезд маршрутный с хлебом по неимению пропуска на Царицын. Прошу сообщить, могу ли продолжать погрузку хлеба в этом направлении. Д. Новиков”.

Захаров: Относительно шпал вот резолюция Павлова, о чем запрашивал т. Шляпников, имеется шпал дубовых второго сорта 400 штук, третьего сорта 1200 штук. Все эти шпалы необходимы для исправления пути, и брать у них ни в коем случае нельзя. Кроме того, имеется 700 штук карьерных шпал и 5 вагонов неразгруженных сосновых шпал третьего сорта. Рельсов имеется очень мало, и они необходимы для исправления пути, дать нельзя. Павлов».

Захаров: В Сосыку я послал сейчас паровоз, где заберут 6 вагонов, ну, отвечайте. Падэрин: Не обращайте внимания на такие слухи, двигайте маршрутные поезда на Кизляр, там все приготовлено к переотправке морем. Часть автомобилей из Ставрополя двинулась для эвакуации Великокняжеской. Может быть, удастся исполнить просьбу т. Калнина относительно автомобилей. Окончательное решение этого вопроса сообщим телеграммой завтра. Скажите откуда, собственно, угрожает опасность Тихорецкой: со стороны ли Торговой, кадет, или от немцев? — Захаров: Станция Торговая до Великокняжеской занята кадетами, которые продвигаются дальше. По сведениям из штаба, взорвано четыре малых моста. Это, кажется, т. Калнин сделал. Этого он мне не объяснял. Он сделал только это распоряжение, которое мы вам передали по телеграфу. Автомобили ему нужны штук пять, для захода в тыл кадетам возле Торговой. Я, конечно, остаюсь на вверенном мне посту до самой последней минуты. Отправляю все маршрутные поезда и обо всем буду сообщать вам. — Падэрин: Еще раз повторяю: двигайте хлеб на Кизляр самым энергичным образом. До свидания. Относительно телеграммы Ейской — я думаю, чтобы продолжали там погрузку хлеба и отправляли Черноморской дорогой на Екатеринодар, а там дальше будет видно. — Хорошо. До свидания».

В те дни все автомобили Чекпрода были взяты для военных операций войсками ставропольского военкомата, и выделить [их] для операции т. Калнина не могли.

Из Екатеринодара прислали гонца за деньгами и по прямому проводу сообщили, что «у нас дела обстоят совершенно неважно». Высказывались опасения за самую станцию Тихорецкую.

Екатеринодар также оказывался под ударом: на него наседали немцы, гайдамаки, белогвардейцы и местные контрреволюционеры, организовавшие кулацкие и казацкие восстания в станицах под самым городом.

Выезжая из Ставрополя, я дал телеграмму т. Дунаевскому в Екатеринодар, в которой известил его, что «через час еду в Армавир и далее до Кизляра и Владикавказа. Выясните положение дел между Тихорецкой и Торговой. Необходимо направлять хлеба на Кизляр. Срочно примите все меры к доставке рельсов, шпал с Черноморского побережья и направьте в Кизляр. Распорядитесь погрузить 60 вагонов угля из Новороссийска для Тихорецкой. Через Астрахань попытаюсь связаться с центром и наладить водным путем доставку продовольствия».

9. В Армавире

Утром 28 июня наш поезд благополучно прибыл на ст. Армавир, центр Лабинского отдела Кубани. Властей в это время в городе не было: часть уехала на партийное совещание в Екатеринодар, другая находилась в станицах, где было неспокойно.

Уполномоченным Чекпрода в Армавире был т. Асланов, ознакомивший нас с ходом заготовки хлеба в Лабинском отделе. Заготовки шли плохо: не было мелкой монеты для расплаты за сдаваемый хлеб, не было товаров. Товарообменные фонды оседали преимущественно около Екатеринодара и в районе Тихорецкой, вглубь еще не были продвинуты. Отсутствие мелкой монеты вынудило местный банк выпустить свои денежные знаки. Особый интерес вызывал чеканенный рубль из красной меди, величиной со старую трехкопеечную монету.

Ввиду опасного состояния фронта под Тихорецкой намеченный в Екатеринодаре съезд уполномоченных Чрезвычайного комитета по продовольствию и снабжению пришлось перенести в Армавир и назначить на 4 июля. В порядке дня стоял первым общий вопрос о продовольственной политике центра, озаглавленный «доклад компрода»; вторым — ход заготовок на Северном Кавказе; третьим — схема и принципы реализации урожая 1918 г.; четвертым — организационные вопросы Чекпрода и пятым — вопросы отчетности и расчетов. Все агенты и уполномоченные должны были представить письменные доклады о своей работе и отчеты о произведенных расходах.

От инженера К.В. Никольского из Кизляра прибыла телеграмма, сообщавшая о заброшенном хлебе в Хасав-Юртовском районе, что «урожай в Хасав-Юртовском округе колоссальный: десятина даст до 280 пудов. Засеянного хлеба, по словам беженцев, около 70 тыс. десятин. Ячмень надо считать погибшим. Кизлярский совдеп прилагает все усилия произвести уборку хлеба мирным путем. Надежда очень слабая. Завтра представители совета и беженцы выезжают за Терек для окончательного выяснения дела. Результат поездки будет сообщен вам телеграфно. Чеченцы предложили местным кумыкам собрать урожай, засеянный беженцами, на следующих условиях, диктуемых неприятелем: одна пятая часть передается чеченцам, как завоеванная, четыре части — кумыкам, как работникам по уборке. Местная комиссия настаивает на неправильном истолковании шариата, не считая чеченцев за завоевателей. Положение совдепа критическое, трудное. С одной стороны, собрать урожай крайне легко, так как, независимо от политических положений беженцев, колонисты и жители поднимаются с оружием для уборки, но это не согласуется с политикой Терского народного совета, основывающего-

ся на мире между национальностями. С другой стороны, надо учитывать, что потерю урожая совдепу не простят, и это, безусловно, восстановит против него все местное население. Линия Баку—Петровск действует. По линии Петровск—Гудермес поезда ходят от Петровска до Чир-Юрта. В течение всего времени пребывания на Кавказе ожидалось и ожидается открытие линии в ближайшие дни, да линия не открывалась, и мало надежды, что откроется. А если есть какая возможность для спасения урожая выехать в Кизляр, выезжайте на несколько часов. А совдеп сделает все, что возможно. Никольский»⁵.

Поездка в Кизляр стояла у меня в порядке дня, но прежде чем спускаться к Каспийскому морю, я решил принять необходимые меры по обеспечению постройки ветки Кизляр—Старотеречная шпалами, рельсами и креплениями. Попытки найти нужное количество материалов для постройки ветки на станциях Владикавказской дороги успехом не увенчались: такого большого количества рельсов и шпал там не было.

От т. Артема (Сергеева) пришло сообщение, что нужное нам количество рельсов и, может быть, даже шпал можно взять со строящейся по Черноморскому берегу дороги. Но правление дороги само не хотело передать нам материалы, а потихоньку и полегоньку укладывало дорогу, которой впоследствии пользовались грузинские и турецкие войска для своего продвижения на Туапсе. Пришлось написать постановление о прекращении постройки. Т. Артем (Сергеев) рекомендовал мне Д.Р. Куриловича как энергичного работника, и его я назначил уполномоченным по перевозке материалов.

В коллегия постройки Черноморско-Побережной дороги, в г. Сочи, я написал нижеследующий приказ:

«Приказ.

Немедленно прекратить дальнейшую прокладку пути и весь имеющийся материал верхнего строения пути направить на ст. Кизляр Владикавказской ж.д. для постройки ветки Кизляр—Старотеречная. Для организации перевозки уполномочиваю Д.Р. Куриловича.

Всем советским властям и организациям предлагаю оказывать всяческое содействие».

На это дело я выделил необходимые средства, и материалы с Черноморского побережья начали грузиться и отправляться к Каспию.

Из Ставрополя пришла телеграмма: «Прошу экстренно дать распоряжение Чекпроду о выдаче заимообразно военному комиссариату на важнейшие расходы 50 000 рублей. Ответ прошу мне и Чекпроду. Военный комиссар Петров». Дал распоряжение о выдаче денег. Требования были скромные, а расходы в связи с мобилизацией были большие. Через день, 30 июня, я отдал распоряжение ставропольскому уполномоченному Чекпрода т. Ермолову выдать губисполкому на военные нужны до 500 000 рублей. Это значительно облегчило сбор и отправку мобилизованных и дало возможность военному комиссару покрыть «важнейшие расходы» полностью.

Характерной особенностью Армавира и его улиц того времени было огромное наличие беженцев, преимущественно армян. Русские были, но значительно меньше. Бежали все от турецкого нашествия в Закавказье и от мусульманских зверств под Баку и даже из некоторых районов Дагестана и Грузии.

В Ставрополе и его губернии нашли себе приют также тысячи беженцев, армян и русских. Контрреволюция и здесь пыталась натравить крестьян-собственников на пришедших людей, как кандидатов на дележку земли. Но эти попытки советами были ликвидированы.

От имени русских беженцев была у меня делегация еще в Ставрополе. Делегацию возглавлял Сергей Емельянович Костенко, передавший мне письменное заявление. Заявление простыми словами вскрывало ужасы племенной вражды, поднятой буржуазными националистами Закавказья против русского населения тех мест: «Честь имею просить Вас, товарищ комиссар труда, будьте добры, сделайте зависящие распоряжения об оказании помощи нам, беженцам Бакинской губернии, Терской и Дагестанской области и др.

мест Кавказа. А именно: все русские села названных мест сожжены и разграблены местными мусульманами, а мы без всяких средств к существованию убежали в Ставропольскую губернию и Кубанскую область. Такое насилие, грабежи и убийства со стороны мусульман появилось на русских людей с 1 января 1918 г. по уходе русских войск с Кавказа, а мусульмане организовали свои войска и стали производить грабежи над русскими селами. Мы жаловались их уездным и губернским комиссарам, но они, как мусульмане, не обращают никакого внимания. Пока стояли комиссары из русских людей, в то время было спокойно, а как заступили мусульмане, то очистили и уничтожили русские села до речки Терека. Вследствие этого, прибегая к Вам с покорнейшей просьбой оказать нам, беженцам, помощь, так как некоторые из нас совершенно не имеют никаких средств к существованию, убежали в одних рубашках. Все нажитое нами добро заграблено мусульманами; второе, в скором времени послать в названные места русские войска и назначить туда правителей из русских людей, и вызвать нас для уборки хлеба, посеянного нами осенью 1917 г., и возратить нам ограбленное наше имущество. Ожидаем помощи и законных распоряжений. Проситель беженец Сергей Костенко. 7/20 июня 1918 г., гор. Ставрополь, сел. Московское Ставропольского уезда».

Всю делегацию я направил в имевшийся в Ставрополе комиссариат призрения и народного здоровья и просил руководителя его организовать помощь беженцам. Кроме того, я отпустил местному губисполкому для оказания помощи беженцам с фронтов 25 000 руб. и сопроводил их следующим письмом:

«В Ставропольский губернский исполнительный комитет. Прошу принять самые срочные меры к размещению в пределах управляемой вами губернии беженцев с фронтов. Губернский исполнительный комитет должен иметь в виду, что антисанитарные условия пребывания тысяч беженцев угрожают здоровью всего населения. Со своей стороны, из имеющихся в моем распоряжении средств могу дать на этот дело 25 000 рублей (двадцать пять тысяч рублей)».

Армяне-беженцы сумели организовать национально в каждом крупном городе. В Ставрополе ими был создан Армянский народно-революционный комитет, ведавший всеми вопросами, связанными с оказанием помощи беженцам. Кроме материальной помощи, народно-революционный комитет организовал их размещение по губернии, изыскивал трудовую помощь и формировал отряды для борьбы за освобождение Баку.

От имени этого комитета ко мне явились представители его и вручили нижеследующую «докладную записку»:

«Последствием наступления турок в пределы Закавказья явилось стихийное бегство армян, испытанных над собой жесткую расправу со стороны турок, видевших в армянах своих врагов и верных союзников России. Трудно описать те ужасы, которые испытали армяне-беженцы, бросившие свои очаги и направившиеся из пограничных местностей Турции в пределы Северного Кавказа, потеряв на дороге все, что имели при себе. Таким образом, ограбленные, истощенные и голые они очутились в самом бедственном положении в разных городах Северного Кавказа и на станциях Владикавказской железной дороги. Участь беженцев, находящихся на железнодорожных станциях в неразгруженных товарных вагонах, более всего требует принятия самых срочных мер для размещения по ближайшим местностям, ибо задержка их на этих станциях, помимо голода и других условий, угрожает их физическому существованию. В Ставрополе размещены до 24 тыс. беженцев в пустых лавках, не имея ни пайков, ни другой материальной помощи со стороны местного Комиссариата общественного призрения. Часть этих беженцев добровольно выезжает в уезды, а часть будет мобилизована для отправки на Бакинский фронт. А посему, если из находящихся на железнодорожных станциях без крова и хлеба беженцев направить в пределы Ставропольской губернии еще от двух до трех тысяч, то всего в Ставропольской губернии будет

до четырех-пяти тысяч беженцев. Следует отметить еще, что приписываемое армянам-беженцам желание в будущем захватить земельные участки в ущерб местным жителям ни на чем не основано, так как они являются временными гостями местного трудового элемента, до выяснения общего положения вещей. Часть беженцев — рабочие-мастеровые — могут найти некоторую работу в городе и в губернии, и не будут нуждаться ни в какой помощи, и даже окажут некоторую пользу городскому и сельским обществам. Местные беженцы-армяне пока всецело поддерживаются средствами местного Армянского народно-революционного комитета, каковые средства почти исчерпаны. Хотя дело призрения беженцев, как дело государственное, должно рассчитывать на поддержку со стороны центральной власти, но для скорейшего удовлетворения беженских нужд необходимо содействие местной Советской власти для принудительного обложения членов Армянской колонии в пользу беженцев.

Армянский народно-революционный комитет, представляя Вам настоящую докладную записку, в заключение просит Вашего содействия:

1) чтобы местная Советская власть обратила бы серьезное внимание на крайне печальное положение беженцев-армян в смысле улучшения жилищных и продовольственных условий,

2) чтобы центральная власть смотрела на беженский вопрос как на общегосударственный и оказала свою материальную помощь, ввиду отсутствия средств у местной власти,

3) чтобы было оказано содействие принудительному обложению членов местной армянской колонии для добывания денежных средств до получения таковых из центра,

4) чтобы была облегчена возможность доставки из Минераловодской и Армавирской станций в пределы Ставропольской губернии еще от двух до трех тысяч из накопившихся там беженцев,

5) чтобы местной властью были приняты зависящие меры как в Ставропольской губернии, так и на станциях ж.д. [для] урегулирования отношения части местного населения к армянам-беженцам. Председатель комитета. Секретарь».

Эта записка достаточно красноречиво говорила о положении, в каком оказались многие тысячи армянского населения. Я обещал оказать полное содействие для выполнения всех пяти просьб «записки». Одновременно я выдал т. Израэлянцу особое полномочие-обращение «В штабы Красной армии гг. Ставрополя, Армавира, Екатеринодара, Моздока, Кизляра, Святого Креста, Владикавказа и других городов Северного Кавказа», в котором предлагал: «Ввиду критического положения Бакинского района, оторванности его от руководящих центров, прошу оказать самую активную поддержку по организации вооруженных сил представителю города Баку товарищу Николаю Григорьевичу Израэлянцу, а также помочь в изыскании финансовых средств, вплоть до специального обложения армянской буржуазии, согласно постановлению народного комиссара по национальным делам И.В. Сталина.

Настоящее удостоверение выдано на основании удостоверения, выданного Бакинским совдепом от 29 мая 1918 г. за № 5781.

Народный комиссар труда А. Шляпников».

Второе письмо-полномочие было адресовано «Всем совдепам, совнаркомам, исполкомам, штабам Красной армии, ревкомам, железнодорожным организациям, почтово-телеграфным учреждениям и продовольственным организациям» и заключалось в предложении:

«Предъявителю сего товарищу Николаю Григорьевичу Израэлянцу прошу оказывать всяческое (финансовое, живыми силами, вооружением и пр.) содействие по организации отрядов на помощь г. Баку и охране железных дорог и других путей к нему.

Настоящее выдается на основании удостоверения чрезвычайного комиссара по делам Кавказа т. Шаумяна от 18 марта 1918 г. № 12 и совдепа Баку и его района от 29 мая 1918 г. за №5781.

Народный комиссар труда А. Шляпников.

Секретарь А. Коган».

В Армавире же ко мне явились представители Армавирского совета народных депутатов с теми же вопросами, как и ставропольские члены народно-революционного комитета. Я передал им о том, что мною было сделано только что в Ставрополе, где я выдал полномочия Н.Г. Израэлянцу. С местной властью в Армавире у них была полная согласованность, но провокационная травля беженцев и там имела место. Товарищи передали мне отпечатанное по этому поводу обращение следующего содержания:

«Товарищи,

Немецкие и турецкие империалисты, стремясь к порабощению трудового народа и свержению Советской власти, прибегают к своим излюбленным приемам провокации.

Одним из приемов провокации является возбуждение племенной и национальной вражды.

Исконным врагом турецкого империализма была армянская демократия, которая одна только в Закавказье осталась верной союзницей России, а потому в настоящее время все удары германо-турецких агентов и шпионов направлены против армян.

Они распускают ложные слухи об армянах и, пользуясь малой осведомленностью русских народных масс, приписывают армянам кровавые деяния контрреволюционных мусульманских банд, руководимых беками, под Елисаветполем и в других местах.

Не верьте, товарищи, этой провокации, цель ее — отвлечь ваше внимание от истинных врагов и под шумок нанести нам удар в спину.

В Баку армянская демократия умирала вместе с нами, и верность ее России доказана многими годами.

Задерживайте тех, кто вовлекает вас в братоубийственную бойню, задерживайте этих агентов германо-турок и доставляйте в революционный штаб.

Докажем миру солидарность демократии всех стран. Да здравствует Интернационал и Свобода всех.

Армавирский совет народных депутатов».

На этом закончились мои дела и заботы о беженцах. В тот же день я отдал распоряжение об отъезде на ст. Минеральные Воды. В ночь на 29 июня мы покинули Армавир и направились в Терскую область.

10. В бой под Минеральными Водами

Рано утром наш поезд задержали на ст. Богословская. Дежурный по станции сообщил, что Невинномысская нас не принимает. Комендант нашего поезда М.М. Широков направился к дежурному по станции для выяснения причины задержки. Так как на Невинномысской стоял штаб Отрядного отдела (командующий был т. Чистов), то наши предположения невольно сводились к ожиданию военных действий. Утренняя заря не приносила ни пулеметного треска, ни разрывов шрапнели, ни оружейного гула. Все было тихо.

Через четверть часа является т. Широков и приносит переговоры со станцией Невинномысской. Читаем: «Я Невинка. Я дежурный по станции (Богословской). Ответ: По поручению коменданта станции передаю вам следующее: сегодня ночью был замечен разезд, приближавшийся к железнодорожному мосту. Разезд контрреволюционеров. Ваш поезд задержан до выяснения целостности пути на всем протяжении от Богословской до Невинки. От меня ушел паровоз с разведчиками для выяснения целостности пути. Сообщим подробно».

Часа через два прибыл на нашу стоянку паровоз с разведчиками из Невинномысской, которые и сообщили нам, что, по собранным ими сведениям от железнодорожных сторожей (будочников), через линию прошел большой отряд казаков с огромным количеством подвод. Путь был цел.

Это сообщение было передано штабу Красной армии на Невинномысскую, и наш поезд двинулся дальше.

На «Невинке» нас встретили представители штаба и рассказали нам о своих делах. Тут войска также оборонялись от казацких банд полковника Шкуро. Фронт образовался с 18 июня. Жаловались на отсутствие обмундирования, верхнего и нижнего белья. Было мало денег, требовались патроны.

По мнению представителей штаба, ночью в районе «атаманствовал» Шкуро, но куда он направлялся, разведка установить не могла. Перешел линию железной дороги и мог попасть на границу Ставропольской губернии или укрыться в станицах Кубани.

О настроениях казаков передавали все, как штабные работники, так и служащие и рабочие станции Невинномысской, что они — монархические. Ко всему новому относятся крайне враждебно. Особенно нетерпимо относились казаки к «пришлым» людям, жителям тех же станиц, что и казаки, но не бывших по «сословию» казаками. В основе всей вражды казаков к пришлому, так называвшемуся иногороднему, населению лежала боязнь за землю, нежелание делить ее между всеми жителями, без различия сословий и национальности.

Путь от «Невинки» до ст. Минеральные Воды прошел без задержек. Лишь приближаясь к станции, когда паровоз замедлил свой разбег и вагоны почти бесшумно скользили по ровному пути, мы слышали ружейную пальбу. Поезд остановился, и с оружием в руках мы выскочили из наших вагонов.

Узнаем, что на станцию напали казаки и отряд наших продовольственников, сопровождавших поезд с кукурузой на Кизляр под начальством т. Бермана, вместе с железнодорожной охраной сдерживали наступление. Часть нашего отряда пошла на подмогу.

На крупной станции полный беспорядок. Никто не знает, как и откуда появились казаки. Местные, вернее пятигорские, войска под командой т. Беленковича разоружали ближайšie к Минеральным Водам казачьи станицы, а о самой станции, важнейшем пункте сообщения, не подумали, предоставив ее собственным силам и средствам.

Из расспросов железнодорожников узнаем, что выступление казаков спровоцировано полковником Шкуро и началась с нападения на г. Кисловодск, где погибло в бою 19 человек и человек 40 было ранено. Банды Шкуро разослали своих агентов по другим станицам и там, где могли, затевали бои, нападая на красноармейские части, охрану железной дороги и т.д. Как выяснилось, сам Шкуро не имел достаточных сил, чтобы предпринять наступление на ненавистную ему красноармейскую силу, гарнизон Пятигорска, поэтому своими налетами стремился спровоцировать конфликты с казаками и тем втянуть их в восстание против Советов.

На станции Минеральные Воды был свой штаб и своя самооборона из рабочих железнодорожных мастерских. Однако организация вооруженных сил была весьма слабая. Это обстоятельство обязывало меня не полагаться на местную оборону, а взять дело охраны в свои руки. Тотчас же я отдал приказ ротному командиру моего отряда т. Р.Д. Эйненкелю принять на себя общее командование и руководство охраной ст. Минеральные Воды.

«Все находящиеся здесь отряды, в том числе отряд, командиром которого был т. Берман, переходят в распоряжение товарища Эйненкеля без всяких оговорок и пререканий. Т. Эйненкелю поручается получить из штаба Минеральных Вод потребное ему количество патронов, а также два пулемета с достаточным количеством лент.

Народный комиссар труда, Общий руководитель продовольственного дела Юга России А. Шляпников.

Член коллегии Народного комиссариата труда, помощник руководителя А. Падэрин».

Вторым распоряжением военного порядка было выставление нами заставы и уведомление об этом коменданта станции.

При нашем отряде был литературный работник, впоследствии корреспондент «Известий», Д.П. Михайлов. Он сопровождал отряд во всяких его приключениях и, когда разгорелся бой на ст. Минеральные Воды, он пошел

вместе с отрядом, и на поезде добрались до станции Дебри. Там были близко станицы Александрийская, Лысогорская, Солдатская и др., казаки которых оказывали упорное сопротивление. Д.П. Михайлов обслуживал наступающие части и был их связующим звеном со станцией Минеральные Воды. К концу дня я получил от него телеграмму: «Просьба немедленно выслать патронов и подкрепление: в полутора верстах от Дебри идет бой. Михайлов».

Я послал и то и другое. К вечеру, по общему правилу, бой затих. Казаки ушли в свои станицы, а наши отряды погрузились в вагоны и вернулись на станцию.

В тот же вечер мы устраиваем совещание нашего отряда, на котором решаем часть товарищей, и прежде всего прикомандированных к нам для советской, партийной и профессиональной работы, вернуть назад, в Москву. Кроме того, к нам обратились екатеринодарцы, ставропольцы с просьбой обеспечить им возможность проезда в Москву на V съезд Советов, созываемый в Москве 4 июля. Надо было заняться и этим делом.

Самую отправку работников и делегатов в Москву, а также способ и путь мы держали в секрете.

Сначала мы думали, что сможем проехать в Кизляр и провезти с собой всех, кому нужно было проехать в Москву. Но краткое ознакомление с политическим и военным положением в Терской области показало, что этот путь невозможен. В первый момент прибытия на ст. Минеральные Воды я отправил через Кизляр на Астрахань и Никольскому в Кизляр три телеграммы: 1) «Воскресенье или понедельник (30 или 31 июня [так в тексте. — *Ред.*]) буду в Кизляре. Ввиду перерыва движения на линии Тихорецкая—Царицын направляю хлеб на Кизляр. Примите подготовительные меры. Один поезд с кукурузой прибудет сегодня вечером. Организуйте дешевую перевозку. Затребуйте из Астрахани пароход для отправки десяти делегатов, едущих в Москву».

Поездку пришлось отменить и все внимание направить на другой путь.

Вызвали из Ставрополя нашего уполномоченного и поручили ему приготовить автомобили, способные перебросить наших товарищей из Ставропольской губернии на Астрахань. Организовать отъезд товарищей решили через Армавир до Ставрополя, а может быть, и дальше, по железной дороге, а там через степи на автомобилях до Астрахани.

Вторую телеграмму я адресовал председателю Совнаркома и в копии Цюрупе, Ногину, Невскому, следующего содержания:

«Нахожусь в полной оторванности. Еду в Кизляр, где буду ждать ваших сообщений, ответов на мои запросы, откуда пошлю сведения о положении дел в крае. Требуется немедленная всесторонняя помощь центра. В Кизляре буду 30 июня. В Москву едет делегация с мест».

В Астрахань я отправил телеграмму через Кизляр, сообщая, что «еду в Кизляр, откуда думаю связаться телеграфом с Москвой. Примите меры к скорейшей передаче и, ежели можно, к прямому соединению телеграфа».

Военная обстановка уже на другой день разбила все наши намерения и расчеты на поездку в Кизляр. С раннего утра открылись военные действия, путь оказался разобраным. Из Пятигорска прибыли подкрепления. Советскими войсками командовал т. Беленкович. Его штаб помещался в вагоне на станции Минеральные Воды.

Сам командующий, т. Беленкович, молодой, белокурый, с подвязанной на костыле ногой, производил впечатление боевого инвалида. Несмотря на подвязанную на простой деревянный костыль ногу, он передвигался быстро, ловко взбирался в вагон, сопровождаемый адъютантами и... маленьким медвежонком.

Мы познакомились. Он обещал быстро справиться с неприятелем и открыть нам путь на побережье Каспия или на Владикавказ.

Днем 29 июня явились ко мне представители Военно-топографического отдела Кавказского военного округа во главе с начальником отдела М.И. Чейкиным. Последний предъявил мне полученное им в Тифлисе предписание от 28 мая 1918 г. за № 809 такого содержания:

«Производителю геодезических работ, военному топографу Михаилу Чейкину.

Согласно предписания начальника Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба от 28 минувшего апреля за № 1554, Вы командируетесь в Москву в распоряжение начальника корпуса военных топографов, почему предписываю Вам отправиться к месту назначения и о дне выезда донести мне.

С Вами следуют казенные топографические инструменты, принадлежащие Туркестанскому отделу и необходимые Вам для работ.

Приложение: Аттестат и удостоверение о личности. Начальник отдела, геодезист Щеткин. Секретарь отдела Балагуев».

М.И. Чейкин сообщил мне чрезвычайно много ценного по тому времени о положении в Грузии, граничащей с Терской областью. Я попросил его записать хоть часть того, что он передал мне на словах, и М.И. Чейкин в тот же день в моем поезде написал нижеследующий «Доклад общего положения дела в Грузии в мае и июне 1918 года».

«В начале 1918 г. грузинское правительство во главе с Гегечкори, сторонником партии войны с Турцией, сохраняло более-менее юридическую связь с правительством советской России. После короткой войны и сдачи ряда крепостей власть перешла в руки Чхенкели, сторонника партии мира, после чего порвалась и последняя нить связи с Российским правительством. Трудовое русское население, хозяева, хлеборобы, хлопководы, под давлением вооруженных шаек туземцев, распродал за бесценок свое имущество, в конце августа и сентябре начало свой исход, но до последнего времени оставались русские люди и учреждения, просуществовавшие в Тифлисе по 60-70 лет.

К 1 июня положение в Тифлисе было таково: на вокзальном здании развевался германский флаг; по городу ходили автомобили под германскими флагами; из Батума и Поти понаехали германские офицеры и техники — студенты политехникума; последние раскинули над зданием Военно-топографического отдела сеть беспроволочного телеграфа. Живая сила германцев состояла из бывших военнопленных, вооруженных русскими винтовками. Руководителем в Закавказье всего германского дела является граф Шуленбург, бывший германский консул в Тифлисе, и обер-лейтенант Кайзер — по профессии горный инженер, служивший до войны на Чиатурских марганцевых копях.

Германский полковник, игнорируя городское самоуправление, издает обязательное постановление для Тифлиса.

Цены продуктов первой необходимости в Тифлисе к 20-м числам июня: черный хлеб пополам с саманом, фунт — 4 р. 50 к., белый чурек — 6 руб., масло топленое, фунт — 13 руб., свечи — 8 руб. фунт. Сахару было сравнительно много, но после пожара восьми интендантских складов на Дедубе его не будет. Более 20 составов поездов с интендантским грузом и продовольствием, вывезенные с большими трудностями из Карса и Александрополя, были с приходом немцев увезены ими в Батум и Поти.

Урожай хлебов в Закавказье предвидится хороший, но в настоящее время продовольственный вопрос является для Грузии самым трудным и болезненным; он осложняется полным отсутствием подвоза муки со стороны Владикавказа по Военно-грузинской дороге; последняя причина является основанием происшедшего в половине июня восстания грузинского крестьянства против своего правительства. Вожди восстания говорят: вы без нашего согласия, не известив нас, призвали немцев, а они, придя к нам, отнимут последний кусок хлеба и угонят оставшуюся после войны скотину — сделают то, что сделали в Малороссии. Среди восставших много солдат, бывших на западно-русском фронте. Так как грузины-красногвардейцы вояки слабые, то уже в начале 20-х чисел июня отряды их на Военно-Грузинской дороге были разбиты, взято в плен 400 человек и 2 пулемета. По телеграфным сведениям, восставшие в своих родных горах уже бьют германцев: взято 6 орудий и пулеметы. По тем же сведениям, мост на реке Куре в селении Мцхет взорван.

Словом — продовольственная сторона дела, являясь наиболее болезненной, является вместе с тем наиболее удобной для оказания давления в вопросах, желательных для России. А такие вопросы имеются, и ответы на них должна дать самостоятельная Грузия. I) Оставшиеся колоссальные интендантские запасы. II) Оставшиеся артиллерийские орудия и запасы. III) Техническое оборудование бывшей Кавказской армии, а именно: масса грузовых и легковых автомобилей, имеющихся в наличии в Тифлисе, аэропланы и т.п. Несколько летчиков на аппаратах перелетели через Кавказский хребет, из них последним был наш офицер-летчик Русанов, прилетевший на своем боевике в город Владикавказ в 20-х числах июня. IV) Из Тифлиса эвакуируется учреждение, просуществовавшее в нем 62 года, а именно, Кавказский Военно-топографический отдел, имущество которого не может быть исчислено никакими деньгами: чтобы накопить его, надо десятки лет, массу человеческой энергии и ослепших глаз. В Отделе хранятся гравюры для печатания карт, большие запасы оригинальных планов, матриц, астрономических, геодезических и топографических инструментов, в чем в России сейчас ощущается особая нужда; великолепно оборудованный фотографический павильон, литография, оборудованная лучшими заграничными машинами, на которых Закавказское правительство печатает свои бонны, причем реквизирован весь запас лучшей пеньковой бумаги, на которой отдел печатал карты и планы, и на все это русское добро командующий грузинской армией Квинитатдзе — полковник русского Генерального штаба — наложил руку.

Часть самых ценных оригиналов, весом пудов шесть, вывезена секретно некоторыми служащими Отдела под большим риском; было бы крайне желательно спасти для России хоть половину этих ценностей.

В настоящее время Кавказский топографический отдел как учреждение оседает в городе Пятигорске, но чины его и труженики могут работать в желаемом направлении.

Грузинский народ в своей толще является сторонником Советской России, часть же грузинской аристократии, а в особенности грузинское правительство, чиня много обид уходящим русским людям, является безусловно ее противником.

Уполномоченный, заместитель начальника Кавказского Военно-топографического отдела, корреспондент Академии наук — М. Чейкин.

29 июня 1918 года.

Станция Минеральные Воды Владикавказской железной дороги».

Сообщение о том, что грузинский трудящийся народ не хочет разрыва с Россией, я получаю от многих беженцев. М.И. Чейкин также подтверждал это своими наблюдениями. Против России были социал-демократы меньшевики и помещики, князья, аристократы старой, ушедшей в предание Грузии.

В отряде, прибывшем с М.И.Чейкиным, находилось 52 сотрудника. Отряду нужно было привести себя в порядок после длительного пути из Тифлиса и помочь им отправиться далее, для чего пришлось мне снабдить их удостоверением, годным для продвижения по нашим дорогам. Пятигорскому совдепу я дал распоряжение разместить отряд военных топографов и написал общее удостоверение на имя М.И. Чейкина и следовавших с ним 52 сотрудника для направления «экстренным порядком в г. Москву вместе с казенными военно-топографическими инструментами. Предлагаю всем совдепам, ревкомам и железнодорожным организациям оказывать всяческое содействие к самому быстрейшему продвижению к месту назначения».

Ночь на станции прошла спокойно. Р.Д. Эйненкель умело расположил заставу и установил связи с рабочей самообороной железнодорожных мастерских. Поверка постов, патрулирование в поселке и по путям станции, организованные им, предупредили возможные ночные набеги и провокации.

Утром 30 июня ко мне в вагон явились комендант поезда т. Широков и политический работник Б.Д. Пинсон, оба весьма встревоженные. Б.Д. Пинсон в минуты тревоги так разводил руками, как будто хотел улететь на них.

— Вы знаете, А.Г., обратились они ко мне, у нас сейчас на станции будет бой!

— Нет, не знаю. Эйненкель меня не предупреждал. С кем же бой, где враги?

— Приехал Автономов со своим отрядом и бронированными вагонами. На станции они встретились уже с Беленковичем и поругались. Они — враги, и приближенные, «адъютанты» того и другого уверены, что без вооруженной драки не обойтись.

Зная нравы местных партизанских руководителей, можно было ожидать и взаимного побоища — на потеху врагам, стоявшим в нескольких километрах от станции. Медлить было нельзя. Опасения товарищей Пинсона и Широкова были весьма основательны. Надо действовать.

Я приказал пригласить ко мне Автономова и Беленковича, а также усилить охрану вагона и держать наготове в соседнем с моим вагоном четырех красноармейцев на случай необходимости. Из вагона и в вагон без моего разрешения никого не выпускать и не впускать.

Оба приглашенные, один за другим, вскоре явились. Я принял их в своем спальном купе без посторонних свидетелей, пригласив сесть на разных концах стола, заняв место между ними.

Когда они заняли места по моему указанию и оказались друг против друга, разделенные письменным столиком, они впились один в другого глазами и, опираясь на стол руками, поднялись с рычанием друг на друга. Я был изумлен и возмущен подобного рода проявлением ненависти и тут же предложил не забывать, у кого они находятся, и тотчас же прекратить показывать зверинец.

Затем я обратился к Автономову с вопросом о целях его прибытия на Минеральные Воды. Он ответил, что получил от Л.Д. Троцкого назначение быть инспектором-организатором казачьих и туземных войск Кубанской, Терской и Дагестанской областей и намерен начать свою работу с Пятигорского отдела Терской области. С этой целью он предполагал направиться в Терский народный совет и там договориться конкретно.

Я сообщил Автономову, что мне неизвестно о таком решении центра — вооружать казаков, и я не даю ему согласия на организацию здесь казачьих частей и их вооружение, пока не получу подтверждения. Лично же считал такое вооружение казаков в тех условиях делом крайне опасным.

Т. Беленкович напомнил, что завербованный Автономовым весной того года полковник Шкуро гуляет с его мандатом по станицам, занимается бандитизмом и борьбой с Советской властью. Этот урок, действительно, был весьма яркий и служил убедительным доводом против повторения подобных опытов.

Нужно было отобрать у Автономова его отряд и те несколько блиндированных вагонов, которые находились в его распоряжении и носили громкое имя бронепоезда. Я поинтересовался назначением его вооруженных сил, на что получил неопределенное пожелание отправиться с ними в Пятигорск.

На его пожелание направиться в Пятигорск вместе с вооруженным отрядом я согласия не дал, заявив, что он находится на территории Терской области, приехал в момент военных действий советских войск против контрреволюционных казаков и его часть должна поступить в распоряжение военной власти. Тогда Автономов выразил готовность принять участие в бою. Я не возражал, если командующий войсками Беленкович согласится принять его. Т. Беленкович молчал. На этом наша беседа закончилась.

Прощаясь, я сообщил Автономову, что приставлю к нему и его отряду троих наблюдателей, которых прошу брать с собой при передвижении отряда на фронт. Такими «наблюдателями» были назначены тт. Матрозов И.И., Б.Д. Пинсон и Н.И. Назаров.

Через некоторое время нашим частям удалось рассеять противника и освободить путь на Прохладную. Что там было, мы еще не знали, но в этот день выступать на фронт Автономову не пришлось. Пустить его отряд в бой в составе войск Беленковича было опасно. Этой опасности не скрывал и сам Беленкович, а потому мне пришлось принять другое решение.

Чтобы избежать конфликта Беленковича с Автономовым, я решил увезти последнего в Пятигорск или Кисловодск. Этим же временем произвести передачу отряда и его имущества Беленковичу. Имея это в виду, я дал Автономову следующее предписание:

«Т. Автономову, копия т. Беленковичу.

Ввиду заявления местного командующего о желательности иметь Вашу часть как резерв, предлагаю отложить поездку Ваших боевых частей на Пятигорск. Лично, если боевые задачи не требуют Вашего присутствия, можете ехать в моем поезде и вернетесь сегодня вечером».

Быть с отрядом в распоряжении своего личного врага т. Автономову не захотелось, и, отдав команду о переходе отряда в подчинение Беленковичу, он пришел ко мне, и мы отправились в Кисловодск.

В Пятигорске и Кисловодске я прбыл в этот раз всего лишь пару часов. Познакомился с тт. Анджиевским, Иванченко, Бутыриным. Кисловодск несколько дней перед тем подвергся налету полковника Шкуро, забравшего из города проживавшую там старуху Романову М.Ф., а в станице «мобилизовал» казаков и увел с собой на разбой.

Налет носил шумливый характер, но своей неожиданностью стоил нам 19 убитых и 40 раненых. От него же пострадало здание совета — вся стена, выходящая в сторону железнодорожного парка (курзала), была усеяна пулями: стреляли из пулемета с горы. Один из мостов через Подкумок был сожжен Шкуро.

В самом Кисловодске власть была «смешанная». Городское самоуправление было в руках «народных» избранников. Совет управлял вообще, но больше ведал войсками, их организацией и защитой города. Городской голова действовал в контакте с советом.

Снабжение продовольствием города ведал кооператив «Продовольствие г. Кисловодска». В составе его совета и правления значились хорошо знакомые «благодетели»: Нобель Э.Л., Генч-Оглуев Х.С., Гукасов Э.П. и т.д.

Нам нужно было возвращаться в Армавир для организации отправки в Москву гонцов и делегатов, а поэтому мы отклонили приглашение любезных хозяев города — быть их гостями — до другого раза. Автономов, как я и предполагал, остался в Кисловодске.

Подо вечер мы вернулись на ст. Минеральные Воды, где меня ожидали представители Кубано-Черноморской республики т. Н. Островская и другие. Товарищи рассказали многое из того, что пришлось пережить им после потопления судов в Новороссийске. К ним приезжали представители стран согласия и уговаривали их продолжать войну с немцами, обещая денежную и всякую помощь.

Германское командование предложило Новороссийскому судовому комитету моряков отправлять военнопленных австрийцев и германцев в Констанцу. И тем и другим ЦИК Кубано-Черноморской республики предложил обратиться в центр, а сам дать ответ без ведома центра не пожелал.

Т. Островская передала, что ЦИК Кубано-Черноморской республики весьма обеспокоен появлением на Кубани Автономова. Товарищи были весьма удивлены, что Л.Д. Троцкий дал ему письмо к комиссару Зейдину, который уполномочил его [быть] инспектором по организации казачьих полков. ЦИК считал совершенно недопустимым выделение казачьих частей в особые полки. Обращаясь ко мне, ЦИК просил отозвать Автономова с Кубани, так как он опасен там, особенно на таком важном посту. Самое назначение, по их мнению, подрывало доверие населения к Советской власти.

Я сообщил т. Островской о том, что произошло утром того дня в Минеральных Водах, заверив ее и прося передать екатеринодарцам, что формирования казачьих частей я ему не разрешу.

В тот же день из отряда Автомова мне был вручен «Декрет Совета народных комиссаров» от 1 июня 1918 г. о казачьих войсках, напечатанный на одной стороне большого листа очень хорошей печатью ⁶. Внизу, вслед за подписями председателя Совнаркома, управделами и секретаря, помещен «Приказ № 1», следующего содержания:

«Ввиду того, что Советом народных комиссаров Российской Социалистической Федеративной Республики я назначен на пост инспектора-организатора казачьих и туземных войск в областях: Кубанской, Терской и Дагестанской, в силу чего мне предоставлено право формировать полки и дивизии на точном основании декретов Народного комиссариата по военным делам Северо-Кавказского округа, предлагаю всем, кого это касается, обращаться ко мне за всеми справками и указаниями и неукоснительно следовать моим предписаниям. Инспектор-организатор казачьих и туземных войск областей: Кубанской, Терской и Дагестанской А. Автомонов. Ст. Тихорецкая, 27 июня 1918 года».

Получив такой документ, я решил справиться при случае в штабе Тихорецкой.

Т. Островская явилась ко мне за деньгами. Артельщик остался в Армавире, а она приехала сюда добиваться отпуска «заимобразно» пяти миллионов рублей. Я попросил написать для отчетности «документ», что она и сделала тут же, в вагоне, подав мне следующее письмо.

«Общему руководителю продовольственным делом Юга России — народному комиссару труда товарищу Шляпникову.

Прилагаю мандат за № 294, прошу т. Шляпникова по возможности немедленно переслать пять миллионов рублей не крупными купюрами в виде подкрепления Екатеринодарскому народному банку. Об этом же просит т. Орджоникидзе, в распоряжении которого находятся 150 миллионов, но раньше, чем путь не будет очищен от Царицына до Тихорецкой, он лишен возможности послать Екатеринудару необходимое подкрепление. Т. Орджоникидзе просит Вас пять миллионов послать заимобразно, по восстановлению сообщения он эту сумму переведет на Чекпрод в Екатеринодаре. Об этом пишет т. Орджоникидзе в письме, посланном с артельщиком, комиссаром финансов Кубанско-Черноморской республики, ЦИК которой командировал меня к Вам для выполнения этого поручения о высылке в экстренном порядке подкрепления банку, так как суммы исчерпаны, а требования фронта ввиду общего положения должны быть немедленно удовлетворены. Артельщик находится в данный момент в Армавире, но ЦИК просит Вас подкрепление выдать немедленно ввиду критического положения банка и связанной с этим угрозы местной Советской власти.

Товарищ председателя Кубано-Черноморской республики Н. Островская. 30 июня 1918 года».

Эту просьбу я согласился удовлетворить, но в целях соблюдения отчетности переводил ее т. Дунаевскому, члену партийного комитета и ЦИК, наложив на ее просьбе такую резолюцию кассиру: «Отпустить в распоряжение т. Дунаевского пять миллионов рублей. Лично не могу ничего иметь против, если он уступит всю или часть этой суммы заимобразно ЦИК Кубанско-Черноморской республики на нужды фронта и т.п. А. Шляпников. 30 июня 1918 года».

Из штаба Беленковича сообщили об успешной ликвидации налета и удовлетворительном ходе разоружения казачьих станиц. Однако у меня были указания, что некоторые из его отрядов «зарываются» и при отборе оружия у станичников ведут себя плохо.

Имелись сведения, что казаки хотят мира. Надо было все это проверить, выяснить и поступить тактично, ликвидируя конфликт. Для этой цели я на-

правил к т. Беленковичу двух членов ЦИК, тт. Пинсона и Матрозова, известив его письменно: «Т. Беленковичу. Прикомандировываю к Вам двух представителей ЦИК тт. Пинсона и Матрозова, которым поручаю вести все дипломатические переговоры со станичниками. Боевые действия — только при соглашении с указанными выше товарищами».

(Продолжение следует)

Примечания

1. См. эту резолюцию в приложении (данное приложение отсутствует. — *Ред.*).
2. Генерал Деникин даже в Европе не признал нового стиля. Все числа приводит по старому стилю.
3. Полковник Кутепов командовал бригадой во 2-й дивизии.
4. В районе Кизлярского и Петровского участков Владикавказской железной дороги царила анархия и велась борьба между терцами, горцами и большевиками.
5. Эта телеграмма была ответом на запрос: «В каком положении находится линия Петровский порт — Дербент—Баку? Каково положение русского населения Дагестанской области, Бакинской губернии? Могут ли возвратиться беженцы для уборки хлебов?»
6. См. декрет в приложении. (Декрет об организации управления казачьими областями от 31 мая, опубликованный 2 июня 1918 г., см. в кн.: Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959. С. 375—378. — *Ред.*).

Были ли славянофилы либералами?

Г.Карпи

Определение славянофильства как либерального течения может показаться парадоксальным. Славянофильский идеологический комплекс (традиционализм, неприятие индивидуалистического и секуляризированного общества и договорно-представительной политической концепции) возник и развивался в открытом противопоставлении с «классической» либеральной традицией, от теории естественного права до утилитаризма, не говоря уже о либерально-конституциональном историзме конца XVIII — начала XIX в. (скажем, от В. фон Гумбольдта до Ф. Гизо). Ведь не только к Руссо и к его последователям, но и к славянофилам могла бы быть отнесена критика Б. Констана, который в противовес «коллективной свободе» античных народов и новых утопистов, основанной на «полном подчинении личности — власти целого», превозносит «современную свободу» как исключительно частную сферу, связанную с пользованием собственностью и личными правами.

Более того, противопоставляя целой сфере юридических, политических и гражданских отношений (то есть «государству») свой до- и внеполитический идеал «народа» как цельного и недифференцированного «организма», славянофилы, казалось бы, примыкают к августиновской модели «двух градов» и отвергают какую бы то ни было секуляризованную политическую концепцию. Их общественно-политические взгляды представляются еще более архаичными, чем политическая философия Св. Фомы, идеалом которого была власть, просвещенная Благодатью и направленная к «общей пользе». Он по крайней мере ставил вопрос о формальном примирении различных интересов в политической и гражданской сфере. Впрочем, должно быть, славянофилам было легко (и с их точки зрения совершенно оправданно) отвергать подобную постановку вопроса как идеологическую проекцию той феодально-католической цивилизации, от которой «либеральная» Европа унаследовала все свои неизлечимые противоречия.

И все же парадоксу славянофилов, стоявших в политическом отношении «справа» от Фомы Аквинского, можно противопоставить другие парадоксы. Кто «либеральнее» — Т. Джефферсон, в 1776 г. торжественно провозгласивший в Филадельфии «All men are created equal» («Все люди созданы равными») и в то же время обладавший поместьями и рабами в родной Виргинии (речь идет, естественно, не об оценке личного поведения, а об идеологии целой социальной группы), или славянофил Ю.Ф. Самарин, который составлял проект закона об уничтожении крепостного права в самой прогрессивной (и экономически выгодной для крестьян) форме? Или, оставляя в покое Джефферсона, кто «либеральнее» — западники Б.Н. Чичерин и М.Н. Катков, утверждавшие в 1862 г. (на страницах журналов, субсидируемых царс-

ким правительством) политическую и общественную гегемонию дворянского сословия, или славянофил И.С. Аксаков, призывавший (при поддержке Ф.М. Достоевского и его сподвижников из журнала «Время») к упразднению всех сословий и к полной свободе слова и народного самоопределения?

Неудивительно, что о либеральности славянофильской идеологии вот уже более ста лет идут споры.

За последние 30 лет советские и российские ученые провели значительные исследования, стремясь определить специфику славянофильской идеологии и ее отношение к другим общественно-политическим течениям. Однако дилемма о славянофильском «либерализме» далеко не разрешена¹. В советской политической науке было принято сводить либеральную идеологию к чисто экономической программе: слово «либерал» является ни больше ни меньше, как синонимом «ревниителя капитализма». Е.А. Дудзинская и Н.И. Цимбаев показали, что славянофилы (или, по крайней мере, младшее их поколение) считали развитие капиталистических отношений в России неизбежным и даже желательным. Нельзя отрицать активную роль некоторых из них (Самарина, В.А. Черкасского) в реорганизации пореформенного сельского хозяйства на основе предпринимательства и вольнонаемничества. В то же время другие (А.И. Кошелев, И.С. Аксаков) искали политической поддержки (и финансовой помощи для своих издательских предприятий) в среде протобуржуазного купечества Москвы, что также указывает на явную «прокапиталистическую» (и значит, с точки зрения советского марксизма, весьма «либеральную») позицию.

Тем не менее крайне эксцентричное отношение славянофильского мировоззрения к этой экономической платформе заставляло большинство советских исследователей противопоставлять «утопическое ядро» славянофильства (с его религиозным интегрализмом, дворянской патриархальностью, консервативным романтизмом) — его же конкретной реформаторской и очевидно «либеральной» практике. Таким образом, эта «практика» лишается идеологической основы, поскольку славянофилы якобы придерживались ее вопреки своему утопическому консерватизму. (Один Цимбаев, пожалуй, утверждает, что «в славянофильском учении сохранялась глубокая связь конкретных политических пожеланий с общими историко-философскими построениями»².) Остается также непонятным, в чем же идеологическая разница между славянофилами и их постоянными оппонентами — западниками. Советским историкам приходилось отождествлять два вида «либерализма», понимаемого ими как простая «жажда капитализма». Попытки отличать «крупнопоместный либерализм» славянофилов от западного «чисто буржуазного» либерализма схематичны и не подтверждаются объективными данными.

Западные же ученые, со своей стороны, определяют понятие «либерализм» преимущественно с точки зрения этико-политической — как утверждение прав и «автономности» личности. Соответственно, русский либерализм истолковывается как перспектива мирной общественной эволюции к торжеству «общечеловеческих» ценностей, уже выработанных западной цивилизацией, — точка зрения внеклассовая и внеэкономическая³. Подобная модель «либерализма» заставляет некоторых ученых считать «либералами» аристократических конституционалистов и даже просвещенных бюрократов⁴. Другие авторы стремятся характеризовать русский либерализм более разнообразно, как самостоятельное идеологическое течение, подчеркивая его умеренность и веру в государство как двигатель прогресса⁵. С начала 1990-х годов «этико-политическое» определение либерализма как «космополитического» и «гуманитарно-внеклассового» «стиля мышления» пробивает себе дорогу и в российской науке⁶.

Ясно, что по таким критериям, прямо выведенным из западного либерализма (и, что самое главное, из ретроспективной самооценки публицистов и мемуаристов кадетского толка⁷), славянофилы — не либералы, и их деятельное реформаторство остается неразгаданным. Немногие западные ученые, принимавшиеся за решение этого вопроса, неизбежно приходили к тем же самым выводам, что и советские марксисты, только с другого конца: как «общее мировоззрение», «образ мысли», «утопия» славянофильство «консервативно» и, значит, «противоположно буржуазному либерализму»; как «практическая же программа», наоборот, оно оказывается «своеобразным вариантом дворянского либерализма»⁸.

Таким образом, получаются два зеркально-противоположных диагноза

славянофильской «шизофрени»: либо «буржуазно-либеральная» общественно-политическая программа, которая возникает и реализуется «вопреки» консервативному утопизму, либо утопически-консервативный «образ мысли», который «превращается в своеобразный вариант крупноместного пути развития»⁹. Но ведь о подобном «расколе» между теорией и практикой сами славянофилы и не подозревали, считая, наоборот, свое мировоззрение единственно целесообразной теоретической основой для «настоящего» либерального реформизма в России.

Итак, дело не столько в том, чтобы — на основе какого-либо заранее готового определения «либерализма» — установить, были ли славянофилы либералами (и если да, то до какой степени), сколько в анализе особых политических и общественно-экономических обстоятельств, при которых группа ярких и отнюдь не склонных к парадоксам мыслителей и деятелей считала возможным, пожалуй даже и необходимым, взять за основу либеральной программы преобразований такие идеологические и философские категории, которые в Западной Европе (и в самой России несколько десятилетий спустя) могли бы служить опорой лишь для крайней антилиберальной реакции.

Образы чужого мировоззрения следует интерпретировать в их же культурных координатах. По словам Б. Снелла, «не находя в Гомере тех вещей, которые, по нашей современной концепции, должны бы у него непременно быть, мы вынуждены заключить, что он их еще не знал, тем более что эти “пробелы” оказываются тесно связанными между собою, и что наоборот, у него много вещей, нам дотоле неизвестных, но благодаря использованию которых для восполнения пробелов мы и приходим к образованию систематического целого»¹⁰.

Таким образом, приступая к определению славянофильского либерализма, необходимо извлечь понятийные критерии из того материала, который надлежит изучать. Надлежит учесть историческую и общественно-политическую эволюцию той страны, где славянофильство образовалось и где славянофилы собирались разворачивать свою реформаторскую деятельность. Известно, что у этой эволюции нет аналогов в историческом развитии Западной Европы, где либерализм, начиная с традиции физиократии и естественного права, возникает и развивается как апология свободы индивидуума и собственника в противоположность старинным корпоративно-феодальным «свободам» и вообще всему старому порядку (ancient regime).

Совсем иначе обстоит дело в России. Здесь поколение последекабристской интеллигенции приходилось преодолевать не феодально-корпоративные порядки западного типа: в русском обществе первоначальные общинно-родовые структуры были раздавлены и раздроблены авторитарной модернизацией Петра I, заменившего их искусственной иерархией совершенно разьединенных каст. Всеобщей фрагментации общественных связей соответствовала в этой государственно-политической структуре всеобщая бюрократическо-деспотическая нивелировка. При подобном состоянии общества, которое вдобавок еще, очевидно, переживало период застоя, а начиная с 20-х годов XIX в. — хронический кризис производительных сил, это общество должно было представляться реформаторской интеллигенции «не-обществом», или, по А.И. Герцену, «необозримой степью — иди, куда хочешь, во все стороны — воля вольная, только куда не дойдешь». Еще определеннее высказывался по этому поводу В.Г. Белинский в 1840 году. В письме, адресованном как раз будущему славянофильскому экстремисту К.С. Аксакову, он утверждал: «Мы люди вне общества, потому что Россия не есть общество. У нас ни политической, ни религиозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатия, томление в бесплодных порывах — вот наша жизнь. Что за жизнь для человека вне общества? Мы ведь не монахи средних веков. Гадкое государство Китай, но еще гаже государство, в котором есть богатые элементы для жизни, но которое спеленато в тисках железных»¹¹.

Этой «потребности в обществе» у западников соответствовал идеал гибкого и всеобъемлющего «гражданского общества» как сферы взаимодействия индивидуальностей и постепенного примирения личных интересов; и здесь, между прочим, необходимость развития «свободной личности» утверждалась исключительно в соответствии с ее способностями к созданию общества. У первых либералов западного толка полностью отсутствует (если не учитывать отдельных случаев, например, В.П. Боткина) типичный ингредиент

западного либерализма — апофеоз «свободы» как независимости и самооценности частной сферы¹².

Такая же «надобность в обществе» характерна и для славянофилов. Они требовали «свободы» не для индивидуума и не от корпоративно-феодальных структур, отсутствовавших в России, но для «земли», то есть для народа как некоего целого, свободно объединенного в общинно-родовые подгруппы: «Народ не имел у нас характера демократического, — писал К. Аксаков в 1857 г., в самый разгар подготовки реформ, — он не составлял низшего класса, как везде на Западе. Над народом у нас не было аристократии, которая везде была в чужих краях. У нас народ значит — все, весь мир, вся земля»¹³. Итак, свобода для «земли» как целого — от того неестественного сочетания социальной атомизации с политическим централизмом, которое принесло с собой современное государство (современная цивилизация) как его устроил в России Петр I.

Согласно представлениям как славянофилов, так и западников, петровский порядок («тиски железные», по Белинскому; «дело обезьянства», по К. Аксакову) мог утверждаться в России только деспотическим образом, путем закрепощения общественных сил и систематического стеснения свободного экономического развития. С падением этого порядка, как считали славянофилы, традиционные, не вполне уничтоженные общинно-родовые формы стихийно воскреснут — разумеется, не для того, чтобы вернуть Россию к допетровскому status quo ante, а чтобы снова вступить на «правильный», давно прерванный путь общественного развития: «Славянофилы, — писал К.С. Аксаков в 1857 г., — думают, что должно воротиться не к состоянию древней России (это значило бы окаменение, застой), а к пути древней России (это значит движение). Где есть движение, где есть путь, там есть и вперед! Там слово назад не имеет смысла»¹⁴. Как ни парадоксально, восхваление конкретных сторон древнерусского политического устройства (например, Уложения 1649 г.) гораздо более характерно для политических течений, диаметрально противоположных славянофильству, как, например, для аристократического конституционализма конца 50-х годов.

Предельный идеал славянофильства — это прежде всего солидарное общество с высокой степенью внутренней мобильности и самоуправления на основе местных общественных коллективов. В политическом отношении любая конституционно-представительная перспектива отвергается, как фактор индивидуалистического раздробления: временами обнаруживается стремление (правда, не слишком четко выраженное) к возрождению Земского собора как «голоса земли»¹⁵, который служил бы приводным ремнем между царем (сакральная, объединяющая функция которого не подлежит сомнению) и «народом». Собрание это, следовательно, предполагалось как чисто совещательный орган и, главное, как орган, основанный не на индивидуальном избирательном праве, а на коллективном праве местных производительных общин. Показательно, что в середине 50-х годов XIX в. К.С. Аксаков считал созыв земского собора несвоевременным — ввиду характера сословности и неорганичности русского общества: «Созвать в настоящее время земский собор было бы делом бесполезным. Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними»¹⁶. Самарин разделял это мнение и предлагал вполне конкретные шаги к восстановлению гомогенного общества: «Надо пробудить от сна все производительные силы страны, как нравственные и умственные, так и материальные, уничтожив рабство (казенное и помещичье крепостное право), возвратив слово церкви, дав более широкое основание народному просвещению, преобразовав нашу подушную подать и тоже рекрутскую»¹⁷.

Еще более определенно и детально высказывался Самарин в 1861 г., в условиях стремительного подъема общественно-политического брожения — в то время как западнический фронт, напомним, заметно «правел»: «После освобождения крестьян, которое могло быть исполнено успешно и мирно только самодержавной властью, нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших нало-

гов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т. д.»¹⁸.

Сам институт самодержавия оправдывается, по Самарину, не римско-католической доктриной о божественном происхождении власти, но определенными обстоятельствами русской истории. Считая теоретически возможным предостерегающее ограничение самодержавия в будущем, Самарин полагал, что это время еще не настало: взаимная отчужденность и неприязнь между образованным меньшинством и массой народа угрожает превратить любую конституционную попытку в установление олигархии или в бунт черни: «Сочувствие народа электрическим током тянет прямо к царю, через все посредствующие сословия, учреждения, общественные слои, не останавливаясь на пути своем ни на чем и ни на ком»¹⁹.

Главными пунктами славянофильского реформизма были преодоление крепостного права и создание широкого и всеобщего местного (земского) самоуправления: «Мы переживаем теперь громадную социальную революцию, — писал И.С. Аксаков в середине 1861 г. — Крестьянское дело — это такая реформа, которая по важности своей равняется только петровскому перевороту... Земская жизнь пробудилась, в этом нет сомнения. Народ тронулся, как вешний лед. Навстречу этому движению можем идти только мы... Все прочие, как бы они ни либеральничали, все наши столичные либералы и демократы, все остальные органы не могут сочувствовать пробуждающейся народной жизни»²⁰.

Что же касается экономических перспектив России, славянофильская программа предусматривала что-то вроде «капитализма без пролетариата»: а) ликвидацию всякого внеэкономического принуждения (например, крепостного права); б) смешанное земледелие, где общинная и частная (бывшая поместная) формы владения взаимно дополняют друг друга; в) развитие мелкой промышленности, допускающей, подобно земледелию, общинно-кооперативные формы как способ избежать полной пролетаризации. Против насильственных, воистину нелиберальных попыток перестроить общественные отношения на абстрактно выдуманный западно-капиталистический лад Самарин выступает с неподдельным пафосом: «Сегодня, например, кого-то озарила мысль, — писал он, — что жителям сел подобает быть хлебопашцами и что только в городах может существовать промышленность. Так действительно было в Германии, так должно быть и везде. Правда, что у нас на Севере, в течение полугода, земледельческие занятия поневоле прекращаются и поселяне по необходимости должны обращаться к торговле и промыслам; правда также, что есть у нас целые губернии, для которых хлебопашество составляет лишь второстепенное подспорье, и что именно там встречаются богатейшие села, где в каждой избе заведена фабрика; но что до этого! Обычай не указ науке. Наука требует городов: подавайте нам города, мануфактуры, фабрики... А что если завтра другому книжнику почудится, что нам совсем не нужны ни фабрики, ни мануфактуры, что мы исключительно земледельцы, что наше дело пахать, пасти овец и топить сало, а все остальное мы должны получать от других? Бедная земля! Какой бесконечный ряд операций и опытов готовится для нее впереди, сколько ломки, противоречий, сколько ударов по самым чувствительным жилам, сколько даром погубленного труда, сколько напрасного насилия!»²¹

Итак, были ли славянофилы либералами? В смысле, излагаемом нами, конечно да. Могло бы возникнуть естественное возражение, что определение «либерализма» является терминологически натянутым и сбивчивым для политической доктрины, не имеющей ничего общего с западной либеральной традицией, хотя при определенных политических условиях она и могла бы играть модернизирующую и политически прогрессивную роль, которую в Западной Европе играл либерализм. Свообразно определяет все «пара-» или «квазилиберальные» русские идеологии («либеральную бюрократию», «дворянский либерализм», но особенно славянофильство) В.Ф. Пустарнаков: «Либеральных по происхождению и по форме идей распространилось и в дореформенной России немало, но все они были как бы вмонтированы в нелиберальные по своему основному содержанию системы идей»²². Но определенная связь между двумя основными течениями общественной мысли все-таки существует: это руссоистская традиция. С точки зрения классического либерализма руссоизм представляется «ересью», особенно в своих крайних выражениях (Ж. Кондорсе, Л. Сен-Жюст, или Г. Мабли, который не случай-

но является постоянным козлом отпущения для Б. Констана), но при этом он является постоянным объектом размышления у творцов великих либеральных систем конца XVIII — начала XIX века (И. Кант, Г.-Ф. Гегель).

У Руссо «общественный договор» не ограничивается примирением личных интересов, но создает настоящее «коллективное существо», управляемое непосредственным нравственным инстинктом народа (в противоположность эгоистическому «разуму»). Оно выступает как единственный хранитель «воли» и «суверенитета», его властью индивидуум «принуждается к свободе»; действительно полноценной личностью индивидуум становится лишь по мере того, как способствует общему самоопределению народа²³. В круге вопросов, поставленных Руссо и его последователями, славянофилы, естественно, чувствовали себя как дома: «Лучшие славянофилы, — иронически отметил Белинский, — высосали [свои] понятия из социалистов, и в статьях своих цитируют Жорж Занда и Луи Блана»²⁴.

Не должно смущать постоянное у славянофилов и как бы само по себе «реакционное» акцентирование религиозно-интегралистских и неомифологических мотивов. Как замечает исследователь немецкой «новой мифологии» XIX столетия, «расцвет мифических мировоззрений никогда не является простой реакцией, но указывает на то, что государство больше не в состоянии рационально обосновать свою роль перед гражданами»²⁵. В эпохи застоя, когда доступ к реформаторской деятельности до крайности ограничен, уход в миф представляется для определенных социальных групп мощным идеологическим рычагом и единственно возможной перспективой преобразования мира. По такой же линии двигались и другие наследники Руссо, то есть западные теоретики демократического «нового христианства», основанного на всенародной «церкви трудящихся» и стремящегося воскресить «органичность» средневековья на новых, «индустриальных» основах (Сен-Симон). Отсюда ясно, в чем состоит главная разница между подобными «теократическими» попытками преодоления современной «раздробленности», с одной стороны, и, с другой — неприятием современности, характерным для идеологов католического традиционализма. Эти идеологи времен Реставрации (Ж. де Местр, Ф.К. Баадер, поздний Ф. Шлегель) основывали свою «органическую» утопию на восстановлении божественного права на власть, патримониального государства и феодальной ренты; их русские последователи (такие, как С.С. Уваров и С.П. Шевырев) — на идее об общинном самоуправлении народа и его активном участии в социокультурной и хозяйственной деятельности.

И все же славянофилы принимали общую идею руссоизма и унаследовавших ее социальных доктрин не для того, чтобы способствовать развитию общества в радикально-демократическом направлении, а наоборот, чтобы избежать подобного развития. Западные социальные утопии толкуются славянофилами как «потребность какого-то крепкого, самостоятельного начала, собирающего личности», как «тоска» Запада по безвозвратно потерянной цельности и органическому обществу и как попытка заменить его «условными, искусственными ассоциациями»²⁶. Для России же подобная цельность — недавнее прошлое, все еще живое в крестьянских общинах и в церковном учении о соборности, в «необозримой степи» петровского государства. Полное восстановление этой цельности во всех сферах политической и общественной жизни — способ уберечься от противоречий и дилемм либеральной Европы и обеспечить постепенный и гармонический прогресс без социальных потрясений: «В России единственный приют торизма — черная изба крестьянина», — писал Самарин в своих замечаниях на книгу А. де Токвиля «Старый режим и революция»²⁷.

С 1835 по 1840 г., приблизительно в период образования в России идеологического «двуликого Януса» (Герцен), от которого впоследствии отгаликивались и славянофильское, и западническое течения, во Франции публиковался трактат А. Токвиля «О демократии в Америке». Автор его объявил о необходимости «новой политической науки для уже обновленного мира»²⁸, то есть о необходимости «расширения» либерализма, его примирения с демократическими требованиями, чтобы сделать его способным к сопротивлению возрастающей угрозе эгалитарного радикализма. В руссоистскую проблематику Токвиль вносил противопоставление теоретической выработке демократической утопии, под которую должна путем революции подгоняться историко-политическая действительность, — эмпирически описанную уже

существующую американскую демократию. В этом воплощении демократия основывалась отнюдь не на всеобъемлющем «общественном теле» Руссо, а наоборот, на духе индивидуализма и независимости, еще не известном старой Европе (ее ведущая роль во всемирной истории, по Токвилю, приближалась к концу, тогда как значение Америки и России возрастало).

Цели и стратегия у французского неоллиберала и у славянофилов (которые испытывали к нему постоянный интерес и уважение) одинаковы, хотя идеологические точки опоры — диаметрально противоположны: с одной стороны — американский индивидуализм, а с другой — русская общинность. Если классическая либеральная традиция старой Европы образовалась в борьбе с феодально-корпоративным обществом, а одержав победу, потеряла способность к дальнейшему развитию, то в странах, никогда не знавших феодализма, либерализм нового типа деятельно искал идеологические и общественные модели, способные противостоять грядущему натиску эгалитарного радикализма.

Примечания

1. Основные этапы этого спора резюмирует В.А. Китаев в статье «Славянофильство и либерализм» (Вопросы истории, 1989, № 11). Вот главные работы, затрагивающие этот вопрос: ДУДИНСКАЯ Е.А. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. — Вопросы истории, 1972, № 1; ее же. Идеино-теоретические позиции славянофилов накануне крестьянской реформы. — История СССР, 1972, № 5; ее же. Славянофилы и Герцен накануне реформы 1861 года. — Вопросы истории, 1983, № 1; ее же. Славянофилы в общественной борьбе. М. 1986; ее же. Славянофилы в пореформенной России. М. 1994; ГЕРАСИМОВА Ю.И. Архив Кошелевых. — Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 35. М. 1974; ее же. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х годов. М. 1974; ее же. Славянофильский журнал «Сельское благоустройство» и его крестьянская программа. В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Т. 7. М. 1978; КИТАЕВ В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации. Горький. 1974; его же. Славянофилы в первые пореформенные годы. — Вопросы истории, 1977, № 6; ПОРОХ В.И. И.С. Аксаков — редактор «Дня». — Освободительное движение в России. Вып. 5. Саратов. 1975; ЦИМБАЕВ Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М. 1978; его же. Славянофильство. М. 1986. Материалы о реформаторской деятельности славянофилов обильно использованы в исследованиях Л.Г. Захаровой (ЗАХАРОВА Л.Г. Дворянство и правительственная программа отмены крепостного права в России. — Вопросы истории, 1973, № 9; ее же. Правительственная программа отмены крепостного права в России. — История СССР, 1975, № 2; ее же. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861 гг. М. 1984, гл. 5).
2. ЦИМБАЕВ Н.И. Славянофильство, с. 117. Не вполне доказанная аксиома дает повод отчасти справедливой критике Китаева (КИТАЕВ В.А. Славянофильство и либерализм).
3. Такова постановка вопроса у А. Валицкого (см: WALICKI A. Osobowosc a Historia. Warszawa. 1959; ejusd. The Slavophile Controversy. Oxford. 1975; ejusd. A History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism. Stanford. 1979; ejusd. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford. 1987).
4. BALMUTH D. Liberals and Radicals in the Era of Reforms. — Canadian Slavic Studies, 1969, vol. 3; LINCOLN W. B. In the Vanguard of Reform. North. Illinois UP. 1982). Самый крайний и односторонний пример этой постановки вопроса: ЛЕОНТОВИЧ В.В. История либерализма в России. М. 1995 (первое изд. на нем. яз. — 1957), где в качестве истоков русского либерализма рассматриваются идеологические высказывания и правительственные акты русских самодержцев от Екатерины II до Александра II.
5. TREADGOLD D. The Constitutional Democrats and the Russian Liberal Tradition. — The American Slavic and East European Review, 1951, vol. 10; FISCHER G. From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.). 1958; LAMPERT E. Sons against Fathers. Oxford. 1965, p. 73—74; TIMBERLAKE Ch.D. Introduction. The Concept of Liberalism in Russia. In: Essays on Russian Liberalism. Missouri UP. 1972; FIELD D. Kavelin and Russian Liberalism. — Slavic Review, 1973, vol. 32.
6. ГАБИДУЛИНА Н. Либерализм в России (историко-философский анализ). — Вестник высшей школы, 1992, №7; НОВИКОВА Л., СИЗЕМСКАЯ И. Идейные истоки русского либерализма. — Общественные науки и современность, 1993, № 3; ПРИЛЕНСКИЙ В.И. Либерализм. В кн.: Русская философия. Словарь. М. 1995; ЕГОРОВ Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке. В кн.: Из истории русской культуры. Т. 5. М. 1996; Либерализм в России. М. 1996 (гл. 5). Обращает на себя внимание то, что участники одной из конферен-

- ций (Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М. 1999), представив портретную галерею «либералов» от Екатерины II до В.В. Жириновского и генерала А.И. Лебеда, о славянофилах вовсе не упоминают.
7. О «внеклассовом» и «общечеловеческом» характере русского либерализма как кадетском лейтмотиве, подхваченном и развитом английской и американской историографией, см.: ЗЫРЯНОВ П.Н., ШЕЛОХАЕВ В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М. 1976, с. 126. Ср. КАРПАЧЕВ М.Д. Истоки российской революции. М. 1990 (гл. 5).
 8. WALICKI A. The Slavophile Controversy (pt.4, ch.10). Славянофильскую политическую программу Валицкий целиком отождествляет с интересами крупнопоместного дворянства: защита общины, например, якобы «утверждает полуфеодальный контроль над деревней». Подобную односторонность можно объяснить лишь более скудной документацией о реформаторской мысли и деятельности славянофилов, доступной польскому ученому в 60-е годы. В планах Самарина и его товарищей можно усмотреть, в крайнем случае, попытку обновления своего класса (поместного дворянства) на капиталистический лад, но ни в коем случае не защиты сословных привилегий. Подобные устремления были характерны для «дворянских конституционалистов» (Орлова-Давыдова, братьев Безобразовых), которых активно поддерживали «либералы» западнического толка, такие как Катков и Чичерин, а также государственные деятели, отнюдь не близкие к славянофильству (министр внутренних дел П.А. Валуев и руководитель III отделения, позже шеф жандармов П.А. Шувалов).
 9. WALICKI A. Op. cit.
 10. SNELL V. La cultura greca e le origini del pensiero europeo. Torino. 1963, p. 15.
 11. ГЕРЦЕН А.И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 4. М. 1957, с. 122; БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 9. М. 1982, с. 393.
 12. Не случайно два таких решительных отрицателя «славянофильского либерализма», как Приленский и особенно В.Ф. Пустарнаков, отказывают и «классическим» западникам (от Грановского до Чичерина) в звании «либералов» в точном западноевропейском смысле, и именно по причине отсутствия в них индивидуалистического элемента (но и по их невниманию к экономическому либерализму) (см. Либерализм в России. Гл. 5, 6, 8).
 13. Цит. по: ЦИМБАЕВ Н.И. Славянофильство, с. 159.
 14. АКСАКОВ К.С. Полн. собр. соч. Т.1, с. 370.
 15. В записке, поданной весной 1855 г. новому императору Александру II первым из славянофилов, Кошелев советовал обратиться к опыту земских соборов XVI—XVII веков (см. КОШЕЛЕВ А.И. Записки. Прилож., с. 33—54. Кошелев вернулся к теме «земской думы» в брошюре «Конституция, самодержавие и земская дума» (1862). Ср. исторические статьи Аксакова К.С. «Об основных началах русской истории», «О том же», «Русская история для детей», «Краткий исторический очерк земских соборов» (Полн. собр. соч. Т.1).
 16. Цит. по: ЦИМБАЕВ Н.И. Славянофильство, с.196.
 17. ТРУБЕЦКАЯ О. Материалы для биографии кн. Черкасского. Т. 1. кн. 1. М. 1901, с. 86—87. Самарин — Е.А. Черкасской, 18.XI.1857.
 18. САМАРИН Ю.Ф. Статьи, воспоминания, письма. М. 1997, с. 98. Цитируемая статья «По поводу толков о конституции» написана в начале 1862 г. в форме письма И.С. Аксакову, как протест против предполагавшегося (но впоследствии так и не состоявшегося) поднесения адреса московского дворянства о даровании конституции.
 19. Там же, с 97.
 20. Цит. по: ЦИМБАЕВ Н.И. Славянофильство, с. 213.
 21. САМАРИН Ю.Ф. Избр. произведения. М. 1996, с. 520. Слова эти были направлены против С.М. Соловьева, клеймившего славянофильскую программу как «антиисторическую» и «мистическую» (см.: СОЛОВЬЕВ С.М. Шлецер и антиисторическое направление. — Русский вестник, 1857, № 8).
 22. Либерализм в России, с.362.
 23. РУССО Ж.Ж. Общественный договор, кн. 1. гл. 7. Именно Руссо впервые сформулировал характерную для славянофилов критику петровской модернизации: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись влиянию цивилизации чересчур рано. Петр хотел сначала создать немцев, англичан, тогда как надо было начать с того, чтобы создавать русских. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством» (РУССО Ж.Ж. Трактаты. М. 1969, с. 183).
 24. БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч. в 9 томах Т. 9, с.714.
 25. FRANK M. Die Dichtung als «Neue Mythologie». In: Mythos und Moderne. Frankfurt a.M. 1983, S.35.
 26. САМАРИН Ю.Ф. Избр. произведения, с. 420, 422.
 27. Сочинения Юрия Самарина. Т. 1. М. 1877, с.394.
 28. TOCQUEVILLE A. Scritti politici. Vol. 2. Torino. 1977, p. 20.

«Обращение» Константина I и миланский эдикт

М.М. Казаков

Дата рождения Константина I Великого остается спорной, и многие детали его биографии (до прихода к власти) остаются неясными. Они очень скудно освещены в источниках, либо имеют более поздние легендарные наслоения.

День рождения будущего императора пришелся на 27 февраля, а относительно года у исследователей существуют расхождения между 272 и 282 годами ¹. Вопреки источникам, многие авторы отдают предпочтение более ранней датировке, ввиду того, что панегиристы Константина старались представить его более молодым к моменту занятия поста римского императора в 306 г., стремясь возвеличить его способности и таланты. Разумеется, и место его рождения остается неопределенным — от Британии до Дуная, хотя более убедительными представляются аргументы в пользу Несуса (Naissus) в Верхней Мезии ², где Клавдий II одержал победу над готами, что позволило потом Константину называть его своим предком ³.

В средние века сложилось немало легенд о родителях Константина и месте его рождения. Из источников бесспорно то, что отцом его был Констанций Хлор, сын пастуха и дочери вольноотпущенника. Вероятнее всего Констанций Хлор имел провинциальное — придунайское происхождение и благодаря своим личным качествам сумел сделать блестящую карьеру, дослужившись от солдата до августа — правителя западной части Римской империи. В момент рождения Константина Констанций, видимо, находился еще на нижних ступенях своего восхождения к вершинам власти и, возможно, занимал пост офицера в одном из дунайских легионов ⁴.

Мать Константина — Елена — была дочерью трактирщика и помогала отцу обслуживать посетителей гостиницы и таверны. Одним из таких посетителей и был Констанций — офицер римской армии, который, однако, не пожелал вступать с Еленой в законный брак, как ввиду ее низкого социального статуса, так и из-за ее происхождения из захолустной Вифинии, что не могло способствовать карьере молодого офицера. Таким образом, Константин появился на свет в результате конкубината, который не считался официальным браком. Однако Констанций признал своего родившегося сына законным наследником ⁵. Из источников почти ничего не известно о детских годах Константина, его воспитании и влияниях, которые оказывались на формирование его личности в раннем возрасте, что затрудняет и понимание пути будущего императора к христианству.

Казаков Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, профессор Смоленского гуманитарного университета.

Его отец проводил почти все время в военных походах и боевых операциях и вряд ли мог уделять достаточно времени своему сыну. Возможно, в начале 280-х годов, когда Констанций Хлор стал наместником Далмации, маленький Константин жил с ним, отец участвовал в его воспитании и образовании. Но и в этом случае нет оснований считать, что отцу и сыну удавалось проводить много времени вместе. И все-таки, вероятно, именно в это время между ними возникла столь прочная связь, что ее потом не смогли разорвать и ослабить долгие годы вынужденной разлуки. Впрочем, влияние Констанция Хлора на религиозную ориентацию сына было минимальным. Как и многие другие военные той поры, Констанций не был религиозным человеком, хотя, возможно, и склонялся к монотеизму, но официально он поклонялся Геркулесу — божественному патрону правящей династии ⁶.

Источники характеризуют позицию Констанция в годы последнего великого гонения Диоклетиана на христиан, как исключительно умеренную. В подвластных провинциях в годы его правления, как явствует из источников, не было христианских мучеников. Возможно, конечно, христианские авторы специально умалчивали о каких-либо фактах, способных бросить тень на отца императора, кардинально изменившего положение церкви в государстве. По имеющимся данным, Констанций Хлор был мягким человеком, умеренным правителем, его любили подданные (Eutrop. Epit. X.1). Из христианских авторов лишь Лактанций сообщает, что Констанций позволил разрушать церкви (Lact. De mort., 15), а Евсевий, напротив, утверждает, что он игнорировал все эдикты против христиан, всячески выказывал христианам свое расположение, оберегал их от бед и не разорял церквей (Eus. H. E. VIII, 13; Appendix к кн. VIII) ⁷. Утверждают также, что после отречения Диоклетиана, когда Констанций Хлор стал августом, гонение на христиан в западной части Римской империи вообще прекратилось ⁸.

Впрочем, вопрос о возможности невыполнения цезарями общеимперских эдиктов, изданных Диоклетианом в период формирования домината, может считаться дискуссионным ⁹, но представляется очевидным, что своеволие и неповиновение доминусу исключались. В пользу этого может свидетельствовать то, что Констанций подчинился Диоклетиану, когда вынужден был оставить Елену и жениться в начале 293 г. династическим браком на Феодоре — падчерице августа Максимиана (A. V. 1.2), от которой, по сообщению того же анонима имел трех сыновей и трех дочерей. Впрочем, сам Константин находился тогда очень далеко от отца и вряд ли мог многое слышать о его деятельности.

Елена, по данным всех имеющихся источников, была христианкой, что может подтвердить умеренную позицию Констанция Хлора по отношению к христианам. Если учесть, что военная карьера Констанция не позволяла ему уделять много времени семье, то, надо полагать, в детстве Константин находился под непосредственным влиянием матери, и его путь к христианству начался именно с этого. Хотя, конечно, нельзя утверждать, что это влияние было безраздельным и Константин проникся христианскими идеями именно в детстве. В соответствии с галльскими панегириками до 310 г. Константин почитал преимущественно Геркулеса, а также Аполлона ¹⁰. Аноним сообщает, что Константин обучился грамоте еще в Несусе (A. V. 2.2), видимо, посещая публичную школу. Неизвестно, удалось ли Константину пройти все ступени классического римского образования, но в любом случае оно в то время могло быть только языческим. Да и влияние матери на будущего императора не было столь уж длительным, особенно после женитьбы Констанция Хлора на Феодоре.

После того как в 292 г. Констанций Хлор был назначен цезарем, молодой Константин был приглашен ко двору Диоклетиана, где он провел несколько лет на положении почетного гостя, а фактически — заложника, обеспечивавшего лояльность его отца (A. V. 2.2; Vict. Caes. 40.2) Это может служить еще одним аргументом в пользу невозможности для Констанция не подчиняться приказам доминуса. С другой стороны, этот факт свидетельствует и в пользу тесной связи между отцом и сыном, так как в противном случае у Диоклетиана не было бы оснований держать при себе Константина в качестве заложника.

При дворе Диоклетиана Константин впервые познакомился с интригами, лестью, корыстью и всеми другими отрицательными чертами дворцовой жизни. По выражению Э.Гиббона, при дворе Диоклетиана Константин научился держать свои мысли при себе и прошел школу лицемерия ¹¹. С течением времени враждебность к христианам при дворе Диоклетиана усиливалась. Константин не мог не ощущать этого, что, надо полагать, вызывало в нем противоречивые чувства. Во всяком случае, будущий император был знаком со многими христианами, в том числе и с клириками, в частности, Антимием, епископом Никомедии.

Впрочем, Константин не только знакомился с дворцовыми интригами и получал приличествующее наследнику цезаря образование и воспитание, но и участвовал в военных походах. Уже в 296 г. Константин сопровождал Диоклетиана в походе через Палестину в Египет с целью подавления узурпатора Домиция Домициана ¹². Вскоре Константин завоевал репутацию храброго человека, владеющего военным искусством, и постепенно приобрел популярность среди солдат и гражданского населения ¹³. Но одновременно у него появлялись и завистливые недоброжелатели, особенно Галерий — цезарь при Диоклетиане и явный соперник Констанция Хлора. Качества Константина по достоинству оценил и Диоклетиан, который пожаловал ему ранг трибуна. Однако доминус все же не смог устоять перед сильным влиянием Галерия ¹⁴, когда обсуждался вопрос о назначении новых цезарей в связи с готовящейся отставкой Диоклетиана. Галерию удалось в конечном итоге добиться своего: 1 мая 305 г. состоялось публичное отречение Диоклетиана и Максимиана от власти, августами стали Констанций Хлор и Гай Галерий (как и предполагалось), а цезарями были назначены Север и Максимиан Даза. Лактанций, подробно описывая эту сцену, говорит, что все ожидали назначения Константина, причем последний стоял на возвышении вместе с высшими лицами империи и, по всей видимости, был готов принять эту честь ¹⁴.

Несмотря на явно недоброжелательное отношение Галерия к Константину, все же, надо полагать, первым руководили не столько чувства и эмоции, сколько политические соображения. Диоклетиан и Галерий этими назначениями новых цезарей стремились показать, что доминат, как политическая система, отказывается от наследования власти по родственному принципу. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что обоим сыновьям оказался не только Константин, сын Констанция Хлора, но и Максенций — сын Максимиана. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что у самого Галерия детей не было. и поэтому отказ от наследования власти по родственному принципу представляется вполне объяснимым: и Север, и Максимиан Даза были его сослуживцами, и, назначая их цезарями, он полагался на их личные качества. Впрочем, Зосим сообщает (Zos.11.8), что Максимиан был сыном сестры Галерия, то есть его племянником, поэтому родственный фактор все же нельзя полностью отвергнуть.

Неясной остается во всей этой истории роль Констанция Хлора. Источники не сообщают о его присутствии на церемонии передачи власти, в то время как четвертый член тетрархии — Максимиан — был, по всей видимости, посвящен в планы Галерия и Диоклетиана. Можно предположить, что определенное сопротивление антихристианским указам со стороны Констанция Хлора или какие-то другие его действия, о которых умалчивают источники, вызвали подозрения относительно его лояльности, и его предпochли не приглашать на процедуру передачи власти. Возможно, сыграла свою роль привязанность Констанция к сыну, о которой знали Галерий и Диоклетиан, опасавшиеся, что устранение Константина от власти сможет вызвать негативную реакцию со стороны его отца. Тем не менее, Констанций Хлор получил пост августа, и залогом союза между ним и Галерием по-прежнему должен был служить Константин, которого восточный август продолжал удерживать при своем дворе после отречения Диоклетиана ¹⁵.

Можно предположить, какие чувства испытывал Константин, наверняка рассчитывая на свое назначение цезарем. Вряд ли после этого у него могло остаться какое-либо доверие к Галерию. Может быть, именно эта, унижившая его, процедура и заставила Константина отказаться от веры в старых богов, которую насаждали Диоклетиан и Галерий, и начать поиск нового

божественного покровительства? Ведь именно под образом Юпитера на воздвигнутой на месте церемонии колонне и происходила описанная выше процедура (Lact. De mort.19).

Тетрархия, созданная Диоклетианом, должна была с его отставкой выдержать первое испытание на прочность. Однако система эта не надолго пережила своего создателя, и, как оказалось, 20 лет политической стабильности были обеспечены не столько системой тетрархии как таковой, сколько самим Диоклетианом, сумевшим заставить ее работать. Однако при всей кажущейся четкости наследования власти она не могла функционировать сама по себе — здесь было необходимо соблюдать родственный принцип, в соответствии с которым развивалась римская государственность.

Совсем не удивительно, что главным виновником разгоревшейся вскоре новой гражданской войны в Римской империи стал никто иной, как Константин. Пожалуй, он считал себя в наибольшей степени обойденным и обманутым и искал способа вырваться из столь надоевшего ему почетного плена. Такая возможность представилась ему довольно скоро — в 306 г. в связи с болезнью его отца. Галерий, по всей видимости, не желал отпускать Константина, но в то же время не мог и ответить ему прямым отказом, поскольку причина была достаточно веской. Судя по сообщению Лактанция (Lact. De mort.24), Галерий ограничился лишь туманным обещанием, рассчитывая позже отыскать какой-нибудь предлог к тому, чтобы задержать Константина. Но последний решил действовать без промедления и отправился в путь лишь на основании этого обещания Галерия. Наутро, когда Галерий попытался взять свои слова обратно, было уже поздно — Константин был уже недосыгаем для погони, так как он не только продвигался с большой скоростью, но и убивал по пути всех почтовых лошадей (A.V.3.4; Vict.Caes.40.2; Zos.II.8). Ему удалось избежать столкновения с Севером, хотя из источников неясно, предпринимал ли последний какие-либо попытки перехватить беглеца. Вероятнее всего, если учитывать скорость передвижения Константина, Север мог просто не знать о бегстве последнего.

Константин сумел благополучно добраться до отца, которому, видимо, удалось на некоторое время оправиться от болезни и вскоре даже одержать победу над пиктами в Британии. Однако быть вместе отцу и сыну оставалось уже совсем недолго: 26 июля 306 г. (Socr.H.E.II.1) Констанций Хлор умер в Йорке, передав перед смертью власть сыну, что было подтверждено войсками, провозгласившими Константина августом и императором (Lact. De mort.24—25; Eus.H.E.VIII.13; Paneg.7.8.2—4). Аноним (A.V.3.4) и Зосим (Zos.II.9) утверждают, что Константин был провозглашен цезарем. Галерию пришлось признать нового императора, хотя и не в ранге августа, а цезаря, поскольку в соответствии с поколебленной Константином схемой тетрархии после смерти Констанция Хлора августом должен был стать Север, и Константин, таким образом, по выражению Лактанция, был низведен со второго места на четвертое (Lact. De mort.25).

Однако эта рокировка не смогла спасти тетрархию. Пример Константина оказался заразительным, и теперь Максенций, сын ушедшего под давлением Диоклетиана в отставку Максимиана, не мог смириться с тем, что сын матери низкого происхождения (что особенно подчеркивает Зосим. — Zos.II.9) сумел добиться власти. 28 октября того же 306 г. с помощью солдат Максенций провозгласил себя императором в Риме (Eutrop.Epit.10.2,3; Socr.H.E.1,2; Vict.Caes.40.5; Zos.11,9). Титул августа Максенций принял не сразу, а лишь в начале 307 г.¹⁶ Одновременно его отец Максимиан во второй раз становится августом и возвращается к политической деятельности (Lact. De mort.26.7).

Таким образом, в Римской империи в одно и то же время оказалось сразу 6 правителей, каждый из которых стремился к преобладанию над своими соперниками. Север первым попытался взять ситуацию под свой контроль и двинул войска к Риму на подавление Максенция. Однако солдаты, недовольные налоговой политикой своего августа и соблазненные обещаниями узурпатора, перешли на сторону Максенция (A.V.3.6; Zos.II,10). Север бежал в Равенну, но потом «вернул пурпурную мантию тому, от кого он ее получил» (Lact. De mort.26), то есть Максимиану. Вскоре этот неудачливый правитель покончил с собой (или был казнен)¹⁷.

В источниках отсутствуют суждения о реакции Константина на узурпацию Максенция, и лишь по монетам можно заключить, что Константин и Максенций взаимно признали друг друга. По всей видимости, Константин до поры до времени сохранял нейтралитет и наблюдал за развитием событий, укрепляя свои позиции в Британии и Галлии. По сообщению Лактанция, в Галлию к Константину отправился Максимиан с тем, чтобы выдать за него свою младшую дочь Фаусту (Lact. De mort. 27). Константин не только не стал выступать против узурпатора, так как понимал, что претензии Максенция на власть так же справедливы, как и его собственные, но и вступил в брак с Фаустой. Этот династический брак заставил Константина отказаться от своей сожительницы (конкубины), от которой у него уже был сын Крисп. Таким образом, он связывал себя родственными узами и с Максенцием, и с Максимианом. В ответ на лояльность и в целях укрепления складывающегося союза Максимиан провозгласил Константина августом в 307 году.

Тем временем, Галерий, как старший по рангу август, попытался восстановить тетрархию и вторгся с войсками в Италию. Однако Рим был очень хорошо укреплен, и Галерий был вынужден ни с чем вернуться в свои восточные владения, хотя часть Италии была опустошена им и разграблена (Lact. De mort. 27; Cf. A. V. 3, 6—7; Zos. II, 10). Максимиан, старший по возрасту август, вернувшись из Галлии, обнаружил, что у его сына больше власти, чем у него самого. Он попытался обвинить Максенция во всех бедах и даже сорвал с него пурпур. Однако солдаты оказались на стороне Максенция и изгнали Максимиана из города. Лактанций сравнивает это с изгнанием Тарквиния Гордого (Lact. De mort. 28). Впрочем, на этом престарелый август не успокоился. Вначале он попытался встретиться с Галерием, организовать на него покушение и потом захватить его владения¹⁸. Галерий незадолго перед тем назначивший вместо Севера новым августом на западе Лициния, согласился на эту встречу всех правителей Римской империи, целью которой, как было объявлено, являлось наведение порядка в империи. Диоклетиан принял участие в этой встрече, надеясь, очевидно, своим авторитетом примирить соперников. Встреча состоялась в Карнунтуме на Дунае в конце 307 или в 308 г. и, по-видимому, не дала желаемых результатов. Однако, как замечает Лактанций, в один момент у власти оказалось сразу 6 официальных правителей Римской империи: 2 старших августа, 2 августа и 2 цезаря¹⁹.

Максенций вскоре попытался завладеть Африкой, находившейся под управлением викария Домиция Александра, назначенного Галерием. Направленные в Африку посланники Максенция успеха не имели (Zos. II, 12), напротив, Александр организовал блокаду Рима, препятствовавшую снабжению города зерном. Военное вторжение в Африку было отложено по причине плохих предзнаменований, полученных в результате ауспий, и Максенций не нашел ничего лучшего, как попросить у Александра в знак лояльности в заложники его сына. Последний, разумеется, ответил отказом, и Максенций решил подослать к Александру убийцу. Но события приняли неожиданный оборот: убийцы были схвачены солдатами, которые провозгласили Александра императором (Zos. II, 12)²⁰.

Максимиану не удалось устранить Галерия (встреча в Карнунтуме, напротив, способствовала росту авторитета последнего), он попытался организовать выступление против Константина, однако, и на этот раз ему не удалось осуществить свои намерения: Константин действовал достаточно решительно, и солдаты Максимиана, осажденного в Массилии, сами открыли ворота города и притащили Максимиана к Константину. Последний, тем не менее, не стал лишать своего тестя жизни, хотя и отобрал у него знаки императорского достоинства (Lact. De mort. 29). Но и после этого Максимиан затеял новые интриги, используя свою дочь Фаусту, которая, впрочем, оказалась более преданной мужу, чем отцу и рассказала о новых кознях Максимиана Константину²¹. Зять устроил тестю ловушку, попытка преступления была раскрыта, и неугомонному августу в 310 г. было предложено самому выбрать вид смерти (Lact. De mort. 30. Cf. Eus. H. E. VIII. 13. 15; Vict. Caes. 40. 21; Eutrop. Epit. 10. 3. 2).

В итоге относительная политическая стабильность была восстановлена, если не считать, что у власти оставался Максенций, явно не вписывавшийся

в схему тетрархии. Впрочем, и между самими тетрархами отношения были отнюдь не добрыми. На новом витке борьбы Максимин Даза начал выражать недовольство тем, что Лициний был назначен августом, минуя ранг цезаря, в то время как он сам оставался на третьем месте в иерархии империи. Никакие уговоры Галерия на него не действовали: по выражению Лактанция, «зверь был ранен и рычал» (Lact. De mort.32). Тогда Галерий нашел решение, отменив ранг цезаря вообще и назвав себя вместе с Лицинием августами, а Максимиана Дазу и Константина — «сыновьями августов». Однако и это не утешило уязвленного самолюбия Максимиана, который написал Галерию, что солдаты уже (в 308 г.) провозгласили его августом. В итоге Галерий сдался и постановил, чтобы императорами назывались все четверо (Lact. De mort.32). Таким образом, тетрархия, как политическая система, прекратила свое существование.

Играл ли какую-либо роль в этих бурных политических событиях 305—310 гг. религиозный и, в частности, христианский фактор? Гонение на христиан в этот период продолжалось, и антихристианские эдикты оставались в силе (Eus.Н.Е.VIII.15). Трудно судить, в какой мере каждый из императоров, августов и цезарей осуществлял антихристианские гонения и выполнял антихристианские декреты. Пожалуй, наиболее осторожным и соответствующим источникам может быть вывод, что религиозная политика в это время отошла на второй план для высшего эшелона власти и проводилась на местах в соответствии с компетенцией и религиозными настроениями чиновников²².

В источниках нет никаких сведений о религиозной позиции Константина в это время, и можно лишь предполагать, что он придерживался религиозной терпимости, ибо в противном случае, хоть какие-то сведения на этот счет должны были бы сохраниться у языческих писателей²³.

В 310 г. Галерия постигла страшная болезнь. 30 апреля 311 г., накануне смерти, он успел издать в Никомедии эдикт о терпимости к христианам, который прямо противоречил всей его предшествующей политике. Ведь именно Галерий практически всеми христианскими авторами считается главным инициатором великого гонения и, пожалуй, самым активным гонителем христиан. Столь резкий поворот в религиозной политике можно объяснить определенными объективными причинами, но непосредственным толчком послужила болезнь Галерия. Надо полагать, что после почти 10 лет преследований христиан даже Галерию показалась очевидной тщетность такой политики, и изменение отношения к христианству было, очевидно, его последней попыткой сохранить жизнь, призвав на помощь христианского бога²⁴.

Текст эдикта Галерия сохранился в греческом (полном) варианте у Евсевия (Eus.Н.Е.VIII. 17.3—II) и в латинском (сокращенном) у Лактанция (Lact. De mort.34). Эдикт состоит из вступления и двух частей. Во вступлении, которое приводит только Евсевий, перечислены все титулы Галерия и Лициния, от имени которых был издан этот эдикт²⁵. В первой части эдикта объясняется предшествующая политика преследований христиан. В качестве главной причины гонений приводится необходимость следовать древним законам, обычаям предков и общественной дисциплине. Христиане же, говорится в эдикте, отвергли религию предков, создали свои законы и устраивали свои собрания. Целью предшествующих эдиктов, следует далее, было вернуть христиан к установлениям предков, и многие христиане пострадали, в том числе, отмечается в тексте Евсевия, были преданы различным видам смерти.

Во второй части эдикта констатируется, что большинство христиан остались верными своим убеждениям. Положение, когда люди не почитают языческих богов и лишены возможности почитать бога христианского, заставило императоров из соображений милосердия и гуманности объявить следующее: 1) всем христианам давалось прощение; эта формула могла означать прекращение действия антихристианских эдиктов; 2) христианам разрешалось быть христианами, как и прежде (до 303 г.), то есть их признавали, хотя, судя по тексту, это еще не означало полной легализации их статуса, так как церковь не считалась еще юридическим лицом; 3) христианам разрешалось строить здания для своих собраний, и, следовательно, им было позволено

свободно отправлять культ, правда, с оговоркой, чтобы они не делали ничего, противоречащего «дисциплине».

Эдикт завершается обещанием выработать соответствующие указания магистратам по реализации этих мер. Своеобразным эпилогом эдикта явилось пожелание христианам, чтобы они молились за здоровье императоров (видимо, именно на это больше всего и рассчитывал Галерий), за безопасность римского государства и народов в нем проживающих, а также и за самих себя, ибо «от процветания государства зависит и положение их собственных домов».

Разумеется, эдикт Галерия был весьма скромным по своему содержанию, он не давал христианам почти ничего, кроме терпимости со стороны государства²⁶. Христианам лишь представлялось право на существование, но вряд ли есть основания видеть в этом эдикте решительный поворот в религиозной политике римского государства. И все-таки во многих отношениях момент этот был критическим. Римская империя в религиозном отношении как бы застыла на месте, не зная, куда двигаться дальше: либо оказать покровительство христианам и поставить их религию в равное положение с другими культами в надежде использовать ее в государственных и политических целях, либо продолжать традиционное покровительство старой римской религии, надежной опоре государства на протяжении многих веков; либо оставить все как есть, не оказывая явного покровительства ни одной из религий, оставляя им возможность для конкуренции и придерживаясь религиозно нейтральной позиции (что, впрочем, было наиболее проблематичным).

Однако Галерия все эти соображения интересовали в наименьшей степени. Разумеется, эдикт о терпимости уже не мог принести ему прощение ни со стороны христиан, которых он подвергал столь жестокому гонениям, ни со стороны их Бога, который столь же равнодушно, как и до эдикта, позволял червям терзать его измученную плоть, пока, спустя короткое время после издания эдикта о терпимости, он не отошел в мир иной (между 20 и 30 мая 311 года).

Первым и, пожалуй, основным следствием эдикта было то, что из тюрем были освобождены многие христиане (*Lact. De mort.*35) и гонение было прекращено²⁷. После смерти Галерия в Римской империи снова оказалось 4 правителя у власти (восточные провинции оставались под контролем Максимиана Дазы, дунайские — Лициния, Галлия — Константина, Италия и Африка — Максенция), и, таким образом, существовали реальные предпосылки для установления политической стабильности, а возможно, даже для возвращения к уже опробованной на практике системе тетрархии. Однако путь Константина к власти и к христианству со смертью Галерия приобрел новый поворот, и именно Константин снова, как и в 306 г., нарушил казавшуюся столь близкой стабильность.

Между тем, ситуация в Риме оставалась тревожной и она еще более ухудшилась, когда произошел пожар, в результате которого сгорел храм Фортуны. По городу прокатились волнения, в том числе и среди солдат, но Максенций сумел быстро их успокоить и сохранить контроль над ситуацией (*Zos.*II.13). Понимая, что реализация его дальнейших планов будет невозможна, пока он не уладит вопрос с Африкой, он послал против Александра войска во главе с преторианским префектом Руфином Волузианом. В первом же сражении слабое сопротивление новоявленного императора было сломлено, и сам Александр вскоре после этого был схвачен и задушен. Не пощадили и его сторонников, которые были преданы смерти, или по крайней мере — лишены собственности (*Zos.*II.14).

Источники изображают Максенция как жестокого и беспощадного тирана, причем, и языческие, и христианские авторы сходятся в этой оценке (*Eus.*H.E.VIII.14; *Vict. Caes.*40.24; *Paneg.*9.3—4,14—16.28; 10.28; *Zos.*II.14.4). Особенно в панегириках осуждается жестокость Максенция по отношению к сенату и народу, непомерные налоги, разнузданное поведение его охраны, физическая грубость и моральная низость, которые контрастировали с аполлоновой красотой и милосердием Константина; кроме того Максенция обвиняли в святотатстве и ограблении храмов богов. Ясно, что отрицательное отношение к Максенцию в источниках исходит от официальной версии по-

бедителя, стремившегося очернить своего побежденного соперника ²⁸. Впрочем, в этих оценках, пожалуй, главное, что Максенций оставался терпимым по отношению к христианству и не подвергал христиан гонениям, хотя сам оставался апологетом язычества ²⁹.

Основной причиной начавшейся вскоре после этих событий войны между Максенцием и Константином античные авторы называют стремление первого отомстить за смерть отца (Zos. II. 14.1; Lact. De mort. 43). причем Зосим отмечает, что Максенций имел намерение вторгнуться в Рецию между Иллирией и Галлией, потому что он мечтал завоевать Далмацию и Иллирию с помощью войск Лициния. Между тем Лициний вначале заключил в Вифинии соглашение с Максиминем Дазой (Lact. De mort. 36), а затем и с Константином, который пообещал ему в жены свою сестру Констанцию (Lact. De mort. 43). Последнее обстоятельство послужило причиной секретного соглашения между Максенцием и Максиминем в противовес союзу Лициния и Константина (Lact. De mort. 43). Характер и содержание этих соглашений нам не известны, но представляется, что сближение Константина и Лициния к 312 г. в противовес Максенцию и Максимину представляется очевидным. Оба союза были скорее всего декларативными, поскольку в ходе военных действий ни Лициний не оказал военной поддержки Константину, ни Максимин — Максенцию. Только Евсевий изображает Константина инициатором войны, стремившимся вернуть римлянам исконную свободу и освободить из-под власти тирана (Eus. H. E. IX. 9; cf. Vita 1. 26). Как бы то ни было, но в источниках нет ни малейшего намека на то, что причины этой войны могли иметь хоть какое-то отношение к религии. Несомненно, это была борьба за власть и религиозный фактор не имел решающего значения.

Война между Константином и Максенцием началась, вероятно, в 311 г. ³⁰. Ход ее слабо отражен в источниках, за исключением последней битвы, ставшей знаменитой благодаря христианству. Некоторые моменты, связанные с этой войной, вызывают определенные недоумения, прежде — всего соотношение сил. Зосим сообщает, что у Константина было 90 тыс. пехоты и 8 тыс. кавалерии, а у Максенция — 170 тыс. пехоты и 18 тыс. кавалерии (Zos. II. 15). Панегирики дают более скромные и, надо полагать, более близкие к действительности цифры: 100 тыс. — у Максенция и менее 40 тыс. — у Константина (Paneg. 9. 3. 3; 9. 5. 1—2). Другие источники не приводят конкретных цифр, но сходятся на том, что Максенций располагал значительно превосходящими силами (что трудно объяснить), чем Константин, который, по всей видимости, действительно был вынужден оставить часть своей армии в Галлии для охраны беспокойной рейнской границы. Однако, в ходе этой войны Константин все время выступает в качестве атакующей стороны: беспрепятственно переходит Альпы (Zos. II. 15), разбивает части Максенция у Турина и Вероны (A. V. 4. 12; Paneg. 9. 5—13; 10. 19—26) и подходит к стенам самого Рима. Максенций же тем временем отсиживался в «вечном городе» по причине дурных предзнаменований, полученных в результате языческих гаданий (Lact. De mort. 44; Cf. Eus. H. E. IX. 9. 3).

Успех Константина можно объяснить либо тем, что источники намеренно искажали действительное соотношение сил, либо тем, что популярность Максенция в результате его политики и аморального поведения резко упала ко времени этой военной кампании, либо и тем, и другим.

Окончание этой быстротечной войны ознаменовалось широко известной битвой у Мильвийского (Мульвийского) моста, которой посвящены многие исследования и которая стала своеобразным поворотным пунктом в мировой истории. Однако и с точки зрения стратегической, и с точки зрения политической, да и для рассматриваемого момента истории Римской империи эта битва никакого значения не имела и являлась лишь одним из столкновений в затянувшейся борьбе за власть. Кто бы ни одержал в ней победу, Империя продолжала бы жить обычной жизнью, ибо и Константин, и Максенций имели равные основания добиваться власти. Да и в случае гибели обоих в стране не наступила бы анархия, так как у власти оставались Лициний и Максимин Даза. Надо полагать, что для подданных Римской империи эта битва была совершенно ординарным событием и мало чем отличалась от многих других сражений, как у стен самого Рима, так и далеко за его пределами.

И все таки, случилось так, что эта битва не просто вошла в историю, но стала ее вехой, с которой начался отсчет эры, открытой «Константиновой революцией», которая собственно и началась с битвы у Мильвийского моста. Что же произошло на самом деле, и как действительные события повлияли на последующий ход истории? Источники позволяют восстановить картину этой битвы.

Константин подошел к Риму и разбил лагерь на равнине к северо-востоку от Мильвийского моста (Zos.II. 16.1; Lact. De mort.44; Paneg.9.16.3; 10.28.4—б). Максенций, осуществляя подготовку к решающей битве, приказал построить через Тибр мост-ловушку, состоявший из двух частей. В случае разединения их он должен был рухнуть в воду вместе со всеми находящимися на нем людьми (Zos.II.15.3—4). Языческие гадания и Сивиллины книги предсказали, что погибнет тот, кто причиняет вред Риму. Это предзнаменование Максенций истолковал в свою пользу, считая себя защитником «вечного города» (Zos.II. 16.1; Lact. De mort.44).

Битва произошла 28 октября 312 года. Константин и Максенций сами принимали в ней непосредственное участие. Сражение началось с кавалерийской атаки Константина против кавалерии Максенция. Затем в бой вступила пехота. По всей видимости, инициатива с начала битвы принадлежала Константину, и он не упускал ее до самого конца. Дух солдат Максенция был в этот момент не на высоте — по замечанию Зосима, они тоже хотели избавиться от «дикой тирании» (Zos.II.16.3), но многие из них сражались честно и не избежали смерти. Некоторое время Максенцию удавалось сдерживать натиск противника, главным образом благодаря кавалерии, но вскоре его войска обратились в бегство по мосту в город. Построенный наспех мост не выдержал такого напора и рухнул в бурный поток. Максенций тоже упал в воду и утонул вместе со многими другими (Zos.II.16.4). На следующий день его тело было найдено, труп обезглавлен и голова неудачливого узурпатора была доставлена в Рим (A.V.4.12), а затем в Африку, чтобы убедить народ в его гибели.

Константин «с триумфальными гимнами» (Eus.H.E.IX.9.9) вошел в Рим и был признан сенатом и народом победителем и императором (Lact. De mort.44). Победитель ограничился наказанием лишь самых близких сторонников Максенция и распустил преторианскую гвардию, как источник смут (Zos.II. 17.2; Vict.Caes.40.25). В ознаменование его победы была воздвигнута триумфальная арка с надписью: «Императору Флавию Константину, величайшему, благочестивому, счастливому, Августу, в связи с тем, что вдохновленный Божественным и величием своего разума он со своей армией отомстил во имя общего блага праведным оружием, как самому тирану, так и всем его приспешникам одновременно, сенат и римский народ посвятили эту арку, чтобы прославить его триумфы. Освободителю города. Восстановителю мира»³¹.

Константин одержал сравнительно легкую победу и избавился от своего политического противника, став, по сути, единоличным правителем всей западной части Римской империи. Такая легкая победа могла быть отнесена либо на счет выдающихся талантов одного полководца и полной несостоятельности другого, либо на счет мужества и боевой выучки солдат, закаленных в боях с варварами, в отличие от италийских контингентов, не участвовавших в серьезных военных кампаниях. Однако в античную эпоху и тем более во время формирования системы доминанта такого тривиального объяснения было уже недостаточно, особенно если принять во внимание, что доминат предполагал обожествление доминуса или хотя бы его непосредственную связь с высшими божественными силами. Эта связь с достаточной ясностью и была подчеркнута в надписи на триумфальной арке. Однако и для самого Константина, и для его ближайшего окружения, да и для всех подданных империи, взбудораженных очередным витком гражданских войн и междоусобиц, одной ссылки на абстрактное divinity было уже недостаточно.

Сейчас уже трудно установить, когда и по чьей инициативе начала складываться легенда о божественной помощи в битве у Мильвийского моста. Вероятно, инициатором легенды был сам Константин. В настоящее время

существует огромная литература, посвященная видению и обращению Константина ³².

Как уже отмечалось. Константин, по всей видимости, познакомился с христианством еще в детстве, благодаря своей матери Елене. Однако он не воспринял эту религию в качестве своей веры и, придя к власти, стал во главе культа Геркулеса, который был патроном династии Максимиана, а затем, после добровольной отставки последнего в 305 г., — Констанция Хлора. Официальным культом тетрархий было и поклонение Юпитеру, который ассоциировался с династией Диоклетиана, а после него — Галерия. Данные источников, особенно панегириков, дают основания считать, что Константин был язычником, но не в политеистическом смысле; он склонялся к монотеизму. Эта склонность, однако, не мешала ему менять богов в зависимости от политической ситуации. В частности, после описанных событий, связанных с интригами Максимиана, и особенно после его гибели, Константин был вынужден отказаться от культа Геркулеса, который ассоциировался с Максимианом-Геркулием ³³.

Вопрос о выборе новой официальной религии решился во время посещения Константином храма Аполлона в Галлии в 310 г., когда он совершал последний поход против Максимиана на Марсель ³⁴. Как явствует из панегирика по поводу победы Константина над Максимианом, в этом храме Константину представилось видение самого Аполлона, сопровождаемого Викторией. Боги вручили Константину лавровые венки, предрекавшие императору 30 лет правления (Paneg. 7[6].21.3—5). Хорошо известно, что языческие жрецы были необычайно искусны в имитации такого рода видений и разыгрывании целых мистических спектаклей перед суверенной публикой. Тем более такой мистификации можно было ожидать в храме Аполлона, который славился на весь античный мир именно своим даром предсказывать будущее. Константин конечно остался очень доволен предзнаменованием.

Вопрос о культе Геркулеса окончательно отпал после низвержения Максимиана, но и принять столь польстивший ему культ Аполлона в чистом виде Константин не мог. Его армия состояла по большей части из варваров и романизированных галлов ³⁵, которые были весьма далеки от эллинского эстетства и нуждались в чем-то более близком, простом и понятном. Мог ли Константин в тот момент, в 310 г., сразу заменить Геркулеса Христом? Ответ на этот вопрос может быть отрицательным в силу целого ряда факторов.

Прежде всего, следует помнить о том, что антихристианские эдикты все еще оставались в силе и считались, по крайней мере формально, действующими на всей территории Римской империи. Надо полагать, что признание Константином христианства в это время могло означать для него немедленную войну с еще живым тогда Галерием и Максимином Дазой. Кроме того, среди солдат самого Константина христиан было, вероятно, если и не столько же мало, то лишь немногим больше, чем почитателей Аполлона ³⁶. А пока сам Константин был лишь одним из многих других императоров, с настроениями своих солдат он должен был считаться в первую очередь, и вносить в их среду религиозные раздоры никак не могло входить в его интересы. Да и разница между Геркулесом и Христом была столь велика, что для перехода от одного к другому требовался какой-то промежуточный вариант, если даже допустить, что сам Константин имел склонность к христианству.

Как уже отмечалось, в личной религии Константин в это время склонялся к монотеизму, но не в христианском, а в языческом варианте. И если говорить о данном моменте, то наиболее удобным и приемлемым и для Константина, и для римлян, и для галлов, и для других варваров был культ Солнца (Sol Invictus). Константин соединил его с культом Аполлона ³⁷, и это позволяло удовлетворять религиозные потребности как римлян, так и варваров, находящихся на службе у римлян. Вероятно, именно в это время, в конце 310—311 гг., на щитах солдат и воинских штандартах могла появиться эмблема в виде свастики или перекрестных линий, напоминавших римскую цифру десять (X). Возможно, символика была более сложной и замысловатой, так как символ солнца в античных изображениях и надписях имеет очень большое количество вариантов. Солнечная символика могла найти какое-то сочетание с цифрой XXX, возникшей в связи с предсказанием, полученным

Константином в храме Аполлона. Однако, в любом случае, есть все основания полагать, что именно эта солнечная символика и была на щитах и штандартах армии Константина в битве у Мильвийского моста. И независимо от личных религиозных убеждений Константина этот сложный знак стал рассматриваться как символ непобедимости императора, а христианский оттенок он приобрел значительно позже. Также следует отметить, что и само слово *labagum*, которое потом стало ассоциироваться с христианским знаком, предвещавшим победу Константину, галльского происхождения. Это слово было распространено в среде кельтов, и его символика могла обозначать как Солнце, так и молнию ³⁸.

Отдается вопрос о видении Константина, которое является, пожалуй, центральным моментом во всей христианской литературе, посвященной как этим событиям, так и всей «Константиновой революции». Вряд ли есть основания считать этого императора экзальтированной и склонной к мистицизму личностью. Но любой человек видит сны и может галлюцинировать в те или иные моменты своего психического и физического состояния. Поэтому вполне допустимо, что Константину после длительного похода и ряда сражений, накануне решающей для него битвы, мог привидеться или присниться либо Христос, либо Аполлон, либо вообще весь пантеон небесных обитателей ³⁹. Однако любой сон и любое видение сознательно или подсознательно может быть истолковано совершенно по-разному, и по прошествии времени оно приобретает совершенно иное значение ⁴⁰. И если Константину накануне битвы действительно привиделся Христос, тогда довольно легко объяснить мотивы Миланского эдикта, но нет никаких оснований считать, что это видение хоть как-то способствовало ходу битвы у Мильвийского моста, и что оно могло быть тогда предано огласке. Напротив, есть все основания считать, что битва происходила с солнечной религиозной символикой, которая могла вдохновить воинов Константина и не могла оскорбить воинов Максенция ⁴¹.

Допустим, что сам Константин в определенной степени отнес свою победу к помощи божественных сил. Хотя для системы домината более удобным было бы признание непобедимости и могущества самого императора. Но, так как наряду с Константином оставались еще союзник (пока!) Лициний и противник Максимиан Дазы, в тот момент удобнее и выгоднее для Константина было заручиться поддержкой свыше. Именно поэтому в надписи на триумфальной арке присутствовал термин «божественное» — пока абстрактный и в одинаковой степени применимый к любой религии.

После Миланского эдикта, который можно рассматривать как жест благодарности Константина Христу за помощь в сражении, легенда получила дальнейшее развитие по мере сближения Константина с христианской церковью. Следующим этапом в ее формировании можно считать победу Лициния над Максимином Дазой, который был одним из главных гонителей христиан. В глазах последних эта победа была одержана тоже с божественной помощью, и христианские источники свидетельствуют о том, что и Лицинию было видение ангела. В силу этого факта потребовалось дальнейшее развитие и легенды о видении Константина. Любопытно, что в первой редакции «Церковной истории» Евсевия главный акцент сделан на видении Лициния, а о Константине упоминается лишь вскользь ⁴². Следует отметить и то, что монеты с символикой, которую можно было истолковать и как христианскую, и как языческо-солярную, появляются только после 317 г., ввиду усиливающегося сближения Константина с христианством ⁴³. Это был тот самый знак, похожий на кириллическую букву «Ж», который никогда не встречался раньше ⁴⁴ и который мог обозначать одновременно монограмму Христа, десятилетие правления Константина, V — победу Константина над противниками, Солнце в символе свастики — нового божественного покровителя Константиновой династии, и даже Аполлона, если истолковать нижнюю часть буквы «P» как развернутую на 90 градусов перекладину буквы «A» ⁴⁵. Лактанций, писавший в конце 310-х гг., отнес этот знак к 312 году ⁴⁶, и тем самым легенда получила дальнейшее развитие.

После разгрома и устранения Лициния формирование легенды о видении, знаке и помощи Христа в битве у Мильвийского моста вступило в завершающую стадию. Теперь у Евсевия в новой редакции «Церковной исто-

рии» центр тяжести был перенесен с Лициния на Константина. Но этого теперь уже было недостаточно. В свете активного взаимодействия Константина с христианской церковью в ходе и после Никейского собора требовалось новое освещение всей жизни императора. И, надо полагать, Евсевию не пришлось долго ломать голову, какое именно событие следовало выделить в качестве поворотного пункта пути Константина к христианству. Очевидно, что в 330-х годах таким поворотным пунктом могла представляться только битва у Мильвийского моста, и теперь уже легенда получила свое полное оформление в «Жизнеописании Константина», завершеном Евсевием уже после смерти императора.

Таким образом, битва у Мильвийского моста стала поворотным пунктом в истории не сама по себе, а по мере развития легенды, окончательно оформившейся к концу 330-х годов, то есть спустя почти два десятилетия.

В связи с формированием легенды об обращении Константина представляет интерес вопрос о его действительном обращении в христианство. Путь Константина к христианству был длительным и весьма сложным⁴⁷. Даже Миланский эдикт не дает оснований утверждать, что Константин в момент его издания являлся верующим христианином. Более вероятным и близким к истине представляется то, что обращение Константина в христианство завершилось лишь к концу его жизни, и сам факт крещения на смертном одре является, пожалуй, главным доказательством того, что император стал христианином не только в силу тех или иных политических соображений, которые преобладали до этого, но в силу осознания возможности жизни после смерти в случае крещения и веры в спасение, обещанное христианской религией. Однако, вряд ли есть основания полагать, что Константин хорошо понимал христианское учение и тем более догматику.

Вскоре после победы над Максенцием и утверждения в Риме Константин направился в Медиолан. Туда же прибыл и Лициний, и союз двух правителей Римской империи был скреплен женитьбой Лициния на сестре Константина. Впрочем, этот факт, как и сам союз Лициния и Константина, стал лишь эпизодом их встречи в Медиолане, которая ознаменовалась событием, явившимся одной из важнейших вех мировой истории и центральным пунктом «Константиновой революции».

Медиолан стал местом издания Константином и Лицинием знаменитого Миланского эдикта 313 г., открывавшего эру настоящей христианизации Римской империи. Следует отметить, что скептицизм некоторых авторов по поводу самого факта существования этого эдикта вряд ли имеет достаточно оснований хотя бы потому, что вся последующая политика самого Константина и положение христианства и церкви в Римской империи являются достаточно убедительным свидетельством в пользу его реальности.

Миланский эдикт был издан от имени Констанция и Лициния, и надо полагать, последний в не меньшей степени, чем Константин, приложил руку к этому знаменитому историческому документу, хотя все лавры, разумеется, достались Константину, одержавшему верх над Лицинием в итоге борьбы за власть.

Текст Миланского эдикта приводят Евсевий в переводе с латинского на греческий язык (Eus.Н.Е.Х,5) и Лактанций (Lact. De mort.48), который, кстати, и считает его инициатором Лициния. Текст Лактанция тоже вторичен — это указ Лициния правителю провинции, изданный уже после собственно Миланского эдикта. Оба текста почти полностью совпадают, т.к. оба автора использовали письма, посланные Лицинием правителям восточных провинций, и расхождения скорее можно отнести к тонкости перевода, чем к действительным различиям оригинальных текстов. Что касается западных провинций, то из приводимого авторами текста можно понять, что перечисляемые меры в пользу христианства были там уже в силе⁴⁸.

Собственно Миланский эдикт, даже если понимать под ним политику, согласованную Константином и Лицинием в Медиолане, начинается с констатации принципа веротерпимости и ссылки на эдикт Галерия: «мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и богопочитание» (Eus.Н.Е.Х,5,2.)⁴⁹. Пожалуй, особого внимания заслуживает именно этот факт: на протяжении всего эдикта главный акцент делается именно на соблюдении принципа веротерпимости по отношению ко всем религиям, без

умаления какой бы то ни было веры. Не вызывает сомнения, что религиозный мир в империи Константин и Лициний считали одним из непрременных условий мира гражданской.

Относительно же непосредственно христиан основные положения эдикта сводятся к следующему. Во-первых, эдикт отменял прежние распоряжения относительно христиан и разрешал свободное и беспрепятственное исповедание христианской веры (Eus.Н.Е. X,5,6; Lact. De mort. 48). т.е. тем самым официально прекращалось гонение. Вместе с тем в этом можно видеть и провозглашение новой политики государства в отношении христианской религии. Во-вторых, эдикт предписывал немедленно и безвозмездно вернуть христианам («всему их обществу и каждому собранию») места их собраний и другую собственность, а также обещал возмещение ущерба из государственной казны через суд, если такие места были куплены частными лицами (Eus.Н.Е. X.5,9—11; Lact. De mort.48). Эдикт завершается заверением императоров об их заботе «об общем народном спокойствии» и распоряжением довести этот закон до всеобщего сведения (Eus.Н.Е.X.5,12,14; Lact. De mort.48). Лактанций добавляет, что по издании этого указа Лициний произнес речь, в которой вдохновлял христиан на восстановление церковных зданий.

В целом текст эдикта содержит больше риторики, чем перечисления реальных прав и свобод христианам. Сам стиль эдикта убедительно свидетельствует, что не свобода вероисповедания была главной заботой императоров, а внутренняя стабильность Римской империи. К тому же в условиях домината всякая свобода, в том числе и религиозная, была ограниченной и неизбежно попадала под контроль государства.

Истинное же значение Миланского эдикта состоит в самом факте изменения религиозной политики Римской империи, которая теперь поворачивалась от конфронтации с христианством к сотрудничеству с ним. И настоящие условия для христианизации обеспечивал не столько сам Миланский эдикт, как таковой, сколько последующие меры Константина и его последователей. Причем эти меры были направлены не столько на реализацию положений Миланского эдикта (эти положения были в основном реализованы сразу после его опубликования), сколько на дальнейшее развитие его главной идеи — поставить христианство в равные условия с другими религиями и обеспечить поддержку государства христианской церковью и самими христианами. Именно эти меры, а не сам эдикт, следует поставить в заслугу Константину, открывшему дорогу христианизации Римской империи. Впрочем, и не факт единовременного «обращения» Константина следует рассматривать как главную движущую силу.«Константиновой революции». Если понимать под этой «революцией» изменение положения христианства и предоставление возможностей для христианизации Римской империи, то силой этого процесса являлась религиозная политика государства, определявшаяся объективными историческими условиями — выходом Римской империи из кризиса и созданием системы домината.

Примечания

1. HOLLISAPPLE L.B. Constantine the Great. N. Y. 1942, p. 106; BARNES T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, Mass. 1982, p. 39—40; GRANT M. Constantine the Great: The Man and His Times. N. Y. 1994, p. 15.
2. Анонимный автор биографии Константина, не сообщая о месте его рождения, отмечает, что он был привезен матерью в Несус (Anonymiis Valesianus.2.2).
3. Аноним сообщает, что Констанций Хлор — отец Константина — был внуком брата Клавдия II (A.V. 1.2. Cf. Eutrop.IX,22; Hieron.a Ab...2307). См. также: GRANT M. Op. cit., p. 15—16, 26—27.
4. Обзор этих легенд см.: HOLLISAPPLE L.B. Op. cit., p. 109—113; GRANT M. Op. cit., p. 16; Холсэпл говорит, что он происходил из Мезии или Дардании; Барнс пишет о происхождении семьи Констанция из Дакии Ripensis (BARNES T.D. Op. cit., p. 36); аноним приводит следующие ступени карьеры Констанция при императоре Каре: телохранитель императора, трибун, правитель Далмации (A.V.1.2).
5. Амвросий Медиоланский определяет ее статус термином stabularia (De Obitu Theodosii, 42); аноним — *matre vilissima* (A.V.2.2), Барнс полагает, что брак Констанция с Еленой был

- заклучен еще до того, как он достиг ранга трибуна римской армии (BARNES T.D. Op. cit. p. 36); он же, сравнивая источники, полагает, что больше и более убедительных свидетельств существует в пользу того, что Елена все же была женой Констанция. Комментарий по поводу союза Констанция и Елены см. Zosimus. New History. — Australian Association for Byzantine Studies. 1982.
6. HOLLSAPPLE L.B. Op. cit., p. 107—108, 113; Cambridge Ancient History. Vol. XII. 1964, p. 679; GRANT M. Op. cit., p. 16.
 7. В жизнеописании Константина Евсевий утверждает, что Констанций даже был христианином, но нет оснований верить этому (COLEMAN C.B. Constantine the Great and Christianity. Three Phases: the Historical, the Legendary and the Spurious. N. Y. 1968, p. 73—74).
 8. Cambridge Ancient History. Vol. XII. p. 679.
 9. Барнс со ссылкой на того же Лактанция (Lact. De mort. 15.6—7) утверждает, что Констанций вообще отказался соблюдать первый эдикт Диоклетиана против христиан на подвластных ему территориях и что четвертый, самый суровый эдикт прогни христиан вообще не проводился в жизнь во всей западной части Римской империи, так же как и эдикт Диоклетиана о ценах вообще не был опубликован на западе (BARNES T.D., Op. cit., p. 195 (ср.: BAYNES N.H. Constantine the Great and the Christian Church. Lnd. 1930, p. 8). Но в данном отрывке Лактанция речь идет о том, что Констанций позволял разрушать стены, которые легко было восстанавливать.
 10. The Conversion of Constantine. N. Y. 1971. p. 30.
 11. GIBBON E. Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 3. Lnd. 1788, p. 226.
 12. Именно во время этого похода Евсевий, будущий биограф императора, впервые увидел Константина (HOLLSAPPLE L.B. Op. cit., p. 114).
 13. См. Lact. De mort. 18. Полулегендарные описания подвигов молодого Константина см.: HOLLSAPPLE L.B. Op. cit., p. 114—115.
 14. О новой тетрархии см. также: Paneg. 8.8.3—9.6, 7.15.4—6; Vict. Caes. 39.48, 40.1; Eutrop. Epit. 9.27; Zon. 12.32.
 15. Лактанций говорит, что после того как были объявлены имена новых цезарей, Максимиан отвернулся от Константина и вывел на первый план Дазу (Lact. De inert. 19). Аноним сообщает, что после отречения Диоклетиана и Максимиана Констанций попросил Галерия вернуть ему сына, но тот «вначале подверг его многим опасностям» (A.V.2.2).
 16. BARNES T.D. Op. cit., p. 13.
 17. 16 сентября 307 г. — Chron. 354 (CM 1.148). О гибели Севера см. GRANT M. Op. cit., p. 24; BARNES T.D. Op. cit., p. 39.
 18. См. Lact. De mort. 29. Зосим сообщает, что Максимиан уговаривал Диоклетиана снова взять власть в свои руки, но тот предпочел оставаться в стороне от дел (Zos. II. 10.4). Некоторые авторы считают инициатором встречи самого Галерия (GRANT M. Op. cit., p. 25).
 19. Cons. Const. CM 1.231; BARNES T.D. Op. cit., p. 198; GRANT M. Op. cit., p. 232. Константин при этом снова оказался обойденным, и опять это было нарушением принципа тетрархии, так как Лициний, происходивший из Дакии и являвшийся старым другом и соратником Галерия, был назначен августом, возможно не пройдя через ранг цезаря. В этот список не был включен Максений, обладавший реальной властью в Риме и в Италии, но считавшийся по-прежнему узурпатором.
 20. Chron. 354 (CM 1.148); Об этих событиях умалчивают христианские авторы. Барнс датирует восстание Александра против Максенция маем или летом 308 г. (до конца 309 г.), хотя и замечает, что точная датировка невозможна (BARNES, T.D. Op. cit., p. 14).
 21. Эта история кажется довольно сомнительной. В примечании к переводу Зосима говорится, что Фаусте было всего 9 лет, когда она вышла замуж за Константина, и вряд ли бы она могла играть существенную роль в этих событиях. Барнс датирует рождение Фаусты 289 или 290 гг. (BARNES T.D. Op. cit., p. 34), что позволяет предположить участие Фаусты в этих событиях.
 22. Лишь Максимиан Дазы отличался от своих соправителей не только порочной личной жизнью и чрезмерной суровостью в управлении, но и особой жестокостью по отношению к христианам. Большая часть мученичеств, описанных Евсевием в его «Мучениках Палестины», имела место именно в период правления Дазы. В «Церковной истории» Евсевий описывает приверженность Максимиана Дазы к языческим обрядам и культам и преследования христиан (Eus. H.E. VIII. 14). Грант со ссылкой на Евсевия приводит такие цифры: 91 мученик — в Палестине; в 308—309 гг. 97 египетских христиан были посланы в шахты, и немного позже к ним добавилось еще 130 чел., но через 2 года все они были освобождены (GRANT M. Op. cit., p. 232). Об эдиктах Дазы против христиан см.: KERESZTES P. Imperial Rome and the Christians. Vol. VII. Lanham. 1989, p. 106—107. Впрочем, все правители того времени в большей или меньшей степени не отличались излишней добродетельностью. Евсевий, например, приводит пример гибели христианки, которой хотел овладеть Максений, но нет оснований видеть в этом эпизоде сугубо антихристианскую направленность всей политики этого правителя (Eus. H.E. VIII. 14).
 23. В одном из недавних изданий «Энциклопедии религии» говорится, что еще в 306 г. Константин приказал вернуть христианам Британии и Галлии собственность, конфискованную

- у них во время великого гонения 303—305 гг., но это противоречит свидетельствам о терпимости Констанция Хлора. Нами не найдено подтверждения этому в источниках. (The Encyclopedia of Religion. Vol. IV. N. Y. 1987, p. 70).
24. О причинах эдикта Галерия см.: KERESZTES P. Op. cit., p. 111—112. В числе этих причин указываются: политические неурядицы, гражданская война, развал тетрархии, влияние Лициния и даже осознание необходимости молитв христиан за государство и самого Галерия. См. также: GRANT M. Op. cit., p. 137. По словам Евсевия Галерия мучили угрызения совести (Eus. H.E. VIII.17.1).
 25. В некоторых манускриптах имя и титулатура Лициния отсутствуют, хотя и в тексте Лактанция, и у Евсевия употребляется множественное число, и это дает основания полагать, что эдикт был издан от имени всех четырех императоров (Eusebius, CUA, p. 192, n. 2; BARNES T.D. Op. cit., p. 23). Но если инициатором эдикта был Галерий, а имена Максимиана Дазы и Лициния в ряде манускриптов были опущены по причине того, что они были и в последующем гонителями христиан (Eusebius, CUA, p. 192, n. 2), то неясно отсутствие имени и титулатуры Константина. Возможно он был просто отстранен от участия в подготовке эдикта и, вероятно, даже не знал о нем до того, как он был опубликован. Впрочем, многие исследователи считают, что эдикт был издан Галерием от имени всех четырех правителей (KERESZTES P. Op. cit., p. 110, 112), и это мнение представляется справедливым.
 26. Интерпретацию эдикта см.: KERESZTES P. Op. cit., p. 110—111.
 27. Терпимость по отношению к христианам на востоке после эдикта Галерия продолжалась всего лишь около 6 месяцев, после чего гонения возобновились Максимином Дазой. (KERESZTES P. Op. cit., p. 112).
 28. The Conversion of Constantine. N. Y. 1971, p. 31; Грант довольно убедительно описывает положительные стороны правления Максенция (GRANT M. Op. cit., p. 31—33).
 29. Кересцес считает, что нейтральная политика по отношению к церкви была одним из средств Максенция укрепить свои позиции в империи; он даже вернул христианам их собственность, которую они потеряли в ходе гонений (KERESZTES P. Op. cit., p. 113). Грант, ссылаясь на Августина, утверждает, что после эдикта Галерия Максенций издал эдикт о терпимости и вернул собственность римской церкви епископу Мильтиаду (GRANT M. Op. cit., p. 32, 235).
 30. SESTON W. Recherches sur la chronologie du règne de Constantine le Grand. — Revue des Études Anciennes. 1937. Vol. 39, p. 211 ff.
 31. KERESZTES G. Op. cit. Appendix 16d, p. 305. См. также COLEMAN C.V. Op. cit., p. 51. Последний отмечает, что эту надпись можно считать свидетельством в пользу «языческого монотеизма» Константина.
 32. См. COLEMAN C.V. Op. cit. В историографии по отношению к обращению Константина существуют такие подходы: полное отрицание видения Константина, который был трезвым политиком и прагматиком, лишенный какой бы то ни было экзальтации, убежденность в истинности сведений, приводимых Лактанцием и Евсевием и вера в то, что Константин действовал по указанию Бога, будучи убежденным христианином; стремление объяснить обращение Константина, как результат длительной эволюции, в ходе которой сочетались религия и политика. Нам ближе последний подход.
 33. В зрелом возрасте, возможно, принципам христианства Константина обучал Лактанций, находившийся при его дворе в период с 310 до 313 г. (DIGESER E. De Paima, Lactantius and Constantine's Letter to Arles: Dating the Divine Institutes. — Journal of Early Christian Studies. V. 2, № 1, 1994; BAYNES N.H. Op. cit., p. 7; COLEMAN C.V. Op. cit., p. 74—75; The Conversion of Constantine, p. 48. К этому же времени следует отнести и легенду об «обнаружении» Константином «факта», что его род восходит к Клавдию II Готскому.
 34. The Conversion of Constantine, p. 82, 23, 44.
 35. The Conversion of Constantine, p. 44, 35.
 36. COLEMAN C.V. Op. cit., p. 78.
 37. П. Брюон пишет: «Разрыв с консерватизмом тетрархии, отмеченный принятием культа Солнца, был больше претензией на превосходство и вызовом идеологическому доминированию Юпитера, чем выражением веры» (The Conversion of Constantine, p. 77). О связи культа Аполлона с культом Солнца и с христианством см.: GRANT M. Op. cit., p. 134—135.
 38. Хатт пытается даже доказать, что крест Св. Андрея не что иное, как схематизация колеса у кельтов. — The Conversion of Constantine, p. 34.
 39. Самая ранняя версия встречается у Лактанция (Lact. De mort. 44): во сне Константину была обещана победа (при этом автор не пишет, кем), если щиты его солдат будут носить небесный знак бога, и тогда он начертал имя Христа в виде знака Х.
 40. Грант считает, что видению Константина христианскую трактовку придал епископ Осия Кордубский, который находился в то время при Константине, получив доступ к нему через женщин при его дворе, включая, возможно, его мать Елену (GRANT M. Op. cit., p. 141).
 41. Коулман справедливо отмечает, что выставление христианских эмблем в тот момент не могло иметь ни военной, ни политической выгоды: «то, что он принял накануне битвы у Мильвийского моста, было не христианством, а счастливым билетом» (COLEMAN C.V. Op. cit., p. 78—79).

42. The Conversion of Constantine, p. 47.
43. Чаще всего этот знак выполняется как знак подчинения (The Conversion of Constantine, p. 78—79).
44. Евсевий и Лактанций описывают его как беспрецедентный знак, который они не могут сравнить ни с чем другим.
45. Пиганьоль замечает, что символ Константина озадачил самих христиан (The Conversion of Constantine, p. 45). Грегуар предлагает весьма оригинальную интерпретацию: знак означал комбинацию заглавных букв очень часто встречавшихся в античности словосочетаний — VOTA PUBLICA и VICTORIA PRINCIPIS PERPETUA, а также в эту комбинацию была включена X-я годовщина правления Константина. Возможно, замечает этот автор, сам Константин «был поражен многозначностью этого символа, который удовлетворял христиан и ни в малейшей степени не беспокоил язычников» (The Conversion of Constantine, p. 33).
46. The Conversion of Constantine. p. 48.
47. Мнения о постепенном переходе Константина к христианству см., например, COLEMAN С.В. Op. cit., p. 81—82; Брюон считает, что даже «монеты не дают позитивного свидетельства об обращении, но лишь о постепенном изменении отношения к старым богам» (The Conversion of Constantine, p. 77). Пиганьоль считает, что Константин не стал христианином в 312 г., а был побежден культом Христа: «Константин был христианином, не зная этого» (ibid., p. 45).
48. Как считает Грант, вероятнее всего, сохранившиеся тексты отражают общую политику, согласованную в Медиолане, которая потом была реализована серией дополнительных писем и указов правителям конкретных провинций, а также другими мерами в пользу христианства (GRANT M. Op. cit., p. 158).
49. Цит. по изд.: ЕВСЕВИЙ ПАМФИЛ. Церковная история. М. 1993, с. 358—361.

Коллекции и коллекционеры античного мира

Т.Ю. Юренева

Индивидуальное и целенаправленное коллекционирование возникло в эпоху эллинизма, и первыми коллекционерами античного мира традиционно считаются эллинистические монархи. Неистовыми собирателями книг стали Птолемеи, не жалевшие средств на приобретение целых собраний. К концу I века до н.э. Александрийская библиотека включала 700 тыс. папирусных свитков. Для пополнения своей коллекции египетские монархи нередко прибегали к крайним мерам. Все книги, найденные на борту кораблей, заходивших в Александрийскую гавань, изымались и копировались. Затем копии возвращались владельцам, подлинники же оставались в Александрии. Попросив в Афинах оригиналы рукописей трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида для проведения сверки с экземплярами своего собрания, Птолемеи предпочли пожертвовать внесенным ими огромным залогом ради того, чтобы оставить у себя подлинники. Афинянам же вернулись копии со слабым утешением, что их выполнили на лучшем из имеющихся видов папируса.

Азартными библиофилами были и пергамские цари Атталиды, которым принадлежало около 200 тыс. книг, но которые с еще большим коллекционерским пылом собирали статуи и картины. Они готовы были платить за знаменитые произведения баснословные суммы. Когда после завоевания греческого города Коринфа в 146 г. до н.э. римляне устроили распродажу награбленных художественных ценностей, Аттал II предложил за картину Аристида «Дионис» 600 тыс. денариев. Невежественному завоевателю Греции Луцию Муммию эта сумма показалась столь неправдоподобно огромной, что он, подозревая в картине какие-то скрытые и неизвестные ему достоинства, на всякий случай снял ее с торгов и посвятил в храм Цереры (Геры), несмотря на отчаянные уговоры Аттала¹.

Специального здания для своего богатейшего собрания Атталиды по всей вероятности не возводили. Приобретавшиеся ими скульптурные и живописные произведения украшали дворцовые покои, размещались в общественных местах, храмах, святилищах и сакральных территориях, для которых изначально и создавались. Часть скульптурной коллекции монархов находилась в зале библиотеки, раскопки которого обнаружили множество постаментов для статуй поэтов, историков, философов — Гомера, Сапфо, Алкея, Геродота. Неподалеку от библиотеки была найдена и колоссальная статуя богини Афины, реплика Афины Парфенос Фидия².

Разрозненные сообщения древних авторов о нахождении в Пергаме тех

Юренева Тамара Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии.

или иных произведений искусства, дают возможность реконструировать характер собрания Атталидов. Наряду с произведениями Кефисодота, Праксителя, Мирона и других мастеров классической эпохи, пергамские цари интересовались работами периода архаики, когда греческое искусство делало первые шаги. Сохранились свидетельства о том, что во дворце Аттала стояла архаическая статуя, похожая на знаменитые коры из Афинского Акрополя, а также статуи Харит, созданные в VI в. до н.э. ваятелем Бупалом. В Пергаме находилась и медная статуя Аполлона работы Оната из Эгины (первая треть V в. до н.э.), названная Павсанием «одним из величайших чудес, как по величине, так и по искусству». Здесь же хранилась картина «Аякс, пораженный молнией», написанная афинским живописцем Аполлодором (последняя треть V в. до н.э.). В античной традиции он предстает как основоположник живописи в собственном смысле слова, поскольку ему приписывается введение светотени, тогда как вся живопись предшествующего периода являлась, предположительно, плоскостным рисунком красками³.

Пребывание в одном собрании весьма разных по стилю и характеру произведений дает основание полагать, что в своей коллекционерской деятельности Атталиды руководствовались не только личными вкусами, но и стремлением представить греческое искусство во всем его многообразии. Если же оригинал был недоступен, они считали необходимым приобрести произведение хотя бы в копии. Это подтверждает и надпись, найденная французскими археологами при раскопках в Дельфах, повествующая о том, что царь Аттал в 141 — 140 гг. до н.э. прислал трех живописцев для изготовления копии грандиозных картин Лесхи Книдьян, написанных Полигнотом на гомеровские темы⁴. Свои коллекции Птолеми и Атталиды составляли в обстановке ожесточенного соперничества за культурное лидерство в эллинистическом мире. Сама практика формирования Птолемеями книжного собрания, по мнению исследователей, больше походила не на коллекционерскую деятельность, а на проявление политических амбиций и стремление обрести монополию на греческую культуру⁵. Причина этого крылась в том, что внезапное появление эллинистических монархий на исторической арене побуждало новоявленных царей создавать видимость легитимности и преемственности полученной ими власти.

В Александрии эту задачу отчасти призваны были выполнять два института, занимавшиеся помимо прочего изучением и сохранением эллинской культуры — музейон и библиотека. Они стали не только связующим звеном между греческими поселенцами и их исторической родиной, но и важными символами всего греческого, следовательно, и преемственности власти правящей династии. Ведь Александрийский музейон создавался по образу и подобию школы Аристотеля, учителя и наставника Александра Македонского, опыт Аристотеля был востребован и при создании Александрийской библиотеки. Связь с греческим прошлым устанавливали и Атталиды, скопировавшие у Птолемеев основание библиотеки и музейона, которые, однако, существенно уступали по своей значимости и общественному резонансу александрийским учреждениям. Но зато пергамским правителям удалось стать лидерами эллинистического мира в области коллекционирования греческого искусства всех этапов его развития. Если понимать под частным коллекционированием занятие, имеющее сугубо индивидуальную мотивацию, то говорить о нем применительно к эллинистическим монархам вряд ли правомерно, поскольку их коллекционерская деятельность являлась составной частью определенной государственной политики. Время частных коллекционеров еще не наступило, хотя предпосылки к формированию института частного коллекционирования уже давно созрели в соседнем Риме.

Вместе с расцветом эллинистических государств росли и крепили имперские амбиции их воинственного соседа. В III в. до н.э. Рим завоевывает богатые древнегреческие города-государства Южной Италии и Сицилии. Во II в. до н.э. в его власти оказалась Македония, Балканская Греция, Пергамское царство. В 30 г. до н.э. под ударами римских легионеров последним из эллинистических государств пал Египет. Но «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила...». Эти знаменитые строки римского поэта Горация

метко и образно передали суть тех кардинальных перемен, которые произошли в системе ценностей Древнего Рима под влиянием греческой цивилизации. Высокомерные и самонадеянные в борьбе за мировое господство, римляне стали прилежными учениками Эллады во всем, что касалось литературы, искусства, науки, философии, образования. Именно благодаря знакомству с греческой культурой и усвоению ее достижений они приобрели интерес и вкус к произведениям искусства. Но произошло это не сразу. Образ архаичного Рима, еще не понимавшего художественной значимости творений великих греков, воссоздал поэт Ювенал: «...Медное в те времена изголовье скромной кровати / Лишь головою осла в веночке украшено было, Возле которой, резвясь, играли питомцы деревни. / Пища была такова ж, каковы и жилища и утварь; / И неотесанный воин, не знавший еще восхищения / Перед искусствами греков, когда при дележке добычи / Взятая горда в ней находил совершенной работы / Кубки, — ломал их, чтобы бляхами конь у него красовался»⁶.

Лишь постепенно к римлянам пришло осознание того, что картины, статуи, вазы, кубки и другие произведения искусства имеют не только сакральную или утилитарную значимость, но и художественную ценность. Их знакомство с неведомым прежде миром утонченной цивилизации состоялось в начале III века до н.э., когда римские легионеры завоевывали Кампанию и греческие колонии Южной Италии. В 272 г. до н.э. в триумфальной процессии по случаю взятия и разграбления богатейшего греческого города Тарента изумленным взорам толпы, встречающей своих победителей, предстали не сломанное оружие поверженного врага и отнятые у него стада, как это бывало прежде, а картины, знамена, золото, предметы роскоши. По мнению римского историка Тита Ливия, начало восторженному удивлению его соотечественников работами греческих мастеров положило завоевание и разграбление в 212 г. до н.э. богатого художественными сокровищами города Сиракузы. «Он отвез в Рим украшавшие город статуи и картины, которыми изобиловали Сиракузы, — пишет Ливий о военачальнике Марке Клавдии Марцелле. — Они были добычей, захваченной у врага, были взяты по праву войны. Однако отсюда пошло и восхищение работами греческих искусников, и распространяющаяся распушенность, с какой стали грабить святылища, как и прочие здания»⁷. Об этом же пишет и Плутарх: «Когда римляне отозвали Марцелла из Сицилии, он вывез из Сиракуз большую часть самых прекрасных украшений этого города, желая показать их во время триумфального шествия и сделать частью убранства Рима. Но в то же время Марцелла «обвиняли в том, что... народ, привыкший лишь воевать да возделывать поля, не знакомый ни с роскошью, ни с праздностью,... он превратил в бездельников и болтунов, только рассуждающих о художествах и художниках и убивающих на это большую часть дня»⁸.

На протяжении II — I вв. до н.э. произведения греческого искусства непрерывным потоком прибывали в Рим, служа доказательством громких побед римских легионеров. Сначала их торжественно проносили в триумфальных шествиях, затем помещали в храмы, украшали ими форумы, портики и другие общественные сооружения. Со второй половины II в. до н.э. начали сооружаться и специальные памятные монументы, изначально проектировавшиеся для размещения в них трофейных художественных ценностей, главным образом, светского характера. Первой такой постройкой считается портик Метелла, сооруженный Квинтом Цецилием Метеллом для размещения некоторых произведений искусства, демонстрировавшихся в его триумфальной процессии по случаю покорения в 148 г. до н.э. Македонии⁹. В портике экспонировались созданные скульптором Лисиппом 26 бронзовых конных статуй — Александра Македонского и его дружинников, так называемых гетайров, павших в сражении с персидским царем Дарием III у реки Граник в 334 г. до н.э.

Немалая часть художественных ценностей из покоренных римлянами городов оседала во дворцах и виллах полководцев и государственных деятелей, знаменуя тем самым начавшийся процесс формирования института частного коллекционирования. Его становление происходило в условиях неодобрения и противодействия со стороны традиционной общественной мора-

ли. Уже при первом соприкосновении с греческой культурой и попытках позаимствовать ее достижения в римском обществе появились как поклонники всего греческого — филэллы, так и ярые противники, видевшие в чужеземном влиянии угрозу старым добрым нравам, военному могуществу и государственности.

В староримском укладе жизни искусство было лишь средством прославления государства. Не случайно римская живопись III — I вв. до н.э. носила достаточно специфический характер. В ней преобладали картины повествовательного и аллегорического содержания, изображавшие победные баталии и наглядно объяснявшие римлянам историю походов, важнейшие эпизоды и итоги военных кампаний. Ими оформляли триумфы полководцев, их экспонировали на Форуме, поскольку они поднимали патриотический настрой граждан и звали к новым победам¹⁰. Картины и статуи, отнятые у поверженного врага, выставлялись на всеобщее обозрение не ради демонстрации их художественных достоинств, а для наглядного доказательства римского военного превосходства. Любование ими и привязанность к ним считались допустимыми только для греков, поскольку подобное поведение рассматривалось как выражение эллинами почтения к своим богам и предкам, создавшим эти произведения.

Что же касается римских граждан, то их стремление приобрести произведения греческих мастеров в личную собственность осуждалось традиционной общественной моралью, поскольку «любовь к произведениям искусства как художественным ценностям и жажда обладания ими как сокровищами равно противоположны староримской системе ценностей»¹¹. Но выйти из борьбы победительницей эта охранительная-консервативная традиция все же не смогла, и уже применительно к I в. до н.э. о частном коллекционировании в Риме можно говорить как о вполне сложившемся явлении¹².

Владельцем огромного собрания картин, статуй, предметов декоративно-прикладного искусства стал, например, завоеватель Афин Корнелий Сулла, который «не оставил в покое и святилища Эллады, посылая то в Эпидавр, то в Олимпию за прекраснейшими и ценнейшими из приношений. Даже дельфийским амфитрионам он написал, что сокровища бога лучше было бы перевезти к нему, у него-де они будут целее, а если он и воспользуется ими, то возместит взятое в прежних размерах»¹³. Его пасынок Марк Сквавр в 59 г. до н.э. скупил в греческом городе Сикионе (Пелопоннес), знаменитом своей живописной школой, «все картины из общественных мест», на продажу которых жители вынуждены были пойти ради погашения государственного долга.

Обманом, хитростью, шантажом, вымогательством, угрозами, воровством и насилием составил одно из богатейших художественных собраний своего времени наместник Сицилии Гай Веррес. Из фактов, изложенных Цицероном в 70 г. до н.э. в его знаменитой обвинительной речи, становится ясно, что еще в бытность квестором и легатом, Веррес безнаказанно грабил восточные провинции, увозя статуи, картины, художественную утварь. Получив же безраздельную власть над богатейшим регионом, он, по словам Цицерона, «ничего не оставил ни в одном частном доме, не исключая также и домов своих гостеприимцев; ни в одном общественном месте, не пощадив даже и храмов; ничего не оставил ни у одного сицилийца, ни у одного римского гражданина — словом, ничего из того, что ему бросилось в глаза и пришлось по вкусу...»¹⁴. В доме Гая Гея, одного из самых почтенных граждан Мессины, он ограбил божницу со статуями работы Мирона, Праксителя и Поликлета, формально возместив утрату выдающихся творений смехотворно низкой суммой в 6500 сестерциев. У сирийского царевича Антиоха, бывшего проездом в Сиракузах, Веррес хитростью выманил дорогие вазы и осыпанный драгоценными камнями уникальный канделябр, предназначавшийся для посвящения в храм Юпитера Капитолийского. Желая забрать понравившуюся ему статую Меркурия в городе Тиндариде и получив отказ жителей, он приказал привязать обнаженным к высокой конной статуе под холодным зимним проливным дождем одного из руководителей городской общины, и отпустил несчастного лишь после получения гарантий того, что статую ему отдадут. Дерзость сицилийского наместника дошла до того, что он не останавливался даже перед кражами из святилищ и храмов, а на званых обедах снимал по-

наравившиеся ему накладные рельефные украшения с кадьильниц, блюд, чаш и кубков. В городах Катина и Галунгий Веррес приказал собрать у жителей всю чеканную серебряную утварь, и снятыми фрагментами искусные мастера украсили созданные в специальной мастерской золотые вазы.

Однако патологическая тяга к обладанию произведениями искусства, которую, по словам Цицерона, сам Веррес называл «своей страстью, его друга — болезнью и безумием, сицилийцы — разбоем», в конечном счете, стоила ему жизни. Добровольно удалившись в изгнание после выступления в суде Цицерона, он благополучно захватил с собой значительную часть награбленного, но в 43 г. до н.э., отказавшись уступить триумвиру Марку Антонию коринфские бронзы из своего собрания, попал в проскрипционные списки и был убит. Среди облеченных властью коллекционеров подобная практика пополнения собрания была не такой уж редкостью. За счет имущества проскрибированных значительно нажился сам изобретатель проскрипций — Корнелий Сулла, и даже императора Августа обвиняли в умышленном проскрибировании некоторых граждан. По свидетельству Светония, «во время проскрипций под его статуей появилась надпись: «Отец мой ростовщик, а сам я вазовщик», ибо уверяли, что он занес некоторых людей в списки жертв, чтобы получить их коринфские вазы...»¹⁵.

Несомненно, богатая художественная коллекция создавала человеку репутацию ценителя и знатока искусства, служа свидетельством его высокого социально-имущественного и культурного статуса. Но далеко не все частные коллекционеры руководствовались лишь соображениями престижности, в их числе было немало истинных любителей искусства, воспитанных на духовных ценностях греческой культуры. Наиболее известны среди них имена Цицерона и его ближайшего друга Аттика, государственного деятеля, полководца и поэта Азиния Поллиона, сенатора и писателя Плиния Младшего.

Одновременно с развитием частного коллекционирования формировался художественный рынок, складывался институт посредников и экспертов. В I в. до н.э. торговля произведениями искусства процветала. Аукционы и предваряющие их выставки произведений искусства стали обычным явлением. Нередко с публичных торгов уходили целые собрания. Такая участь постигла, например, прославленные коллекции Помпея Великого после разгрома его войск Цезарем. Продажа произведений искусства велась и в лавках, расположенных в центре римского Форума вдоль «священной дороги», а в I в. н.э. покупатели, продавцы и посредники облюбовали для заключения сделок торговые ряды в «Юлиевых Септах» на Марсовом поле.

Поднявшийся в Риме ажиотаж вокруг произведений искусства имел, по крайней мере, два далеко идущих последствия. Во-первых, получило развитие массовое производство копий с прославленных оригиналов. И если бы не тысячи этих воспроизведений, вряд ли наша эпоха смогла бы написать историю античного искусства, которое в дальнейшем разрушалось временем и сознательно уничтожалось людьми по религиозным мотивам и из чисто практических соображений: бронзовые статуи переплавляли на монеты, а мраморные обтесывали или пережигали на известь, чтобы получить строительный материал. Во-вторых, стали фабриковаться подделки, для распознавания которых, а также ради определения истинной ценности произведения римские покупатели нуждались в услугах экспертов и консультантов.

На первых порах в этой роли выступали греческие художники и ремесленники, которых привозили в Рим уже во II в. до н.э., а в следующем столетии греческая иммиграция приобрела массовый характер. В своей обвинительной речи «О произведениях искусства» Цицерон обрисовал облик и характер деятельности двух таких экспертов-консультантов, состоявших на службе у Гая Верреса, — братьев Тлеполема и Гиерона, выходцев из малоазийского города Кибиры, где они занимались живописью и лепкой из воска. «Он много пользовался их помощью и советами при грабежах и хищениях, пока был легатом, — сообщает Цицерон. Хорошо узнав и проверив их на деле, Веррес взял их с собой в Сицилию. Они, когда туда приехали, всем на удивление, словно охотничьи собаки, все вынюхивали и выслеживали, находя тем или иным способом что бы и где бы то ни было. Стоило вещи понравиться им, пиши — пропало. Те, от кого Веррес требовал сереб-

ряную утварь, желали одного — чтобы она не понравилась Гиерону и Глеполему»¹⁶.

В роли первых экспертов часто выступали копиисты, в процессе своей работы приобретающие основательные познания в области стиля и техники того или иного мастера. Эксперты же знатного происхождения становятся явлением в римском мире значительно позже, однако отдельные представители этой когорты встречаются уже в I в. до н.э. Диапазон интересов римских коллекционеров был необычайно широк. Почетное место в собраниях нередко занимали природные редкости и древности. Помпей Великий привез с Востока образцы черного эбенового дерева, а император Веспасиан — бальзамовый куст. Марк Скавр доставил из Иудеи скелет неизвестного морского животного, который молва считала останками того самого чудовища, на съедение которому предназначалась Андромеда. Особенно увлекался древностями император Август (27—14 г.). Свои виллы «он украшал не статуями и картинами, а террасами и рощами, и собирал там древние и редкие вещи: например, на Капри — доспехи героев и огромные кости исполинских зверей и чудовищ, которые считают останками гигантов»¹⁷. Но основная масса коллекционеров интересовалась, прежде всего, произведениями искусства, собирая статуи и картины греческих мастеров, вазы, кубки и другие изделия из золота, серебра, драгоценных камней, слоновой кости или черепахового панциря, предметы обстановки из бронзы, кипариса, кедра, клена, восточные ковры из золоченых нитей. Ажиотажным спросом пользовались изделия из коринфской меди, или коринфской бронзы¹⁸, обладание которыми, как уже говорилось, порой стоило жизни некоторым коллекционерам. «Статуями¹⁹, которые называют коринфскими, многие увлекаются до такой степени, что возят их повсюду с собой, как, например, оратор Гортензий возил с собой Сфинкса, полученного им от обвинявшегося Верреса», — пишет Плиний Старший... Повсюду возил с собой и принцепс Нерон Амазонку, ... и немного тому назад консуляр Гай Цестий — статую, с которой не расставался даже в сражении»²⁰.

Острая борьба разгоралась и за обладание геммами²¹. Первым обзавелся собранием гемм, или дактилиотекой, Марк Скавр, затем Помпей Великий захватил у понтийского царя Митридата и позже посвятил в храм Юпитера Капитолийского знаменитую коллекцию резных камней, насчитывавшую свыше 2 тыс. предметов; шесть дактилиотек собрал и впоследствии посвятил в храм Венеры Прародительницы Юлий Цезарь. Предмет особой гордости владельцев составляли чаши, кубки и другие изделия из полупрозрачного минерала «мурры» или «муррины»²², стоявшие порой целое состояние. Высоко ценились предметы из горного хрусталя, а стоимость янтарной статуэтки превышала стоимость раба.

В I веке до н.э в число обязательных апартаментов частного дома (виллы) стала входить пинакотека, или картинная галерея. Наряду с портретами предков в нее нередко помещали скульптурные и живописные изображения правителей, государственных деятелей, знаменитых современников, прославленных поэтов, писателей, философов минувших эпох. При выборе персоналий очень важную роль играли личный вкус и гражданские идеалы владельца галереи.

Постепенно складывались определенные приемы и способы экспонирования произведений изобразительного искусства. В своем знаменитом трактате «Об архитектуре» Витрувий (сер. I в. до н.э.) писал, что картинные галереи, как и мастерские живописцев, должны быть обращены на север, чтобы «благодаря постоянству освещения краски не меняли своих оттенков». Существовало представление и о том, что некоторые картины можно смотреть с близкого расстояния, другие же требуют соблюдения определенной дистанции. Поэтому, по мнению Витрувия, «картинные галереи, как и экседры, должно устанавливать значительных размеров»²³. Известно также, что для экспонирования одной-единственной картины — «Аргонавтов» Кидия — оратор Гортензий выстроил в своей тускуланской вилле специальный павильон. Что же касается непосредственных способов экспонирования живописных произведений, то полагают, что, например, весьма ценившиеся в Риме старые греческие станковые картины обычно вставляли в золоченые рамы и устанавливали на переносные подставки.

Украшая интерьеры городских домов и загородных поместий, размещая в парках, гимназиях и нимфеюнах, произведения живописи и скульптуры нередко несли и определенную смысловую нагрузку, что было особенно характерно для вилл коллекционеров филэллинской ориентации. Эти резиденции с парком и садом специально предназначались для проведения досуга и созерцательной жизни и обычно располагались недалеко от города, чтобы их владельцы могли отдыхать, не отрываясь от важных государственных дел. Здесь можно было не только безмятежно любоваться оранжереей или птичником, наслаждаться шедеврами живописи и скульптуры, но и предаваться сельскохозяйственным заботам, если они доставляли удовольствие. Однако главное, ради чего сюда чаще всего приезжали — это литературные и ученые занятия, уединение друзей и единомышленников. Обстоятельно продуманная архитектура виллы и ее отдельных апартаментов, живописный декор и скульптурное убранство создавали атмосферу, располагающую к творческому досугу. Например, Цицерон в своих парках с помощью особой их планировки, архитектурных построек и коллекционной скульптуры воссоздавал собирательный образ греческого «философского сада»²⁴.

Разумеется, далеко не на всех римских виллах досуг носил интеллектуальный и умозрительный характер, неприкрытая чувственность и чрезмерная пышность были характерной чертой резиденций многих военачальников и государственных деятелей — Лукулла, Красса, Помпея. Вызывающая роскошь отличала грандиозный дворцовый комплекс императора Нерона, переехав в который он заявил, что «теперь, наконец, он будет жить по-человечески»²⁵.

Сооруженная в 60-е годы в самом центре Рима, эта резиденция раскинулась на площади в 100 га и кроме дворцовых корпусов включала храм Фортуны, термы, нимфею, виноградники, сады, роши, зоопарки. В центре ее находилось искусственное озеро с морской водой, окруженное строениями в виде морского порта. Здание виллы, построенное из бетона и кирпича, украшали мраморные облицовки, лепнина, мозаики, росписи, полудрагоценные и поделочные камни, слоновая кость. Дворец обильно покрывала позолота, отчего, как полагают, он и получил свое название — Золотой. Потолки в пиршественных залах были выложены пластинами из слоновой кости, которые, вращаясь, рассеивали сверху цветы и благовония. В залах имелись специальные ниши для статуй, но значительная часть огромной скульптурной коллекции императора размещалась в парках. Под влиянием своего воспитателя философа Сенеки Нерон, по-видимому, приобрел неподдельный интерес к искусству, но его любовь ко всему эллинскому, поражая римлян, в самой Элладе могла вызвать лишь глубокую ненависть к всемогущему правителю. Павсаний неоднократно отмечает, что та или иная статуя была похищена и вывезена Нероном из Греции в Рим. Особенно святилищу в Дельфах суждено было «испытать на себе бессердечие ни перед чем не останавливающегося Нерона, который отнял у Аполлона пятьсот медных изображений, без разбора, и богов, и людей»²⁶.

С приходом к власти династии Флавиев в 69 г. началось разрушение Золотого Дворца как символа ненавистного народу правителя. На его месте были построены огромный «дворец августов», амфитеатр Колизей, храм Мира, термы Тита и Траяна. Однако некоторые сооружения Нерона сохранились до эпохи Возрождения.

Грандиозность и оригинальность замысла отличала и знаменитую виллу императора Адриана (117—138 гг.), построенную на площади в 120 га в окрестностях Рима, в Тибуре (ныне Тиволи). Здесь, вдали от городского шума и суеты, были разбиты сады, воздвигнуты здания для приемов и пиров, созданы библиотека и Морской театр. Своеобразие и неповторимость придавали вилле воспроизведения знаменитых архитектурных построек и отдельных памятников, поразивших воображение Адриана во время его многочисленных путешествий по огромным просторам Римской империи. Здесь можно было увидеть Академию Платона и Ликей Аристотеля, Пританей, святилище Сераписа близ Александрии, Стоа Пойкиле, фессалийскую Темпейскую долину, статуи кариатид Эрехтейона, амазонок Фидия и Поликлета и даже «подземное царство». Это был словно микрокосм Эллады. Тонкий ценитель греческой культуры, Адриан украсил многочисленные постройки своей вил-

лы множеством статуй — оригиналами и копиями прославленных шедевров греческих мастеров.

Уже к концу I века до н.э. в частных владениях сосредоточилась немалая часть художественных богатств античного мира, и проблема доступа к ним, вероятно, являлась предметом обсуждения в римском обществе. Во всяком случае, она волновала зятя, друга и сподвижника императора Августа Марка Агриппу (63—12 гг.). По свидетельству Плиния Старшего, «сохранилась его великолепная и достойная величайшего гражданина речь о том, что все картины и статуи должны стать общественным достоянием, и это было бы лучше, чем удалять их в изгнание по виллам»²⁷.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовался Агриппа, однако его призыв не нашел понимания и поддержки среди коллекционеров. Но и без обобществления частных коллекций в Риме было немало художественных собраний, доступных для осмотра любому желающему. Чтобы окунуться в мир прекрасных творений Цицерон предлагал «пройтись до храма Счастья, к памятнику Катула, в портик Метелла»²⁸. Поэт Овидий советовал посетить римские портики: «В портик Помпея ступай и броди там в тени потихоньку, / Только лишь солнце взойдет в знак Геркулесова Льва. / Или туда, где к сыновним дарам пристроен роскошный / И чужеземным блестит мрамором матери дар. / Не обходи ты и тот, что отделан картинами древних / Портик, которому дал Ливии имя творец. / Там обрекают на смерть двоюродных братьев Беллиды, / И с обнаженным мечом дикий отец их стоит»²⁹.

Портик стал в Риме одним из самых излюбленных архитектурных сооружений, использовавшихся для размещения произведений искусства. Он мог представлять собой как отдельно стоящую крытую галерею, так и выступающий перед фасадом крытый вход с колоннами. Особенно много восторженных откликов снискал в свое время Портик Помпея. Построенный в 55 г. до н.э. Гнеем Помпеем в юго-западной части Марсова поля, он вплотную примыкал к знаменитому театру Помпея и часто служил убежищем для зрителей во время дождя. В портике размещалась также Курия Помпея, где иногда заседал сенат и где в 44 г. до н.э. был убит Юлий Цезарь. В связи с этими трагическими событиями император Август, убрав статую Помпея, возле которой произошло убийство, замуровал Курию как проклятое место. Но Портик Помпея всегда оставался одним из любимых римлянами мест для прогулок и, по сути, был картинной галереей. Здесь экспонировались произведения многих выдающихся древнегреческих художников классической эпохи — знаменитая картина «Кадм и Европа» Антифила, «Принесение в жертву быков» Павсия, «Александр» Никия из Афин³⁰.

В 27—23 гг. до н.э. император Август с пышностью отреставрировал Портик Метелла, который с тех пор стал называться в честь его сестры Портиком Октавии или Постройками Октавии. В этом строении разместились библиотека, Курия, где собирались для бесед философы и ученые, а также Школа (Schola), или экседра³¹. Здесь экспонировалось и одно из выдающихся художественных собраний Рима. Особой славой пользовались исключительной красоты Венера Фидия, Купидон (Эрот) Праксителя, полюбоваться которым прежде отправлялись в Феспий, картины Антифила, стоявшего, по оценкам древних ценителей искусства, в одном ряду с Протогеном и Апеллесом³². В 38 г. до н.э. Гай Асиний Поллион отреставрировал Атрий Свободы, устроив в нем или при нем (точно не установлено) первую в Риме портретную галерею великих мужей — общедоступное собрание произведений скульптуры, называемое Плинием «Памятниками Асиния Поллиона». Он же открыл и первую публичную библиотеку с портретными изображениями писателей.

Бытовые детали и натуралистические зарисовки в античной художественной литературе дают основание предполагать, что в римскую эпоху существовали и публичные пинакотеки. Герой романа Петрония Арбитра (I в. н.э.) «Сатирикон», странствующий по югу Италии, после бурно проведенной ночи пытается следующим образом развеять плохое настроение: «...Чтобы несколько облегчить свое горе и забыть нанесенную мне обиду, вышел из дому и забрел в пинакотеку, славную многими замечательными картинами всевозможных направлений. При виде этих любовных картин я, забыв, что я не один в галерее, закричал: Значит и боги подвластны страсти?»³³.

Эти косвенные свидетельства об общественных пинакотеках подкрепляются и упоминаниями в документах о существовании в имперском Риме должности «попечителя пинакотек» — *procurator a pinacothecis* ³⁴.

Возможность увидеть прославленные произведения искусства, исторические реликвии и редкости предоставляли и римские храмы. Замечательным художественным собранием обладал храм Счастья, которому завоеватель Греции Луций Муммий посвятил значительную часть своей коринфской добычи, в том числе медные статуи муз работы Праксителя — «Феспиады», или «Теспиады» ³⁵.

В I в. н.э. одно из выдающихся собраний Рима размещалось в храме Согласия, построенном у подножия Капитолия в северо-западной части Римского форума еще в IV веке до н.э. и с пышностью отреставрированном при императоре Августе в 7—10 гг. н.э. Его коллекции живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства включали немало шедевров. Здесь можно было полюбоваться картинами «Отец-Либер» («Дионис») известного афинского живописца Никия и «Привязанный Марсий» знаменитого Зевксида, славившегося особой тонкостью письма и идеальной красотой женских образов. В храмовом собрании находилось много статуй богов, выполненных известными греческими скульпторами IV—III вв. до н.э. — Эвфранором, Бриаксидом, Стеннидом, Пистоном, Никератом. Восторг неискушенных в тонкостях искусства посетителей неизменно вызывали четыре слона из обсидиана, которые «сам Август посвятил как чудо», пораженный, вероятно, размерами монолитов ³⁶.

В последней трети I века н.э. обладателем одного из самых богатейших художественных собраний Рима становится храм Мира, или Форум Мира, Форум Веспасиана, как его стали называть впоследствии. Это сооружение с храмом и библиотекой, окруженное портиком с колоннами из красного гранита и стеной, император Веспасиан построил в 70-е годы н.э. в честь победы над Иерусалимом. В нем хранились привезенные с Востока Веспасианом и его сыном Титом выдающиеся произведения греческого искусства, восточные редкости и священные реликвии из Иерусалимского храма. Здесь же оказались и произведения искусства из разрушенного Золотого Дворца Нерона. «Из всех тех произведений, о которых я сообщил, — пишет Плиний, — все самые знаменитые находятся теперь в Городе, посвященные принципсом Веспасианом в храме Мира и других его постройках, до этого свезенные по произволу Нерона в Город и расставленные в залах Золотого Дворца».

Одной из жемчужин живописной коллекции храма Мира считалась картина Протогена «Иалис». Античные авторы часто говорят о ней как об одном из самых выдающихся произведений. По словам Плиния Старшего, «из-за этого Иалиса, чтобы не сгорела картина, царь Деметрий не стал поджигать Родос с той стороны, где она находилась, хотя только оттуда он и мог захватить город, и, шадя картину, упустил возможность победы» ³⁷. Богатые художественные собрания отличали форумы Августа и Траяна, немало великолепных произведений искусства собралось в Юлиевых Септах и Портике Филиппа, ценными коллекциями декоративно-прикладных изделий, особенно гемм, славились храмы Венеры Прародительницы и Юпитера Капитолийского.

Если первоначально посвячительные дары достаточно хаотично размещались в храмах и светских постройках, то со временем стали апробироваться способы наиболее эффектного расположения предметов. Именно соображения выигрышного и удобного показа произведений живописи и скульптуры лежали, как полагают, в основе организации экспозиции в Школе, или экседре Построек Октавии. В отличие от узкого и часто переполненного людьми портика, экседра давала возможность соблюдать определенную дистанцию при осмотре произведений, а в случае необходимости создать для картин и статуй защитные ограждения. Что же касается непосредственных принципов экспонирования, то полагают, что в римскую эпоху существовала традиция располагать предметы симметрично, чтобы один визуально уравновешивал другой.

Определенную эволюцию претерпела и практика размещения предметов в храмах, в интерьерах которых стали появляться произведения не только культового, но и светского характера. Они помещались в пронаосе, где для

установки статуй по обе стороны от входа часто имелись специальные ниши, однако особо ценные предметы находились в целле³⁸. Роль гидов по храмовым собраниям выполняли специальные служители или смотрители — *aeditui*, которые работали по найму, но иногда могли быть и из числа рабов. Они владели необходимым минимумом информации о собрании, ведь в Риме, как и в Греции, составлялись подробные описи всех поступлений в общественные постройки и культовые сооружения. Посетители, как правило, проводились устоявшимся маршрутом, а сообщаемая информация о предмете касалась, прежде всего, связанных с ним легенд, авторства и прежних владельцев. Чем больше прославленных имен было в «послужном списке» вещи, тем большей ценностью в глазах зрителей она обладала. Это обстоятельство, по-видимому, способствовало развитию творческой фантазии гидов. В храме Согласия, например, демонстрируя сардоникс, вправленный в качестве дара императрицей Августой (Ливией) в золотой рог, они говорили, что это гемма из знаменитого перстня Поликрата³⁹. Но Плиний Старший, судя по интонации его рассказа, относился к этим сведениям весьма недоверчиво⁴⁰.

Сообщаемая информация не всегда была достоверной и в силу объективных причин. Статуи часто отправляли в Рим без баз, на которые впоследствии устанавливались новые произведения. Многие произведения искусства были трофейными, и их временные владельцы не всегда знали имена создателя и изображенных персоналий. Полководец Муммий, посвящая в храм статую македонского царя Филиппа, написал на ней «Зевс», а скульптурная группа двух юношей из Аркадии его стараниями приобрела надпись «Нестор и Приам», которые, как известно, выведены в «Илиаде» Гомера почтенными старцами, правителями Пилоса и Трои.

Показ коллекций не являлся основным видом деятельности храмовых служителей. Их главная обязанность заключалась в охране храма, содержании его в чистоте и порядке, защите вещей от порчи и разрушения. Согласно существующим правилам, все полученное ими на хранение имущество они под отчет передавали своим преемникам и несли ответственность за пропажу предметов⁴¹. В отдельных случаях наказание не ограничивалось штрафом или выплатой компенсации, а могло носить исключительный характер. Например, находясь в храме Юпитера Капитолийского в целле Юноны медная статуя собаки, зализывающей рану, столь высоко ценилась за свои художественные достоинства, что «никакая сумма не представлялась равноценной, государственным решением было установлено, что хранители отвечают за нее головой», хотя не известно, отвечали ли виновные «головой» в буквальном смысле, или же речь шла о полном или частичном поражении в гражданских правах.

Несмотря на то, что храмы запирались на крепкие замки, существовали ночные сторожа, а иногда использовались и собаки-охранники, кражи все равно происходили. Гаю Верресу удалось похитить из храма Эскулапа в Агригенте статую Аполлона работы Мирона, а из святилища Цереры в Катине — культовую статую богини. Ради статуи Геркулеса, люди Верреса ночью совершили вооруженный налет на храм, который не удался, поскольку на помощь ночной страже подоспели жители Агригента. Налетчикам пришлось довольствоваться лишь двумя маленькими статуэтками, прихваченными ими во время набега. В воровстве иногда уличали и храмовых служителей, как это произошло, например, в 52 г. до н.э., когда из храма Юпитера Капитолийского исчезли спрятанные там 2000 фунтов золота. Подозреваемый не стал дожидаться разбирательства и покончил с собой, раскусив гемму перстня, в которой был яд⁴². Порой угрозой для храмовых собраний представляли и первые лица государства. По свидетельству Светония, на репутации императора Вителлия в бытность его попечителем общественных построек лежало пятно, поскольку, «по рассказам, он похищал из храмов приношения и украшения или подменял их, ставя вместо золота и серебра олово и желтую медь».

Опасность исходила и от любителей соскабливать позолоту со статуй, о чем писал в одной из своих сатир Ювенал:

«Вспомни и тех, кто ворует из храмов древних большие / Чаши со ржавчиной чтимой — / богам приношенья народа — / Или венцы, принесенные в храм когда-то царями. / Если же этого нет, святотатец найдется помельче:

/ Он соскоблит позолоченный бок Геркулесу, Нептунов Лик поскребет, золотые пластинки утащит с Кастора; / Разве смутится привыкший Юпитера целого плавить?»⁴³.

Если воровству и вандализму можно было поставить заслон, то борьба с разрушительным воздействием времени, особенно в условиях экспонирования «на открытом воздухе», эффективных результатов не имела. Однако попытки приостановить или замедлить процесс старения предметов, тем не менее, предпринимались. Для предохранения от порчи статуй из слоновой кости часто использовали оливковое масло. Мраморный пол перед созданной Фидием статуей Зевса в Олимпии окаймляла полоса из мрамора, немного приподнятая, чтобы задерживать сливающееся сюда масло. Но если в условиях болотистого воздуха и повышенной влажности для статуи Зевса полезным оказывалось именно масло, то в Афинском акрополе, где воздух был сухим, статуя Афины Парфенос, по мнению Павсания, нуждалась в воде и испарениях от воды. «В Эпидавре же на мой вопрос, почему на статую Асклепия не льют ни воды, ни масла, — пишет он, — служители храма сказали мне, что статуя бога и его трон сооружены над колодезем». Аналогичные методы консервации применялись и в Риме, поэтому, например, культовая статуя бога в храме Сатурна была «наполнена оливковым маслом».

Оливковое масло использовали иногда и для предохранения от ржавчины медных и бронзовых изделий, но считалось, что лучше этот материал сохраняет жидкая смола. Именно поэтому медные щиты побежденных спартанцев, хранившиеся в Стоа Пойкиле, по свидетельству Павсания, были «намазаны смолой, чтобы их не погубило время или сырость»⁴⁴. Сохранились и сообщения о том, что картины иногда покрывали защитным слоем краски. Рассказывая о создании Протогеном «Иалиса», Плиний пишет: «На эту картину он положил краску в четыре слоя для защиты от повреждения и обветшания, так, чтобы каждый нижний слой заменял исчезающий верхний». Но никакие меры консервативного характера не спасли самое прославленное произведение Апеллеса — Афродиту (Венеру) Анадиомену («Выплывающая из моря»): гниению подверглась доска, на которой она была написана. «Не нашлось никого, кто бы смог восстановить испортившуюся нижнюю часть ее», — с горечью констатировал Плиний. Но эти слова дают основание полагать, что реставрационные работы на пинаках все-таки проводились. Об этом косвенно свидетельствует и такой факт. На двух картинах Апеллеса, изображавших Александра Македонского с богиней победы Никой, сыновьями Зевса и олицетворением Войны, «божественный Клавдий счел лучшим срезать... лицо Александра и вписать портрет божественного Августа».

Довольно распространена была и практика замены голов у статуй, что стало даже предметом насмешек в римском обществе. Но иногда такого рода работы преследовали не политические, а чисто реставрационные цели. Например, афинский скульптор Эвандр, работавший в Риме в 60 — 30-е гг. до н.э., смог вполне удачно заменить голову у статуи Дианы (Артемиды) из храма Аполлона на Палатине, автором которой был известный скульптор IV в. до н.э. Тимофей⁴⁵. Об определенных успехах античных реставраторов свидетельствуют и некоторые из дошедших до нас статуй, сохранившие следы весьма искусной ремонтной работы⁴⁶.

В экспозиционных целях разрабатывалась и техника вырезывания штукатурок с росписями. По свидетельству Плиния, во второй половине I в. до н.э. из Спарты «с кирпичных стен была вырезана штукатурная работа из-за великолепной росписи и, заключенная в деревянные рамы, увезена в Рим для украшения Комиция. Хотя это произведение было поразительно само по себе, однако больше поразились тому, что удалось его перевезти»⁴⁷.

Первоначально надзор за храмами и общественными зданиями, следовательно, и находившимися в них коллекциями был прерогативой цензоров и эдилов. В круг их обязанностей входил учет всей культурной утвари и посвященных даров. Кроме того, среди документации хранились списки трофейных ценностей, размещавшихся в триумфальных постройках, хотя забота о самих этих строениях и их содержанием лежала на семье и потомках триум-

фатора. При определенных обстоятельствах цензоры занимались также и распределением по храмам культовой утвари и перемещением тех или иных произведений искусства. Когда послы царя Антиоха привезли в Рим в знак дружбы золотые сосуды, именно цензорам, по свидетельству Тита Ливия, «поручили разместить их в храмах по своему усмотрению». Эдилы осуществляли общий надзор за состоянием общественных построек, следили за поддержанием их в сохранности, нанимали служителей в храмы и контролировали их работу.

В эпоху империи обязанности цензоров и эдилов, касающиеся хранения и охраны произведений искусства, перешли к двум подчиняющимся императору попечителям общественных построек — *curatores*, в ведении одного из которых находились храмы, а второго — постройки светского назначения. В первой трети IV в. эта система управления претерпела реорганизацию. В 331 г. указом императора Константина была упразднена должность попечителя храмов, а его обязанности перешли отчасти к попечителю статуй — *curator statuarum*, который подчинялся префекту города Рима — *praefectus urbi*. Насколько известно, эта система управления художественными ценностями в императорском Риме работала достаточно эффективно, за исключением, конечно, кризисных периодов⁴⁸.

Итак, многое из того, что европейская культура обрела в сфере коллекционирования, уже присутствовало, пусть и в зачаточном состоянии, в античном мире. Здесь впервые стали апробироваться различные способы экспонирования предметов, получившие развитие в последующие эпохи, предпринимались попытки решить проблему хранения и реставрации коллекций, сделать общественным достоянием частные собрания. Составляя неотъемлемую часть сакральной сферы бытия, античные общественные собрания в то же время способствовали развитию эстетического вкуса и расширению кругозора греков и римлян, любителям искусства позволяли погрузиться в мир прекрасного, а художникам давали возможность изучать великие творения, постигая мастерство своих предшественников.

Примечания

1. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. Естествознание. Об искусстве. М. 1994, XXXV, 24.
2. ШМИТ Ф.И. Музейное дело. — Вопросы экспозиции. Л. 1929, с. 11; BAZIN G. Op. cit., p. 14.
3. ПАВСАНИЙ. Описание Эллады. М. 1994, IX, 25, 7.VIII, 42, 7; ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXV, 60.
4. Описание этих картин см.: ПАВСАНИЙ, X, 25—31.
5. ERSKINE A. Culture and Power in Ptolemaic Egypt: the Museum and Library of Alexandria. Greece and Rome. Second ser. 1995. Vol. XLII, № 1, p. 45.
6. ЮВЕНАЛ. Сатиры. СПб. 1994, XI, 90, 100.
7. ЛИВИЙ, ТИТ. История Рима от основания Города, XXV, 40.
8. ПЛУТАРХ. Сравнительные жизнеописания. Марцелл, 21.
9. STRONG D.E. Roman Museums. // Archaeological Theory and Practice. Ed. By Strong D.E. London — New York, 1973, p. 248.
10. ЧУБОВА А.П. ИВАНОВА А.П. Античная живопись. М. 1966, с. 98—99.
11. КНАБЕ Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М. 1993, с. 349—350.
12. БАЛАШ А.Н. Частное коллекционирование памятников греческого искусства в античном Риме. Музей в современной культуре. Сб. научных трудов Санкт-Петербургской Академии культуры. Т. 147, СПб., 1997, с. 75—81.
13. ПЛУТАРХ. Сулла, 12.
14. ЦИЦЕРОН. Речь против Гая Верреса («О предметах искусства») (1, 2), ЦИЦЕРОН. Эстетика. Трактаты. Речи. Письма. М. 1994, с. 88.
15. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, XXXIV, 6; СВЕТОНИЙ. Жизнь двенадцати цезарей. М. 1991, Божественный Август, 70, 2.
16. ЦИЦЕРОН. Речь против Гая Верреса. XIII, 30—31.
17. STRONG D.E. Op. cit., p. 257; СВЕТОНИЙ. Божественный Август, 72, 3.
18. Коринфская медь, или коринфская бронза — красивого цвета сплав меди, золота и серебра, о происхождении которого у древних авторов существуют различные версии. Плиний Старший считал, что он получился от смешения расплавившихся во время пожара Коринфа в

- 146 г. до н.э. золотых, серебряных и медных статуй (XXXIV, 6). Павсаний же полагал, что коринфская медь приобретает свой необычный цвет благодаря воде из источника Пирены в Коринфе, в которую ее погружают в раскаленном состоянии (II, 3,3).
19. Речь, вероятно, идет о статуэтках.
 20. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, XXXIV, 48.
 21. Геммы (лат. «глазок», «почка») — драгоценные, полудрагоценные, а также поделочные камни с изображением, которое может быть как вогнутым, углубленным (интали), так и выпуклым, рельефным (камей). Геммами называли и перстни-печатки с резными камнями.
 22. Плиний описывает муррины как очень редкий материал с Востока, но окончательно идентифицировать его до настоящего времени так и не удалось. Большинство исследователей склонны считать, что речь идет о плавиковом шпате.
 23. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXVII, 11, 20, 49; Витрувий. Десять книг об архитектуре. Т. 1. М. 1936. VI, 3, 8.
 24. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, XXXV, 130; ЧУБОВА А.П. ИВАНОВА А.П. Ук. соч., с. 109; ТУЧКОВ И.И. Классическая традиция и искусство Возрождения. М. 1992, с. 34.
 25. СВЕТОНИЙ. Нерон, 31, 2.
 26. ПАВСАНИЙ. IX, 27, 3. X, 7, 1., также см.: V, 25, 8, 26, 3;
 27. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXV, 26.
 28. ЦИЦЕРОН. Ук. соч. LVII, 126.
 29. ОВИДИЙ. Картины в римских портиках. Античные поэты об искусстве. Изогиз, 1938, с. 72.
 30. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXV, 114, 126, 131, 132.
 31. Экседра — в античных общественных зданиях помещение с сиденьями, которое использовалось для собраний и бесед. Часто представляла собой глубокую полукруглую нишу, иногда — полукруглое полуоткрытое сооружение.
 32. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXVI, 15 — 16, 22, 35, 24. XXXV, 114, 139. XXXVI, 29.
 33. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXVI, 33. XXXV, 9; ПЕТРОНИЙ АРБИТР. Сатирикон. LXXXIII; LXXXVIII.
 34. STRONG D.E. Op. cit, p. 253.
 35. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXIV, 69; XXXVI, 39. ЦИЦЕРОН. Ук. соч., II.
 36. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXV, 131, 66. XXXIV, 73, 77, 80, 89, 90; 144. XXXVI, 196.
 37. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXIV, 84. XXXV, 102—104.
 38. STRONG D.E. Op. cit. p. 258; ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXIV, 38.
 39. Поликрат — самосский тиран, который, согласно легенде, бросил в море свой любимый перстень, чтобы избежать наказания и умиловить Фортуну, однако тот к нему вскоре вернулся в желудке пойманной рыбы.
 40. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, XXXVII, 4, 8.
 41. STRONG D.E. Op. cit. p. 260, 255; ЦИЦЕРОН. Речь против Гая Верреса, LXIII, 140.
 42. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. Кн. XXXIV, 38; ЦИЦЕРОН. Ук. соч. XLIII, 93—94. XLV, 99; ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXIII, 14.
 43. СВЕТОНИЙ. Вителлий, 5; ЮВЕНАЛ, XIII, 140, 150.
 44. ПАВСАНИЙ. V, 11, 10 — 11. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XV, 32; ПАВСАНИЙ, 1, 15, 4.
 45. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXV, 102 с примеч.; 91, 94, 4; XXXVI, 32.
 46. STRONG D.E. Op. cit., p. 262—263.
 47. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ. XXXV, 173.
 48. ЛИВИЙ, XLII, 6; STRONG D.E. Op. cit., p. 250—254.

Предприниматели Прохоровы: традиции и проблемы благотворения

В.Л. Прохоров

С именем предпринимательской династии Прохоровых, состоящей из пяти поколений промышленников России, вышедших из монастырских крестьян Троице-Сергиевой Лавры, связано такое известное название промышленного предприятия страны XIX — начала XX веков, как «Трехгорка» или «Прохоровка». Так называлась до 1918 года Прохоровская Трехгорная мануфактура, которая была основана в 1799 г. Василием Ивановичем Прохоровым, сыном монастырского крестьянина, служителя Троице-Сергиевой Лавры, и его шурином Федором Резановым. Однако не сразу первый Прохоров занялся выпуском тканей. Когда семья перебралась в Москву, он служил приказчиком у пивовара. В 1771 г. основал собственное дело — «пивоваренный торг в Хамовниках». Был он для своего времени человеком грамотным, набожным, умным и рассудительным. За это его многие годы избирали словесным судьей. Жена его, Екатерина Никифоровна, фактически определила отраслевую ориентацию дела знаменитой семьи, предложив мужу по нравственным соображениям отказаться от пивоварения и заняться текстильным производством.

Со смертного одра основатель династии советовал детям держаться в жизни тех правил, которые и ему самому служили основой во всех его поступках: «Любите благочестие и удаляйтесь от худых обществ, никого не оскорбляйте и не исчисляйте чужих пороков; а замечайте свои, живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смиренности; всех и, колыми паче, брат брата любите»¹.

После смерти отца 18-летний Тимофей остался полным хозяином. Он прекрасно знал производство и торговлю, красильное дело. В это же время его избрали словесным судьей в своем округе. Ему-то во многом обязана мануфактура своей славой и своим именем. Став в 19-летнем возрасте основоположником ремесленного обучения в России, он сам написал для него программу, следил за занятиями, вечерами проводил чтения с рабочими фабрики. В 1820 г. он и его брат Константин подали в комитет по образованию проект организации профессионально-технического училища.

После эпидемии холеры в 1830 г. ремесленная школа значительно расширилась. Прохоровы взяли в свой приют, который действовал с 1815 г., сто детей — сирот, оставшихся без родителей. Здесь обеспечивали их будущее, давая им профессиональное образование. Многие из них остались на фабрике, став кадровыми рабочими, служащими. Известный деятель народного образования России С.А. Маслов после посещения «Трехгорки» отмечал: «Мы с благодарностью к г.г. Прохоровым оставили их фабрику, повторяя неоднократно между собою: вот настоящий фабричный приют для беднейших детей. ...Если бы при больших московских фабриках учредились подобные школы для беднейших детей, с приютом, как мы это видели у г. г. Прохоровых..., какое бы это было благодеяние!»².

Прохоров Владимир Львович — доктор исторических наук. Московский государственный социальный университет.

С целью усовершенствования своего предприятия Тимофей Васильевич посетил Францию, Германию, где изучал текстильное дело и слушал лекции по химии. Немецким языком он владел столь успешно, что свободно участвовал в научных дискуссиях. Он же добился создания попечительского комитета над тюрьмами, построил школу и храм. В 1833 г. Т.В. Прохоров исполнил давнюю свою мечту: отделившись от братьев, открыл на свои средства техническое училище.

Просветительская деятельность Тимофея Васильевича с братьями привлекла внимание государя Николая Павловича, который лично удостоил братьев Прохоровых своей благодарности за попечение о нравственности рабочих на фабрике. Он пригласил в Николаевский дворец купцов, принимавших участие в выставке мануфактурных изделий в Москве в 1835 г., благодарил их за усовершенствование в русской промышленности; при этом вызвал братьев Прохоровых и еще раз, «удостоил всемирнейшей благодарности в самых лестных выражениях, поставил их в пример всему обществу говоря, что должно заботиться не о своих только выгодах, но и о благосостоянии и доброй нравственности народа»³.

Среди коллег предпринимателей Тимофея Васильевича отличали пытливым ум и наблюдательность, жажда знаний и основательность в изучении, решении актуальных вопросов, человечность и милосердие. Все лучшее, новое он хотел познать и перенять. Он был намногу просвещеннее своего отца: в кругу его чтения, кроме литературы религиозной, отводилось много места и литературе светской — он читал Посошкова, французских и немецких экономистов, интересовался философскими проблемами. Познания его были обширны и разносторонни. Но при этом Тимофей Васильевич оставался глубоко религиозным человеком, строго хранившим веру и заветы своего отца, предков.

В деле духовно-нравственного просвещения народа он старался использовать все пути, к тому ведущие: призывал духовенство к проповеди Слова Божия с церковной кафедры, устраивал школы для народа, учреждал библиотеки, читальни, народные чтения-собеседования и, наконец, стал первым в России устройтелем фабричного народного театра. Вот как об этой инициативе писал современник: «Как человек просвещенный, Прохоров не мог не понимать великого значения театра, как средства для «улучшения народной нравственности». «Из этого желания укрепить в фабричных нравственное начало и просветить их и исходило, без сомнения, намерение Прохорова устроить фабричные спектакли...».

Начало спектаклей на Прохоровской фабрике, организованных Тимофеем Васильевичем, относится к 1820-м годам. Сцена была приспособлена в одном из фабричных помещений, исполнителями выступали ученики из фабричной школы. Душой этого дела был сам Прохоров. Он, по рассказам очевидцев, сам следил за подготовкой актеров к представлению. Один из участников тогдашних спектаклей вспоминал, как хозяин, когда разыгрывали «Недоросля», указывал ему на ошибки в его игре и все говорил: «логики, логики у тебя нет». Мать Прохорова также принимала сильное участие в устройстве спектаклей и шила костюмы для актеров. Спектакли продолжались и в 1830-х и в 1840-х годах⁴.

Умер Тимофей Васильевич — представитель второго поколения предпринимателей Прохоровых — в 1854 г., оставив после себя отличающиеся глубиной мысли философские трактаты «О богатении» и «О бедности». Их он посвятил наиболее близкому ему по духу брату Константину Васильевичу. Исходя из этики православия и собственного опыта хозяйствования, в рассуждении «О богатении» он обосновал благотворительную деятельность как составную часть дальновидной стратегии предпринимателя в условиях экономического роста. Он подчеркивал: «Человеку нужно стремиться к тому, чтобы иметь лишь необходимое в жизни; раз это достигнуто, то оно может быть и увеличено, но увеличено не с целью наживы, — богатства для богатства, — а ради упрочения нажитого и ради ближнего. Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. В виду этого необходимо посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницей и пр. и пр. Наградою делаемому добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет «в Боге»⁵.

В некрологе о Т.В. Прохорове, напечатанном по случаю его кончины в «Северной Пчеле», говорилось: «В Москве 14 июня нынешнего года скончался известный ситцевый фабрикант и неутомимый соревнователь образования детей промышленного и ремесленного класса, мануфактур — советник и кавалер святой Анны 3-ей степени, Тимофей Васильевич Прохоров на 57 году от рождения. Он был первый учредитель при фабрике с братьями ремесленной школы для бедных детей. ...Сверх того Тимофей Васильевич Прохоров имел обширные познания и в посторонних пред-

метах и всегда горел пламенной любовью к пользам отечества. ... Движимый постоянно благородной ревностью ко благу ближнего, он, несмотря на расстроенное здоровье, до конца своей жизни с честью проходил возложенные на него обязанности по званиям: члена московского отделения мануфактурного Совета, попечительного о тюрьмах комитета и многих ученых обществ. По влечению сердца, он искал повсюду случая подать помощь ближнему и словом и делом, являясь всегда разумным и опытным собеседником в обществе просвещенных мужей, другом-наставником малолетних и утешителем несчастных»⁶.

Представители последующих поколений династии стали пионерами в разработке торфяников и бурого угля под Москвой. Уже в 1840-х годах они целиком перевели мануфактуру на торфяное, а потом и угольное отопление. В 1870-х годах, купленная на юге России угольная шахта, снабжала их «Товарищество» и находившуюся на территории мануфактуры электростанцию антрацитом. Сергей Иванович Прохоров, будучи специалистом-химиком, поднял вопрос об очистке сточных вод, став тем самым одним из первых инициаторов борьбы за экологию.

С 1829 г. Прохоровская фабрика неоднократно принимала участие в промышленных выставках. Ее успехи отмечались и в России, и за границей. Экспертная комиссия Нижегородской выставки, присуждая мануфактуре в пятый раз государственный герб, в своем дипломе так отмечала ее заслуги: «За изящество и оригинальность в рисунках и за отличное исполнение в отношении гравировки, печати и красок в товарах, сработанных по различным узорчатым тканям высокого достоинства и, преимущественно, своего ткачества; за отличное исполнение платков и ручного саксонского товара по бумажному полубархату; за постоянное совершенствование техники производства; за особое попечение об улучшении положения рабочих и за устроение ремесленной школы при фабриках»⁷.

Обнащение фабричного производства новейшим оборудованием, организация научной химико-аналитической и химико-технической лабораторий, к работе которых привлекались профессора Московского государственного университета, способствовали тому, что вступление Трехгорной мануфактуры в новое столетие ознаменовалось новыми большими достижениями, признанными на Всемирной Парижской выставке 1900 года.

За успехи в работе «Товариществу» была присуждена высшая награда — «Гран-при». «За заботу о быте рабочих и по санитарному делу» «Товарищество» получило золотую медаль; по учебному отделу выставки золотую медаль присудили школе ремесленных учеников, а владелец мануфактуры Николай Иванович Прохоров был удостоен ордена Почетного легиона.

К действовавшим на фабрике ремесленным школам и училищу, курсам по химии, математике и технологическому черчению, он дополнительно организовал работу вечерних классов, расширил существовавшие с 1820-х годов приют для бедных рабочих, ясли, детский сад, больницу, амбулатории и богадельни, усовершенствовал пенсионное обеспечение работников. В селах Никольском и Покровском-Глеbove открыл летний санаторий, где обслуживание, включая медикаменты, было бесплатным.

В это же время Товариществом были созданы публичная библиотека, классы оркестровой музыки и хорового пения, которыми руководил профессор Московской консерватории. Продолжала действовать химическая лаборатория — филиал Московского университета, а также рабочий театр со зрительным залом на 1300 мест.

В 1912 г. «во внимание к выдающейся благотворительной и общественной деятельности Почетный гражданин мануфактур — совстник Николай Прохоров возводится в потомственное дворянское достоинство»⁸. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится редкий документ — адрес рабочих ткацкой и прядильной фабрик Прохоровской Трехгорной мануфактуры, преподнесенный Николаю Ивановичу Прохорову в августе 1905 г. в присутствии всех рабочих на ежегодном молебне. В нем передано отношение рабочих к предпринимателю:

«Глубокоуважаемый наш хозяин Николай Иванович! Просим принять от нас, рабочих Ткацкой и Прядильной фабрик, эту икону Нерукотворного Образа Господня и хлеб-соль, в благодарности за Вашу постоянную заботу и отзывчивость к нашим нуждам. Надеюсь, что и впредь Вы будете к нам также доброжелательны, мы молим Бога, чтобы Он послал Вам здоровья со всем Вашим семейством на многие лета»⁹.

В ЦИАМе в личном фонде Константина Васильевича Прохорова обнаружены новые документальные свидетельства его милосердного отношения к людям. В письмах служителей церкви слова признания за его добросердечие, благотворительность. Вот некоторые из них. «Милостивому Благотворителю нашему Константину Васильевичу. Соблагословенным семейством Благости вашей мы Богопоследнии ожмозерской пустыни низайше сироты имеем незабвенный долг благодарить вашу благость

ибо получили... десять рублей да наградит вас Всевышний творец за ваше Благотворительство стократными Благими Воздаяниями... При сем... просим Ваше Благотворительство... не оставьте... нашего Общества... Многогрешный инок Ферапонтий подписуясь и низко кланяюсь»¹⁰.

«Высокопочтенный господин Константин Васильевич!

...Присем за нужное признаю принести Вам моему Благотворителю достоюдную Благодарность, за Ваше щедрое и милостивое благотворение — но я вам истинно признаюсь, что я сего пред вами никогда не заслуживал, да и не стою сего. Многогрешный иеромонах Анатолий»¹¹.

Благотворительная деятельность Прохоровых была хорошо известна и за пределами Москвы и Московской губернии. Во время русско-японской войны в Омске действовал большой лазарет и питательный пункт для раненых, больных, нуждающихся. Им с успехом заведовала Анна Александровна Прохорова (жена Ивана Яковлевича Прохорова), бывшая там и представительницей Красного Креста.

В голод, разразившийся в 1892 г., Екатерина Ивановна Беклемишева, урожденная Прохорова (дочь Ивана Яковлевича Прохорова и Анны Александровны), открыла в Черниговском уезде столовую для голодающих и больницу для тифозных. Истратив на это большие средства, сама заразилась от больных сыпным тифом. Она являлась талантливым скульптором: ее творения имелись в музеях и многих частных коллекциях. Ее талант перешел к дочери, Клеопатре Владимировне Беклемишевой, одного из самых талантливых и известных скульпторов русской эмиграции¹².

Все мужчины семьи Прохоровых с детства готовились к труду на своем производстве. Не стали исключением и дети Николая Ивановича. Его старший сын Иван, окончивший Московский университет и работавший на фабрике с 18 лет, стал специалистом по текстильному производству и технологии. В 1917 г. он не оставил Трехгорку, как не оставил ее его прадед Василий Иванович в 1812 г. во время нашествия французов, как не оставил ее в 1905 г. его отец Николай Иванович. После революции он оставался при фабрике консультантом, несмотря на аресты и угрозу расстрела, поскольку без его участия в то время фабрика не могла нормально функционировать. Ивана Николаевича Прохорова в 1918 г. революционное правительство приговорило к расстрелу. Причиной стало то, что в год нищеты и голода, отсутствия денежных средств он решился выплатить рабочим зарплату натурой — тканями. И сами рабочие его же и отстояли.

Умер последний предприниматель из династии Прохоровых в 1927 году. Рабочие Трехгорки, не испугавшиеся ни угроз, ни конной милиции, несли гроб с его телом до Ваганькова. И еще долго, до самой войны, фабричные рабочие и работницы тайком подкармливали семью бывшего фабриканта.

Известный русский просветитель, писатель, гуманист А.Ф. Бестужев (1761—1810 гг.), отец декабристов Бестужевых, писал: «Вот купец Прохоров, которого я и лица не знаю, но которого почитаю и уважаю выше всех вельмож на свете, он есть истинный сын Отечества, умеющий употреблять достоинство свое в истинное благо. Он купец по рождению, но в душе выше всякого вельможи... Прими дань от меня, почтеннейший человек Прохоров, ты помирил еще меня с любезным моим Отечеством: я первого еще из соотечественников моих вижу такого человека и не знаю лица его. Ты краса русского народа... друг человека, соотечественников»¹³.

В нашей современной истории важно сохранение и приумножение тех принципов, лучших социальных традиций, на которых базировалась деятельность предшествовавших поколений; та нравственность и духовность, из которых и произросли «Прохоровские традиции».

Примечания

1. Прохоровы. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799—1915 гг. М. 1996, с. 35.
2. Прохоровы. Ук. соч., с. 171—172.
3. Прохоровы. Ук. соч., с. 70.
4. Прохоровы. Ук. соч., с. 70—71.
5. Прохоровы. Ук. соч., с. 82—83.
6. Северная пчела. — 1854, № 280, с. 2.
7. Прохоровы. Ук. соч., с. 121, 122, 220.
8. Купцы и промышленники России. — Календарь, М. 1996—1997 гг.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф 2584, оп. 1, д. 2691, л. 7.
10. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 1864, оп. 1, д. 1, л. 27.
11. Там же, л. 15, 16.
12. БУРЫШКИН П.Л. Прохоровы. — 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М. 1995, с. 207—208; фамильный архив Прохоровых за 1892—1905 гг.
13. Прохоровы. Ук. соч., с. 172—173.

Анна Павловна — королева Нидерландов

Е.М. Собко

Первая половина XIX века является слабоизученной эпохой в истории российско-нидерландских взаимных связей. К сожалению, это относится и к множеству других периодов истории наших отношений. В результате существует большое количество фактов и проблем, которые малоизвестны не только широкому кругу читателей, но и историкам-специалистам. Анна Ярославна — королева Франции — факт знакомый многим по тем или иным источникам. А Анна Павловна — королева Нидерландов? А ведь это не XI век, а XIX! Анна Павловна — младшая из шести дочерей Павла I. По контрасту с противоречивыми характеристиками, дававшимися Павлу I, мать Анны Павловны, императрицу Марию Федоровну и современники и дореволюционные историки с редким единодушием оценивали как «ангела во плоти». Анна Павловна, по видимому, во многом унаследовала характер своей матери. Будущая королева Нидерландов родилась 7 января 1795 года в Гатчине.

В 1809 году к юной великой княжне сватался сам Наполеон, решивший разойтись с императрицей Жозефиной. Но оказывается и Наполеон мог получить отказ. Сохранилась тайная переписка французского посла при русском дворе Л. Коленкура, которому было поручено вести переговоры о браке, и французского министра иностранных дел Ж. Шампаньи. В одном из писем Коленкур следующим образом описывает внешность великой княжны Анны Павловны: «Она высока для своих лет, у нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и хотя она не красавица, но взор ее полон доброты»¹.

Нидерландскому наследному принцу Виллему (Вильгельму) Оранскому в матримониальных планах повезло больше, чем Наполеону. Данный брак, как и любой брачный союз такого уровня, не мог не иметь под собой глубокой политической подоплеки. Согласно решениям Венского конгресса 1814—1815 гг. на политической карте Европы появилось новое государство — Нидерландское королевство. В 65-й и 66-й статьях Заключительного акта Венского конгресса говорилось о том, что Южные и Северные Нидерланды (традиционно именуемые Бельгией и Голландией) объединились в одно государство². Власть в нем устанавливалась в форме конституционной монархии. В 1815 г. королем под именем Виллема I был провозглашен Виллем Оранский, сын последнего статхаудера Виллема V, умершего в 1806 году. Сын Виллема I, наследный принц Виллем Оранский, и стал мужем Анны Павловны. Нидерландское королевство было создано во многом благодаря усилиям Великобритании. Однако для страны было нежелательно слишком ошутимое британское влияние. Ему был найден противовес — влияние России, также проявившей заинтересованность в развитии отношений с недавно созданным Нидерландским государством³. Все данные факторы и привели к заключению династического брака между российской великой княжной Анной Павловной и нидерландским наследным принцем Виллемом

Собко Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета культуры и искусств.

Оранским. По-видимому, впервые идея этого брачного союза была высказана Александром I в письме к королю Виллему I от 23 июля 1815 года. В ответ на это письмо тут же последовало два послания Виллема I, в которых он сообщал Александру I о своем положительном отношении к проектируемому браку. Такого же мнения, по его словам, придерживались сам наследный принц и его мать ⁴.

Нельзя сказать, что в нидерландской историографии личность принца Виллема Оранского (будущего короля Виллема II) описывается с большой симпатией: отмечается его резкость, импульсивность, не слишком высокие способности. Так известный исследователь Э.Х. Косманн характеризует Виллема как человека неистощимой энергии, однако грубого и неуравновешенного, склонного к «диким выходкам» ⁵. (По иронии судьбы, нет ли здесь аналогии с отцом Анны Павловны? Кстати, Виллем Оранский, как и Павел I, очень долго, почти 25 лет, оставался наследником престола, заняв трон только в 1840 г.)

Великая княжна Анна Павловна и Виллем Оранский были обручены 28 января 1816 года в Санкт-Петербурге, а 9 февраля 1816 года в церкви Зимнего дворца было совершено бракосочетание. Более полугодом Анна Павловна и Виллем Оранский прожили в России, сначала в Петербурге, а с середины мая по 19 сентября — в Павловске, где в честь и во имя Анны Павловны, на острове княгини Ливен, весной 1816 г. была поставлена беседка или, как она была названа «Храм любви». Осенью 1816 г. Анна Павловна с супругом покинули Россию и в сентябре 1816 г. торжественно въехали в Гаагу и Амстердам, а в октябре — в Брюссель. Анна Павловна принялась усердно изучать голландский язык, местную историю и нравы, что снискало ей любовь и уважение окружающих ⁶.

Нидерландскому королевству, включавшему в себя Бельгию и Голландию, суждено было просуществовать совсем недолго — с 1815 по 1830 год. В 1830 г. в Бельгии произошла революция, следствием которой было отделение Бельгии. Для раненых, пострадавших во всех этих событиях, Анна Павловна основала на свои средства госпиталь и инвалидный дом. Тем временем шли годы, а муж Анны Павловны Виллем Оранский оставался наследником престола. В 1840 г. в нидерландской королевской семье произошли события, приведшие к смене власти. Интересно, что «процесс отречения» короля Виллема I от престола нашел отражение в российских архивных материалах. Начиная с марта 1840 г. находившийся в Амстердаме консул Брунет посылает вице-канцлеру К.В. Нессельроде доклады и телеграммы, в которых сообщает о слухах по поводу возможного брака короля Нидерландов Виллема I и графини Генриетты д'Ультремон ⁷. Эти слухи будоражили общественное мнение Нидерландов, поскольку данный брак был бы ударом по репутации короля. «Король мог бы жениться на какой угодно даме своего двора, но в глазах кальвинистов было два типа женщин, с которыми брак короля был невозможен: бельгийка и католичка. Судьбе было угодно, чтобы Виллем влюбился в женщину, в которой сочетались эти два неприемлемых порока» ⁸.

Похоже для наследника престола наступал момент, когда он смог бы занять трон. События развивались очень стремительно, и вот Брунет пишет Нессельроде уже не только о возможной женитьбе короля, но и о большой вероятности его отречения от престола, отречения во многом связанного со скандальным браком. В октябре 1840 г. Виллем I действительно отрекается от престола в пользу своего сына. Наследный принц Виллем Оранский становится королем Виллемом II, а Анна Павловна — королевой Нидерландов. 23 октября 1840 г. Брунет шлет Нессельроде телеграмму из Амстердама, в которой сообщает о восторженной демонстрации людей, выражавших свою любовь новому королю ⁹.

Став королевой, Анна Павловна продолжала заниматься благотворительной деятельностью. Согласно сведениям «Русского биографического словаря», «она основала в своем королевстве до 50 приютов для бедных детей и поддерживала их образцовое состояние из собственных сумм». В данном издании подчеркивается, что Анна Павловна «была истинною матерью всех бедных детей в нидерландском королевстве, а благодеяния ее были неисчислимы» ¹⁰. Здесь, разумеется, нельзя не вспомнить мать Анны Павловны императрицу Марию Федоровну.

Что касается политической деятельности, то ею Анна Павловна не занималась, зато была в курсе событий литературной, художественной и научной жизни Нидерландов. Ее брак продолжался 33 года, у супругов было три сына: Виллем Александр-Фридрих-Константин-Николай-Михаил (1816—1848), Александр-Павел-Фридрих-Людвиг (родился в 1817 г., будущий король Нидерландов Виллем III, правивший с 1849 по 1890 г.), Виллем-Фридрих-Гейнрих (родился в 1820 г.) и дочь Вильгельмина-Мария-София-Луиза (родилась в 1824 г.), вышедшая замуж за наследного принца Саксен-Веймарского Карла Александра.

В 1849 г. Анна Павловна похоронила мужа. После этого она жила главным образом в Гааге, а в 1857 г. посетила Россию. В 1864 г. Анну Павловну в Суздальке навещил ее племянник, император Александр II, и наследник цесаревич Николай Александрович. Через год после этого, 17 февраля 1865 г., Анна Павловна умерла. Видимо, ее добрые дела были оценены по достоинству, потому что многие жители Нидерландов, как сообщают российские газеты, «совершенно добровольно носили траур»¹¹.

Известно 26 гравированных портретов Анны Павловны. Под некоторыми из них имеются надписи в стихах на голландском языке. Вот подстрочный перевод одного из них:

Портрет, где соединяются краса и добродетель, семейная радость Героя, хранящего славу Нидерландов,

Она, в потомках которой еще явится величие королевы;

Вы видите в Павловне честь и славу женщин России¹².

Примечания

1. Русский Архив, 1890, кн. 3, № 9, с. 13.
2. МАРТЕНС Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. III. СПб. 1876, с. 280—283.
3. NIEUWLAND I. Tres cher Nicolas. Dynastic ties Between the Netherlands and Russia During the first phase of the Belgian Uprising, August to December 1830. — Around Peter The Great. Three Centures of Russian-Dutch Relations. Groningen. 1997, p. 42—43.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Т. VIII. М. 1972, с. 434; COLENBRANDER H.T. Gedenkstukken Der Algemeene Geschiedenis van Nederland, van 1795 tot 1840. Vestiging van het Konunkriyk 1813—1815. Vol. 23. s'Gravenhage. 1914, p. XXXIX-XL.
5. KOSSMANN E.H. The Low Countries. 1780—1940. Oxford. 1978, p. 181.
6. Русский биографический словарь. Т. II. СПб. 1900, с. 188—189.
7. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел), оп. 469, 1840 г., д. 3, л. 1—4, 6—8.
8. НАМАЗОВА А.С. Нидерланды. Оранско-Нассауская династия. — В кн.: Монархи Европы: судьбы династий. М. 1996, с. 215.
9. АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1840 г., д. 3, л. 10, 12—13.
10. Русский биографический словарь. Т. II, с. 189.
11. Северная почта, 1865, № 45.
12. РОВИНСКИЙ Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I. СПб. 1886, с. 326.

О контрнаступлении Кутузова в 1812 году

И.А. Шейн

Отечественная война 1812 года вписала одну из наиболее славных, героических страниц в военную летопись России. Многочисленные монографии, диссертации, статьи, и научно-популярные издания последнего десятилетия ¹ свидетельствуют о том, что в истории «Двенадцатого года» остается еще не мало спорных вопросов и «белых пятен».

Одним из предметов исследования, по существу которого сегодня «ломают копья» историки, является вопрос о характере военных действий русской армии после сдачи неприятелю первопрестольной столицы. Отвечая на него, ученые высказывали диаметрально противоположные суждения, которые по-разному объясняют причины поражения наполеоновской армии. Поэтому изучение сущности возникших разногласий о действиях Кутузова после оставления им Москвы и попытка их научного разрешения имеют важное значение для дальнейшего развития историографии Отечественной войны 1812 года. Мы коснемся только наиболее распространенных научных взглядов на проблему контрнаступления Кутузова. В исторической науке они противостоят не менее известной концепции «золотого моста», согласно которой «фельдмаршал намеренно не мешал врагу уйти из России» ².

Идея контрнаступления русской армии в 1812 году была сформулирована в 1947 г. И.В. Сталиным в его ответе на письмо полковника Разина. В данном документе полководческое искусство М.И. Кутузова признавалось как главный фактор победы над французами, а контрнаступление определялось как основная форма военных действий, приведшая русскую армию к успеху. По мнению Сталина, Кутузов «загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления» ³. Такая позиция, во многом, отвечала амбициозным стремлениям Сталина увековечить свою память в истории наряду с наиболее выдающимися русскими полководцами. На доказательство и закрепление сталинских суждений в конце 40-х — первой половине 50-х гг. были направлены исследования Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина, Н.Ф. Гарнича ⁴.

Теория контрнаступления логически корреспондировала методологическим тезисам советской военно-исторической науки о превосходстве русского военного искусства над западноевропейским. Поэтому, и в последующие десятилетия она стала аксиоматичной. Сам термин «контрнаступление» получил широкое хождение в научной литературе о 1812 годе и стал общеупотребительным. Даже в последнем военно-энциклопедическом издании указывается, что «в 1812 г. Наполеон разгромлен в России контрнаступлением русской армии под командованием генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова» ⁵.

Сложившиеся представления о контрнаступлении русских войск во втором периоде Отечественной войны 1812 г. были подвергнуты критике в начале 90-х годов XX столетия. Против господствовавших в исторической науке убеждений выступили А.М. Валькович и В.М. Безотосный. Первый отметил, что характер боевых действий русской армии в октябре—декабре 1812 г. не соответство-

Шейн Игорь Александрович — преподаватель Военного университета.

вал современному военно-теоретическому определению контрнаступления. В дореволюционной же военной науке термин «контрнаступление» вообще не применялся. Безотосный заострил внимание на искусственном привнесении в историографию концепции контрнаступления Кутузова, на трудность в определении момента начала наступательных действий русских войск. С точки зрения исследователя, говорить о контрнаступлении в 1812 году можно только применительно к флангам театра военных действий, где действительно русские от обороны перешли к наступлению. Что касается армии Кутузова, то, как заметил Безотосный, правильнее будет говорить о «параллельном преследовании», так как главные русские силы начали движение проселочными дорогами параллельно пути отступления Наполеона⁶.

Несколько позже эту мысль он развил в своей обстоятельной рецензии на книгу Н.А. Троицкого «Отечественная война 1812 г.: история темы», заострив при этом внимание на том, что маститый историк не отказался от сталинской теории и по старинке одним из немногих достоинств советской историографии считал «подробный анализ русского контрнаступления». Точку зрения молодых ученых оспорил Б.С. Абалихин. Известный историограф Отечественной войны 1812 г. высказал мысль, что осмысление исторических явлений на теоретическом уровне происходит, как правило, гораздо позже их появления. И если до 1947 г. термин «контрнаступление» не употреблялся в исторической литературе, то, это «еще ни о чем не говорит». Ученый настаивал на том, что «контрнаступление как явление должно было зародиться. И оно зародилось в 1812 году». В логе своих рассуждений Абалихин пытался исходить из учета совокупности всех военных событий, а не только тех, которые происходили на московском направлении. Время пребывания русской армии в Тарутинском лагере и ведения ею «малой войны» историк считал оборонительным периодом в военных действиях. По его мнению, контрнаступление «в чистом виде» началось за месяц до выхода Наполеона из Москвы переходом в наступление фланговых группировок русских войск. В рамках общего стратегического замысла главная армия нанесла контрудар в Тарутинском сражении⁷.

В свою очередь Троицкий, который, судя по его последней монографии, остался верен своим прежним взглядам, посчитал, что в предмете дискуссии «нет проблемы, а спор о терминологии схоластичен». Разъясняя этот тезис, известный историк подчеркнул, что контрнаступление «не предполагает обязательного контрудара, для него достаточно (как это и было в 1812 г.), чтобы сторона, ранее наступавшая, была вынуждена отступать, преследуемая с боями стороной, ранее отступавшей»⁸.

Чтобы определить, кто в споре историков более объективен, примем методологию, предложенную Вальковичем. Для этого сравним современные военно-теоретические представления о контрнаступлении с характером действий русских войск осенью 1812 года. Одновременно учтем замечания историков, что этот способ ведения военных действий не мог еще быть осмыслен на теоретическом уровне современниками, а поэтому в то время и не имел научного определения.

Сегодня под контрнаступлением в военной теории понимается «разновидность наступательных действий, предпринимаемых обороняющимися войсками в ходе или после отражения наступления противника. Проводится в целях срыва наступления противника, разгрома его наступательных группировок войск (сил), восстановления утраченного положения и создания условий для проведения наступательных операций или перехода к обороне на новых рубежах. В зависимости от целей и состава участвующих войск контрнаступление может быть стратегического или оперативного масштаба»⁹.

Прежде всего, отметим некоторое несовершенство данной дефиниции (что в какой-то мере делает справедливой позицию Троицкого). Из нее вытекает, что контрнаступлением является любой переход обороняющихся войск в наступление, проводимый ими в стратегическом или оперативном масштабе. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что в процитированном определении не учитывается оперативная или стратегическая пауза, которая может установиться в боевых действиях, когда наступательные возможности противника оказались исчерпанными. Согласно приведенному термину допускается, что контрнаступление может проводиться через длительный срок (через месяц, год и более) «после отражения наступления противника». При таком подходе стираются отличительные черты контрнаступления от стратегического или оперативного наступления.

Во всех случаях при определении контрнаступления, вполне обоснованно, подразумеваются наступательные действия обороняющейся стороны в стратегическом или оперативном масштабе, предпринимаемые, в первую очередь, в целях «срыва наступления противника», то есть приводящие к вынужденному переходу противника от наступления к обороне, или к замедлению темпов его наступления.

Попробуем проанализировать военные действия русской армии под командованием Кутузова в 1812 г. на московском направлении.

Бородинское сражение не решило стратегических задач, поставленных перед собой противоборствующими сторонами. Наполеон не сумел полностью разгромить русскую армию, а Кутузов остановить наступление французов и защитить Москву. Бородино не привело к перелому в войне. После генерального сражения французы не исчерпали своих наступательных возможностей. При общем численном превосходстве в регулярных войсках, Наполеон сохранили мощный ударный кулак в лице императорской гвардии (19 тыс. отборных, самых лучших солдат)¹⁰. Сам Кутузов, объясняя Александру I причины своего отхода с бородинской позиции, назвал этот фактор в числе основных. Главнокомандующий вынужден был признать, что «после сражения того армия была приведена в крайнее расстройство», находилась в «истощении сил»¹¹. Для подхода новых подкреплений и восстановления боеспособности армии требовалось время. Русские вынуждены были продолжать отход и не могли оборонять первопрестольную столицу. Захватив Москву, Наполеон по собственной инициативе прекратил стратегическое преследование русской армии. Его остановили не парирующие удары противника, а ложная уверенность в том, что с захватом крупнейшего исторического, политического и экономического центра России, политические цели войны достигнуты. Следовательно говорить о контрнаступлении русской армии от Бородина до оставления Москвы не представляется возможным.

В период нахождения Великой армии в Москве с 1(13) сентября до Тарутинского боя 6(18) октября в боевых действиях установилась оперативная пауза. Враждующие стороны, ожидая дальнейшего развития событий, перешли по отношению друг к другу к обороне. В это время Наполеон, ожидая ответа из Санкт-Петербурга на свое предложение о мире, пытался наладить снабжение войск продовольствием и фуражом, остановить начавшуюся деморализацию войск. Задачу восстановления боеспособности армии решал и Кутузов, принимая в строй прибывающие пополнения и налаживая организацию тылового обеспечения. Активные боевые действия в указанное время главными силами неприятельских армий не проводились.

Отход Великой армии из Москвы также трудно увязать с наступательными действиями Кутузова. Это отступление было предпринято кризисом в продовольственном обеспечении войск, враждебным отношением населения к неприятелю, растянутостью французских коммуникаций, уязвимых от «малой войны», и московским пожаром. Наполеон хорошо понимал всю гибельность своего пребывания в сожженном городе без провианта и фуража. Имеющиеся в распоряжении историков источники свидетельствуют, что решение на оставление русской столицы французский император принял еще до того, как главные силы русской армии перешли к активным боевым действиям¹². Однако, надеясь на заключение мира с Александром I, он оттягивал свое выступление из Москвы.

Не правомерно говорить об общем замысле Кутузова на контрнаступление в связи с Тарутинским боем или сражением под Малоярославцем. Нет оснований причислять к началу контрнаступления Тарутинский бой¹³, который имел чисто тактическое значение и, следовательно, не попадает под условия предъявляемые к контрнаступлению. Наступление на авангард наполеоновской армии под командованием Мюрата, предпринятое 6(18) октября 1812 г., проводилось с ограниченной целью улучшить тактическую обстановку в районе Тарутинского лагеря. Этот факт признавал даже один из ортодоксальных защитников сталинского постулата о контрнаступлении Жилин, подчеркнувший, что Кутузов, получив новые данные о противнике, «не считал возможным связывать свои главные силы с решением частных задач (курсив мой. — И.Ш.) в бою с авангардом Наполеона». При этом боевые действия 6(18) октября он считал «только отдельным эпизодом, частным контрударом по авангарду противника»¹⁴. В свою очередь, Бескровный, также указывал на тактическое значение тарутинской победы¹⁵.

Из процитированных сочинений следует, что Кутузов не пытался развить достигнутый тактический успех в оперативный. Следовательно, он также не предполагал проведения контрнаступления с решительными целями разгрома основной группировки противника, находящейся в Москве.

Авангард Великой армии на реке Чернишне¹⁶ понес значительные потери, отступил, но не был разгромлен. По приказу светлейшего князя войска возвратились в лагерь. В свете таких результатов Тарутинского боя выглядят сомнительными попытки напрямую связывать этот частный боевой эпизод с совпавшим по времени — 7(19) октября — общим выходом французов из Москвы¹⁷.

В сражении за Малоярославец 12(24) октября 1812 г. Кутузов также не ставил целью осуществить решительный разгром противника и перейти своей армией в общее наступление. Его главная задача сводилась к тому, чтобы не допустить дальнейшего продвижения Наполеона на Калугу, то есть оборонять город. «Ни под каким видом в Калугу его (Наполеона. — И.Ш.) не пущу», — так объяснял свои намерения М.И. Кутузов Александру I на следующий день после Малоярославецкого сражения¹⁸. 12(24) октября, лишь часть главных сил русских, по мере их подхода к городу, последовательно вводилась в дело. Основная масса войск закреплялись на высотах южнее Малоярос-

лаваца в готовности отразить общее наступление наполеоновских корпусов, то есть занимала оборонительное положение. По итогам сражения город остался в руках французов. Утром 14(26) октября Кутузов начал отход по направлению к Калуге на новую позицию — у с. Детчино, а затем, с 15(27) — 16(28) октября, еще дальше — к слободе Полотняный завод. Подобный маневр войсками трудно увязать с «разновидностью наступательных действий». В сражении за Малоярославец русская армия проводила контратаки (но не контр наступление), пытаясь выбить противника из города. Однако, в конечном итоге, она совершила отход (более 27 км) на новые позиции на юг и позволила Наполеону беспрепятственно начать обратное выдвижение к Вязьме. Такой итог сражения не вписывается в теорию разгрома Кутузовым наполеоновской армии хорошо подготовленным контр наступлением. И под Тарутиным и под Малоярославцем не было «разновидности наступательных действий» в оперативном или стратегическом масштабе.

Одержав победу в сражении за Малоярославец, Наполеон, тем не менее, отказался от дальнейших попыток пробиться к Калуге, что, безусловно, явилось результатом активной обороны русской армии. Одновременно с отходом Кутузова к Детчино, он принял решение отступить назад к Можайску на Смоленскую дорогу. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой неприятельские армии расходились в разные стороны¹⁹. При этом. Наполеон из положения наступающего в ночь с 14(26) на 15(26) октября,²⁰ перешел в положение отступающего, а затем преследуемого. Однако такая метаморфоза, как мы уже заметили, не связана с контр наступлением (в современном его понимании) армии Кутузова.

После Малоярославца, с началом выдвижения утром 18(30) октября²¹ русской армии за отходившим на Смоленск Наполеоном, Кутузов из оборонительного положения начал движение за неприятелем, а затем перешел к параллельному преследованию противника. Формально этот переход русской армии от обороны к наступательным действиям можно было бы принять за контр наступление. Однако, если рассуждать строго в соответствии с установленным понятием, где четко определены цели контр наступления — сорвать своим наступлением наступление противника, разгромить его наступательную группировку, восстановить утраченное положение и пр., то необходимо признать, что ни одну из этих наступательных задач до 18(30) октября Кутузов своим главным силам не ставил. Но уже в этот день главнокомандующий, потребовал от Э.Ф. Сен-При, поставленного во главе отряда, занявшего покинутую французами Москву, «употребить все способы, которые ко вреду неприятельскому послужить могут»²². Однако, заметим, что эти действия планировались не на наступающего, а на отступающего противника. В период отступления французы под Вязьмой и Красным понесли крупные потери от ударов русских войск. Голод, доводивший людей до людоедства, а потом и холод, довели полную дезорганизацию Великой армии. За Березиной отступление для основной массы наполеоновских войск превратилось в беспорядочное бегство.

Гораздо ближе к современному пониманию контр наступления подходит ход боевых действий русских войск в сентябре—октябре 1812 г. на стратегических флангах. На юго-западном стратегическом направлении в сентябре 1812 г. 3-я объединенная армия П.В. Чичагова перешла от обороны к наступлению. Противостоящие ей войска К.Ф. Шварценберга и Ж.-Л. Ренья оказались отесненными за Буг. Успешное наступление при Глуске и Горбачеве 15(27) и 16(28) сентября провел отдельный (2-й резервный) корпус Ф.Ф. Эртеля. На северном-западном стратегическом направлении 1-й корпус Витгенштейна 6(18) октября решительно атаковал объединенные 2-й и 6-й французские корпуса под командованием Л.Г. Сен-Сира. 7(19) октября французы оставили Полоцк и ушли за Двину. Однако следует учитывать, что бои на стратегических флангах носили второстепенный характер. Основные события, определившие исход войны, развернулись на московском направлении²³.

Таким образом, можно признать, что контр наступление, как «разновидность наступательных действий, предпринимаемых обороняющимися войсками в целях срыва наступления противника, разгрома его наступательных группировок войск (сил)» в стратегическом или оперативном масштабе, русской армией на главном стратегическом направлении не проводилась. В этой связи можно признать несостоятельными жесткую позицию Абалихина и более обтекаемую точку зрения Троицкого, которая допускает смешение различных военно-теоретических понятий («контр наступление», «контрудар», «наступление», «преследование») а, по существу, представляет собой попытку перевести дискуссию о наличии контр наступления в 1812 г., как вида боевых действий, к формам его проведения.

Теория разгрома Наполеона в России «при помощи хорошо подготовленного контр наступления» привнесена в отечественную историографию искусственно. При объяснении причин поражения французской армии, наряду с другими условиями, уместнее говорить об умело выполненном российским командованием стратегическом отступлении, которое, в сочетании с активной обороной, поставило армию Наполеона на грань катастрофы. Крах наполеоновской авантюры был подго-

товлен предшествующей «скифской» стратегией, заблаговременно спланированной русским командованием накануне войны с целью затягивания военных действий для истощения сил противника. Учитывая пространственно-временной фактор в ослаблении неприятеля, русское командование втянуло главные силы наполеоновских войск вглубь страны. В преддверии холодной зимы блокированный в сожженной Москве Наполеон был поставлен перед необходимостью начать отступление. После сражения под Малоярославцем его план отхода к Смоленску через Калугу по нетронутым войной областям был сорван активной обороной русских войск. Совершая обратный марш-маневр Наполеон оказался в положении преследуемого. В конечном итоге, в ходе развернувшегося преследования и попытки окружения Великой Армии на Березине, она была поставлена на грань полного уничтожения.

Примечания

1. См., например, БЕССОНОВ В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии). Дис. канд. ист. наук. Самара. 2001; ЗЕМЦОВ В.Н. Битва при Москве-реке: Армия Наполеона в Бородинском сражении. М. 1999; Отечественная война 1812 г. Источники, памятники, проблемы: Материалы научных конференций. Бородино, 1992-2001; ПОПОВ А.И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара. 1995; СИРОТКИН В.Г. Наполеон и Россия. М. 2000; ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М. 1996; ТРОИЦКИЙ Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов. 1991; его же. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М. 2002; Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы III научной конференции. Москва, 27 апреля 2000 года. М. 2000 и др.
2. ТРОИЦКИЙ Н.А. 1812. Великий год России. М. 1988, с. 282. Подробнее об этой историографической концепции см.: ШВЕДОВ С.В. О стратегии «Золотого моста» М.И. Кутузова. — События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец. 1995, с. 38—54.
3. СТАЛИН И.В. Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина. — Большевик. 1947, № 3, с. 8.
4. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М. 1951; ГАРНИЧ Н.Ф. 1812 год. М. 1956; ЖИЛИН П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М. 1950.
5. Советская военная энциклопедия (СВЭ). Т. 4. М. 1997, с. 157.
6. Сомнения в очевидном: Чья победа? — Родина, 1992, № 6—7, с. 74, 75.
7. БЕЗОТОСНЫЙ В.М. Рец. на Н.А. Троицкий. Отечественная война 1812 года: история темы. — Отечественная история, 1993, № 2.
8. ТРОИЦКИЙ Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты, с. 252—258.
9. СВЭ. Т. 4, с. 157.
10. См.: ТРОИЦКИЙ Н.А. 1812. Великий год России, с. 172.
11. См.: М.И. Кутузов: сборник документов. М. 1954. Т. IV, ч. I, с. 243, 253.
12. В частности проанализировав захваченную французскую корреспонденцию, А.А. Аракчеев 11(23) октября сообщил Александру I: «Из числа вверенных мне Вашим Величеством писем, ...Большинство таковых, помеченные 3/15 октября, (то есть за 3 дня до начала Тарутинского боя. — *И.Ш.*) возвещают, что французская армия собирается покинуть Москву, не определяя, по какому она пойдет направлению». См.: ЗАТВОРНИЦКИЙ Н.М. К истории 1812 г. — Русская старина, 1907, т. 131, с. 460.
13. Некоторые из современных исследователей считают, что атака русскими авангарда Мюрата 6(18) октября 1812 года являлась заключительной фазой Тарутинского сражения, включавшего в себя: «оборонительный период (20—22 сентября), когда российская армия остановила наступление Мюрата; позиционный период (23 сентября — 5 октября) — время сбора сил и боевых действий на истощение противника...; наступательный бой 6 октября, закончившийся поражением корпуса Мюрата и его отступлением». При этом утверждается, что «в результате этих последовательных событий стратегическая обстановка изменилась в пользу российской армии». См.: УЛЬЯНОВ А.И. Бой на реке Чернишне. — События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии, с. 69.
14. См.: ЖИЛИН П.А. Ук. соч., с. 144, 146.
15. См.: БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Ук. соч., с. 500.
16. Преимущественно так называли Тарутинский бой в дореволюционной историографии. (См.: МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб. 1839. Ч. III, с. 242; ОКУНЕВ Н.А. Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. СПб. 1912, с. 83 и др.).
17. См.: Сомнения в очевидном: Чья победа?, с. 75.
18. См.: М.И. Кутузов: Сборник документов. Т. IV, ч. II, с. 98.
19. См.: БОГДАНОВИЧ М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: В 3 т. СПб. 1859—1860. Т. 3, с. 49—50.
20. См.: М.И. Кутузов: Сборник документов. Т. IV, ч. II, с. 136, 139. Донесение об этом стали поступать в штаб Кутузова 15(27) октября (там же, с. 122—123).
21. Там же, с. 156.
22. Там же, с. 158.
23. См.: БЕЗОТОСНЫЙ В.М. Ук. соч., с. 206.

В последнее время вышел ряд справочных исторических изданий, в том числе и словарей, где исторические понятия даются по эпохам российской истории¹. Примером такого издания является труд В.М. Соловьева, известного своими работами по Разинскому восстанию, народным движениям в России и отечественной истории XVII—XVIII веков². Автору «Энциклопедии» удалось найти интересный и понятный широкому читателю способ подачи материала, удачно сочетая научность и популярность. В издании помещены такие статьи, как «Археология», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Историография» (т.е. историописание), «Источники исторические», «Календарь», «Формационный подход к изучению истории», «Цивилизационный подход к изучению истории» и некоторые другие. Они помогают сформировать взгляд на историческое познание как на процесс, развивающийся в соответствии с основными закономерностями науки.

Обращает на себя внимание наличие большого количества статей, дающих общее объяснение того или иного исторического явления: «Абсолютизм», «Административно-командная система», «Крепостное право», «Крестьянские войны», «Либерализм», «Первобытное общество», «Просвещенный абсолютизм», «Сословия», «Сословно-представительная монархия», «Социал-демократия», «Социализм», «Язычество» и ряд других. В них содержится обстоятельная характеристика этих исторических явлений и раскрываются особенности их в России. Аналогичным образом построены статьи, посвященные явлениям культуры, такие, как «Авангардизм», «Ампи́р», «Барокко», «Декадентство», «Импрессионизм», «Классицизм», «Конструктивизм», «Модернизм». В ряде статей автор использовал метод проблемного изложения и показал основные из существующих в историографии точек зрения. Это статьи, относящиеся прежде всего к истории средневековой Руси и России XVI—XIX вв., такие, как «Варяги», «Опричнина», «Крестьянские войны», «Декабристы» и другие. Читатель может познакомиться со спорными и нерешенными вопросами отечественной истории, с тем, как развивались концепции по отдельным ключевым ее проблемам и какие точки зрения существуют в современной историографии.

Примеры такого ознакомления читателя с научной проблемой — статья «Крестьянские войны» и некоторые другие, посвященные крупнейшим народным движениям в России XVII—

XVIII вв. — Разинскому и Пугачевскому. В них проводится мысль об ограниченности классового подхода к оценке подобных явлений российской истории и обосновывается возможность применения к ним такого емкого и исчерпывающего, данного еще современниками, понятия, как бунт. По мнению автора, понятие «крестьянские войны», характерное для советской историографии, не выражает всей сложности Разинского и Пугачевского восстаний. В целом такое утверждение справедливо, однако, едва ли было бы верно полностью отказываться от самого понятия «крестьянская война», применительно к этим явлениям российской истории. В обоих восстаниях на определенной стадии их развития крестьянские войны становились одной из их важных составных частей, дополняя выступления казаков и других слоев населения движениями крестьян. Это происходило тогда, когда они охватывали внутренние территории страны, ее центр, где была сосредоточена основная часть крепостного населения.

Другой пример проблемного подхода — рассмотрение обстоятельств покушения на Ленина в 1918 г. в статьях «Каплан» и «Свердлов». Соловьев разделяет точку зрения Ю.Г. Фельштинского³, согласно которой это покушение было делом рук части руководства большевистской партии во главе со Свердловым и Дзержинским. В «Энциклопедии» приводятся некоторые аргументы в пользу данной версии.

В книге много статей, посвященных различным сторонам отечественной культуры, деятелям культуры — писателям и публицистам, художникам, ученым. В этом отношении «Энциклопедия» Соловьева имеет определенное преимущество даже перед «Советской исторической энциклопедией», где вопросы культуры даны в несравненно более ограниченном виде. «Энциклопедия» Соловьева не только дает представление о культурной жизни страны в разные эпохи, но и показывает место культуры в общенациональном процессе, обусловленность явлений культуры историческими предпосылками, глубокую внутреннюю связь между разного рода историческими явлениями.

Книга отличается документальной точностью, стремлением к раскрытию существующих в науке проблем, художественным стилем изложения, удачным подбором иллюстративного материала. Вместе с тем нельзя не отметить досадные неточности (к статье о маршале Р.Я. Малиновском помещен портрет маршала А.И. Ере-

менко, а в статье о Л.Б. Каменеве — портрет С.С. Каменева).

Удачны в литературном оформлении статьи биографического характера. Сведения общего характера, типичные для энциклопедий, сочетаются с развернутой психологической, личностной характеристикой некоторых персонажей. Впечатляют портреты персонажей российской истории, в том числе и не столь известных широкому кругу читателей, как, например, казачий атаман Смутного времени И. Заруцкий, отдельные представители рода князей Голицыных, помещица Салтычиха, физиолог И.М. Сеченов, «всесоюзный староста» М.И. Калинин и ряд других.

Автор учитывает достижения современной историографии, стремится к объективности повествования, приводит сведения о разных точках зрения на происходившие в нашей стране явления и процессы, деятелей современной российской истории.

В отдельных случаях приводимые в тексте суждения современников и историков нуждаются в комментарии. Это относится, например, к использованному в статье «Сталин» достаточно известному свидетельству о нем У. Черчилля.

Представляется желательным, чтобы в «Энциклопедии» присутствовали статьи «Феодализм» и «Капитализм», поскольку имеется развитая историографическая традиция, признающая эти эпохи российской истории. Частично этот вопрос получил отражение в статье «Формационный подход к изучению истории», но для читателя, серьезно интересующегося проблемами отечественной истории, этого недостаточно. Для него важны не только общие признаки, но и особенности их в России. Стоило бы остановиться и на точках зрения тех ученых, которые отрицают существование феодализма и капитализма на русской почве и рассматривают их лишь как явления западной цивилизации. То же самое можно сказать и по поводу статей, относящихся к древней истории нашего Отечества. Этот

пласт истории России имеет существенное значение для понимания последующей истории славянства, в частности, славянского этногенеза. Древний период, включающий историю скифов, сарматов, греческих колоний на Черном и Азовском морях — неотъемлемая часть отечественной истории.

Интересной была бы для читателя характеристика такого своеобразного явления в истории России, как двоевластие. Представляются также желательными и статьи, посвященные таким видным деятелям отечественной истории и культуры, как гроза Крыма и жертва зарождавшегося самодержавия князь Василий Иванович Шемячич, полководец XVI в. князь М.И. Воротынский, писатель и глубоко оригинальная личность XVII в. князь И.А. Хворостинин, выдающиеся историки Г.Ф. Миллер и А.С. Лаппо-Данилевский, основоположник учения о биосфере В.И. Вернадский, писатель А.П. Платонов, прокурор А.Я. Вышинский и некоторые другие. К сожалению, в «Энциклопедии» отсутствуют статьи о городах (кроме Москвы, Санкт-Петербурга, Карса и Кронштадта) и территориальных образованиях России (кроме статей о княжествах и землях удельной эпохи), а также сообщения историко-этнографического характера.

Н.А. МИНИНКОВ

Примечания

1. См.: СТАРИКОВ Н.В. История России. Справочник студента. М.; его же. Россия. XX век. Политика и культура. Факты. Имена. Понятия: Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону. 1999.
2. Отдельные статьи «Энциклопедии» написаны В.И. Калиновым или при его участии.
3. См.: ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю.Г. Тайна смерти Ленина. — Вопросы истории, 1999, № 1.

А.Г. ГОЛИКОВ, Т.А. КРУГЛОВА. *Источниковедение отечественной истории*. М. РОССПЭН. 2000. 438 с.

В учебном пособии, написанном доктором исторических наук, профессором А.Г. Голиковым и кандидатом исторических наук доцентом Т.А. Кругловой (под общей редакцией А.Г. Голикова) обобщен опыт многолетнего преподавания курса «Источниковедения отечественной истории» на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Новый учебник ориентирован на програм-

му «Источниковедение отечественной истории» (см. «Программы дисциплин специализации по отечественной истории». Под ред. А.Г. Голикова. М. 2000).

Когда говорят о выработке профессиональных навыков будущих историков и собственно определяющих уровень «ремесла» историка, имеют в виду воспитание у историков чувства безусловного приоритета научно-познаватель-

ных задач и социальной функции исторической науки. Выявляя социальную информацию в источниках и относясь к ней, главным образом, как к отражению в сознании людей явлений и объектов общественной жизни, историки нередко односторонне определяют сущность этой информации применительно к источниковедению. Более или менее полно исследуется отражение действительности в источниках, объем и характер информации, а сама суть информационного процесса и порождаемые им явления остаются практически вне поля зрения именно в силу реальной скудости технического арсенала источниковедческих средств даже у историков-профессионалов.

Если относиться к источниковедению как к нереализованному резерву развития и подъема исследовательской культуры, это позволяет ученому ставить перед собой более сложные проблемы, которые могут быть решены при полном использовании источников. Авторы постарались найти доступные для педагогического выражения формы решения этих проблем, проиллюстрировав их на фактическом документальном материале.

Авторы затруднялись в определении жанра своего труда, обладающего признаками и учебника, и монографии, многочисленными примерами научного подхода к анализу документальных материалов. Материал подан в доступной и легко усваиваемой форме. К числу оригинальных, относится характеристика частной переписки IX — первой половины XIX вв., ее эволюции на протяжении тысячелетней государственности, особенностей этой переписки в XI—XV вв., XVI—XVII вв. и XVIII — первой половине XIX века (глава 5, написанная Кругловой).

Голиков в написанных им главах стремится познакомить читателя с новыми и неизвестными материалами. Автор поделился с читателями своими наблюдениями о возможностях применения метода «подбора образцов», показав его результативность на примере публикаций в периодической печати. Заслуживает внимания источниковедческий анализ отечественного законодательства (дореволюционного, советского и новейшего времени) и предложенная Голиковым систематизация разновидностей законодательных актов, основных факторов, инициировавших их создание на протяжении XX в., начиная с 1906 г., а также субъектов, обладавших правами законодательной инициативы, утверждения и обнародования законодательных актов, последовательность их рассмотрения (с. 223—224, 239—240). Характеристику новейшего законодательства можно было бы дополнить рассмотрением документов, относящихся к приватизации государственных и муниципальных

предприятий в Российской Федерации в 1991—1994 г., законодательного оформления государственной программы приватизации.

Книга охватывает весь период развития письменной системы фиксации и сохранения информации в нашей стране с X и до конца XX в. включительно. Данный процесс показан на примере важнейших видов и исторических форм источников, выработанных отечественной культурой. Развитие социальных функций источников (периодической печати и др.) в течение столетий, их новая роль и назначение в жизни общества обусловили сложную их эволюцию.

Круглова выделила шесть групп источников: летописи, законодательные источники, акты, делопроизводственную документацию, материалы личного происхождения и периодическую печать. Голиков проанализировал характерные для новейшего времени законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические источники, периодическую печать и документы личного происхождения.

Авторы не стремились строго и в равной мере выдержать в отношении всех заявленных ими в оглавлении разновидностей источников принцип сквозного проблемно-хронологического рассмотрения тенденций развития конкретных видов. Уходили в прошлое одни источники, появлялись другие, чем соответственно, по всей видимости, и объясняется различие двух разделов. Единство же книге придает заявленный авторами принцип обязательности изучения всей традиции, присущей конкретному типу источников. Можно в принципе согласиться с выбором авторами для анализа источниковых массивов. Разумеется, предложенная авторами система открыта для совершенствования.

Если своеобразия источниковому комплексу XI—XVII вв. придают летописи, жанрово преобладающие в условиях русского средневековья, то для нового и новейшего времени ранее неизвестным источником, чьи информационные и социальные функции последовательно расширяются, начиная с конца XIX в., становится статистика. Данное обстоятельство получило отражение в структуре рецензируемой книги.

В истории отечественного письменного информационного пространства были и такие источники, по которым можно рассмотреть происходившие с ними превращения вплоть до XX в. включительно (что и показано в рецензируемом издании). Среди них, прежде всего законодательство, периодическая печать, делопроизводственная документация и, разумеется, источники личного происхождения. Данное обстоятельство обязывало авторов к более жесткой организации материала в первом и втором разделе, может быть даже известному «параллелизму». В

этой связи не вполне обоснованным выглядят некоторое разнообразие названий однородных источников («Материалы личного происхождения» — глава 5 и «Документы личного происхождения» — глава 11), как и не унифицированная последовательность размещения источников личного происхождения и периодической печати в первом и во втором разделах.

Русские летописи — уникальное явление мировой культуры. Почти восемь столетий они являлись идеологическим стержнем, соединяющим прошлое и настоящее, поддерживали идею единства народа и государства. Древо летописания ветвилось по городам и землям, представляя общероссийский феномен. В главе, посвященной летописанию, выделены понятия «летописец», «летописный свод», «редакция», «извод», «список», которым даны четкие и ясные определения. Эволюция русских летописей показана поэтапно, указаны характерные черты, особенности и отличия летописания в каждый из этапов, а также факторы, под влиянием которых менялся сам характер летописания.

В книге поставлены вопросы, связанные со сложной информационной природой летописей. Но читатель не всегда получает ответ на возникающие у него вопросы. Так, остается не вполне ясной авторская позиция о соотношении соблюдения «своих интересов», защищаемых представителями власти с помощью летописания, столкновении интересов разных категорий заказчиков и общая оценка, данная летописанию как «значительному государственному делу» (с. 13.) Что же считать в данном случае государственным интересом?

Определенные неудобства авторам при изложении материала создает сложный состав отдельных глав. Так, глава «Летописи» состоит из трех неравнозначных по охваченному материалу частей: «Общая характеристика»; «Эволюция русских летописей»; «Приемы изучения летописей». Основной является вторая часть, в свою очередь, состоящая из трех подразделов, соответствующих периодизации летописания. Поскольку основное разнообразие связано с феодальной раздробленностью, то во втором подразделе выделены киевское, новгородское, владими́ро-суздальское и московское летописания. Что же касается третьего подраздела, то наряду с летописями сюда также оказались включены и хронографы, в отношении которых подчеркивается их «отличие от летописи структурой и содержанием», (с. 39). В претендующем на объективность и всесторонность списке литературы не хватает исследований А.Г. Кузьмина и И.Н. Данилевского.

В книге рассмотрены вехи истории отечественного законодательства, опыт обобщения

накопленных правовых норм, кодификация нового времени, а также создание новых законодательных актов и анализ механизмов их утверждения, особенно в новейшее время, основная характеристика памятников, тенденции развития законодательства и ее структура на определенных исторических этапах, приемы изучения этого типа источников (гл. 2 и 7).

За более чем 600-летнюю историю отечественного делопроизводства не один раз менялся государственный строй, формы и порядок оформления документов, возникали их новые разновидности, набирала силу бюрократическая машина. Все это требует от исследователей владения разными приемами анализа делопроизводственных документов. Анализ существующего арсенала источниковедческих средств посвящены 4-я и 8-я главы, в которых показан уровень делопроизводственной культуры определенной эпохи.

Авторы знакомят читателя с важнейшими общими информационными закономерностями (психологическими, социокультурными, социополитическими, социоэкономическими) и показывают их на конкретных источниках. Большое внимание уделено методической стороне источниковедения. Так, учтены результаты поисков выдающимися отечественными историками способов повышения информационной отдачи источников. Студентам прививается навык целенаправленного применения историографических средств в источниковедческом анализе, усиливающих эффективность последнего. В целом издание содержит систему продуманных методологических и методических рекомендаций.

Авторы вынуждены были отдать предпочтение проблеме «источник-историк», а не вопросу «действительность — историк». Было бы желательно, чтобы в этом сописании присутствовала завершающая обобщающая глава. В ней можно было бы показать соотношение в историческом исследовании общенаучных и специфически исторических методов с тем, чтобы придать арсеналу эмпирических средств постижения «секретов» исторического исследования дидактическую ценность. Перспективным может быть синтез источниковедческих наблюдений историков и литературоведов, в первую очередь, концептуальных источниковедческих положений М.М. Бахтина («определения внутреннего пространства поля источника») и факторов его определяющих; зависимость внутреннего ритма развертывания события от понимания или, может быть, авторского ощущения времени; «интонативной структуры» источника) и других авторских подходов, позволяющих поставить вопрос о необходимости внесения и усиления ментальных аспектов в источниковедческое исследование.

Книга может помочь историкам, в первую очередь начинающим, овладеть «секретами» профессионального мастерства. Для историков со стажем авторы также высказали немало интересных соображений. Книга будет интересна не только историкам, но и правоведам и литературоведам. В связи с тем, что данная проблема-

тика имеет междисциплинарный характер, хотелось бы пожелать авторам в будущем не упустить возможности высказывать свою точку зрения о месте исторического источниковедения в системе наук и перспективных путях поиска взаимообогащающих решений в интересах развития науки.

М.Ю. ЛАЧАЕВА

Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб. Дмитрий Буланин. 2000. 350 с.

Исследовать социальную историю города, а тем более такого, как Санкт-Петербург, не легко. Понятно, что речь должна идти о горожанах, об их практической повседневной жизни, но, все равно, далеко не очевидно, что собственно должно быть предметом внимания историка.

Можно говорить о Петрограде, как о городе пережившем общероссийскую революционную смуту и ставшем одним из индустриальных центров нового государства, и, тогда любой фотодокументальный материал служит для того, чтобы проиллюстрировать этот общероссийский процесс, а сам город рассматривается как отпечаток этих процессов. Но можно пойти по другому пути и посмотреть, что в этом городе было самым важным для самих горожан, что приобретало особую значимость и на чем сосредотачивалось внимание жителей, где была сосредоточена наибольшая активность и что она значила для горожан. Авторы рассматриваемой работы избрали первый путь.

Коллектив из пяти человек под руководством чл.-корр. РАН В.А. Шишкина изложил материал, распределив его по пяти главам: «У кормила власти», «Быт горожан», «Торговля и распределение», «Люди и политика», «Новое общество — новый человек». Уже из названий видна исходная исследовательская позиция авторов: отталкиваясь от анализа политической ситуации придти к осмыслению феномена нового антропологического типа — советского человека, порожденного радикальной трансформацией общества. Позиция — достаточно спорная, если учесть, что речь у авторов должна была бы идти о том, как в ходе этой трансформации менялся объект изучения — город Петроград, какие новые отношения возникали именно в нем, а не на его фоне.

А.Н. Чистиков ставит вопрос о власти. Он видит свою задачу в том, чтобы показать какие институциональные структуры осуществляли ее функции в городе, кем они были персонифицированы, какие складывались коллизии. Но почему автор ограничивается анализом только

высших уровней институционально оформленных органов власти? Власть существует/осуществляется на разных уровнях социальной жизни, и если ставится задача увидеть повседневность, то стоит анализировать властный дискурс на всех уровнях и структурах, определяя ее реальных носителей и ее реципиентов, ее институционально-дискурсивные границы и ее символическое осуществление. Тем более, что речь идет о проблеме власти и ее осуществлении в столице разрушенного имперского государства, традиционалистски организованного. В дореволюционной России символический уровень осуществления власти задавался фигурой императора, институциональные границы власти определялись имперским государством через государственный аппарат и чиновников, а реальными фигурами повседневного властного дискурса были полицейский и дворник. А что происходило в Петрограде «на переломе эпох»? Кто олицетворял власть на символическом уровне и кто осуществлял ее на уровне повседневности, кто пришел на смену полицейскому и дворнику? На эти вопросы у Чистикова нет ответа.

Но что удивляет больше всего в главе «У кормила власти», так это упоминание вскользь о переносе столицы из Петрограда в Москву. Дело не только в событии, радикально повлиявшем на судьбу города, но и в том, как осуществлялась сама операция по передислокации высших советских чиновников: «Поздно ночью 10 марта со станции Цветочный пост, расположенной около Заставской улицы, за Московскими воротами, отошел специальный поезд № 4001. Советское правительство отбывало в Москву» (с. 27). Автор не задает вопросом: зачем нужен был большевикам этот переезд, осуществленный, что примечательно, именно ночью и тайно? Ведь их отъезд очень похож на бегство с соблюдением правил конспирации.

Сам автор ничего не говорит об этом, но материал следующей главы (В.И. Мусаев) позволяет, хоть на немного, приблизиться к ответу. В разделе «Криминальная ситуация и борьба с

преступностью» указывается, что в конце 1917 г. в городе было от 50 до 60 тысяч вооруженных солдат и матросов. Уже один этот фактор не мог не способствовать обострению криминальной ситуации в Петрограде. Если к этому добавить 20 тысяч уголовников, амнистированных еще Временным правительством, запрет большевиков принимать на работу в милицию, тех кто ранее служил в полиции (с. 75), уничтожение архива секретной полиции, то, очевидно, что ситуация в городе стала просто неуправляемой. Мусаев указывает и на ваханалию винных погромов, «происхождение <которых> ... объяснить трудно» (с. 79), и на небывалый рост наркомании, когда «среди потребителей кокаина ... оказывались не только низы обществ, но и ... служащие милиции, ЧК, моряки» (с. 93), и на наличие в городе даже в 1920 г. 17 тысяч проституток и 300 притонов. Петроград с полным основанием тогда можно было называть криминальной столицей. Уже этого достаточно, чтобы понять, насколько некомфортным было пребывание большевиков в Петрограде. Но причина скрытого характера отъезда большевиков, бросивших огромный город на произвол криминала, все равно остается непонятной.

Глава «Быт горожан» написана наиболее удачно, если исходить из того, что в центре внимания исследователей был сам город — Петроград. Приведенные Мусаевым данные и свидетельства очевидцев убедительно демонстрируют разительную перемену жизни в Москве и Петрограде к концу гражданской войны. Достаточно указать, что население Петрограда с 2 415 700 человек в 1916 г. уменьшилось до 722 229 в 1920 г., то есть более чем в три раза (с. 61). Эта катастрофа соизмерима с блокадными потерями, что понимали и современники. Автор приводит впечатляющие свидетельства иностранцев, посетивших в те годы Петроград. Все они описывали ситуацию в городе как кладбищенскую, указывая одновременно, что Москва в этот период была живым, энергичным городом.

Причина такого состояния Петрограда не только в том, что в городе проводилась политика разностороннего террора, экономической и правовой дискриминации значительных групп населения по социальным признакам, приводившая к оттоку и вымиранию горожан, но и в том, как это понимают и сами авторы, что из города были изъяты практически все возможности восстановления численности населения на прежнем уровне. Авторы, так или иначе, осознают, что Петроград был столицей огромного государства, мегаполисом с огромной и сложнейшей инфраструктурой, но это для них не более чем фоновое знание. Так или иначе, но в монографии доминирует взгляд на ситуацию в Петрограде как

на типичную для российского города в период гражданской войны. При таком подходе история Петрограда ничем принципиально не отличалась от истории Рязани или Хабаровска. Такая история города не более чем слепок с общего исторического процесса. Такой подход к социальной истории Петрограда не продуктивен. Для социальной истории города важны не примеры, иллюстрирующие общие, развивающиеся в масштабах государства процессы, а конкретные события городской жизни.

Непродуктивность изучения города исключительно с точки зрения общих процессов очень ясно ощущается на примере главы «Торговля и распределение». А.И. Рупасов пишет, что «город представлял собой сложную торгово-финансовую структуру, способную к быстрой адаптации в резко меняющихся ... условиях» (с. 134), но как раз этого не видно в содержании главы, посвященной экономической деятельности большевиков в столице бывшей империи: как захватывались банки, как они функционировали (для чего были необходимы специально подготовленные служащие) и, самое интересное, что произошло с золотым запасом страны, где он хранился, как им распорядились большевики до и после переезда в Москву. Все это вне сферы внимания автора. Вместо этого он сосредотачивается на организации торговли и распределения. Однако и тут обходится молчанием ряд важных вопросов. Отсутствуют указания, сколько рынков было в Петрограде, где они были расположены, каким образом осуществлялась на них торговля. А ведь не зная этого, ничего нельзя сказать об интенсивности экономического обмена в городе, непонятно, как реально функционировала экономика. Если все шло на прокорм «буквально на глазах наглежащей солдатской массы», то откуда собственно взялись рынки и как они функционировали? Ведь в ситуации простого товарного обмена, задававшегося большевиками, разветвленные рыночные структуры не нужны.

С.В. Яров в главе «Люди и политика» хорошо описывает стиль политического поведения горожан, обращая внимание на феномен «социалистического» фундаментализма. К сожалению, изложение обрывается на подходе к кульминации политических процессов в Петрограде — кронштадтскому выступлению моряков с их лозунгом «Советы без большевиков». Из повествования во всей книге хорошо ощущается, что основное противостояние в городе — между большевиками и солдатско-матроскими стихийными формированиями. Напрашивается предположение, что именно это противостояние и привело к Кронштадтскому мятежу. А здесь очень важно понять: как воспринял город это событие.

Но, похоже, автору было интереснее противостояние организованной большевистской партии неорганизованной городской массе и способ работы большевиков с этой массой.

Е.М. Балашов («Новое общество — новый человек») прямо заявляет, что предмет его внимания — общество, а не город. Рассказывая о формировании советского человека как нового антропологического типа, он, к сожалению, упускает из виду, что родился не только новый тип человека, но складывалось новое городское общество со своими особыми структурой, средой и системой ценностей. Этому способствовало массовое (вслед за городом) переименование улиц и площадей. Однако автор ограни-

чивает историю города внешними для его истории рамками гражданской войны в России. И Петроград рассматривается, прежде всего, с точки зрения эффективности его индустриализации/пролетаризации в контексте общероссийских процессов, а его культура — не более чем как эхо экономических преобразований.

Любопытны, в этом плане, подписи под представленными в книге фотографиями. Однако авторам стоило бы характеризовать изображенные на них события прежде всего с точки зрения того, что они значили для современников.

В.Е. СЕМЕНКОВ, М.В. РАБЖАЕВА

И.С. ФИЛИППОВ. *Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма.* М. «Издательство Скрипторий 2000». 2000. 800 с.

Переход от античности к средневековью, формирование средневековой цивилизации и ее определяющего компонента — феодальных отношений — относятся к числу «классических тем» мировой исторической науки. Однако, хотя эта проблематика, казалось бы, изучена в деталях, она в каждый исторический период оказывается в центре научных дискуссий, порождающих новые научные открытия и теоретические осмысления. Ее интерпретация каждый раз открывает ускользавшие ранее от исследователей грани изучаемой ими эпохи.

Монография доцента исторического факультета Московского государственного университета, доктора исторических наук И.С. Филиппова отличается не только своим объемом, но и тщательностью источниковедческого анализа, масштабом охвата рассматриваемого материала, теоретическими обобщениями. В отечественной историографии это, пожалуй, единственный в своем роде комплексный труд, в котором впервые осуществлена удачная попытка столь разностороннего, равноуровневого и междисциплинарного рассмотрения формирования феодальной системы в ее классическом пространстве — Франции, с особым вниманием к ее средиземноморскому региону, где с наибольшей репрезентативностью осуществлялось усвоение античного наследия в сфере экономики, права и социальных отношений.

Методологическим основанием исследования является современное понимание историзма. Филиппов обосновывает исходный теоретический постулат своего исследования: появление феодальной системы должно рассматри-

ваться как длительное становление, охватывающее около семи веков, происходившее неравномерно, с большими сложностями и не всегда ожидаемыми модификациями.

В книгу включен подробный историографический и источниковедческий анализ. Автор выявил основные направления исследований, важных в контексте современной исторической науки. Массив привлеченных источников вызывает особое уважение: проработаны практически все источники, имеющие отношение к изучаемой проблематике и эпохе.

Филиппов стремится не просто исследовать экономику региона, но рассмотреть основы новой цивилизации, которой предстояло развиваться на европейской почве более тысячи лет. Ее результатом стало рождение современного мира. В изложение введены такие параметры как пространство, территория и организация последней, климат, состав и особенности народонаселения, его распространение и способы существования, охарактеризованы экономическая и социальная сферы.

Средиземноморская цивилизация предстает как аграрно-ремесленная. В работе содержится много интересных конкретных сведений о сельскохозяйственных культурах, эволюции аграрного пейзажа, состоянии скотоводства, промыслах, связь которых с аграрным развитием показана убедительно. Собственно «человеческий аспект» цивилизации описан живо и в связи с рассмотрением проблемы питания как производной в процессе развития агрикультуры.

Специальные главы посвящены исследованию экономических, социальных и правовых

«срезов» средиземноморской цивилизации Франции в период раннего средневековья. Изучение экономики как основы и функции цивилизации предполагает особое внимание к проблемам собственности.

Исследование Филиппова внесло ценный вклад и в правоведение. Глубоки теоретические рассуждения автора о категории «собственность», позволяющие раскрыть ее модификации для различных эпох и обществ; они плодотворно продолжены в конкретно-историческом аспекте. Оправданы смелые сравнительно-исторические экскурсы, в частности, обращение к правовой практике и реалиям разных регионов Европы, в том числе, к российским.

Резюмируя богатый опыт изучения римского права, Филиппов классифицирует формы обладания имуществом, выявляя специфику держания, владения и более «развитых» форм, показывая их исторический характер, раскрывая их становление в средиземноморской Франции на протяжении более чем семи столетий. Анализируется взаимодействие между санкционированными публичной властью нормами и фактическими отношениями собственности, складывавшимися и воспроизводившимися в условиях раннего средневековья чаще всего стихийно. Предметом изучения становится массовый актовый материал, сопоставленный с данными законодательных и нарративных источников.

Не вполне удачным представляется структурный «разрыв» при рассмотрении конкретно-исторических форм собственности. Начиная с исследования крупной и мелкой собственности, Филиппов оставляет теоретические проблемы собственности «на потом». Но рассмотреть их в совокупности было бы целесообразней. Давая общую характеристику крупной собственности, которая глубоко изучена в медиэвистике, Филиппов сосредоточился на исследовании мелкой собственности, подчеркивая, что источники дают основание считать, что она сохранялась и трансформировалась на протяжении всего изучаемого периода. Он выделяет процессы, влиявшие на положение мелких собственников, их вовлечение в феодальную зависимость и доказывает, что лишь к концу XI в. поглощение мелкой собственности крупной приобретает всеобщий характер.

Вопрос о собственности тесно связан с изучением природы феодального хозяйства, соотношения крупного и мелкого хозяйств. На основании анализа прежде всего Марсельского полиптика Филиппов приходит к выводу, что традиционные взгляды на соотношение домена и мелких крестьянских хозяйств должно быть оспорено. По мнению автора, в течение раннего средневековья домен не подавлял мелкие хо-

зяйства, хотя в своем относительно самостоятельном функционировании сохранял определенную стабильность. Дальнейшее изучение социально-экономического «облика» домена безусловно имеет научную перспективу.

Рассматривая общину в раннее средневековье, автор обращается к более ранним и более поздним источникам, так как соответствующие изучаемой эпохе свидетельства очень скудны. Сама методика такого исследования относительно нова, и Филиппов успешно ее развивает. Характеристика раннесредневековой общины, представленная в монографии, разносторонняя и убедительная.

Автором весьма нетривиально поставлена проблема рынка, особенно сложная для раннего средневековья. Он доказывает, что, хотя в первые века раннего средневековья наблюдалась тенденция к свертыванию рыночных связей, приводившая порой к их почти полному исчезновению, с VII в. стало наблюдаться их оживление. Мнение о затухании торгово-рыночных отношений в каролингскую эпоху Филиппов считает не соответствующим исторической реальности. Рассматривая специфический характер и условность рынка раннего средневековья, тесно связанного с отношениями власти, господства и подчинения, автор предлагает оригинальные интерпретации проблем земельного рынка и роли денег в раннесредневековом обществе, весьма своеобразно относившемся к материальным благам. Интересен «выход» автора в экономическом исследовании на ментальные аспекты.

Вкладом в изучении социальной структуры раннего средневековья является исследование ее формирования в докаролингскую эпоху. Филиппов показывает трансформацию южногалльской старой знати, раскрывает механизмы ее взаимодействия с варварской элитой и возникновения франкской знати, связанной с крупным землевладением. Он считает, что в первые века средневековья господствующий класс отличался однородностью, состоял из крупных землевладельцев, не зависящих друг от друга. Однако, для подтверждения этого тезиса хотелось бы видеть более убедительную аргументацию. Античная элита не просто «переросла» в феодальную в результате плавной эволюции. Процесс ее трансформации представляется более сложным, в нем немаловажную роль играли элементы синтеза, этнического, социального и экономического.

В монографии освещен процесс сеньориации, стратификации раннесредневекового социума. Формирование феодально-зависимого крестьянства показано многопланово, особое внимание при этом обращено на административно-правовые аспекты.

Рассматривая субъект права собственности

раннего средневековья, Филиппов показывает, что это понятие распространялось не только на тех, кого принято называть феодалами, но и на крестьян, в том числе зависимых, обладавших определенной имущественной правоспособностью. Он исследует и юридический статус церковных организаций.

В монографии разносторонне рассмотрена «расщепленность» складывавшихся форм собственности и то, как она повлияла на иерархический характер социальных отношений, на формирование системы вассально-ленных отношений и их юридическое закрепление. Прослежена эволюция крестьянского держания. Освещены формы ренты, показано, что индивидуальное хозяйствование экономически самостоятельных крестьян было определяющим фактором феодальной экономики, однако, представляется, что при исследовании этих аспектов функционирования раннесредневекового общества необходимо более детально проанализировать взаимодействие господского и крестьянского хозяйств, соотношение натуральной и отработочной ренты и прибавочного продукта в целом.

Впервые в отечественной историографии столь основательно представлена «правовая теория» раннего средневековья, охватывающая отношения разного уровня. Складывающаяся правовая система сравнивается с римской, что особенно существенно для рассматриваемого региона. Внимание Филиппова сосредоточено на «перераспределении» центра тяжести в сторону института владения, а также особенности сосуществования владения и держания, в перспективе обусловившие специфику феодальной собственности. Самостоятельное значение имеет исследование лексических средств фиксации правовых норм раннего средневековья, формирования правового языка становящейся западноевропейской средневековой цивилизации.

Монография — новаторское современное научное исследование сложнейшего круга проблем, связанных со становлением феодальной системы и средневековой западноевропейской цивилизации. Хочется надеяться, что ее выход в свет повлечет за собой оживление интереса к экономической и правовой истории западноевропейского средневековья.

В.И. УКОЛОВА

А.М. ВАСИЛЬЕВ. *История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.).* М. Книжный дом газеты «Труд» «Классика плюс». 1999. 672 стр.

Отечественное, если можно так выразиться, «саудоведение» насчитывает около столетия, если вести отсчет от поездки в Аравию в конце прошлого века офицера (впоследствии — генерала) русского Генерального штаба Абдул-Азиза Давлетшима, и около двух веков, если начать с цитируемой А.М. Васильевым статьи 1805 г. «О секте ваабиив, отправших от магометанства». Директор Института Африки РАН член-корреспондент РАН А.М. Васильев принадлежит к числу тех добросовестных исследователей, которые принимают во внимание ранние публикации. И хотя с 1983 г. он все больше внимания уделяет Африке, особенно Египту, и изучению ислама как в дальнем, так и в ближнем зарубежье России, основные его достижения по-прежнему связаны с исследованием Саудовской Аравии.

Рецензируемая книга получила в свое время хорошие отзывы в нашей печати. Она как бы подвела итог многолетним исследованиям автора. В этой работе он существенно расширил свой подход к изучаемому предмету, немалое место уделив хозяйственно-экономической, религиозно-идеологической, общественно-исторической и прочей специфике аравийского социума, его цивилизационному своеобразию и особым ме-

ханизмам включенности в систему международных отношений.

Анализируя историческую эволюцию внутри-аравийских княжеств более чем за два столетия и прослеживая процесс их складывания в единое государство, Васильев удачно сочетал хронологический принцип изложения материала с проблемным подходом к изучению темы. Это позволило ему глубоко и обстоятельно исследовать наиболее актуальные и политически острые аспекты общественного развития и внешней политики Саудовской Аравии, представляющие значительный интерес и в наши дни.

Хронологические рамки работы — от середины XVIII и почти до последней четверти XX в. — позволили взглянуть на современность глазами историка, представить трудности, противоречия и сложности социально-политической жизни сегодняшней Аравии как результат длительного, многовекового развития. Историзм работы Васильева — одно из ее основных достоинств. Его обращение к трудам В.В. Бартольда, А.Е. Крымского, Е.А. Беляева, Н.А. Иванова, Л.Н. Котлова, В.Б. Луцкого, И.М. Смилянкой свидетельствует и о стремлении учесть достижения отечественных историков-арабистов, и о неже-

лании замкнуться только в узких рамках избранной темы. Васильев старается по мере возможности углубить свое исследование обращением к выразительным социально-историческим параллелям и материалу иных эпох и других стран арабского мира. Социальные, хозяйственные и особенно идеологические явления рассмотрены на протяжении длительной истории страны с учетом всех зигзагов и отклонений, влияний и напластований.

Серьезным достоинством монографии является ее источниковедческая и историографическая основа. Это нашло свое отражение не только в научном аппарате рецензируемого труда, но и в критическом анализе использованных материалов, в их взвешенной оценке и умелом отборе материала. Показателем высокого профессионализма автора служит предложенная им классификация источников, круг которых составили арабские летописи и хроники, сочинения идеологов ваххабизма (прежде всего самого Мухаммеда Ибн Абд ал-Ваххаба) и их оппонентов, путевые заметки и донесения посетивших Аравию европейцев, архивы МИД России и СССР, записки разведчиков, географов, этнографов, дипломатов и ученых, документы британской администрации в Индии, официальные саудовские публикации и материалы аравийской оппозиции. Не менее солидна и использованная в монографии литература. Естественно, арабской литературе и ее анализу уделено главное внимание.

«Святыни ислама — Мекка и Медина были слишком заманчивой добычей для всех ближневосточных империй, чтобы Хиджаз, где они расположены, сохранил независимость», — пишет Васильев (с. 19). Эта фраза демонстрирует особенности литературного стиля автора, сочетавшего в своем изложении фактологическую точность с непринужденностью и образностью языка.

В монографии приводятся многочисленные цитаты из арабских хроник, легенды и полумифические сведения, которыми вообще богаты арабские летописи не только средневековья, но и нового времени. Отношение автора к такому рода информации особенно четко сформулировано в связи с преданием об Абд ал-Ваххабе: «Приведенная легенда хорошо передает аромат той эпохи, хотя проза исторических фактов снимает с журнального сообщения плащ мистики» (с. 63). «Прозы исторических фактов» автор придерживается твердо и неукоснительно.

Автору удалось в одной книге более или менее полно рассказать об истории страны за 228 лет. Сюжеты, ранее уже освещавшиеся в его трудах (Аравия накануне ваххабизма, учение Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба, первое государ-

ство Саудидов и его разгром, социальная и политическая структура Саудовской Аравии в 20—30-е годы), излагаются отнюдь не скороговоркой. Они даются хотя и в сжатом виде (дополняясь сведениями из новых источников), но более концентрированно, чем в предшествующих работах. Автор стремился, помимо всего прочего, подвести читателя к восприятию действительности Саудовской Аравии в 70-е годы как к логическому итогу ее эволюции в течение двух последних столетий. В соответствии с логикой этого замысла и строилась монография.

Главы хроникально-событийные (о возвышении Саудовского эмирата в 1745—1811 гг., разгроме его египтянами в 1811—1818 гг., египетском владычестве в Аравии и его крахе в 1818—1840 гг., втором государстве Саудидов в 1843—1865 гг., его развале и подчинении Рашидидам в 1865—1902 гг., возрождении Риядского эмирата в 1902—1914 гг., собирании вокруг него аравийских земель вплоть до 1926 г., положении Аравии во время первой и второй мировых войн) чередуются с главами проблемными. Из последних наиболее интересны посвященные общественному и политическому строю первого эмирата Саудидов в конце XVIII — начале XIX вв. (с. 119—150), социально-политической структуре Саудовской Аравии после ее образования (с. 320—350), экономической и социальной системе этого государства в «нефтяную эпоху» (с. 454—499), а также о его политическом режиме (с. 500—518). Каждая из этих глав — самостоятельное социологическое или социополитическое исследование и одновременно играет важную роль в архитектонике монографии. Не меньших усилий и знаний потребовали от автора и главы о движении ихванов в 1926—1934 гг., нефтяных концессиях, внутренней обстановке и внешней политике королевства в 1945—1956 гг., кризисе власти, его преодолении и об изменении роли Саудовской Аравии в мире в 1958—1973 годах.

Хорошее знание автором исследуемого им региона придало актуально-современное звучание буквально каждому абзацу даже сугубо исторических глав монографии. Многие интересные наблюдения и выводы могут послужить основой для будущих исследований и по другим арабским странам. В частности, привлекает внимание парадоксальный тезис автора об относительной молодости («не более двух поколений») архаизма социально-политической системы Саудовской Аравии. «Феодальное централизованное государство, сложившееся всего лишь в 20—30-е годы, не только соответствовало тогдашнему уровню аравийского общества, но и было для него шагом вперед по сравнению с феодально-племенной раздробленностью, междоусобицей

и сепаратизмом. Однако и саудовское общество, и новые для него формы политической организации отставали от эпохи на многие сотни лет. Современный капитализм ворвался в аравийский феодально-племенной заповедник своими передовыми предприятиями, средствами коммуникаций, товарно-денежными отношениями, военной технологией и организацией. Все это привело к появлению новых классов и социальных групп, проникновению новых идей» (с. 520).

В новом издании книги (предыдущее вышло в 1982 г.) автор значительно дополнил, хронологически продолжил и частично изменил текст. Существенно обновлена фактология, уточнены, а кое-где и исправлены прежние представления, изменены в отдельных случаях тон и акценты. Наиболее же важным представляется то, что, проследив следующие 17 лет развития Саудовской Аравии, автор получил возможность убедиться в глубине или поверхностности определенных тенденций социокультурной и политико-экономической эволюции страны, оценить их характер и значение, устойчивость или обратимость.

Естественно, монография Васильева, как всякое объемное и многоплановое исследование, не могло обойтись без недочетов. Не придираясь к мелочам, остановлюсь на главном, с моей точки зрения. Тем более, что это было и в первом издании (см. с. 460, 576 издания 1982 г.), и сохранено в последнем (см. с. 476, 623). Речь идет о превращении Саудовской Аравии в «многоукладное буржуазно-феодальное государство». Мне уже приходилось писать о том, что многоукладность на Востоке редко сужается до «двухукладности». В большинстве стран Востока, тем более в такой неоднородной в экономическом, социоисторическом и цивилизационном плане стране, как Сауд. Аравия, многоукладное общество включает в себя не только феодальный и капиталистический уклады, но также натурально-патриархальный, мелкотоварный, государственно-капиталистический, а в странах Аравии и реликты рабовладения.

Васильев указывает на наличие в Саудовской Аравии и госкапитализма (с. 476), и общинного, то есть натурально-патриархального, земледелия (с. 486), и «патриархально-феодальной эксплуатации вольноотпущенников и некоторых батраков», говорит и о средних и «зажиточных» крестьянах, которые «располагали возможностями для перехода к интенсивному товарному производству», и о положении мелких хозяев (с. 469—490), и о том, что «фактически рабство сохранилось в Саудовской Аравии и после его отмены» в 1962 г. (с. 507). Иными словами, речь идет о том, что автор не определил теоретичес-

ки некоторые явления в аравийском обществе, сосредоточив свое внимание на других вопросах.

«Издание второе, расширенное и дополненное» — это новое произведение, логично вписывающееся в ряд крупнейших работ современных отечественных, да и зарубежных историков-арабистов. Автор не ограничился хронологическим продолжением изложения до 1992 г. и необходимой модернизацией (или же — просто изъятием) прежних формулировок, особенно — социологических или же конъюнктурно-политических. Он с самого начала вводит читателя в атмосферу Ближнего Востока именно 90-х годов, указывая на то место, какое занимает изучаемая им страна в нынешней структуре международных отношений.

Заново написаны заключительные главы, посвященные внутреннему положению и внешней политике Саудовской Аравии в 70-80-е годы XX в., социально-экономической структуре страны и ее эволюции в «нефтяную эпоху» 50-80-х годов, особенностям политического режима королевства в те же годы, а также — синтезированной характеристике хозяйства, общества и политической жизни этого, пожалуй, самого неподдающегося однозначному определению государства, которое сочетает социальную архаику и целенаправленную модернизацию, традиционный консерватизм и прагматическую связь с современностью. Можно согласиться с выводом автора: «Будет ли это соединение современного и традиционного, разнопорядковых экономических структур, западной и арабо-исламской цивилизаций органичным синтезом или механической суммой различных элементов, сказать пока трудно. Исторических прецедентов нет». И как бы предупреждая напрашивавшиеся сравнения и сопоставления с иными, социально, экономически и цивилизационно неоднородными государствами, тоже стоящими перед выбором оптимальной модели развития, Васильев пишет, завершая свое исследование: «Любые параллели с похожими странами и режимами могут до неузнаваемости исказить картину. Социально-политическая и экономическая модель Саудовской Аравии (как и других аравийских нефтяных государств) уникальна. Учитывая вес Саудовской Аравии в мире нефти, финансов и ислама, любые серьезные перемены или общественные толчки в этой стране имели бы далеко идущие международные последствия» (с. 574).

Рецензируемая монография — новый шаг в изучении аравийских обществ и державы Саудидов, международное значение которой неуклонно возрастает.

Р.Г. ЛАНДА

А. АШЕР. П.А. Столыпин. Поиск стабильности в позднеимперской России

Для написания научной биографии Петра Аркадьевича Столыпина профессор Нью-Йоркского университета А. Ашер использовал весьма репрезентативные источники. Особенно интересны материалы финских архивов (письма Столыпина жене, Ольге Борисовне Нейгардт, отчеты британских дипломатов о встречах с ним, интервью, общие оценки российской внутривластной ситуации). Привлечены автором и материалы иностранной печати начала XX века.

Ашер рисует портрет родовитого аристократа, получившего хорошее университетское образование, изучившего иностранные языки. Обладавший волевым характером и истинный патриот Столыпин довольно рано обнаружил вкус к общественной деятельности. Менее известно, что Петр Аркадьевич — заботливый отец и супруг был глубоко предан своей семье. В частых письмах, нередко написанных на четырех языках, Столыпин делится сокровенными мыслями; предстает как человек, не лишенный сомнений и довольно ранимый, причем как раз в таких ситуациях, когда публично он выглядел как абсолютно убежденный в своей правоте (с. 75). Некоторые ремарки из личной корреспонденции уточняют представления о политическом мировоззрении Столыпина.

Характеризуя общественную и государственную деятельность Столыпина, Ашер сосредоточивает свое внимание на его целях и методах. Первые были очевидны с самого начала его публичной активности и вытекали из преданности неразделимым для него монархии и России. Политические устремления Столыпина, считает автор, ни в коей мере нельзя считать реакционными. Еще будучи предводителем ковенского дворянства, он был убежден в неотложной необходимости реформ почти во всех сферах жизни, и прежде всего аграрной (с. 32). Короткий, но насыщенный опыт губернаторства в Саратове еще больше укрепил Столыпина в том, что стабильность и порядок нельзя обеспечить паллиативными мерами.

Автор полагает, что уже в этот период у будущего премьер-министра обозначился его государственный курс, убежденность в необходимости сочетать несилловые и силовые методы. В многочисленных конфликтных ситуациях он в первую очередь прибегал к переговорам, старался убедить своих оппонентов, воздействовать на общественное мнение посредством печати, не боясь зачастую и сам выходить к забастовщи-

кам или говорить с восставшими заключенными (с. 43). Если же эти методы не приносили желаемого эффекта, Столыпин решительно прибегал к силам полиции и армии. Характерно было введение в августе 1906 г. военно-полевых судов. Премьер-министр, покушение на жизнь которого повлияло на принятие соответствующего решения, сам отнесся к нему без энтузиазма. Он был одним из тех двух членов кабинета, что сомневались в необходимости введения этой чрезвычайной меры (с. 142). Впрочем впоследствии он последовательно и жестко отстаивал и контролировал реализацию государственного решения по этому вопросу.

Важнейшим принципом деятельности Столыпина на всех этапах его карьеры было соблюдение законности, каким бы не было состояние последней. Именно в нарушении законности губернатор обвинял деятелей саратовского земства, отношения с которым сразу же приняли конфликтный характер. В одном из своих отчетов Столыпин сетует, что «земство приобрело слишком много сторонников и они не хотят действовать легально» (с. 57). Кстати сказать, достаточно одиозное решение о введении военно-полевых судов можно (в известной степени) интерпретировать как стремление придать борьбе против террористической активности левых «законный характер», предотвратить погромную стихию (с. 107).

Ашер подчеркивает негативное отношение Столыпина к погромам. Он возражает против версии, согласно которой саратовский губернатор в тактических целях противостояния земцам неофициально поддерживал погромы. По возвращении из отпуска в 1905 г. он сумел быстро и решительно прекратить их (с. 78). После взрыва на Аптекарском острове ультраправые настаивали на введении диктатуры. Столыпин не согласился, полагая что при всей жесткости, правление должно оставаться законным (с. 129).

Рассматривая вопрос об обстоятельствах выдвижения «слишком молодого, мало опытного и никому неизвестного» Столыпина на должность министра внутренних дел, Ашер полемизирует с П.Н. Зыряновым¹ и полагает, что оно было стимулировано не родственными связями в петербургских околоправительственных кругах, а весьма благоприятным впечатлением, которое Столыпин произвел на Николая II во время личной встречи. В июне 1904 г. Николай посетил Кузнецк Саратовской губернии, был вдохновлен

приемом, оказанным местным населением и чиновничеством, а также общением с губернатором, которого Николай пригласил на личную аудиенцию в императорский поезд (с. 95). Искренность верноподданнических чувств в сочетании с энергичностью, здравым смыслом, явными административными и организаторскими способностями были востребованы в кризисной ситуации. В главах, посвященных борьбе против революции в 1906—1907 годах и за реформу, Ашер в хронологическом порядке прослеживает деятельность Столыпина — премьер-министра.

Признавая важность задуманных Столыпиным аграрных преобразований, автор вместе с тем отказывается от детального анализа этой стороны столыпинского реформаторства, что может показаться читателю спорным. Однако, по нашему мнению, Ашер убедительно указывает, что полный анализ и оценка всех позиций и аргументов, как за так и против столыпинской реформы, составили бы самостоятельную обширную монографию; в биографическом же исследовании целесообразно сосредоточиться на общих целях Столыпина и предполагаемых им способах их достижения (с. 153).

Цели же аграрной реформы заключались, по мнению автора, не просто в существенном улучшении состояния экономики страны, разрешении затяжного и болезненного аграрного кризиса, а в «фундаментальном изменении ментальности большинства населения России». Главной проблемой для России, считал Столыпин, было полное отсутствие у крестьян — подавляющего большинства населения страны — чувства гражданственности, неуважение к закону, неразвитость чувства ответственности. Превращение их в полноценных граждан — такова была сверхзадача начатой в 1906 г. аграрной реформы (с. 157).

Ашер возражает тем историкам, которые ограничивают социальную базу реформ лишь «кулаками». Они отвечали интересам широких слоев крестьянства. Анализируя речь Столыпина в Государственной думе 10 марта 1907 г., автор отмечает, что «сильными» он называл не зажиточных, а физически сильных, обладающих здравым смыслом и предпринимательской инициативой крестьян, то есть их подавляющее большинство (с. 157—158). В представлении Столыпина процесс реорганизации общины должен был быть медленным, постепенным и исключительно добровольным. Крестьяне, желавшие остаться членами общины, имели на то полное право (с. 160, 162). В некоторых регионах местное чиновничество применяло насильственные методы, но доказательств широкого распространения такой практики нет (с. 163).

Указ 9 ноября 1906 г. был, по мнению Ашера, наиболее адекватным ответом на российский аграрный кризис. Поскольку же реализация задуманного преобразования неизбежно была бы сложным и длительным процессом, новый политический взрыв вряд ли мог бы быть предотвращен. В то же время нельзя говорить о неуспехе аграрной реформы. Значительное число крестьян стали собственниками и их мировоззрение существенно изменилось. Не начись война в 1914 г., события 1917 г. не приобрели бы столь разрушительный характер. Реализация аграрной реформы могла бы способствовать менее болезненному разрешению политического кризиса 1917 г. (с. 164).

Центральной в книге темой при описании государственной деятельности Столыпина являются взаимоотношения между премьером и Государственной думой. Вопросы взаимодействия с обществом, различными политическими кругами были важной частью столыпинского кредо управления государством. По своему политическому мировоззрению Столыпин был, как полагают Ашер, конституционалист. Конституцией он считал манифест 17 октября 1905 г., который превращал Россию в конституционную монархию (с. 126). Петр Аркадьевич не осуждал сам факт существования Думы. Более того, он стремился заручиться ее поддержкой, отдавая себе отчет, что без этого его реформы обречены на провал. Его стремление активно сотрудничать с Думой, включая и левую оппозицию, было искренним и отнюдь не случайным или эпизодическим. В отличие от всех членов кабинета, он смело шел на контакт с Думой (с. 104—105), часто присутствовал на заседаниях, выступал с разъяснениями программы своего правительства, вступал в переговоры с оппозицией.

Автор анализирует и факты противостояния Столыпина с первыми двумя думами, которые свидетельствовали, по его мнению, об известной противоречивости политики Столыпина, (а возможно и его главной политической слабости). Ведя переговоры с оппозицией, например, с лидерами кадетов о формировании правительства, он был готов к соглашению, но исключительно в случае принятия его позиции. «Он никогда не понимал истинной сути компромисса» (с. 120). Эта бескомпромиссность скорее всего была логическим следствием основополагающего политического принципа Столыпина — абсолютной преданности монархии и монарху.

«Он был конституционалистом, но не сторонником парламентаризма» (с. 109), по причине чего и не мог избавиться от известной подозрительности к депутатам. Первые думы в конечном итоге были для него олицетворением революции, с которой он боролся. «Он твердо верил

в верховенство монархии» (с. 201). Воля монарха была для Столыпина законом, которому он следовал сознательно, но иногда — не рассуждая и принимая по этой причине не самые лучшие решения (с. 90).

В своем стремлении обуздать революционную стихию, обеспечить порядок и стабильность в стране, Столыпин вступал в противоречие с принципом законности. Так, изменив в июне 1907 г. избирательный закон, премьер-министр прямо нарушил законодательство. Ашер убежден, что с юридической точки зрения это был переворот, поскольку указ противоречил статье 87 «Основного закона», в соответствии с которой в случае чрезвычайного положения «не могут быть подвергнуты изменению основополагающие законы Российской империи, так же как и Законы о Государственном совете и о Государственной думе, а также о выборах в Совет и Думу» (с. 206—207). В подтверждение Ашер использует воспоминания А.А. Моссолова и В.Н. Коковцова, содержащие прямые свидетельства, что Столыпин сознательно шел на «переворот сверху» (с. 207). Находясь в течении года на посту премьера, он решил поставленные им задачи: обуздал революцию, обеспечил стабильность и порядок (с. 205). И впервые за многие месяцы позволил себе отдохнуть, насладиться общением с семьей, особенно, с женой. По воспоминаниям дочери Столыпина, всем кто в те дни видел Петра Аркадьевича и Ольгу Борисовну казалось, что наступил их второй «медовый месяц» (с. 208).

Ашер обстоятельно рассматривает активную деятельность Столыпина по преобразованию систем местного самоуправления и образования (введение всеобщего начального образования), созданию рабочего законодательства, предусматривавшего систему социального страхования, смягчению русификаторской политики в отношении к национальным меньшинствам.

Глава «Борьба за реформу» является ключевой и наиболее удачной. Автор доказывает, что при всей колоссальной значимости аграрного проекта, реформаторская программа Столыпина была гораздо масштабнее: им предлагались радикальные изменения практически во всех значимых социально-экономических сферах. Определенно обозначился — социально-либеральный, по сути дела, тип преобразований, ставший позднее доминирующим в реформаторской политике XX в. во всем мире. Читатель убеждается, что проект Столыпина был заблокирован теми политическими силами и слоями общества, которых Столыпин спас от революции: ультраправыми консерваторами, экономически и политически одряхлевшей дворянской аристократией, воинственно сопротивлявшимся малейшей

попытке ограничения их привилегий и, в конечном счете, монархом. Неправильно было бы, по мнению автора, говорить о провале реформ. И в аграрной сфере, и в области образования произошли существенные сдвиги.

Необходимым условием успешного реформирования Столыпин считал отказ России от участия в войнах. Он был категорически против агрессивной, «имперской» внешней политики (с. 253). И не потому, что был пацифистом, а поскольку понимал, что страна просто не в состоянии идти этим курсом. Россия, считает Ашер, сохраняла шансы на успешную модернизацию до тех пор, пока Николай II придерживался во внешней политике столыпинских принципов, в том числе и после гибели Петра Аркадьевича.

Останавливается автор и на столыпинском национализме. «Отличительной чертой его национализма был эклектизм. Он заключался в глубоком патриотизме, в высшей степени осторожной внешней политике и за некоторыми исключениями..., лояльном отношении к национальным меньшинствам. Столыпин был озабочен превращением России в национальное государство, в котором стабильность и благополучие были бы подкреплены лояльным отношением политического населения. В этом смысле столыпинский национализм, если и не был уникальным, то поддерживался небольшим меньшинством элиты» (с. 256). Таким образом, национализм Столыпина был практически лишен элементов шовинизма и империализма, он носил более демократический характер, чем даже национализм некоторых либералов. Сравнивая понимание национализма П. Струве и Столыпина, Ашер показывает, что «Великая Россия» Столыпина («Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия») и «Великая Россия» Струве (название программной статьи в журнале «Русская мысль» за 1908 г.) существенно различались, поскольку последний имел в виду территориальное расширение, создание сильной армии и флота, и даже некоторое ограничение прав этнических меньшинств, например, евреев (с. 256—257). «Из контекста речи Столыпина следует, что он понимал под «великой Россией» политически стабильное и процветающее Отечество. Он хотел объединить нацию, чтобы она стала великой в экономическом и культурном отношениях. В его словах не было никакого намека на внешнюю экспансию» (с. 256).

Ашер уделяет довольно большое внимание отношению Столыпина к евреям, его позиции по еврейскому вопросу. Автор обращает внимание, что одним из близких советников премьер-министра был еврейский публицист В. Гирлунд, что само по себе было необычно для российской элиты. Политическое отношение Столыпина к

евреям было вполне лояльным. При всей его преданности царю, Столыпин не разделял антисемитизма Николая II и не был сторонником официальной антисемитской позиции (с. 122—126).

Автор приводит различные версии о причинах гибели Столыпина. Обстоятельно разбираются аргументы А. Авреха², убежденного в том, что существовал заговор «охранки» и высшей царской бюрократии. Ашер оставляет этот вопрос открытым, хотя и склоняется к наиболее вероятным, по его мнению, причинам: некомпетентность царской полиции и некоторые психологические особенности Д.Г. Богрова, увидевшего в

убийстве Столыпина способ самоутверждения, оправдания своей жизни (с. 386).

Рецензируемая книга дополняет наши представления о личности и государственной деятельности П. Столыпина, стимулирует размышления о его «уроках».

Л.В. СЕЛЕЗНЕВА

Примечания

1. ЗЫРЯНОВ П.А. Столыпин. Россия на рубеже веков. М. 1991, с. 39.
2. АВРЕХ А.Я. Столыпин и третья Дума. М. 1968.